

Евгений Сафронов

ГОРОД У.

Евгений Сафронов

Город У.

Издательство «Фэн»

Казань, 2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 21

С 21 **Сафронов Е.В.** Город У. Повести и рассказы. –
Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2020. – 412 с.

ISBN 978-5-9690-0701-1

Повести и рассказы этого сборника реалистичны и мистичны одновременно. И дело тут не в жанровой принадлежности, а в том, что сверхъестественное, необычное подается здесь как часть обычной жизни, повседневности каждого из нас.

Знахари и колдуны, домовые и таинственные существа из подпола, исчезнувшие сёла и невидимая, подземная «физиономия» города – всё это часть нас самих, всё это легко опознается и принимается. Почему? Потому что основа произведений сборника – устные истории, записанные от реальных людей. Это истории наших родственников, соседей и друзей. Чтобы услышать их, нужно лишь прислушаться. Или – как вариант – прочитать опубликованное в этой книге.

ISBN 978-5-9690-0701-1

© Сафронов Е.В., текст, 2020

Все права защищены

«Потустороннему нельзя задавать вопросы...»

Как-то один из моих учителей то ли в шутку, то ли всерьез спросил меня: «Когда же ты начнешь наконец писать *нормальную, реалистическую* прозу?».

Это меня задело, а потом заставило задуматься над жанровой природой моих текстов. Часть из них вошли в этот сборник.

Критерий «нормальности» оставим, пожалуй, в стороне: тут дело вкуса и тех, кто любит классифицировать и подразделять. Но вот по поводу реалистичности выскажусь. Не потому, что хочу оправдаться, – хотя общаясь с учителями, мы часто именно этим занимаемся, – а по той причине, что, возможно, такие авторские комментарии будут интересны читателю.

Если говорить коротко, я не припомню своих рассказов или повестей, которые не основывались бы на реальности. И объясняется это просто: мне неинтересно писать о том, чего не было. Конечно, я не создаю документалистики, тут дело в другом. Само понятие «реалистичности», «реалистической прозы» можно трактовать по-разному.

С одной стороны, мои «вещицы» легко прилепить к популярному направлению мистического или магического реализма. С другой, природа мистического тут странноватая. Как фольклорист и исследователь, я уже лет двадцать записываю устные рассказы о потустороннем и сверхъестественном. И именно этот мой интерес и устные истории реальных людей – в основе многих рассказов и повестей, вошедших в сборник.

Приведу только один конкретный пример – повесть «Знахари. Детские законы». Все персонажи в ней – с реальными прототипами; не соврал я и ни в одном лирическом отступлении, связанном с детством главного героя, – от лица которого ведется повествование. Но означает ли это, что повесть документальная? Нет, ни в коем случае. Это художественное произведение, здесь можно смело воспроизводить фразу-пластинку: «Любое совпадение с реальными ситуациями является случайным».

Тут автору, конечно, можно попенять, что он путает реализм с реалистичностью и правдоподобием. Но такое жонглирование терминами меня не привлекает, главное всё-таки в другом.

Моя реальность – именно *такая*. Я не представляю себе ни дня без чуда и чудесного. Люди вокруг – удивительны и непостижимы. Повседневность немислима без ощущения того, что далекие и случайные события на самом деле не случайны, что всё связано и поступок в одном месте галактики мгновенно отражается в ином ее конце. Что я хочу этим сказать? Да вот что: природа реальности зависит исключительно от того, каковы мы сами, как мы глядим на себя и других и как оцениваем окружающее. Там, где один видит голую стену реализма, другой увидит рисунки богов.

В сказанном нет ничего нового. Но всё же каждый из нас ежедневно (точнее – ежеутренне) переоткрывает эту простую истину снова и снова.

Если мой читатель, закрыв книгу, ненадолго почувствует это – поймает чудесное в окружающем, предположит хотя бы на секунду, что за тонкой плёнкой реализма и повседневности просвечивает нечто другое – быть может, более реальное, чем сама реальность, – тогда я буду считать, что написанное сотворено не зря. Труд был со смыслом, а бытие не протухло.

И еще. Не стоит забывать, что потустороннему нельзя задавать вопросы, оно не любит вопросительных знаков... Оно вообще не любит пунктуации.

6 мая 2020 года

Город У.

повесть

*Город-сказка, город-мечта...
(из песни)*

Глава 1. Вид снизу. Бригадирка

1.

«Эй, чуваки! “Я свобо-оден! Словно птица в небеса-ах!..”. Так, впереди кирпичная стенка, о-опааа! Прыжок, еще прыжок – и снова вперёд. Хэй-хо!..»

О, стоп, чел! Тут дело посерьезнее. Слушай приказ, Рослик! Нужно махнуть с заброшки вон на тот сарайчик. Да, квестик не из лёгких: крышка-то у сарая с гнильцой. Но я верю в тебя, верю...

Эх, говорила мне мама: сиди на жопе ровно – целёй будешь. Пошёл-пошёл-пошёл! Хо-ба! Группируемся! Есть! Выдержала крышка-покрышка!..»

Рослик лежит на бетонной свае, позеленевшей от дождей и времени. Ему удобно и хорошо; в руках блестит губная гармошка. Глаза упираются в небо, солнце – космическая батарейка – иногда показывается из-за облачной ваты и подпитывает его уставшее тело.

«Замаялся я сегодня чё-то, – думает парень. – Но как же, блин, клёво, чуваки! Как же клёво...».

На груди его, которая слегка поднимается и опускается, – лежит спецхайратник с укрепленной экшн-камерой. Дома он обрабатывает заснятое и кинет в ютуб. Пусть народ прикальвается.

Он медленно, будто нехотя подносит к губам гармонiku и начинает лабать что-то блюзовое, в духе старика Сонни Боя...

Рослику восемнадцать. У него вороньи волосы, стянутые в короткий пучок на затылке; тату сзади на шее – драконья морда с девичьими глазами; и цепкие худые пальцы на мускулистых руках. Он не учится и не работает. Он просто живёт. Он руфер, трейсер и сталкер. Город он любит – только не тот, что течёт мимо окон маршруток, авто

и трамваев; не тот, что виден из серых глаз домов, поставленных раз и навсегда одними и теми же боками друг к другу. Нет. Он обожает другое: город крыш и зовущих к себе подвалов, город незаметных заброшек и живущих своей жизнью ливнёвок и коллекторов.

Да, Рослик город любит. А вот самому У. и у...цам – Рослик на фиг не нужен. Короче, чуваки, полнейшая взаимность.

2.

Рослику было девять, когда отец сорвался на стройке с многоэтажки. Он упал на забор, прикрытый сверху жестяной крышей-временкой, которая предохраняла голову случайного прохожего от скользкого кирпича.

Память до мельчайших деталей сохранила, как проходили похороны. Приехала отцовская сестра Антонина из Казани, – она-то и хлопотала, где и как удобнее-подешевле. Мать не спала две ночи, совсем не отходила от гроба, и глаза ее стали похожи на сливы-падалицы, обведенные несмываемой тушью.

– Рослик, ты поплачь, поплачь: ведь полегче станет! – уговаривала мальчика казанская тётка, а тот смотрел на нее и хотел убежать из дома – подальше от маминых глаз и папиного гроба.

После кладбища на Заречной он так и сделал. Мать с полицией искали его три дня, он вернулся сам, закрылся в своей комнате и целые сутки рисовал динозавров. Ему больше всего нравились трицератопсы, а отцу – диплодоки.

Папа два года назад подарил ему клёвую книгу – атлас-определитель юрского периода. Закачаешься, какие иллюстрации! Он хотел эту книгу положить папе в гроб – сбоку, но тетка Тоня не позволила. Ему, дескать, можно только иконку, какой-то венчик на голову и – в крайнем случае – часы и расчёску. Книгу про динозавров никто в гроб не кладет. В тот момент мальчик и решил сбежать от них ото всех...

Затем всё затянулось и поросло. В школе на него с месяц смотрели сочувственно, и он ненавидел эти взгляды. А потом про него и его отца забыли, – и слава те, яйца! Спасибо за радости-крохотульки!..

Мать после смерти папы изменилась: говорила с сыном мало, стала курить в зале, забывала спрашивать, что он ел в школе и где пропадал по вечерам. Через год она привела домой дядю Серёжу,

и Рослик снова убежал из дома. Когда его нашли, то поставили на учет в полиции, а мать несколько раз вызывали в опеку. Больше она никого не приводила, но зато задерживалась допоздна. Ее сына это вполне устраивало.

3.

Про Бригадирку он впервые узнал от чела с ником Синдром.

«Кароч, под самым центром города течёт речка-вонючка. Ее лет 70 назад окольцевали в бетон, называется Бригадирка. Раньше на месте Либкнехта и Маркса овраги же были... Говорят, зимой по бетонке можно пройтись. Весной и осенью – соваться туда нельзя: смоев нахер...».

Он написал Синдрому в личку: то да сё, про Бригадирку – ваще отпад! Как смотришь на то, чтобы вместе слазить туда?

Когда они фейс ту фейс встретились, Рослик выпал в осадок. Синдром оказался девчонкой. Ходила она в камуфляжных штанах, материлась, брилась наголо и была покрыта татушками, как дороги весеннего У. – рытвинами и колдоёбинами.

Он втюхался в нее с первого взгляда. До Бригадирки они виделись всего ничего, в основном, списывались в ВК. Она слушала мётал, загонялась по аниме и терпеть не могла книги. У Рослика было ровно всё наоборот, и, наверно, из-за этого его так магнитило к ней.

Бригадирку наметили на июль: Синдром говорила, что так будет безопаснее. Сама она никогда туда не ходила, но общалась с местными диггерами по этому поводу – они ей даже по Инету карту скинули, рисованную от руки.

– Я, конечно, могла бы с собой Димыча позвать – он бы нас провел по бетонке без проблем, но это была б не вылазка, а говённая экскурсия. Не интересно ни фига, блин!

Рослик ее в этом полностью поддерживал. Он вообще старался ей не возражать, потому что балдел от одного ее присутствия. Мечтал быть с ней рядом и, конечно, хотел слазить в бетонку вдвоем: «Зачем нам какой-то Димыч? Мы чё: без рук, что ли?».

Готовились основательно. Мать давала Рослику карманные деньги каждую неделю. Про учебу она давно перестала выносить ему мозг: поняла, что бесполезно. У него за два месяца подкопились баблишко; кое-какие запасы имелись и у Синдры. Он ее теперь

Синдромом не называл: не нравилось ему так, потому что болезнь какую-то напоминало. А вот «Синдра» – это клёво. Необычно, и для девчонки подходит.

Купили хорошие налобные фонари и две пары болотных сапог – это всё добро в «Охотнике и рыбаке» нашлось. Синдра пошарила еще по объявам – бэушное дешевле – нашла себе и ему непромокаемые штаны и болоньевые куртки.

– Если что – их потом просто выкинем да и всё, – объясняла она, вытаскивая из сумки купленное на Авито барахло. – Примерь, тебе должно подойти. О, зыркай: твоя даже утеплённая. Это гуд, в бетонке ведь не пляж: по-любасу холоднее будет, чем сверху.

Накануне вечером Синдра черкнула ему в личку: «Рослан, а ты крыс боишься? Димыч вон пишет, что там бегают – попадаются, да. Кстати, по трубе ведь не только Бригадирка течет, туда еще и все центровские ливнёвки запустили. В курсе про то?».

Рослик отвечал, что крыс он голыми руками ловил, а насчет ливнёвок – слышал, ага, от того же Димыча. Ну и всё. «Кароч, встречаемся в 10 утра у Катькиного родника, как и договаривались».

Ночью ему приснился темный подвальный коридор, по которому шныряли гигантские крысы с двойными рядами зубов. А еще ему привиделся папа: он сидел перед кроватью на стуле и ласково гладил сына по волосам. Проснувшись, Рослик сон про крыс вспомнил, а про отца забыл.

4.

В Катькином роднике побултыхались основательно: чтобы пролезть в бетонку, пришлось утонуть по пояс. Рослик подтянул свои непромокаемые штаны чуть ли не до подмышек; то же сделала Синдра.

– Охереть! – выдохнула девчонка, когда они наконец оказались в бетонной трубе и прошли первые метров тридцать. – Подсвети-ка, я чуток на смартфон красоту сниму. Блин, вода всё равно просочилась – до самых титек достало. А ты как?

Рослик пожал плечами и украдкой посмотрел туда, где у Синдры должны быть эти самые «титьки». Налобный фонарь ушел вслед за взглядом, и спутница зашипела на него:

– Ну чего не светишь-то? Щас фотку сделаю – отправлю на форум и в ВК. Тут связь еще есть. Но Димыч говорил, что здесь

попадают места, где ни фи́га не ловит. Это примерно через полкилометра... О, видал? Круто ведь? – она сунула ему смартфон в лицо, и Рослик узрел космос. На фотке желтовато-склизкая, облепленная многолетними грязевыми наростами труба, по черному дну которой бежала Бригадирка, выглядела словно вход в волшебную пещеру, другой мир, который не имел ничего общего с повседневно-привычным У.

Ему тоже захотелось пофоткать, но Синдра уже умчалась вперед.

– Ё-мое! – услышал он её голос. – Да тут завальчик! Димыч предупреждал, что может быть такое. Придется лопаткой немного поработать, иначе не пролезем. Готов, Рослан?

Завал был небольшой – чуть выше пояса – и образовался из грязи вперемешку с кусками смытого по весне асфальта, мелких камней и мусора. Разгребли его быстро – за какие-то двадцать минут. Потом Рослик подсветил карту, которую они на всякий случай распечатали и обернули в целлофан. Ее, конечно, можно было посмотреть и на смартфонах, но надо беречь энергию для фоток и связи.

– Чё, попёрли? Карта нам потом пригодится – есть там пару сложных развилок, где можно заплутать. Димыч говорил.

Он потопал за девчонкой, подымая болотными сапогами иловую взвесь со дна; холодная вода Бригадирки почти везде держалась ниже колен. Новоявленный диггер светил налобным фонарём в болоньевую спину своей спутницы и считал, что впереди всё-таки должен идти именно он. Но говорить об этом вслух не хотелось – Синдра бы его высмеяла и обматерила.

5.

Судя по карте и рассказам олдóвых диггеров, их путь по Бригадирке должен был занять несколько часов. Говорили, что общая длина трубы – около двух километров, затем речка, освобожденная от бетонного плена, текла по своему обычному руслу вплоть до притоков Волги-матушки. Конечной их целью был Татарский овраг: там наружу выходила большая канализация со сломанными решетками.

– Главное – свернуть в нужных местах и не перепутать ливневые трубы. Остальное – дело техники! – наставляла Рослика Син-

дра. Он это и так знал, они сто раз обсуждали с ней маршрут, готовясь к вылазке. Но девчонке нравилось верховодить, а ему хотелось слушать ее голос, который звучал здесь совершенно иначе, чем на поверхности.

«В наружности всё другое – одинаковое, привычное, без тайны и радости», – думал диггер, поправляя свой небольшой рюкзак. Там бултыхались запасной фонарик, старая губная гармошка, бутылка с питьевой водой и таблетки анальгина – на всякий пожарный случай. Еды никто из них не взял, поскольку они и не думали здесь трапезничать. А лишний груз, как известно, – это лишние проблемы.

Шли некоторые время молча. Потом Синдра, не поворачиваясь, спросила его:

– А у тебя секс был?

Парень не смог сразу ответить, потом застеснялся того, что не отвечает, и немного даже разозлился на идущую впереди.

– А у меня – уж сто раз! – девчонка как ни в чем не бывало продолжала шлёпать сапогами впереди. – Прикольно, конечно, но, честно говоря, скучно. Бригадирка – лучше секса, скажи, Рослик?

Он услышал ее смех, глухим эхом отразившийся от стен бетонки. Губы у него почему-то пересохли, а руки похолодели. На миг ему даже стало так плохо, что он подумал: «Вот щас бухнусь лицом в речку! Интересно, как она меня будет отсюда вытаскивать?».

– А связь и правда исчезла! – сообщила Синдра. – Очуметь! Мы вообще как в другом мире, да? И кто знает, что там сейчас наверху? Вот случись какая-нибудь ядерная война, а мы тут с тобой и не знаем! Прикинь: вылазим, а там – ничегошеньки. Только пепел и развалины...

Он попробовал вообразить то, о чём она говорила, но не смог. Он вообще не мог отчетливо представить, что было на поверхности, – так, будто спустился в бетонку десятки лет назад.

– Ро-ослан, ну чё-то ты всё время молчишь-то? Уж не перетрухал ли, а? – она снова засмеялась и зачем-то сняла черную вязаную шапочку, которую надела перед тем, как залезть в бетонку. Фонарь высветил ее лысую голову с маленькой татуировкой русалки на виске.

Диггер вспомнил историю, которую он где-то читал или слышал краем уха: якобы у родника, с которого начинались труба, давным-давно жила некая Екатерина. Как-то она влюбилась в парня,

а он ее бросил. И тогда девушка пошла и утопилась. А затем люди начали поговаривать, что видят ее на камне: сидит, мол, и чешет волосы гребнем. С тех пор родник и прозвали «Катькиным».

– Как ты думаешь: мы можем наткнуться здесь на чё-то необычное? – спросила лысая напарница. – Или страшное? Например, на чей-нибудь сгнивший трупешник!? Или крысы щас ка-ак прыгнут сверху! А?.. Ну, Рослан, ну, расскажи чё-нибудь...

– Окей, – согласился начинающий диггер и посмотрел на желтовато-черный верх бетонки. – Давай я тебе про заброшки толкну...

Синдра кивнула. Она любила, когда он рассказывал про заброшки и паркур, – потому что считала его в этом деле олдovým, – почти как Димыча в диггерстве.

– Кароч, на Севере есть одна заброшка – бывший консервный завод. Не была там? – начал Рослик. – Я вот решил как-то в одиночку порыскать в этих краях. Место клёвое, стены офигительные – я сам пару граффити там сотворил. Мы с парнями на первых этажах всё излазили, а вот до чердака не добрались – решетки везде. Я прихватил тогда с собой инструментик – ножовку по металлу. Думаю: может, подпилить удастся. Тогда я первый буду, кто туда ходку сделает, – мужики иззавидовались бы...

Синдра шлёпала сапогами впереди, сосредоточенно слушая его. Он был рад, что она молчит, и говорил медленнее обычного, чтобы между словами улавливать шепот Бригадирки.

– Нашел местечко, которое давно приметил: такой лаз овальный с тонкими решетками. Стал пилить. А металл когда пилишь – сама знаешь, звук неприятный, громкий – на весь завод разносится. Я увлёкся, кароч, пилю и пилю – осталось там два прутика. И чё-то пить захотел, сунулся в рюкзачишко и слышу: скрип. Как дверь будто. Звук идет с той стороны – с чердака. А я, понимаешь, точно знаю, что там никого не может быть: со всех сторон всё заварено, никак туда не заберешься...

– И чё? – Синдра остановилась и повернула свой налобный фонарь ему в лицо. – Кто там был?

– Ну, пойдем, пойдем, щас дорасскажу... – девчонка снова топала вперед. – Я весь такой напрягся, прислушиваюсь. Думаю: может, показалось. Или ветер чего-то там зашатал – железку какую-нибудь. И тут: топ-топ-топ! Шаги...

Синдра замерла и опять повернулась к нему:

– Иди-ка ты, Рослан, впереди... Чё-то я это... Кто из нас сильный пол?

Парень улыбнулся и протиснулся мимо нее, коснувшись пальцами холодной влажной поверхности трубы. Он уже начал привыкать к запахам плесени, мокрой грязи и старого бетона, которые проникали в самый мозжечок, заражали изнутри.

– Ну и чё, Рослан? Ты меня прям заинтриговал. Кто это был?

– Обожди. Телегу быстро не толкают, – отвечал довольный исследователь заброшек. – Похлопали дальше, щас всё узнаешь... Значит, труханул я. А кто бы не труханул? Сижу – шевельнуться боюсь. Гляжу на решётку во все глаза. А шаги такие мягкие, чуть слышные. «Всё, – думаю, – это Чёрный Сёма по мою душу пришел. Пипец, кароч...»

– Кто? – девчонка шла уже на автомате, совсем забыв, где находится: настолько ее заняла история Рослика. – Что за Сёма?

– Так ты не слышала, что ль, про него? О, это отдельная хистари, моя девочка! – он явно был сегодня в ударе, но Синдра его быстро вернула на землю.

– Не называй меня так! Понял, ты!? Никогда! – что-то в ее голосе заставило его замереть на месте.

– Да что я сказал?

– Что слышал! Не называй меня «девочкой», – как ты только что сказал.

– Окей, окей. Остынь. Да чего ты так окрысилась?..

Синдра не ответила, и они шли с минуту молча.

– Ну чё там дальше-то? – она не умела извиняться, но по тону он понял, что та сожалеет о случившемся.

– Ну это... – диггер задумался, смотря на пляшущую в свете фонарей темноту бетонки. Ему вдруг показалось, что из этой трубы они уже никогда не выберутся и что это очень плохая идея – спуститься сюда...

– Ты на шагах остановился, – напомнила ему присмирившая Синдра.

– Ага. Я, кароч, сижу весь такой на стрёме, оцепенел, как цуцик. А за решеткой – молчок. Кто-то прямо к лазу с той стороны подошел и смотрит на меня, а я на него. А там же сумрак – на чердаке окошек нет, точнее, есть, но они маленькие и замызганные. А я прям вижу эти светящиеся глаза... И вдруг: мя-ау! Мя-ау!

Синдра засмеялась, и Рослик тоже загоготал. Им обоим сразу стало легче, страх ушел.

– Кот, прикинь?! Ну я его шуганул, допилил там решетки, по лазил по чердачку – очуметь местечко. Потом пацанам рассказал – тоже ржали...

Тут они остановились. Откуда-то издалека, из каких-то земных глубин, послышался звук, похожий на вздох. Глубокий вздох кого-то чудовищно большого.

– Что это, Рослик? – из голоса Синдры исчезла прежняя крутость. Он вдруг увидел в ней другого человека – совсем маленькую и испуганную девчонку. «Она вполне могла быть моей сестрой – если бы папа не упал тогда на стройке...», – подумал он и тут же ощутил, как что-то мягкое коснулось его волос. Он вздрогнул, провел ладонью по голове, ожидая наткнуться на какую-нибудь мерзость – типа жирного паука. Но ничего не обнаружил.

– Не знаю. Странный звук. Будто что-то где-то открылось. Или прорвалось.

– А мне показалось... – Синдра поёжилась. – Будто кто-то вздохнул. Кто-то огромный.

– Не-е, – протянул трейсер и графер. – Это что-то снаружи. Может, в ливнёвках чего-нибудь... Связь, кстати, не появилась?

Девчонка отрицательно мотнула головой.

– Ну тогда вперед. Скоро первая развилка должна рисоваться.

6.

Если бы начинающие диггеры прошли еще буквально шагов двадцать и взглянули на свои смартфоны, они увидели бы, что значки антеннок оживились. Связь тут постоянно то пропадала, то появлялась. Кого-нибудь из них могла бы осенить идея зайти в поисковик – и тогда бы они узнали главную новость. Над У. в этот момент бушевал настоящий водяной котел: хляби небесные разверзлись, и пошел сильнейший за последнее десятилетие ливень. Как уверял местный новостной портал, за какие-то сорок минут выпала полуторамесячная норма осадков.

Другим районам города пришлось несладко: ливнёвки прочищались здесь еще при царе Горохе, и на улицах вода затопила стоящие авто чуть ли не по крыши. А вот в центре, где под землей про-

текала Бригадирка, ливнёвки старались поддерживать на должном уровне. И вода, скопившаяся на городском асфальте, бурным потоком уходила вниз – в русло речки-вонючки, закольцованной в бетон.

– Так, ага, кажется, там развилка! – объявил Рослик. Они увидели что-то темное, перегородившее путь.

– Нет, опять завал. В этот раз покруче будет – до самого верха! – в его спутницу опять вселилась прежняя Синдра: вернулись самоуверенность и верховодство. Впрочем, ему было не до психологических оценок и наблюдений.

– Да-а, тут на час работы! А может, и на два, – он вздохнул и снял с плеч рюкзак, к которому была привязана саперная лопатка. – Свети, Синдра, копать будем. Диггерство, как известно, требует жертв.

Минут через пятнадцать он решил перевести дух, воткнул инструмент в грязь завала и попросил спутницу открыть ему бутылку с минералкой.

– Верх уже, по-моему, освободился. Я чувствую с той стороны какой-то ветерок – воздух другой идет, свежий. Наверно, с ливнёвок. Чуешь?

Синдра принюхалась и махнула рукой.

– У меня вечно нос забит – с детства. Мне поэтому любые запахи по барабану...

Тут снова кто-то тяжело вздохнул. На этот раз звук сопровождался хлопком – будто совсем близко что-то прорвалось и освободилось.

– Рослан, что это? – Синдра оттолкнулась от бетонной стены, к которой она прислонилась. Рюкзаки приходилось держать в руках и за спиной: в воду их ведь не кинешь.

К ним кто-то приближался – нёсся галопом, будто осатаневший конь. Рослик выдернул лопатку из грязи и подался назад.

– Хрен знает... Синдра, давай-ка от завала отойдём! Слышишь, Синдра?! Назад дав...

И тут завал взорвался. По крайней мере, так сначала подумал Рослик. Вот только что им преграждала путь слепленная в единую пластилиновую массу куча грязи, ила и камней – и через секунду ее

не стало. Черно-серый поток воды локомотивом врзался в оцепеневшую парочку и помчал их по трубе, словно детские кораблики.

Рослик услышал визг девчки, а потом его голова встретилась с чем-то твердым, и сразу стало темно и тихо.

– У каждого города есть два лица – наружное, повседневное, официальное и скрытое, подземное, подлинное. И еще у городов есть особинка. Понимаешь, Рослик? Без особинки город мёртв, как вздувшаяся волжская рыба, которую давным-давно выбросило на берег...

Отец сидит на земляной кочке, поросшей паутинкой светло-зеленого мха. Светит солнце, и поют птицы; их полянку окружают пихты, сосны, дубы и березки. За ними покачиваются пальмы – а может, и какие-то другие деревья. Пахнет лесным нагретым воздухом. Он полулежит у папы в ногах и слушает его голос.

– У. – тоже с особинками. Их не так много, но они есть. Вот хотя бы баба Катя в 41-м доме по улице Розы Люксембург, любопытный у нее случай вышел... Или тётя Зина на Карла Либкнехта – она лечит. Всю жизнь лечила. Это я тебе, Рослик, людей называю. Но город – это не только люди, их отношения, действия и чувства. У. – это намного больше. Тут две реки, текущие в разные стороны. Тут мосты и свалка, новостройки и заброшки, столовая и темный коридор, трамвайные депо и канализационные коллекторы. Бродячие собаки и охотники на них. Малиновка и склепы. Везде своя жизнь, свои тайны.

И знаешь что? У. их не открывает абы кому. Тут нужен особый интерес и особый подход. У. не любит тех, кто его не любит. Этот город не столько христианин, сколько язычник, – отец улыбается и гладит сына по голове.

От этого легкого прикосновения Рослику становится хорошо и спокойно. Ему хочется слушать отца, внимать каждому его слову, остаться с ним здесь навсегда.

– В У. можно прожить всю жизнь и даже не увидеть его второго лица. Каждый Божий день мотаться по одному и тому же маршруту: дом – работа, дом – учеба. Туда-сюда, туда-сюда. Глаз замыливается, ты перестаешь что-либо замечать. А что тут замечать? Провинциальное городишко, потёртые трамвайчики, облезлые хрущёвки,

озабоченные спины маршрутчиков и прохожие, прохожие, прохожие. Даже мемцентр – и тот облезлый. Вся наша жизнь – это облезлость и скучная хореография из одних и тех же движений «туда-сюда», «туда-сюда»...

Отец двумя ладонями берёт Рослика за подбородок и тянет его голову чуть вверх, чтобы их глаза встретились.

– Так вот, сын. Это не так. Мир другой. И У. – другой. У всего есть свои особенки, до них нужно просто прийти, достучаться, вращать в них. Спроси У. – и он тебе ответит. Он любит тех, у кого сердце исследователя. Город ничего не скрывает от своих жителей и гостей, он весь – как на ладони. Нужно просто искать, но искать не тайну, не загадки, а разгадывать его повседневность, видеть в обычном необычное. Понимаешь?

Рослик кивает. Ему кажется, что он всегда ждал и жаждал именно этих слов. Как же ему хорошо с отцом! Он никуда больше от него не уйдет, он всегда будет с ним. Всегда.

– Не-ет, – шепчет отец, и черты его лица колеблются. – Ишь ты чего удумал! Это легче всего – остаться. И зачем же тогда идти вперед? Зачем ты тогда покорял Бригадирку? Чтобы остаться – и всё? Нет, нет, Рослик, так настоящие исследователи не поступают. Тем более что ты потащил за собой девчонку – тут уж нельзя. Тут уж надо быть мужиком, Рослик... Рослан! Рослан! Вот ё-мое! Очнись же, господи! Очнись!

Его трясли и лупили по щекам. Он разлепил веки и первое, что ощутил, – везде и всюду было мокро. Он сам сидел по пояс в воде, а над ним кто-то стоял и лил ему в глаза нестерпимый свет.

– О-ой, ё-оо... – заскрипел он, и его перестали трясти. – Не свети ты мне в глаза...

– Росличек, Рослёночек, миленький! – Синдра обняла его. – Я думала, ты очурился, блин. Смотри: у тебя кровь!

Ему захотелось тепла и сухости. Но встать он не мог, и воды Бригадирки – еще взволнованные и мутные – обтекали и охладили ему живот и спину.

– Помоги мне встать, Синдра. Я замёрз!

Девчонка наклонилась и, вцепившись ему в руку, помогла подняться. У него дрожали ноги и болела голова. Только тут он заметил, что его налобный фонарик исчез. Рюкзак и лопата тоже испарились.

– Я долго валялся?

– Минут десять. Меня отнесло метров на сто от тебя, но, слава Богу, не долбануло ничем. Ногу вон только задело – по коленке сильно царапнуло. Арматура какая-нибудь, наверно. А ты приложился башкой обо что-то...

– Это, наверно, дождь... Ливнёвки прорвало, – Рослик сделал два шага и понял, что набрал полные сапоги воды. – Надо выбираться отсюда – иначе задрыгнем здесь до смерти. Воду щас только вылью из сапог.

Девчонка смогла уберечь свой рюкзачок, в котором правда болталось не бог весть какое богатство – полбутылки воды и запасной фонарь.

– Рослик, а куда двинем-то? Назад?

– Чёрт! – диггер только что открыл, что он, помимо прочего, посеял и свой смартфон. У Синдры телефон остался, но отказывался включаться: видимо, села батарейка.

Он попросил дать фонарь и осветил обе стороны трубы: налево или направо?

– По логике, надо бы назад двинуть – к Катькиному роднику. Но это часа два ходьбы. Мы, в принципе, должны уже были до ливнёвок дойти – тут выход прям близко. Лучше пойти к развилке.

И они двинули по прежнему маршруту, выбрав вариант совсем не из лучших.

7.

До первой развилки доковыляли через час. У Синдры разболелась поврежденная нога: судя по всему, она ее не просто поцарапала, а задела серьезнее. Она с каждым шагом хромала всё сильнее. Рослик, несмотря на головную боль, чувствовал себя неплохо. Конечно, очень хотелось жрать и промокшие ноги превратились в льдышки. Но в целом – терпимо. Он готов был идти дальше.

А вот Синдра совсем скисла. Не прибавило ей настроения и новое открытие: ливневая труба, по которой они надеялись выбраться из бетонки, забилась вусмерть – не подкопаешься.

– Надо идти ко второй ливнёвке. Это недалеко. Карта у тебя? – спросил Рослик.

Карты у девчонки не оказалось: он вспомнил, что положил ее в свой рюкзак, который сейчас валяется где-нибудь в завале, если его вообще не протащило до самого Катькиного родника. Боль-

ше всего он жалел о старой губной гармошке, уплывшей вместе с рюкзаком. Эта гармоника ему всегда напоминала об отце, хотя тот никогда не слышал, как играет сын: музыка пришла уже после смерти папы.

Синдра прислонилась спиной к мокрому бетону и заплакала.

– Рослик... я больше не могу идти! Нога... вообще охренеть как болит. Надо было назад двинуть – мы щас уже до родника доползли бы.

Увидев ее слезы, он смутился и почувствовал себя виноватым.

– Ну, не кисни, Синдра! Осталось совсем ничего. Дойдем. Я тебя донесу, если надо...

Она не отвечала. Закрыв глаза руками, продолжала всхлипывать. Он подошел к ней, попытался обнять, но она оттолкнула его.

– Убери лапы! Щас пойдем уже. Диггер хренов! Чтоб я еще куда-нибудь сунулась с тобой – да не в жисть! Попёрли, говорю... Бери мой фонарь.

Он закрепил на голове ее фонарик, а запасной спрятал в уцелевший рюкзак. Девчонка сделала всего несколько шагов и заскрипела зубами.

– Чё, сильно болит, да? – спросил он. – Эх, у меня ведь в рюкзаке анальгин был. Легче было бы... Опирайся на меня, давай руку!

В этот раз она его не оттолкнула, и они, спотыкаясь о мелкие камни и куски асфальта, которые сюда притащил недавний ливень, похлопали дальше. Синдру начало знобить.

Шли целую вечность. Сначала девчонка еще храбрилась, а потом совсем расслабилась. Он буквально тащил ее вперед, держа за пояс, затем – волок под мышки. Наконец, она остановилась и сползла по стене прямо в воду. Он попытался ее поднять, уговаривал, она не отвечала, плакала и закрывала глаза.

– Синдрочка... Давай хотя бы до кочки какой-нибудь дойдем, до камня или грязи – где посуше. Нельзя в воде сидеть!

Та отворачивалась, плевалась и говорила, чтобы он уё..л отсюда. Тогда он сел на дно трубы рядом с ней. Рюкзак подsunул себе под шею, прижав его к бетонной стене. Бригадирка, освежённая дождевыми водами, доходила им почти до груди. Налобный фонарь Рослика стал подмигивать.

– Послушай, Синдра, – шепнул он ей на ухо. – Осталось совсем чуть-чуть. Мы выберемся, я тебе обещаю! Мы еще смеяться над всей этой херью будем, поверь мне! А если останемся здесь – сдохнем, как крысы.

Упоминание о крысах было в тему: Синдре представилось, как их окоченевшие тела разрывают полчища серых тварей, и она поползла спиной вверх по стенке. Вода мелкими ручейками потекла с ее штанов и куртки.

– Вот так! Вот так... – обрадованно запричитал вскочивший вместе с ней Рослик. – Сейчас будет ливнёвка. Я тебе гарантирую.

Ливнёвку они нашли минут через двадцать – тоже забитую буреломом, грязью и камнями. Однако в этот раз завал не был столь основательным.

– Да я его раскопаю, ноу проблем! Тут на полчаса работёнки! И здесь смотри: вода не такая глубокая – всего по колено. Сейчас я эти камни вытащу, и ты на них сможешь сесть, отдышаться.

Девчонка лишь махнула рукой. Загвоздка была в том, что его лопату унесло вместе с рюкзаком. Но руки-то у него остались – и Рослик с остервенением набросился на завал, преградивший им путь в широкий канал ливнёвки.

Вскоре ему удалось вынуть из грязевой смеси несколько приличных булыжников и веток. Он сложил из всего этого небольшую горку.

– Вот тебе трон, Синдром Синдромыч. Садись отдыхай! – шутку его не оценили. Девчонка бухнулась на камни и закрыла глаза.

Диггер продолжил свое дело, стараясь не вспоминать о том, что никто из ходивших по Бригадирке никогда не выбирался отсюда по развилочным ливнёвкам. Все говорили только о Татарском овраге как о выходе, а обычные ливневые канализации игнорились оловянными челами. Почему так, – он не знал. И не хотел сейчас даже думать об этом.

Увлечённый работой, он почти забыл про свою напарницу. Где-то час он как сумасшедший грыз долбаный завал и пробился-таки к просвету. Он готов был уже петь от счастья, вернуться к Синдре и растормошить ее благой вестью, но решил-таки сунуться в проход сам. Метра четыре он полз, извиваясь как червь, упираясь в бока

прохода, который становился всё уже и уже. Затем плечи его застряли, и на секунду ему представилось самое страшное – повисший в ливнёвке труп, который если и найдут, то только по запаху. Он затрепыхался, как муха, угодившая в паутину, и пополз обратно: развернуться здесь нельзя, поэтому он просто дал задний ход.

Рослик вывалился из лаза грязный, будто хулиган из фильма про Шурика: видны были только глаза. Налобный фонарик мигнул в последний раз и потух. Случись это не возле ливнёвки, воцарилась бы крошечная тьма. Но из пробитого прохода чуть брезжил отдаленный свет уходящего дня. А может, это уже были уличные фонари. Диггер, проморгавшись, быстро сориентировался и нащупал рюкзак с запасным фонариком. Он лежал на той же куче камней, что и Синдра.

Посветив в лицо девушки, он увидел, что та спит: ладони сложены под щекой, глаза закрыты, губы чуть улыбаются. Как дома на диване, ей-богу.

– Вот и отличненько! – пробормотал Рослик. – Без нервов оно всегда лучше... Тэ-эк, всё, шутки в сторону!.. Надо идти за помощью – один я ее отсюда не выволоку.

Он решил, что искать мифический Татарский овраг – дело гиблое. Лучше идти знакомым путем: в одиночку он скоренько доберётся до Катькиного родника, стрельнет у кого угодно сотовый и позвонит... Кому? Да хотя бы тому же Димычу, номер он его помнил – и вместе они спокойно вызволят Синдру. Та, может, и проснуться еще не успеет. Так что лучше ее не будить, это точно.

Посидев рядом со спящей еще минут пять, он сорвался в дорогу. Сначала ему представлялось, что он чуть ли не побежит по поверхности Бригадирки – но не тут-то было. Он устал как чёрт, болела башка и ужасно хотелось есть. Тем не менее шел он бодро. И про себя молился всем подземным и речным богам, чтобы успеть и чтобы всё было хоккей.

8.

До выхода из бетонки он добрался только через час. Его лихорадило, одежда превратилась в грязевую корку. Когда Рослик наконец вывалился на асфальтовую дорогу, которая проходила в двухстах метрах от Катькиного родника, он был похож на мертвеца, только что вылезшего из свежей влажной могилы.

Была глубокая ночь, но не это удивило его. Он поразился тому, как тепло на поверхности.

«Так ведь сейчас лето, дурень! Лето!..»

Он побежал в сторону высотки – ближайшего жилого дома. По дороге ему навстречу попался автомобиль, который объехал его и укатил прочь – несмотря на отчаянные крики. Нужен был сотовый – срочно, любой ценой.

В высотке было всего два подъезда, оба с домофонами. Он начал набирать номера квартиры подряд. В четырёх вообще не подали признаков жизни, в одной послали матом, еще в трёх – выслушали и ничего не ответили. Рослик, всхлипывая, продолжал трезвонить в домофон.

Тут подъезд осветился фарами: подъехал кто-то из припозднившихся жильцов. Рослик кинулся к открывшейся водительской двери, оттуда выплыла дамочка на шпильках – в годах, но подтянутая, с маникюром и кокетливыми золотистыми очками.

– Вот чёрт рогатый!.. Да ты напугал меня до смерти... Господи, да откуда ты вылез – из канализации, что ли? – при этом женщина улыбалась – видно, что не из робких.

– Пожалуйста!.. Я... Дайте мне позвонить... Человек погибает...

– Ага, шас, разбежался! Много вас тут таких по ночам ползает, – она внимательно смотрела в глаза Рослику. – Я сама позвоню, если надо. Кому? Номер называй.

Проклятый Димыч был недоступен. Хоть помирай... Если уж не везёт, то по всем статьям! Женщина трижды ему звонила – и без толку. Рослик просто не мог сообразить, что делать дальше. У него несколько часов в голове вертелась только одна мысль – про Димыча. Он олдовый, он Бригадирку вдоль и поперёк исходил... А тут – всё! Пшик. Абонент временно недоступен.

Несостоявшийся диггер сел на асфальт и заплакал.

– Та-ак, этого еще недоставало... – дамочка поправила золотистые очки. – Давай-ка иди на лавку садись. Говори толком: что случилось?

Рослик сбивчиво рассказал.

– Какой там на фиг Димыч! – женщина от возмущения побледнела. – В МЧС сейчас позвоним – и всё. Понял?

– Не надо в МЧС... – запротестовал он, но понял, что деваться уже некуда: карусель завертелась-закрутилась...

Дальше всё произошло на удивление быстро и четко, но Рослик всегда вспоминал об этом, словно о туманном сне, бреде. Ребята из МЧС и слушать не стали про какой-то вход возле Катькиного родника. На уши подняли местных городских коммунальщиков, и те подсказали, из какого канализационного люка можно быстрее всего добраться до того места, про которое рассказывал Рослик. Точных координат он, естественно, не знал, но коммунальщики тут же сообразили, о чём говорит этот грязный, как леший, парнишка.

– Мы в Бригадирку раз в год лазим, – рассказывал седой коммунальщик молодому и серьезному МЧС-нику; никто из их бригады даже не смотрел в сторону Рослика. – Обычно зимой. Прочищаем засоры. Я сразу понял, где это.

В трубу полезло двое коммунальщиков, двое МЧС-ников и горе-диггер. Его убеждали не строить из себя героя, «ты уже и так натворил делов, парень, иди-ка отдохни», и всё в таком же духе – но он не отступил и полез. Убедил их, сказал, что с ним они быстрее найдут девчонку.

Когда добрались до места, – ошибиться было невозможно, ведь он сам накидал здесь кучу камней, выгашенных из ливнёвки, – Синдры там не оказалось. Обыскали большую часть бетонки – километр туда, километр обратно. Потом, уже на поверхности, Рослик, который отрубался из-за усталости и нервов, догадался позвонить родителям Синдры, и те, отmaterив диггера, сообщили, что она дома. Привёл ее великий Димыч – вот он-то герой и подлинный друг. Оказалось, что оловый диггер тусовался у выхода в Татарском овраге и, не дождавшись их, сам полез в бетонку.

Дрожащими руками Рослик взял у одного МЧС-ника прикуренную сигаретку и долго сидел на корточках, смотря на свои черные от грязи сапоги.

– Пойдем-ка, парень! Тебе еще всякие бумаги подписывать, объяснительные и другую ерунду. Штрафами, наверно, отделаешься, но будь моя воля – я бы тебя серьезнее наказал, чтобы не совался туда, куда не просят, – сказал ему старший из бригады.

Рассвет он встретил, трясясь в дежурной машине. Там и заснул – и снилась ему не Синдра и не бетонка, а папа. Он говорил, что с удовольствием взял бы сына к себе, но тому еще рановато.

«Да и У. тебя ждет, Рослик. Давно ждет. У тебя же сердце настоящего исследователя!» – он эту папину фразу запомнил дословно. И потом вспоминал много-много раз.

Глава 2. Фланируем над У.

1.

Когда пишешь заявку на грант, возникает два противоположных желания: чтобы всё срослось и чтобы деньги всё-таки не дали. Объясняется это противоречие просто. Если средства не выделяют, то хороший проект накроется медным тазом. И никуда мы не поедем, экспедиции не будет.

А если грант каким-то чудесным образом выиграли, то тут еще хуже: бросай всё, езжай к чёрту на кулички, пиши, работай – статьи, конференции, отчётность. Как говорит Татьяна Федоровна в подобных случаях: «Охи-ох! Грехи наши тяжкие, антропологически-социологические».

Но я всё-таки радовалась нашему выигранному грантику «до усёру». Это уже выраженьице моей младшенькой сестрёнки. Катик, я тебя love!)

2.

Проект назвали «Малые города России. Фольклор, антропология, социология». По-моему, слишком общо. Но мое дело маленькое – поработать по своей теме, отписать три статьи, выступить на двух конфах, плюс посильное участие в коллективной монографии.

Хотели сначала города выбирать по жребию, но Татьяна Федоровна, я ее еще по Вышке знаю, стала возражать.

– Мы, – говорит, – тут наукой занимаемся, а не в казино играем. Я в У. несколько раз бывала, даже жила, у меня там есть знакомые. Поэтому я еду туда, и со мной – моя группа. Остальные как хотят – пусть хоть спички из кулака вытягивают.

Супонина имела репутацию тётки строгой, с ней связываться никто не хотел. Руководитель проекта Пушкив только плечами пожал: «В У. так в У. Ваше право, Татьяна Фёдоровна».

Еще бы – конечно, ее право. Так вот я и попала в этот У. Град на Волге – со всеми втекающими и вытекающими реками, ручьями и последствиями. С нами поехал Виталик Точин, но у него еще в поезде поднялась температура, и он укатил в Москву. Так что часть, связанная с социологией, у нас провисла.

– Наташенька, мы должны сами определять характер нашей работы. Не обстоятельства и условия делают науку, а наука в конеч-

ном счете управляет обстоятельствами и условиями. Просто будем делать свое дело.

В переводе с абстрактного на конкретный это означало, что я, как обычно, буду записывать свою «несказочную прозу» – былички про домовых, колдунов, оборотней и т.п., – плюс, конечно, городские легенды. Ну а она займется ментальными картами, статистикой и политикой. Грант-то обрабатывать надо.

3.

Я почти сразу оценила все преимущества поездки с Супониной: у нее действительно в У. оказалось полно знакомых. Вместо какой-нибудь затрапезной гостиницы мы остановились в отличной двухкомнатной квартире в самом центре города.

– Нам просто везёт, Наташенька. Обычно эта квартира не пустует – ее сдают на длительный срок. Но буквально неделю назад прежние жильцы съехали и новых арендаторов пока не нашли. И дай Бог не найдут еще недельки полторы – как раз то, что нам нужно!

Вечером первого дня я успела сбегать в супермаркет, по дороге отфоткала памятник местному художнику Илье Колотову – кстати, его именем назван бульвар, где мы сейчас жили. Когда за ужином я показала свежие фото своей старшей коллеге, она всплеснула руками:

– Господи, ведь на этом самом бульваре – прямо у подножия сфотографированного вами памятника – я назначала свиданки одному молодому человеку. Как же его звали? Толик? Петя? Как течет время – неумолимо. Неумолимо...

Я кивала и расспрашивала про ее бытие в городе У. Оказалось, что Супонина тут жила недолго – года три-четыре. В начале 1970-х годов здесь в честь столетия известного революционера-подпольщика отгрохали небольшой мемцентрик и доломали всю оставшуюся старинную архитектуру. Два основных предприятия – по оборонке и производству минеральной воды. Плохо развитый транспорт и хорошо развитые старые тополя во дворах. В общем, всё как обычно.

– Ах, Наташенька, какой потрясающий здесь вид на Волгу – на мост! Это прямо-таки сказка. Кстати, сами у...цы этой красоты почти не ценят и не видят: привыкли, как и жители какой-нибудь Анапы – к виду моря.

Я спросила, с чего она начнет завтрашний день. Выяснилось, что Татьяна Федоровна собирается посетить своих старых знакомых и собрать «первичную информацию». Я решила, что пойду с ней – это было разумнее всего. От супонинских знакомых можно узнать адреса и фамилии других информантов – а там дело, как я надеялась, пойдет по обычному сценарию: встречи-записи-расшифровки.

Но я ошиблась.

4.

– Хо-хо-хо!.. Чудны дела твои, Наталья! Как вас там по бабушке-то? – грохотал Иван Иванович, старинный приятель Супониной, бывший комсорг в третьем поколении, ныне почетный житель У., председатель половины советов ветеранов в городе. Он был обладателем пышных седых усов и ярко красной плешки на квадратном затылке. – Да какие у нас здесь целители и домовые? Мы сами себе целители!.. А? Что ты говоришь, Наташа? Так тебе не только про это интересно? А про что? Мастера, писатели, краеведы, чудаки? Хо-хо-хо. Да таких полно! Да вот хоть бы я! Со мной пообщайся, красавица!

Я с ним пообщалась. В принципе, интересно, но не по теме. Слово за слово, и он наконец-то назвал фамилии нескольких любопытных людей. Особенно меня заинтриговал Ташин – местный краевед, «специалист по аномалиям».

– У него даже блог в Интернете есть какой-то – я в этом плохо разбираюсь. Там вот он всю эту чушь и расписывает, – отрекомендовал мне краевед Соболев. Я поняла, что это как раз то, что надо, – мой человек.

Я уже собралась откланяться, но тут в лице бывшего комсорга что-то изменилось. Он шевельнул своими усами, потёр двумя пальцами толстую переносицу и хмыкнул.

– Вот и всё, Наталья, да? – спросил он меня каким-то новым тоном. – Портрет составлен, ярлыки развешаны. Ставим не запятую, а жирную точку – так ведь? Что ты там потом собираешься написать – статейку научную? Я догадываюсь, как в ней будет представлен Соболев Иван Иванович – если, конечно, вообще попадёт туда. «Поговорила со старым дураком, он мне там кого-то посоветовал – и я от него сбежала». Да?

Под его умным взглядом я покраснела: уж очень точно воспроизвел он мои тайные думы. Что и говорить – в моих мысленных научных «списках» он и правда не значился.

– Давай-ка я тебе еще чайку подолью. А ты послушаешь старики – перед тем как побежать по своим краеведам и колдунам. Может, и я на что стожусь. Не бойся, сильно не задержу.

Я пожалала плечами и снова взялась за свою кружку. Иван Иванович хмыкнул, увидев, как я нажала кнопку записи на диктофоне.

– Знаешь что, Наташа? А у нас тут ведь даже экскурсии проводят – для детей от 12+. Обещают показать и русалку Катьку, и голубое свечение, и бункер Сталина, и тайные казематы НКВД. Интересуют такие щи с капустой? А? Хо-хо-хо. Ладно, не буду твое терпение испытывать, красавица. Говорят, у вас в Москве время-то другое, ритм, понимаешь, дёрганный – тудым-сюдым. Вам бы всё поскорее надо...

Так вот. Есть у нас такая улица – Розы Люксембург. Ну улицы с таким названием в любом городе СССР, наверно, были. Сейчас, может, где и переименовали – а у нас вот нет. Революцённый дух никуда не делся, однако. Раньше там стоял домик под номером 41. В начале 90-х я прочитал в одной местной газетке, будто завёлся в этой избушке – там частный дом – завёлся, как его... полтергейст. Ага! В советские-то годы всё это ведь сдерживали, запрещали, а тут как разрешили – так будто адова пасть раскрылась. И инопланетяне, и Кашпировские, и всякая другая хреновина посыпалась прямо на наши бедные головушки. Но я-то всегда был человеком любопытным...

Знакомец Татьяны Федоровны снова пошевелил седыми усами и втянул воздух – будто к чему-то принюхивался. Он потом еще пару раз так сделал, и у меня от этой его привычки озноб пошёл по всему телу.

– И вот другой бы кто прочитал статейку да забыл. А я взял и пошел прямо по указанному адресу. Жила там бабушка, Екатерина... Федоровна, по-моему... И внук Дима – как сейчас их прям вижу. Пришел я, поговорили о том о сём. Познакомились, в общем. Бабушка уж совсем старенькая была, а внук – какой-то шебушной, на одном месте усидеть не мог.

«Да, вот есть-есть у нас этот самый домовушка, – кивает на мои расспросы бабулька. – То табуретками начнёт двигать, то нит-

ки перепутает. А вот в прошлый раз как в стену-то ухнул! Так ведь, Димуль?».

Дима кивает. Мальчонке лет двенадцать, такой белобрысенький, небольшой совсем по росту-то. И вот я уж уходить собрался – и тут это произошло. Понимаешь, Наташенька, прямо на моих глазах!..

Иван Иваныч снова втягивает воздух, и мне кажется, словно кто-то большой и опасный принохивается ко мне.

– Вот всё кругом замерло, а от него, от внука-то этого, будто еще один Дима отделяется – как двойник, тень такая цветная. И р-р-раз – через меня прямо в окно! Я вздрогнул, проморгался и слышу: бабах! Окно, к которому я спиной сидел, – вдребезги разлетелось. Вот такая вот штукенция!

Я зачарованно гляжу на него: его рассказ вызвал в моем воображении чрезвычайно четкую картинку. Я словно сама побывала в 41-м доме, слышала звук разбитого стекла, краем глаза уловила тень, метнувшуюся в сторону окна. Мне даже почудился запах старого дома, похожий на тот, что всегда встречал меня в избе моей бабушки.

Соболев подпёр рукой подбородок; его серые глаза уставились мне прямо в переносицу. Я передёрнула плечами от дружной толпы мурашек, побежавших от шеи к пяткам.

– Что я тебе хочу сказать, Наталья... Вот приехали вы с Татьяной Федоровной в У. – изучать, исследовать и всё такое. А ведь городок-то наш – крепкий орешек! Может, он и не захочет никаких «изучений». А?... Хо-хо-хо! То-то, красавица. Вот посиди и подумай над этим... Ну ладно, давай – с Богом. Мое дело – предупредить. А дальше человек уж сам решает...

Я поблагодарила его и ушла. Больше в этот день я никого не записывала.

5.

– И чего? Не понравился он тебе, что ли? Я его хорошо помню – комсоргом работал, такой говорливый мужчинка! – Татьяна Федоровна была в самом благодушном настроении, попивала кофеёк и с предвкушением посматривала в сторону ноутбука. Там ее ждала вечерняя и любимая часть экспедиционной работы – обработка свежих записей. У Супониной случился сегодня отличный улов: «Два прекрасных дискурса, Наташенька, один забавнее другого! И

всё про местные политические игры – тебе, наверно, это не очень интересно?»).

Портила ей настроение лишь моя кислая физиономия.

– Ну неужели Иван Иванович тебе ничего толкового не рассказал и не посоветовал? Быть такого не может! Я завтра же ему позвоню, хрычу старому, и отругаю на чём свет стоит – за то, что он так не уважает научную молодежь! – шутила научрук, но искрометность ее была мимо цели: молодежь пребывала в раздумье и печали.

– Да нет, Татьяна Федоровна, рассказал он отлично – даже вот про полтергейст кое-что вспомнил – интересный случай из 90-х. Просто он какой-то странноватый...

– О-о, он тот еще фрик... Да он же, по-моему, даже лечился от заскоков своих, я разве не рассказывала? Ой, да что ты, Наташенька! Какая-то депрессия у него случилась, но это было давным-давно. Лет уж двадцать уткло с тех пор. Самое главное – он тебе назвал нужных людей? Тебе в конце концов не щи с ним вместе варить и не научные книжки писать. Поговорила – и убежала. Меньше думаешь – лучше спишь, я так считаю...

Мы поболтали еще минут пятнадцать, а потом научрук упорхнула за ноутбук – и забылась там до глубокой ночи. Я почитала немного, полазила по местным группам в соцсетях и уже собралась выключить свой комп, как вдруг вспомнила фамилию здешнего «аномальщика», которую назвал мне Соболев.

Быстро набрала в поисковике: «Ташин, У., аномальное» и сразу же попала на блог в ЖЖ, который так и назывался – «Аномальные места У.». Автор творил свои заметки в своеобразном исповедальном стиле – дневника мыслей и «сердца горестных замет». Некоторые посты и впрямь достойны внимания любого исследователя странных нарративов о городе У. Я тут приведу одну из первых записей в его блоге – для лучшего понимания дальнейшего, так сказать:)

6.

Блог Ташина

«10 февраля 20... года

Блог – дело хорошее, что и говорить. Я уж тут кем только не заделался – и в краеведы меня записали, и в старшие по дому. Теперь тут, пожалуй, блогером начнут звать. Да пусть хоть горшком назовут – лишь бы в печь не сажали!

Мне что главное? Чтобы мысль не потерять. Я вот жену в свое время потерял – и до сих пор переживаю. Как говорится, не хотелось бы повториться.

Вот вы спросите: какие цели этого блога? Зачем ты, мол, дядя Паш, всё это затеял? Главная цель одна – собрать как можно больше историй об У. Понимаете, в чем закавыка: когда все эти рассказы по разным источникам разбросаны – это одно. Кто-то что-то сказал, где-то написал или запомнил – это всё пустое. А вот когда всё в одном месте, это – другое, это начинает жечься. Уловили?

Для затравки я здесь представляю небольшую историческую справочку – для интересующихся. Точнее, перечислю главные «реперные точки» города, на которые стоит обратить внимание. А кому на это наплевать, могут идти лесом за каким-то интересом) Шучу.

Не подумайте только, что я вам начну расписывать, в каком году У. основан и кто из знаменитостей тут родился или был проездом. Кому надо такое – открыли Википедию и вперед. Я тут пишу о другом У.

Вот меня, к примеру, всегда интересовала Малиновка или Водовка – кто как эту рощу в городе называет. Раньше, еще до революции, она принадлежала помещикам Смолиным. Потом, конечно, разорили всё имение, белые с красными там дрались, и всё такое. Поговаривают, что осталось там два склепа от бывших помещиков – недалеко от Ранжерейной горки. И вот будто от этих склепов до сих пор сохранился лаз, подземный ход – под самый центр города. Ну есть, конечно, особо одарённые, кому всюду мерещатся деньги и сокровища, так те уверяют, что в этом лазу и спрятан знаменитый Смоленский клад.

А меня вот больше другой вопрос всегда волновал: да на кой ляд помещикам себе склепы с подземными ходами возводить? Готовились к активной загробной жизни, что ли?

Я пока не додумался, как проверить – есть ли и в самом деле этот лаз. Но инженерная мысль, как известно, не дремлет, что-нибудь да выдумаю: вот только бы до лета перекантоваться. А то ведь сами знаете: коронавирусы всякие да нефть в цене падает. Боязно жить прям, ей-богу!

Потом вот еще одно место: дом на улице Розы Люксембург – конкретного его номера я пока называть не буду, ведь горячих голов у нас хватает. Понабегут еще. Да и смотреть там особо сейчас не на

что: сделали по тому адресу коттедж со всякими шиномонтажами или чего там у них. А раньше (я сам помню!) стояла там дивная избёнка – аккуратненькая, приземистая, похожая на свою хозяйку – бабу Катю Фёдоровну. Я ее как облупленную знал, мы с ее сыном вместе на радиоламповом работали. Она обожала стряпать, и еще варенье вишневое с косточкой делала – м-м, ум отъешь!..

В общем – об этом попозже в отдельном посту.

А Майская гора? Здесь тоже отдельный разговор. Вообще-то, я всякую инопланетную тематику недолюбиваю, но тут, поверьте, есть о чем написать! Там же еще цыганский посёлок и лес рядом. Я переговорил по этому поводу с кучей народу – кое-чем поделюсь и с читателями моего бложика.

Есть и другие любопытные местечки: перекресток на Крымова, там сплошные аварии, это все знают. Татарский овраг – там самоубийц хоронили. Ну кое-что и о столовой педунивера поговаривают.

Это то, что я навскидку вспомнил – есть, вероятно, и другие точки-локусы.

Итожу: если вам есть что рассказать, добавить или послать меня куда подальше – пишите в комментарии. Обязательно отвечу».

Не сказать что в Ташинском блоге было полно обсуждений и комментов, но там точно встречались весьма занятные ссылки и упоминания. Я поняла, что отрыла настоящий клад и тут же решила написать автору в личку: «Мол, так и так. Я вот такая вся растакая молодая исследовательница из Москвы. Занимаюсь фольклором, хотела бы с вами поговорить об аномальных местах. В удобное для вас время. С уважением, Наталья Кожеева».

Я рассчитывала получить ответ утром или днем, потому что за окном – уже первый час ночи. Но реакция последовала мгновенно и была короткой, как выстрел: «Нет!». На этом всё – и никакого продолжения.

Вот с такими итогами мне и пришлось отправиться на боковую, и снилась мне какая-то несусветная ерунда.

7.

«Наташка, ты знаешь, что я писать не люблю: это долго и противно. Я люблю общаться живьем, чтобы человека слышать. Но

сейчас я так не могу. Я даже голосовое сообщение тебе не могу послать, потому что боюсь... сказать чего-нибудь лишнее...

Ты помнишь того лысого, ну, маленький, – папка его еще карликом называл? Он из опеки. Так вот: он опять приходил. Прикинь! Я такая слышу – звонок. Пошла открывать, даже в глазок не взглянула. Он – шасть за порог. С ним тётка – патлатая такая, вся на взводе, как пружина.

«Мы к вам с проверочкой. Хотим посмотреть условия, так сказать!».

Я и моргнуть не успела, а они уже в зале. А там папка спит с похмелуги. Сама понимаешь. Ну и не прибрано у нас – как обычно.

«Он вас один растит? А где... м-м-м, Наталья Сергеевна? Ах, в командировке? Ах, в экспедиции? Ах, на месяц? А кто она вам? Сестра старшая? Ага. Она же ваш опекун? Так? Почему же она вас оставляет наедине с родителем, который, извините, лишен родительских прав?!».

Ташенька, мне выть захотелось! Понимаешь! Они всё перенюхали, даже в грязные носки в тазу залезли. И говорил всё время этот карлик, а патлатая только зыркала и записывала в свой коричневый блокнот.

И всё – они потом ушли. А я проревела всю ночь... Наташка, возвращайся, пожалуйста, а? Чую задницей, они меня снова в этот реабилитационный центр запрут.

Я знаю, что для тебя значит эта поездка. Лучше всех знаю! Но, пожалуйста, Ташик, – я еще раз этого не перенесу. Плизззз!!!!».

Я как это Катькино послание в вайбере увидела – мне плохо стало. Физически плохо. Побежала в ванную и залезла там под душ. Сначала горячую, почти огненную пустила, а потом – холоднее, холоднее... Довела до ледяной. И так стояла, пока деликатная Татьяна Федоровна не постучала с той стороны:

– Наташенька, мне бы умыться! Ты не забыла, что у меня встреча на 9-00 назначена?

Я вылезла вся в полотенце, специально нахлобучила его на лицо и так пошла в свою комнату, буркнув из-под своего кокона: «Дбраутра!».

Черти проклятые! Убила бы этих чиновников от опеки! Я-то от них уже спаслась, Богу слава: 21 год исполнился – всё, всем пока, алкоголь можно, эротика разрешена. И жилья от вас, дорогое госу-

дарство, мне не нужно. Но Катьку – Катьку-то они ведь до кишок достали, честное слово! Как мать умерла – так всё и наперекосяк пошло-поехало. В пропасть какую-то.

– Наталья, куда сегодня? Наметила планы?

– Да... Я хочу по городу пройтись, есть пара мест, о которых расспросить нужно подробнее...

Федоровна закивала, свой кофий выпила – и убежала. Ключ запасной от квартиры мы с ней сделали – так что образовалась от-носительная независимость друг от друга.

Я решила этим утром отсидеться дома, потому что в таком эмоциональном состоянии на запись пойти не могла. Отдышавшись немного, набрала номер Катьки – не берет трубку. Решила позвонить отцу – тоже бесполезно. Если у него начинался запой, то это недели на две. Вёл он себя в эти дни тихо, никого не тревожил: пил – и всё тут. Ему, блин, можно: пенсия по инвалидности. А Катьке только тринадцать, ей опекуны нужны, наличие и присутствие оных в шаговой доступности обязательно.

«Катик, – набираю ей в вайбере, – ну, потерпи хотя бы недельку. Мне и семи дней хватит, чтобы материала набрать. Ну придумай что-нибудь, ты у меня такая умница!» – отсылаю сообщение, а сама думаю о соседке. Трындец, конечно, а не соседка, но она нам троюродной – седьмой водой на киселе – тёткой приходится. Кто знает, вдруг она поможет как-нибудь отбиться от них?

Набираю ее номер.

– Алё-оо? – уже от этого ее тягучего «алё» скулы сводить начинает.

– Тётъ Лен, здравствуйте, это Наташа. Да, Кожеева. Я сейчас в экспедиции, ну, в командировке в Поволжье. А Катька одна – у них же занятия отменили... Ну да, да. Из-за инфекции. Она сейчас дома с отцом. А тут опека... Да, да, отец опять начал пить... Вы не сможете проконтролировать там? Нет-нет, Катька готовить сама умеет. И убирается даже иногда. Да. Там нужно только если из опеки придут – слово замолвить. Я буквально дней через шесть вернусь. Ради Бога, тетъ Лен, буду обязана вам, спасибо, спасибо! – откидываюсь на кровать, а сама думаю: да опеке ведь всё равно, им по барабану какая-то соседка тетя Лена. Придут и заберут... Пусть только попробуют, сволочи!

8.

Облака какие над Волгой! Фиолетовые с тысячью оттенков серого. Я таких еще ни разу не видела. Супонина права: вид на мост здесь просто потрясающий. Холмистый правый берег приподнят и как бы парит над рекой; над всей этой зеленью хочется взлететь на дельтаплане и плавно скользить до самой середины черной реки.

Я выбралась из квартиры в пол-одиннадцатого, открыла гугл-карты города У. и решила пройтись до Малиновки-Водовки – той самой рощи, которую живописал грубиян-Ташин. Судя по инету, идти придется прилично – километра четыре, но зато я посмотрю большую часть города. Если повезет, то спрошу прохожих про Малиновские склепы, но это уже ближе к самой роще. А пока побуду в своей любимой роли наблюдателя, городского зеваки, – того, кого французы называют «flâneur».

Огибаю мемцентр – здешний пуп земли. Идти легко; ветер теплый и слабый, солнышко иногда показывается и подсвечивает дальние окна еще одного большого здания. Гугл подсказывает, что это педуниверситет. Останавливаюсь у памятника матери с сыном – тому самому будущему революционеру-подпольщику, в честь которого и отгрохали мемцентр. В голове – четкие ассоциации с богородицей и младенцем, только строгой богородицы – революционной. Я знаю, что младенец-большевик включен в официальную мифологию города У., но меня-то интересует немного другая сторона дела. Или тела? Городского тела...

Вглядываюсь в лица прохожих. Конечно, хотелось бы написать о большей «открытости» провинциальных лиц по сравнению с обитателями столицы, там я не знаю, – большей улыбчивости, доброте глаз и так далее. Да только это всё враки. Люди все разные и о-очень конкретные. Впрочем, место, где они живут, действительно определяет многое. По крайней мере, город свой отпечаток точно накладывает; одна из моих задач – уловить этот след, но не в лицах, конечно, а в текстах и рассказах. Какой же след оставляет У.?

– Извините! – слышу женский голос и оборачиваюсь. – Вы не подскажете, где здесь удобнее спуститься к Волге – мы хотим дойти до речпорта?

– Вы знаете: я сама не местная... – улыбаюсь я.

– Да? – искренне удивляется моя собеседница. – А нам показалось, что вы здесь родились. Есть в вас что-то здешнее, у...ское.

Я смотрю на удаляющиеся красные туфли и легкое синее платье. «Во мне? Во мне есть у...ское?» – я внутренне хохочу и даю себе зарок рассказать об этом за ужином Татьяне Федоровне.

Двигаю дальше. Улица Советская, потом Ленина, Карла Маркса, Либкнехта, Бебеля, Энгельса – Господи, да это же просто революционный разврат какой-то! И так – почти в каждом городе и городке России-матушки. Одни и те же названия. Да, туговато у советских демиургов было с фантазией. Хотя и у проклятых империалистов-монархистов так же: одни Спасские, Соборные, Троицкие, Купеческие, Московские и т.п.)

Стою на перекрестке. Рядом дожидается зеленого светофора парень в выцветших джинсах, с небольшой косичкой и татуировкой головы дракона сзади на шее. Я засматриваюсь на татушку, и он ловит мой взгляд. Лицо серьезное, но доброе (провинциал же!).

– Мне все говорят, что у него девичьи глаза! – вдруг обращается ко мне парень.

– У кого? – теряюсь я.

– Да у дракона.

Загорается зеленый, и он вдруг срывается вперед – с какой-то сверхъестественной быстротой. Только тут обнаруживаю, что он на роликах. «Жаль, что не спросила его про рошу. Ладно, найду еще кого-нибудь...».

Продолжаю фланировать к Малиновке. Прохожу остановку «Речпорт» и понимаю, что я теперь уже почти местная: могу подсказывать дорогу остальным.

Между речпортом и рощей – череда частных домов, коттеджей, гаражей, каких-то недостроев. Неожиданно ловлю себя на том, что меня тянет к заброшкам.

«Так, Наталья, держи себя в руках: мы тебя не за этим сюда привезли!» – звучит в моей голове строгий голос Татьяны Федоровны, и я смеюсь в голос. Случайные прохожие оборачиваются, один из них странно напоминает Соболева. Мне даже кажется, что уличная копия Иван Иваныча совершает это его неприятное движение носом – будто принохивается в мою сторону. Улыбка сразу слетает с губ.

Нет, пожалуй, вечером или ночью я по У. прогуливаться не решусь. Странно здесь всё-таки...

Глава 3. Столовая

1.

Рослик проснулся оттого, что маленький кусок серой штукатурки свалился ему на щеку. Он вздрогнул и смахнул рукой упавший мусор. Сон почти вернулся, но наверху, на втором этаже, вдруг что-то взвизгнуло. Потом послышался шорох – будто кто-то совсем рядом волок мешок с цементом.

Он открыл глаза и приподнялся, опершись на правый локоть. «Залез, что ль, кто? Не хватало еще...». Руфер и трейсер скинул с себя грязное ватное одеяло, под которым переспала куча народа – и сторожа, и их гости, – и опустил ноги в сапоги.

– Только ведь нагрел каморочку, и кого-то принесло, блин! – Рослик думал вслух. Эту привычку он приобрел недавно: так было легче жить.

Дверь, задевающая нижним углом половую плитку, зашуршала, и он выбрался в черноту большой столовой, где днем пополняли свои силы студенты педунивера. Его рука нащупала выключатель в гардеробной, куда попадал всяк входящий-выходящий из сторожки. Но Рослик передумал щелкать выключателем и пошел по темноте: на втором этаже всё равно горел дежурный свет.

На полпути – площадке между лестничными пролётами – он остановился и прислушался. Холодно и тихо. Нет, звуки, конечно, были: капала вода в далеком умывальнике внизу; едва заметно гудели холодильники – как пчелы, поставленные на зимовку. Большие металлические воздуховоды, подвешенные к высокому потолку, иногда пропускали уличный шум – грохот колес ночного грузовика или металлическое стрекотание запоздалого трамвая-одновагонки.

Но к этим столовским звукам Рослик уже привык – за полгода работы сторожем. То, что его разбудило, звучало иначе.

«Целенаправленно, – пронеслось в его голове. – Оно визжало так, будто у него была какая-то цель».

У него от этой мысли похолодело внутри и по позвоночнику будто пробежали влажные тараканьи лапки.

– Что за чёрт? Эй, кто там? – крикнул он в подсвеченную пустоту второго этажа. Звук собственного голоса его подбодрил, и он быстро преодолел последние ступени. По-прежнему гудели холодильники и капала вода. Рослик прошелся вдоль линии раздачи, где

днем стучали подносами студенты. Его взгляд заскользил по окнам: может, забыли где закрыть створку? Нет, всё заперто, цело и тихо.

Он вернулся к лестнице и только успел спуститься до первого этажа, как на втором снова что-то завизжало и запрыгало. Дыхание его остановилось, он матюгнулся и побежал назад. Рослик еще раз мельком осмотрел большой зал со столами и стульями, который днем заполнялся до отказа филологами-уфологами и математиками-географами – в общем, будущими учителями-всепредметниками. Вроде всё как всегда... Затем метнулся в подсобку.

«Раньше здесь не капало... Капало же всегда вниз в умывальнике», – он на ходу подкрутил кран большой мойки для грязной посуды, но ничего не добился: капля воды продолжала дрожать на кончике гусака и падать на звонкую ржавую поверхность. Посмотрел вверх и вбок, заглянул под огромный металлический стеллаж с кастрюлями и сковородками и помчался дальше. Эхо его шагов разносилось по большим полутемным помещениям.

«Ну если только залезли черти! Вот я им покажу!.. А если их трое или пятеро? Что тогда?». Он не стал долго раздумывать и рванул в коридор, в котором не было ни окон, ни дежурного света. Рука нашарила выключатель, и сверху замигала белая лампа. Она то вспыхивала, то гасла с противным, щёлкающим звуком.

Никого. Только шесть дверей различных подсобок по обе стороны широкого коридора. Он знал, что некоторые из них были всегда открыты, а на двух или трех – амбарные замки. Столовые хранили там всякие припасы на случай всеуниверситетских гулянок и апокалипсиса, плюс – различные инструменты, старые раковины и унитазы. О запертых комнатках с возделением думали поколения сторожей, постоянно пребывающих в поисках жратвы.

Он решил на всякий случай проверить все открытые подсобки, так как точно помнил, что в одной из них есть большое окно – в половину стены. Туда как раз и могли залезть. Больше некуда.

«Проверю – и пойду спать! Пофиг мне: пусть хоть взорвётся тут всё... Это крысы, наверно. Или холодильник какой-нибудь сломался».

Сторож надавил плечом на одну из тяжелых дверей, обшитых серой фанерой. В кладовке было темно, как в кроличьей норе. Он обнаружил, что забыл сотовый в камерке, так что подсветить нечем. Где здесь включается свет, он убей бог не помнил. Секунд пять он

всматривался и вслушивался в густую темноту; серые пятна чуть подрагивали по невидимым углам комнатки. Этот коридор выпадал из обычной столовской звуковой атмосферы, и поэтому тут стояла такая тишина, что звенело в ушах.

Рослик потянул дверь назад и осторожно прикрыл ее. Ему почему-то стало нехорошо, как-то жутко от всего этого – от беготни, странных звуков и серых пятен по углам.

– Пойду-ка я, – сказал он громко. – Нечего мне тут делать, дурака валять. Хоть разгромите тут всё...

Он сделал несколько шагов, чтобы выйти из коридора, – и снова услышал визг, словно кто-то гнул толстые заржавленные петли или мучил гигантского котёнка. На этот раз источник звука был так близко, что ему показалось, будто петли заскрипели в голове.

Сторож на всякий случай пригнулся и посмотрел вверх.

– Да какого фига!? Потолок, что ли, рушится? – срывающимся голосом шепнул Рослик и понял, что лучше и впрямь вернуться в каморку – от греха подальше.

«Запрусь там, подушку на ухо – и до утра как-нибудь дотяну. Утро вечера по-любасу лучше. А с потолком дурацким пусть вон заведующая разбирается».

Он решил выйти с другого конца коридора: оттуда и ближе спуститься до сторожки, и можно одним глазом глянуть на остальные двери. Диггер, как мышь, прошмыгнул мимо запертых и чуть открытых дверей, косясь на сочащуюся из щелей темноту. Завернул за угол, чтобы спуститься на первый этаж и... остановился, выпучив глаза. Лестницы не было. Не было и всё тут!.. Он снова стоял в коридоре с подмигивающей лампочкой, подвешенной на специальный металлический столбик, который крепился высоковерху.

– Как это? – пробормотал наконец Рослик. – Тут так нельзя...

Он отлично помнил, что из коридора с шестью дверьми нельзя сразу попасть сюда же. Если бы кому-то вздумалось проделать такое круговое движение, ему пришлось бы спуститься на первый этаж, пройти мимо гардеробной-сторожки, снова подняться по лестнице и через большой зал – в помывочную, где и была дверь в коридор.

– Наверное, я как-то не так пошёл, – оправдывался он. – Надо вернуться обратно. И свет заодно выключить.

Он протопал до выключателя и хотел было уже щелкнуть им, но оставил всё как есть. «Утром выключу. Пусть горит – всё безо-

паснее...» – и он, открыв вход в помывочную, перешагнул порог. И замер. Перед ним снова был всё тот же коридор – уходящий куда-то в темноту, бесконечный, с шестью дверьми.

– Д... да что же это вы... – засипел Рослик; язык вдруг стал большим и едва помещался во рту. – Играть со мной вздумали? Сволочи такие-растакие...

Он от души выматерился, надеясь, что это поможет вернуть всё на места – так, чтобы коридор стал обычным, а не круговым.

«Вчера вроде бы не пили... Из гостей был только Колян... Но он потом ушёл... – часто моргая, он едва поспевал за собственными мыслями. – Сон это. Точняк. Сон! Щас вот как...» – он не успел додумать мысль и с размаху ударил кулаком в стену. Костяшки пальцев тут же окаменели. Сторож охнул и, закусив губу, принялся баюкать правую руку.

2.

– Тоже удостоился, так сказать? С почином тебя! – Колян грохнул стаканом о железную кружку Рослика и, не дожидаясь, сделал три больших глотка. Бывший диггер тоже пригубил. Спиртовая настойка обожгла горло и сгладила дрожь внутри; стало чуть легче.

– И с тобой тоже так было? Коридор...

– Коридор, – кивнул собутыльник, – но не так. Я топот слышал.

– Топот?

– Да. Бегали там. И кричали. И на помощь звали. Много-много раз. Я даже привык к этому – и перестал выходить, а сначала тоже как ты реагировал. Вон загляни под кровать... Видишь монтировочку? Вот с ней полночи мотался по этому коридору, врагов искал. А теперь – всё, баста. Учёный стал, – Колян вытащил пробку из фляги и обновил их кубки.

– И как же... – Рослик не знал, что сказать.

– Как? Очень просто. Я тут третий год работаю, пообтёрся, приспособился. А остальные – у кого с нервишками не в порядке – сматываются. И месяца не держатся. Вот до тебя здесь Антоха работал, у него прозвище «Гробовщик». Тусню приводил, травку курили, орали, водку лакали так, что наутро весь первый этаж заблёванный был. Я ему: «Антох, ты пойми: здесь так нельзя. Это место музыку любит, покой, разговоры душевные». А он – мычит в ответ, как бык. Ну и домыхался – инсульт шарханул. Да, ему всего-то тридцат-

ник, а утром повара нашли всего обоссанного и парализованного на правую сторону. А насчет музыки... – Колян прикурил сигарету и затынулся; Рослик тоже угостился дымком. – Насчет музыки – тут вообще отдельная песня. Вот через нее я с ними и подружился...

– С кем?

– Ну с ними – кто тут бегаёт, бормочет и визжит. Не знаю, как их назвать. С силой этой. Я ведь тоже не железный, чтоб херь эту паранормальную терпеть каждое дежурство. Поработал месяцка два – еще когда только начинал тут – и думаю: «На фиг надо! Здоровье дороже денег – уволюсь к такой-то матери...»

А тут ко мне Санёк приперся в одно из дежурств, – ты его не знаешь. Он тут лабал вместе с местными в рок-группе – и басист, и барабанщик. А по натуре – грёбаный шаман. Повёрнут тут на всём этом – книжки читал, молитвы знал. Он щас в Москву подался, я с ним уж все связи растерял. Так вот: он как услышал посреди ночи всё это – вскочил, глаза горят! Ну я его заранее не предупреждал, я вообще не люблю распространяться про такое. Рассказал ему, сходили мы в тёмный коридор, где шесть дверей-то этих. Выпили – всё как полагается, чтобы обсудить, так сказать, обстановочку. И под утро он мне говорит: «Я с ними подружусь. Вот увидишь, говорит. Жди меня на следующее дежурство».

Я головой покачал, но мешать не стал. Думаю: «Обломается – так его проблемы. Не мои». И этот чел, прикинь, припёр через два дня барабанную установку. Ну попросил там ребятишек – они вечером на тачке подвезли, когда уж поварихи все разошлись. Перетащили мы всё это дело на второй этаж, собрал он там эти все тарелки, гуделки-моталки-барабаны и – вниз ко мне в сторожку.

«Теперь, говорит, подождем». Ну нет вопросов. В карты с ним сыграли, покурили, я телек включил, кемарить уж стал. А Санек – не спит. Лупится вон на стену и сидит с открытыми глазами, слушает. И вдруг – мать его за ногу – бам-барабам, бам-бам! Чё такое?! Никогда такого здесь не слышал.

«Ага, – говорит. – Нашли, значит. Они щас поиграют немного, а потом мы к ним подыдемся!». Я молчу. А чё тут скажешь? Еще десять минут тишины. Потом опять – бам-барам-бам-бам. И в тарелки – быц, быц! Быц-быц!

Я, чесна слово, креститься начал. А Санёк – хоть бы хны. Ну, кароч, подождали мы, а потом – туда поднялись.

«Ты, говорит, просто сиди тут и слушай. Смотри. А я для тебя индивидуальный концерт слабаю». И слабал. Неслабо так слабал. Такой звучище в этом зале – закачаешься. Столовую-то в советские времена возводили, она размером с Байконур, сам знаешь. И оказалось, – это уж мне Санек потом не раз говорил, – что там, на втором этаже-то, акустика какая-то необычная. Как в филармонии, блин.

И вот, значит, оттянулся он на барабанах своих – от души отыграл, мне прям понравилось. И потом мы спать пошли. Так вот с тех пор – как отрезало. В дежурства – и в мои, и у остальных – тишина-покой, мило-дорого посмотреть. Правда, через месяцок опять начали пошалить. Ну я тогда Саньку звонил – и он прикатывал, концерт давал.

Так вот и жили-поживали. А потом ему это всё надоело, и он, Санёк-то, мне и говорит: «Давай-ка ты, братан, сам учишь духов увещевать!». И притаранил мне вон... – Колян приоткрыл шкаф и кивнул на коробку.

– Чё там? – спросил Рослик, у которого голова была трезвее трезвого, несмотря на то, что его собеседник не забывал обновляться во время своего рассказа.

– Ну так достань, посмотри.

В коробке оказался небольшой барабан, а сбоку в чехольчике – палочки к нему.

– Вот он меня немного поднатаскал на это дело. И всё – я втянулся. Только у меня музыка-то хреновая, видать, выходит. Срабатывает дня на три, не больше. Да и вот Гробовщик всю карму подпортил: после его тусни они снова стали шалить – мой барабанчик мало помогает.

– Знаешь... Я тут подумал, – Рослик почесал шею в том месте, где дракон. – У меня гармошка есть. Купил недавно, а то ведь старую посеял. Может, им тоже... поиграть.

– Во-о! – Колян протянул руку коллеге и крепко пожал. – Одобрямс. Мы с тобой тут еще концерт закатим, я ж тебе говорю: не звук, а филармония!

3.

Инфа про педовскую столовую, которую Рослик нарыл в инете, была крайне скудна: построили это здание в 1970-х вместе с университетом. В общем-то, всё – никаких подробностей. Зацепку дал ка-

кой-то блог в ЖЖ про аномальщину в У., о котором бывший диггер и не подозревал до сего момента. Вёл его некий юзер «дядя Паша Ташин, дед-краевед», как он сам себя именовал:

«По поводу педунивера (я привык называть его институтом) ходит еще одна байка. Услышал я ее от тамошней вахтерши еще в 1990-х. Если точнее, она мне рассказывала не о самом университете, а о двухэтажной столовой, которая к нему относится. Якобы раньше, еще когда города здесь и в помине не было, тут располагались древние могильники – то ли мордвы, то ли булгаров. Но этих булгаров сейчас упоминают и в лад, и невпопад, поэтому меня это не особо заинтересовало. Любопытно другое: будто бы студенты из общаги много раз видели по ночам в окнах столовой некое свечение и тени. Дело в том, что здание общаги как бы окольцовывает столовую, так что у молодёжи есть возможность заметить-понаблюдать.

Я, конечно, заинтересовался. Стал расспрашивать самих студентов и от одной филологини – второкурсницы Машеньки – услышал такую историю:

«Я, говорит, немного со сторожами знакома. Они клянутся, что у них по ночам там чёрт-те что творится – и гремит, и визжит. Парни, говорит, даже уж привыкли к этому».

Нужно сказать, что о странностях в столовой слышали немногие у...цы. Я попытался выйти на тех самых столовских сторожей, упоминавшихся выше, но те наотрез отказались общаться со мной.

Могу добавить к этой истории еще нюансик: один мой давний знакомый, он в свое время работал в городском управлении ЖКХ, уверяет, что под самым подвалом столовой проложена большая бетонная труба. По ней течет речка Бригадирка, о которой из современных горожан уже мало кто помнит. А ведь когда-то это река очень много значила для У.»

Когда Рослик дочитал до упоминания про бетонку, он вздрогнул и почувствовал сухость во рту. Ему нестерпимо захотелось позвонить Синдре, но он сдержал себя: всё равно ведь не ответит. Почти год прошел, как они туда лазили, но до сих пор он чувствовал себя виноватым.

Синдром пару раз ему написала в ВК – просто чтобы сказать, что ей звонить не надо. Лучше больше вообще не общаться. И всё. Ни ответа ни привета. И чем вот он перед ней провинился? Кто же виноват, что ливанул дождь? Они хотели просто пробежаться по

Бригадирке – легкая двухчасовая экскурсия. Проще пареной репы. Да и разве кто-то сильно пострадал? Поцарапала она свою драгоценную коленку, но он-то тоже разбил голову и потерял старую гармошку, – а новая уже не дает таких чумовых блюзовых тонов.

Ну ее, эту Синдру! Пусть парится со своим Димычем – героем и спасителем. Чип и Дейл, блин...

«Но причем тут Бригадирка? – Рослик снова вернулся к столовой. – Почему это так зацепило меня? Из-за Синдры?..»

По совету Коляна, он в одно из последних дежурств опробовал-таки свою гармонику на столовской «силе» – как именовал местные странности сторож-аксакал. Ничего особого не произошло. Диггер поблюзил чуток, лежа на столе, за которым днем обедали преподаватели и студенты.

Второй этаж и впрямь давал наикрутейшую акустику – Рослик даже увлекся игрой, словно находился не на работе, а пребывал на зеленоватой бетонной свае своей любимой заброшки.

Затем он спустился в каморку и заснул сном праведника: никто в эту ночь не визжал, не топал и не шумел. Значит – пришлась им по душе губная музыка в стиле старика Сонни Боя. И на том спасибо. Благодарим тя, Господи, за радости-крохотульки.

4.

Кто знает, может, и Рослик бы постепенно втянулся в эту столовскую размеренность – как и Колян. Дело-то ведь нехитрое: залезай перед сном на второй этаж, играй в свое удовольствие на гармонике, а потом – спи-отдыхай и денюжку за работу получай. И живи себе, не грузи голову разными объяснялками.

Но однажды – ближе к июлю – столовку арендовали под свадьбу. Тут ничего криминального не было: университетское начальство позволяло, ведь суббота, студентов нет, учебный процесс не нарушается. Дежурить выпало Рослику. Он лежал на пружинистой кровати в сторожке, читал детективный романчик без начала и конца (страницы, вероятно, выдернули его же коллеги на понятные надобности) и с некоторой опаской косился на потолок своей каморки.

На втором этаже гремело «Ах, э-эта, свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала...» – и свадьба действительно плясала, от чего сверху сыпалась побелка.

Вдруг дверь распахнулась и показалась голова Александры Семеновны – самого главного здешнего начальника, заведующей. Полные щеки ее раскраснелись, глаза блестели: видимо, гуляющие не оставили ее без коньячка. Вообще, редкие свадьбы были для местных в радость, хоть и приходилось тратить законный выходной: поварихам платили премиальные, после гулянки всегда оставалось много еды и алкоголя, кое-что перепало и сторожам.

– Рослик! – закричала Семеновна; она всегда кричала, даже когда шептала. – Выручай, дорогой! У нас труба в подвале потекла, Дмитрич один не справится.

Дмитрич – сантехник, водитель, строитель, «и жнец, и швец, и на дуде игрец», как он сам себя отрекомендовывал. Работал он в столовой на полставки, много пил, много говорил, но всем нравился.

Рослик в подвале никогда еще не был. Ему почему-то даже не приходила в голову мысль о том, что в этом здании есть подвал. На звание самого «подземного» места здесь и без того находились претенденты – чего стоил темный коридор. Диггер пошел туда без особого напряжения и страха: всё-таки был еще день, кругом люди, с ним Дмитрич. Рослик научился в своем сознании четко разделять два состояния у столовой – ночное и дневное. Первое со вторым почти не пересекались, и была в этом высшая логика и закономерность.

– Тэ-эк. Держи инструмент, щас ключ найдем, – Дмитрич привел его к низенькой двери, расположенной сбоку – снаружи здания. – Открываем. Заходим. Иди за мной и бошку береги, тут такие загоулины встречаются – можно и глаз выткнуть.

Свет здесь включался, но большинство ламп перегорело, так что главным маяком служил фонарь в руках сантехника. Когда наружная дверь закрылась, Рослик ощутил знакомое сладостное чувство тревоги и предчувствия близких открытий. «Совсем как в Бригадирке... Эх, Синдром Синдромыч, почему ж ты такая обидчивая...».

– Ага. Держи фонарь, свети мне. Щас найдем порыв, хомуток сляпаем – и пойдешь снова свадьбу слушать... Тэ-эк. Ага. Вот оно. Ах ты, чёрт, да тут не капает, а льет!

Из толстой трубы действительно тёк небольшой ручеек. Но грязный бетон под ногами оставался относительно сухим – видно, вода сразу уходила куда-то вниз.

– Да-а. Дело, как говорится, труба. Тут хомутом не обойтись, тут весь пролёт менять надо, – бурчал Дмитрич. – Говорил Семёновне сто раз: проси денег, менять здесь всё нужно. А она отнекивается. Ладно, Рослик, голь на выдумки хитра, ща сообразим чё-нить.

Сантехник начал колдовать над трубой, пытаясь охомутать порыв. Сторож старался светить так, чтобы Дмитричу всё было видно.

– Ты вот знаешь, куда эта труба с нашей водой-то утекает? Со всем этим говном, обедами и прочими радостями? – спросил сантехник, стягивая хомут толстенными болтами. Бывший диггер равнодушно пожал плечами.

– Слыхал про Бригадирку? – спросил Дмитрич, и его напарник вздрогнул. – Речка такая была. Она и щас есть, да ее всю вон бедную в бетон загнали и под землю спрятали. Это еще до войны дело случилось – основательно делали тогда, да. Речушка-то по центру города текла и вымывала каждый год овраг. И вот придумали с ней вот так поступить, чтобы центр укрепить. И теперь понастроили всяких торговых центров, кинотеатров, домов – и некоторые даже не знают, что под ногами у них – Бригадирка бежит.

Сантехник закончил работу, ручей, текущий по черной трубе, истончился, а потом и вовсе пропал.

– Так из столовой все отходы сюда попадают? А почему не в канализацию? В Бригадирку же ливнёвки только запустили вроде как?

– Ха-ха, весёлый ты парень, я погляжу! Но наивный, блин. В эту Бригадирку давно сливают всё что ни попадя. Кто во что горазд. Говорят, вон с радиолампового туда же лили много лет. Но щас завод разорился – так что реке, наверно, полегше стало... Ну вот. Сделали мы свое дело. Молодцы мы! Пойдем-ка, Рослик, к Семеновне – скажем, что боевое задание выполнено. Може, и поднесёт нам по рюманделю, а?

5.

Заведующая поднесла, и они с Дмитричем засели в сторожке. С сантехником легко говорилось и уютно сиделось: был он весь какой-то круглый, смешливый и нескучный.

После второй рюмки свадебного коньяку Дмитрич подмигнул сторожу и спросил:

– Ну чё, Рослик? Как тебе тут работается, а?

– Да ничё, дядь Саш, терпимо.

– Вестимо, что терпимо. Иначе бы не задержался тут! – Дмитрич снова подмигнул и чуть вытянул нос в сторону собеседника, будто приносиваясь. – Ты уж тут сколько? Месяца четыре, наверно? Это ты молодец. А то ведь у нас тут, кроме Кольки, мало кто оставался дольше двух-трех месяцев.

Сторож кивнул и украдкой посмотрел в хитрые глаза Дмитрича: ведь знает обо всём, чёрт старый! Дядя Саша снова вынул пробку и подлил золотисто-коричневого в рюмки.

– Ну, ладно, парень, не таись от Дмитрича. Я тут пасусь уж лет десять – как вот Семеновна заведующей стала. Видел чё?

Рослик кивнул.

– Колян мне кое-что говорил, но из него ведь каждое слово клещами надо вытягивать... Топот, плач детский?

– Да, это тоже было, – диггер поежился. – Но вот с коридором случай вышел...

И Рослик живописал. Сантехник слушал его с видимым удовольствием – будто кот про сметану. Иногда даже подсмеивался.

– Вот-вот. И я сто раз про то говорил: круглит тут и водит, ой во-одит...

– Так вы тоже? – диггер наострил уши. – И у вас с коридором приключилось?

– Не. Не с коридором, а вот с подвалом. Никто тебе не рассказывал? Колян вот знает про это, по-моему. Дело было года три назад. Я пошел отопление проверять. Ну посмотрел узел, счётчик, повернул назад – а вот тебе хрена лысого! Не могу выйти и всё тут. Да я в этом подвале с закрытыми глазами все входы и выходы найду, каждую щелину-поперечину знаю, а тут – поди ж ты. Не могу дверь отыскать! Матерюсь, фонариком свечу. И сотовый ведь как назло в машине оставил. Ходил-ходил, ходил-ходил, устал, сел на стульчик – у меня там есть возле узла – и говорю: «Бригадирка, кончай свои фокусы! Отпусти старого – не до шуток мне...».

Пошел снова искать – и никак. Я уж чувствую, что мне кровь в голову ударять стала, давление подскочило. Думаю: «Ну всё, дядь Саш, скопытишься ты тут и найдут тебя к вечеру ближе... Не думал не гадал, что в подвале придется душу Богу отдавать».

И тут мне на ум пришла Колькина штука – ну как он барабанит по ночам, он же тебе рассказывал? Ну вот и я, дурак старый, сел на

корточки и давай пальцами дробь по трубе выкаблучивать. Ну как мог – я ведь еще тот музыкант, четыре медведя по ушам топтались и те разбежались. Подеребенькал чего-то там, даже, блин, петь пришлось: а куда деваться, жить захочешь и не так раскорячишься.

И чё ты думаешь, Рослик? Только я встал на ноги, десять шагов прошел – мать моя женщина! Да вот же дверь – да еще и неплотно закрытая. В темноте за версту выдать. Вот так-то. Непростое это местечко, Рослик, ох непростое...

Они хлопнули по последней, и Рослик слово за слово – сам от себя не ожидал – взял да и выложил сантехнику всю историю с Синдрой и Бригадиркой. А ведь не любил он про это говорить – не было и желания с кем-то делиться такими воспоминаниями.

– Да-а. Знатно она вас шарахнула! – засмеялся дядя Саша. – Это еще по-божески, пожалела, так сказать. А я вот слышал, что кое-кого она и топила до смерти – не выходили оттуда...

Да и ведь, Рослик, Бригадирка-то эта – тоже не пальцем деланная речушка. Мне вон люди говорили... ну есть у нас тут один мужичок – очень головастый, краеведом себя называет... Так вот: когда У. был и не городом, а так – крепостишкой, это лет триста назад, а может – и все пятьсот, – речка эта вроде как охранницы была. Ну ров охранный вокруг крепости заполняла. И когда бывало нападал кто – а там кто мог нападать? Разбойники, может, местные, мордва ли – я не знаю. И вот в речку, короче, убитых сбрасывали. Она аж красная становилась от этого. Поэтому ее и называли – Красная Бригадирка, ага...

Тут к ним в каморку заглянула повариха Галя и сказала, что Семеновна призывает сантехника к себе. И Дмитрич испарился.

Рослик сидел почти час за столом, обдумывая сказанное сантехником. Что-то шевелилось в его памяти, вспоминались какие-то голоса и разговоры, и среди прочих отчетливее всех был слышен голос отца.

Глава 4. Свидание в роще

1.

«Наташик, карлик опять заявился. На этот раз в паре с какой-то другой ведьмой. Я сразу же тете Лене звякнула – и она прибежала. Отца дома не было – его уже сутки где-то носит, но я, конечно, наврала им, что он только что ушел – трезвый, как мамонт.

У нас всё чисто, продуктов полный холодильник. Я вообще-то уроки сидела делала, когда они припёрлись (это правда, правда!!).

Опять начали всё вынюхивать, осматривать, вопросы задавать. Но тётя Лена – вообще красавица – отбоярилась от них в два счета. Всё, мол, окей, девочка под присмотром, сестра вернётся не сегодня-завтра, семья вполне благополучная – я как соседка могу подтвердить.

Наплела им столько, что они, наверно, всю неделю лапшу с ушей снимать будут...

Наташик, а ты когда на самом деле вернёшься, а? Я соскучилась! Еще из-за этого карантина не сходишь никуда особо-то, я целый день вон фильмы по смартфону смотрю. Надоело. Приезжай, плизз!!».

Катик меня сегодня порадовала, настроение прям повысилось. Я сейчас обрабатываю то, что удалось накопать в Малиновке. До склепов так и не дошла – их, судя по всему, с проводниками искать надо. Зато я знатно посидела на скамейке с тремя женщинами, которые выгуливали своих спиногрызов. Это как раз в роще дело было. Малиновка, по сути, – большой лесопарк, удивительно тихое и красивое место.

– Я здесь всю жизнь живу, вон мой дом видать, – показывает рукой полная пожилая женщина. Говоря, она ни на секунду не упускает из виду мальчишку лет четырех, бегающего поблизости, – наверно, внука. – И никогда ни про какие склепы не слышала. Всю жизнь тут роща – роща она и есть. Деревья да дорожки и воздуха немножко. И никаких склепов.

– Ну как же! – возражает ее более молодая соседка по скамейке. – Это в советское время рощу здесь сделали, а до этого-то тут имение помещиков было – фамилию не скажу. И склепы есть, да только они там – в овраге. Мне сын старший рассказывал, он много раз ходил к ним.

– Ой, не знаю! – продолжает гнуть свое пожилая. – Всю жизнь тут жила, ничего не слыхала. Роща она и есть роща.

– Так, может, вам просто неинтересно было, – вклинивается в разговор третья женщина средних лет. Голос у нее глубокий, низкий, похожий на мужской. Она напоминает чопорную англичанку не из нашего времени, и я не ожидала, что смогу разговаривать и третью «сиделицу». Та покачивает коляску, в которой спит совсем маленький ребёнок.

В ответ на замечание «англичанки» полная только хмыкает. Возникает пауза, я хочу задать следующий вопрос, но воздух снова наполняется низким голосом чопорной.

– У нас есть... ну назовём это семейным преданием, потому что документов никаких не сохранилось. Так вот старшие родственники по маминой линии рассказывали, что мы родня Джейн Томкинс – компаньонки помещицы Смолиной. И говорили, что склепы сделали заранее – для самой барыни и ее компаньонки. Но тут случилась революция, и всё изменилось: у Смолиных всё отняли, они эмигрировали, а их бывшее поместье и огромный сад превратили в парк.

– А сейчас что в этих склепах? – спрашиваю я.

– Да кто же знает! – встревает та, что помоложе. – Туда только мальчишки и лазят. Ничего уж, видимо, не осталось.

– А мне сказали, что оттуда ведут подземные ходы – вроде как лаз до самого центра города?

– Кто это вам сказал? – вдруг строго спрашивает пожилая. – Это чистой воды враки. Может, вы еще и клады туда пойдете искать? Говорят вам: нет там ничего, и ходить туда не стоит. Я вас просто предупреждаю!

Я, смущенная, соображаю, что бы такое ответить на этот выпад, но ситуация разрешается сама собой.

– Витя! Витенька! Давай домой! – полная дама встает и, не прощаясь, уходит вместе с внуком.

– Не обращайтесь на нее внимания! – говорит мне через минуту после ее ухода молодая. – Я ее знаю, она в соседнем дворе у нас живет – она вообще не любит приезжих да чужих.

Я киваю.

– Если кто-то вам и сможет рассказать об этих склепах – так это мой брат. Я могу договориться с ним насчет этого, – это уже добавляет «англичанка».

Я рассыпаюсь в благодарностях, и мы с ней обмениваемся номерами сотовых.

Потом я отправляюсь бродить одна по дорожкам рощи. Дышу воздухом настоящего леса и слушаю переговоры птиц. Мне вроде бы должно быть хорошо и спокойно, но из головы почему-то не уходит сказанное пожилой женщиной. Я вспомнила, что нечто подобное мне говорил и Соболев. У них тут что – местная особенность такая? Предупреждать?

2.

Вечером мы с Татьяной Федоровной закатали «грандиозный пир». Это так обозвала нашу посиделку сама Супонина. Пожарили курицу, купили красного полусладкого – и «закутили».

– Как у тебя, Наташенька, – удачно сегодня? А я тебе такого информанта отыскала – просто клад, а не человек. Это Ольга Турусова – директор местного краеведческого музея. И чего я сразу тебя к ней не отправила? Она же сама все рассказы и легенды про У. собирала. У нее даже есть несколько публикаций в местной прессе на этот счет. Одна так и называется – «Легенды Малиновской рощи». Ну? Разве не прекрасно?

Я действительно обрадовалась, потому что мне надо было уже брать быка за рога. В начале следующей недели уезжать, а я еще только раскачиваюсь. Нужны записи и встречи, записи и встречи. Я стрельнула у Супониной телефон директора музея и спросила Татьяну Федоровну про сегодняшний день.

– Ой, Наташенька, я сегодня что-то углубилась в особенности местной политической игры. Тут такое любопытное противостояние между муниципалами и областной властью – на нем-то и строится здешняя политика-экономика.

Я изобразила интерес, но дальше вслушивалась мало. Лишь бы не сорвалась завтрашняя встреча с братом этой «англичанки». И мне нужно найти проводника до Малиновских склепов – хотя бы для того, чтобы сделать фотки. Фотоотчет о поездке ведь закрепили за мной. Тут подкачать нельзя.

Перед сном заглянула в почту, а там письмо: пришло послание в личку с ЖЖ:

«Это Ташин. Случайно не вы с моей сестрой сегодня в роще беседовали? Это можете быть только вы – кто же еще? Я только

удивляюсь, как вы так быстро смогли найти ее. Впрочем, это не важно. Я готов с вами побеседовать, потому что иначе, видимо, нельзя. Завтра в 12-00 в Малиновке – на той же самой скамейке. Устроит вас?».

Я ответила, что да, устроит. И, конечно, рассыпалась в благодарностях. Дело продвигается, господа присяжные!

3.

Темнота. Вдалеке, на самой границе восприятия, чуть брезжит свет. Я, спотыкаясь, бреду туда. Только тут замечаю, что вокруг – вовсе не тишина. Капает вода, где-то что-то тонко подсвистывает – будто сверчок. Едва улавливается низкий гул, давящий на все чувства. Пахнет землей и влажным бетоном. И вдруг – глубокий вздох кого-то огромного; совсем рядом притаился кто-то чудовищный, я чувствую на себе его хищный взгляд.

– Не бойся, – шепчет мне мужской голос и чья-то сильная рука берёт мою ладонь в свою. – Мы сможем от него уйти, но придётся бежать. Готова?

Бежим в полной темноте, ноги тонут в вонючей жиже, месяц кашу из камней и веток, а мы продолжаем нестись вперёд – как сумасшедшие. Но оно догоняет нас, его дыхание и тяжелые вздохи всё ближе и ближе. И тут нас сбивают с ног.

Я лежу на спине, закрыв глаза. К моему лицу медленно приближается чья-то большая голова; она обнюхивает меня – и это длится вечность. Затем холодок, резкое движение воздуха и – отчаянный крик боли. Я понимаю, что чудовище добралось до моего спутника. Глухие удары и потом – выворачивающие наизнанку чавкающие звуки. Совсем рядом пожирают того, кто хотел спасти меня.

Проснулась я с криком. Привстала, судорожно хватая воздухом ртом, и долго пялилась в темное окно, чуть подсвеченное уличными фонарями. На сотовом – третий час ночи. Я сходила в ванную и умылась. Потом пошла на кухню и налила себе холодного молока. И, наверное, с полчаса стояла возле кухонного окна, смотря на пустой Колотовский бульвар.

«Может, и правда лучше уехать? Меня ждет Катик, а тут... Тут что-то не так. Зря мы сюда приехали с Супониной...» – я пойма-

ла себя на этой мысли и удивилась. Что это? Неужели разговор на скамейке так на меня повлиял? Чушь всё это. Надо просто сделать свою работу, причем работу, от которой я ловлю кайф, и потом уехать – только и всего.

Я подумала о сестре, представила, как она сейчас спит в своей любимой позе – завернувшись в плед, словно в кокон, – и мне стало нестерпимо жалко ее. Как же фигово, когда нет мамы. Ну почему всё так? Зачем нужно было забирать ее у нас?

Прошло всего пять лет после ее смерти, а я уже с трудом могу четко вспомнить ее лицо. Когда смотрю на фото, где они с отцом улыбаются, – это во время папиного дня рождения, мне тогда лет пятнадцать было, – я помню ее. Но стоит убрать фотку – и лицо расплывается. Будто приходит туман и хочет забрать ее даже из моих воспоминаний.

Всё случилось так глупо и быстро – ничемная простуда, кашель, снова кашель, вроде бы бронхит, а вроде бы и нет. Когда опомнились – выяснилось, что двухсторонняя пневмония со стертыми симптомами, без высокой температуры. Но состояние ухудшалось, положили в инфекционку и вдруг – всё. Мамы у вас больше нет! Да вы свихнулись совсем? Как нет? Как?!

Слёзы замечаю уже на подбородке, несколько холодных капель просочились за воротник футболки, в которой сплю. Если и есть в этом смысл, то я точно его никогда не поймаю. Это как идти по темному коридору, не зная верного направления.

Вспоминаю сон, и внутри всё сжимается. Нет ничего омерзительнее этого ощущения – когда чувствуешь, что кто-то обнюхивает тебя, пытается втянуть тебя целиком, распознать, кто ты, а затем решить – оставить в покое или сожрать...

Уснула только под самое утро. В девять меня разбудили стук в дверь и призыв Супониной отвежать кофию.

4.

– Зачем вам это всё? – Ташин смотрит так, будто цель нашей встречи в том и состоит, чтобы я ответила на этот вопрос. Может, он и в самом деле так думает.

Я заранее никак не представляла себе его внешность, но уж точно не ожидала, что «дед-краевед» – это мужик, которому нельзя дать и пятидесяти. Худое узкое лицо, глубоко посаженные глаза,

бородка из десяти коричневых волосинок и очки с толстенными стеклами – вот кого я увидела на скамейке в роще. На свою чопорную сестру-«англичанку» он похож, как топор на кашу – ни единой общей черты.

– Павел Сергеевич, – представляется он, я сажусь рядом, и он тут же задает свой главный вопрос.

– Ну, я исследователь, – отвечаю. – У нас проект по малым городам, собираемся издать монографию, в которой будет не только про У., но и...

– Ерунда, – прерывает меня Ташин и так машет рукой, словно хочет закрыть ею мой рот. – Если вы только за этим сюда приехали, то лучше сегодня же купить обратный билет. И главное – почему вас интересует именно такая тема? С вами кто-то еще ведь прикатил? Они тоже интересуются... м-м... необычным?

Я сказала пару слов про Татьяну Федоровну.

– Вот и вы, вот и вы, – он говорит поспешно, будто боясь, что я его перебью, – занимались бы тем же – политикой, статистикой и тому подобным. Понимаете, в роще лучше видеть только рощу – и ничего более...

Я вздрагиваю и опускаю глаза под его взглядом. Знакомые обороты речи, очень знакомые...

– Всё-таки я хотела бы поговорить с вами об У. – можно начать с Малиновки... – вставляю я, надеясь тем самым отвлечь его от моей персоны.

Он вздыхает и прислоняется к спинке скамьи. Его напряженные плечи чуть расслабляются и опускаются.

– Наталья, послушайте меня... Я тоже начинал, как вы: завёл бложек, рыскал тут, бил копытом, интересовался, записывал. А потом – как отрезало. Вы не заметили дату последней моей записи в блоге? Больше трех месяцев назад. Я теперь этим не занимаюсь, и вам не советую.

– Но почему, Павел Сергеевич? Любопытно же...

– Любопытно, – Ташин передразнивает мою интонацию. – Девушка, да ничего любопытного! Просто собрание пустых фактов, домыслов и слухов – только и всего. Поройтесь вон в желтой прессе – и найдете то же самое.

Мы молчим. Он не смотрит в мою сторону, а куда-то в небо и на верхние ветки деревьев.

– Хотите пройтись? – неожиданно предлагает он и быстро поднимается. Я тоже встаю вслед за ним. Мы идем по одной из аллеек, уводящих вглубь парка. Он шагает широко, и мне приходится идти быстрее, чем я привыкла.

– Вы вот говорите: монография, – продолжает он. – И что там будет написано не только про У. Да уже это – какая-то насмешка! Знаете ли, наш город – большой ревнитель. Конкурентов и сравнений не любит...

Тут Ташин смеется – тонко и нежно, почти фальцетом, что совсем не подходит к его стремительности и резкости.

– Но вот если начать с Малиновки... – повторяю я. Диктофон записывает уже минут 15: я включила его еще перед тем, как сесть на скамейку.

– Малиновка... – его голос становится мечтательным. – Это мое любимое место в городе. Вы знаете, что здесь более 200 пород разных деревьев? Смолины постарались, очень богатые и образованные были помещики. И эта роща – единственное место во всем городе, где уцелел кусочек того леса, что был еще в 18 и даже в 17 веке. Представляете?

Я давно хотел написать историю Малиновки – такую увлекательную, настоящую, чтобы передать читателю всю мою любовь к этому месту. Говорят, – но это тоже слухи, конечно, – что сам Гончаров – наш писатель-классик – вдохновлялся тут для написания своего «Обрыва». Слышали про то?

– Я слышала, что компаньонка здешней барыни – ваша родственница, – осторожно, боясь его спугнуть, говорю я.

– Ну, не компаньонка, – морщится мой собеседник. – Скорее, она была няней Кэтлин – Смолину так звали, на английский манер. Ее отец ведь был ирландец. Да, да, это целая история. Кэтлин досталось в наследство огромное состояние – у нее тут были и земли, и заводы. Было еще одно имение в сельских районах – оно потом под школу использовалось. И няня-то – эта самая Джейн, тоже, кстати, англичанка – и предложила соорудить вот эти родовые усыпальницы для себя и своей барыни. Причем заранее – когда о смерти из них никто еще не помышлял. А потом революция... Ну вы знаете всю эту историю...

Я молчу, понимая, что он продолжит сам: я вижу, что ему хочется продолжить, но он борется с собой. Мы переходим на дру-

гую дорожку; звук от автомобилей совсем перестает быть слышен. Лишь шум ветра в кронах и редкая перекличка птиц.

– И вот потом все эти рассказы – склепы, клады, подземные ходы... А знаете что? – он останавливается и смотрит на меня из-под ладони, закрываясь от солнца, которое нашло путь сквозь ветки деревьев и светит ему в лицо. – Не хотите взглянуть на эти самые склепы? На самом деле это не так далеко, если знать дорогу. Просто я придерживаюсь того простого принципа, что лучше один раз увидеть...

Я киваю, и он тут же сворачивает на другую тропинку – уже без асфальта. Мое сердце стучит сильнее, но я изо всех сил стараюсь скрыть свою радость. Только бы его не спугнуть, только не...

– Дело ведь даже не в том, есть ли там подземный лаз или нет. Я уж молчу про дурацкие слухи о кладах – меня это вообще мало интересует. Вся соль в другом...

Он останавливается и поворачивается ко мне. Узкую тропку со всех сторон окружает низкий кустарник с красноватыми листьями. У Ташина взъерошились волосы на голове, бородка ушла в сторону, а глаза блестят – он похож на поэта, охваченного вдохновением.

– Вот если я вам скажу, Наталья, что лаз есть? Что подземный ход существует – вот что это изменит? Для вас лично? Да ничего!.. Дело совсем не в лазе, а в том, *кого* мы там можем встретить. Так ведь, Наталья?

Глаза мои расширяются, в правом виске молоточком стучит пульс. Несмотря на то, что солнечный свет заливает всё вокруг, я опять ощущаю себя в темноте, где вздыхает кто-то огромный.

Он, видимо, замечает бледность моего лица и удовлетворенно хмыкает.

– Значит, успели кое-что увидеть, да? Быстро, однако. Некоторые годами ждут – и ничего. Что-то, наверно, есть в вас...

Ташин поворачивается и идет вперед своими большими шагами. Я смотрю на его удаляющуюся спину, ни о чем не думая. А затем семеню за ним. Солнце светит, птицы поют.

– Вот это барский, а вон тот – его сейчас совсем прошлогодним мусором засыпало – предназначался для Джейн. Раньше тут даже крест был, потом его погнули и сломали, – мы стояли возле полу-

разрушенного каменного сооружения, которое напоминало уходящую вниз арку. На боковинах сохранились остатки ржавых петель: раньше, вероятно, тут находились двери. Сейчас на их месте зиял полузасыпанный землей и камнями провал.

– Знаете, что самое любопытное? – спросил Павел Сергеевич. Не дожидаясь моей реакции на свой вопрос, он положил руки на каменные бока арки и, опершись одним коленом на завал, сунул внутрь голову. – То, что в этих склепах так ведь никого и не схоронили. Барыня и ее няня умерли не в России – одна в Англии, другая в Харбине. О-оп!

И, к моему изумлению, «дед-краевед» исчез в дыре, втянувшись туда, словно змей-искуситель. Я невольно тоже приблизилась к арочному входу, пытаюсь рассмотреть, куда делся мой гид.

– Не бойтесь испачкаться? Тогда прыгайте за мной. Фотоаппарат-то у вас есть? Вряд ли ведь еще сюда сунетесь.

Я быстро отщёлкала внешний вид барского склепа и просунула голову в дыру.

– Давайте, давайте, не бойтесь, я вас здесь подстрахую!

Я, попросившись с чистыми руками и джинсами, полезла вперед. Лаз уходил плавно вниз, а затем быстро начинал расширяться. Грязь под руками вскоре сменилась холодным камнем. Ташин сидел на корточках с небольшим фонариком в руках.

– Лезьте за мной. Еще немного и можно будет выпрямиться в полный рост, – и верхняя часть его тела снова исчезла в чернеющем провале. Я старалась заглушить все мысли и чувства, потому что дай я им волю – и приключение закончится. Разум и страх заставят поспешно ползти обратно. А разве не за этим я сюда приехала? Или всё-таки действительно не за этим?

Краевед ждал, подсвечивая мне дорогу фонарем.

– Осторожнее, не ударьтесь. Теперь можно уже выпрямиться. У вас в смартфоне есть фонарь? Отлично. Можете и фотографировать со вспышкой. Тут начинается коридор – он выложен кирпичом. Это и есть тот самый лаз, о котором вам рассказывали.

Я щелкаю затвором, фотки получаются мутноватые, потому что фотоаппарат не ахти – обычная мыльница.

– Куда ведет этот лаз, Павел Сергеевич?

– Вы на самом деле думаете, что я проходил его до конца? – он смеется. – Поверьте, вряд ли вообще кто-то это делал. Может, толь-

ко строители. Да и зачем? Чтобы встретиться, не нужно проходить весь путь... Идите за мной, старайтесь смотреть, где я нагибаюсь, тогда сохраните голову целой для науки.

Я осторожно двинулась за ним, светя себе под ноги смартфоном. Он молчал минуты три, я решила, что надо задать какой-то вопрос.

– Павел...

– Ш-ш. Здесь давайте немного помолчим. Я сам заговорю, когда можно будет. Это место, Наташа, требует уважения и тишины. Большого уважения...

Диктофон я всё равно не выключила – он мог работать много часов подряд. Ташин передвигался неспешно, но уверенно. Я сделала вывод, что он сюда заглядывает частенько. Пол коридора – сухой, завален кусочками красного кирпича, штукатурки; иногда попадались почерневшие листья и ветки. Было прохладно, но вполне комфортно. Пахло не так, как в подвале: скорее, запах напоминал атмосферу старой кладовки, заставленной прошлогодними соленьями, забытыми березовыми вениками и старым садовым инвентарем.

Мы шли минут десять. Я заметила, что кирпичный пол всё время уходил под легким уклоном вниз – будто бы мы спускались всё глубже и глубже под землю.

Страх почему-то оставил меня. Я вспомнила, как мы с мамой – очень-очень давно, когда еще Катьки даже в проекте не намечалось – играли в прятки на улице. Мы тогда жили в Твери в небольшой трехэтажной сталинке. Сбоку этого дома располагалась узенькая дверь, ведущая в подвал. Обычно на ней висел небольшой замок, но в тот день ее оставили открытой.

Пока мама сидела рядом с песочницей и считала вслух, закрыв глаза руками, я успела добежать до входа в подвал и спуститься туда, прикрыв за собой дверь. Подвальный оказался сухим и аккуратным. Мама быстро сообразила, куда я делась, и вместо того, чтобы отругать меня, сама спустилась туда.

И мы сидели с ней там на каком-то старом деревянном ящике, наверное, минут сорок. Через продухи к нам попадал свет, появлялись и исчезали тени прохожих, слышались искаженные толстыми стенами звуки голосов и автомобилей. А мама рассказывала мне какие-то веселые сказки – истории про подвальных человечков, которые она, наверно, придумывала прямо на ходу. Как же мне тогда было радостно, как я ее любила!.. Я совершенно точно была уверена

в том, что моя мама – добрая волшебница, знающая обо всем на свете, самая добрая, самая веселая... Я потом десятки раз рассказывала об этом своим подружкам по детсаду, и они отчаянно завидовали мне, потому что ни у кого не было такой мамы, которая полезла бы за ними в подвал. Ни у кого...

– Теперь можно и поговорить. Наталья, можно на ты? Ага. Чувствуешь, что коридор изменился? Я говорю не про внешнюю сторону дела, а про внутреннюю.

Мы остановились с ним возле развилки – основной проход по-прежнему шел прямо. В боковые стороны, налево и направо, уходили два узких лаза, похожие на трещины в полу.

– Вот тут самое важное, Наташа, – он говорил негромко и серьезно. – Тут нужно постоять и подумать. Это не простая развилка – и досюда, кстати, далеко не все добираются. Потому что не знают правил – шумят, галдят, выпендриваются – и их просто не пускают. Надо закрыть глаза и открыть чувства. Дальнейшее зависит от самого человека. Я потушу пока фонарик, а ты выключи свой на смартфоне.

Я подчинилась его указанию. Закрыла глаза, прислушиваясь к окружающему. Когда мы перестали идти, стало совсем тихо. Я не слышала даже дыхания своего спутника, хотя он находился совсем рядом. Ничего не происходило. Прошла минута, другая. Я, улыбаясь, тихо спросила, можно ли открыть глаза. Мне не ответили. Еще не включив фонарик в телефоне, я с бьющимся сердцем уже поняла, что произошло. Но просто отказывалась в это поверить. Фонарик высветил лишь кирпичные стены и темноту коридора. Я позвала его один раз, второй, потом закричала во весь голос.

– Это совсем глупо с вашей стороны, Павел Сергеевич! И не смешно. Завести девушку сюда, а потом спрятаться... – я говорила еще и еще. Звала, обзывала его, начала даже всхлипывать – ничего в ответ. Тишина. Абсолютная.

А затем с той стороны коридора я услышала звук, похожий на тяжелый вздох.

5.

– В каждом подвале, Таша, живут свои маленькие человечки. У них такие серые шапочки с острым верхом и зеленые штанишки. Они обожают сказки и музыку – особенно звуки колокольчиков. Как

звенит колокольчик? Динь-динь-динь! Тебе нравятся сказки? И им тоже. Все их любят...

Мама обнимает меня, от нее идет тепло, голос у нее такой мягкий-мягкий, волшебный.

– Мам, а человечки дарят подарки?

– Конечно. Но не каждому, а только тем, кто в них верит, кто их любит. Вот им они дарят сладкие конфеты и свои волшебные истории. А тому, кто их обижает, – они... отворачивают голову, Таша. Выгрызают внутренности, Таша...

Голос у мамы становится низким и чужим – как у той «англичанки»... У какой такой англичанки?..

Я слегка отстраняюсь от мамы и смотрю ей в лицо. И вижу, что мама – другая. Рот и нос у нее уезжают куда-то в сторону, голова удлиняется. Мне страшно, очень страшно, но я смотрю ей в глаза и вижу, что там осталась прежняя мама.

– Мама, а чего не любят человечки? – спрашиваю я. – На что они обижаются?

Та молчит, хмурит брови, голова ее расширяется во все стороны, но я не хочу замечать этого, я смотрю ей только в глаза.

– Мы не любим тех, кто нас не любит. Тех, кто думает, что можно жить без нас. Тех, кто выпендривается и гордится собой. Тех, кто забывает о нас, пренебрегает нами, надеется только на себя. А мы – тут, тут, тут, тут...

Голос ее становится мягче, из него уходят грубость и бас, черты ее лица колеблются, а затем всё охватывает мягкий зефирный туман. Мне хорошо. Мне до безумия хорошо.

– Ч... что... Что вы... Что вы сделали со мной? – я поднимаюсь на локтях. Вижу Ташина, который сидит возле входа в склеп и курит.

Я лежу недалеко – на травянистом пригорке рядом с кустами шиповника.

– Очнулась? – он выдыхает дым и не смотрит на меня. – Крепко же тебя взяло. У других не так сильно бывает... А я вот один туда ходил. Один и выползал оттуда.

Я попыталась встать, но ноги еще дрожали. Поэтому я осталась сидеть на теплой траве.

– Вы меня вытащили оттуда?

– Ну а кто же? Пушкин, что ли? – он прикурил еще одну сигарету. – Куришь? Ну и правильно. Много щас курящих девчонок, мне это не нравится.

– Что со мной было?

– А я откуда знаю? – он улыбнулся и покачал головой, как будто я удачно пошутила. – У каждого свое. Но есть и общее, конечно... Кто у тебя умер?

Я не ответила, так как из-за его вопроса мгновенно вспомнила, с кем недавно, только что, вот только что говорила, общалась. Кого обнимала.

– А у меня вот – жена. Звали Светой. Светланой Николаевной. Работала в городском архиве. Я её целых десять лет не видел, начал забывать ее голос, лицо – вот до тех пор, пока сюда не залез.

Я молчала. Не могла справиться со слезами.

– Поплачь-поплачь. Это хорошее дело – поплакать о них. Вот только... – он резко развернулся ко мне и, сжав кулак, погрозил в мою сторону. – Ты, Наташа, послушай меня, очень внимательно послушай! Ходить в этот склеп больше нельзя! Нельзя и всё! Понимаешь!?

Павел Сергеевич выдохнул и спрятал лицо в руках, я видела, что его плечи сотрясаются от беззвучного плача.

– Нельзя туда, Наташенька, а тянет. Тянет, дурака! – он убрал руки с лица, но в мою сторону не посмотрел. – Ты знаешь, сколько раз я там уже был? Я уже сбился со счета. И ведь, сволочь, сдержаться себя не могу – других вот вожу. Жалко ведь! У одного – друга моего старого, еще по радиоламповому заводу с ним знакомы, – сын утонул. В Волге. Прямо во время соревнований – они там парусным спортом увлекались. Так он жизни хотел себя лишиться... Ну я и привел его сюда. А он потом стал шастать чуть ли не каждый день. Я его уговаривал, умолял – нельзя, дескать, так. А он что, меня слушать будет? И три месяца назад – всё. Приплыли. Нашел его тут, у входа. Дело-то по весне было – еще снег лежал. Признали инфаркт, но я-то знаю, в чем дело... Забирают они, уводят с собой, да. Хорошо там с ними. Ведь правда, Наталья?..

Я закивала. Меня начал бить озноб, хотя солнце еще освещало верхушки деревьев.

– Павел... Сергеевич. А фотоаппарат мой...

– Чё, дрожишь, да? Это бывает, – он поднялся на ноги. – Фотоаппарат твой, Наташа, остался там. Это место не любит... пиара.

Снова я услышала его фальцетный смех. Я автоматически коснулась своего кармана – диктофон вроде на месте. И то хорошо.

– Ну, сможешь встать? – он протянул мне руку, и я, ухватившись за его ладонь, поднялась.

Через полчаса мы вышли к основной аллее парка.

– Вот что, Наташа. Просить о том, чтобы ты никому об этом не рассказывала, я не стану. Бесплезно. Уж я-то знаю, поверь. Но запомни: если ты отведешь туда человека или расскажешь ему про коридор, – он на твоей совести. Целиком и полностью. Твоя вина и твоя боль.

Он кивнул мне и пошел прочь широкими шагами. Оставалось только смотреть ему в спину.

До смерти захотелось пить и – позвонить Катику. Господи, как она там одна? *Я-то ведь маму видела, а она – нет.*

Глава 5. Паранормальная экология

1.

– Чуваки, просто отпад! Вот тут тот самый домик раньше стоял, а шас шиномонтажку зафигачили. Так, стоп, шас будет сложно, тут не просто заборчик – сверху колючку натянули, – Рослик шепчет в микрофон от экшн-камеры. Сама видюха закреплена у него на голове – будет что показать ютуб-зрителям.

К нему на канал уже добавились больше 15 тысяч подписчиков. Лиха беда начало, как говорится. Так, трейсер и сталкер, вперед!..

Всё четко вышло. Объект, конечно, особенный, это тебе не какая-нибудь заброшка, а охраняемая частная собственность. Да что говорить: снять знаменитый 41-й дом по улице Розы Люксембург! С полтергейстом и со всеми наворотами. Это вам не в тапки гадить. Хей-хо!...

Рослик, крадучись, обходит двухэтажное здание с темными пластиковыми окнами. Тут явно не живут – вверху офисы, внизу шины меняют. Он сразу замечает видеокамеру под карнизом: попасться в объектив нельзя. Хорошо, что на голове – черный капюшон, и сам он одет во всё смутно-серое.

Крутотышка крутота – это, конечно, пробраться в подвал. Потому что прежний дом снесли, двор закатали в асфальт – кароч, ничего интересного. А вот подвальчик – уже кое-что. Можно вещать братьям по Инету, что ты реально заснял что-то клёвое.

– Так, что это у нас тут? Подвальное окошечко? – шепчет Рослик в микрофон. – Пам-бам! И как у нас открываются пластиковые окна, кто помнит?..

Он снова думает о том, что рыскать по частной территории – то еще приключение. Не сталкерская это фишка, не для трейсеров и проводников. Но, с другой стороны, какого чёрта? Не грабить же сюда залез Рослик, а пообщаться. Всего-то проверить одну идею.

С окошком он справился за какие-то десять минут. Втянулся туда, будто уж в нору, и, спрыгнув, ощутил под ногами холодный кафель. Он включил небольшой фонарик-карандаш и тут же присвистнул от удивления. Вместо ожидаемого подвала он попал в большой, хорошо оборудованный гараж, в котором отдыхала белая «Тойота».

– М-да... Шуточки прочь, – шепчет он в микрофон. – Если меня здесь застукают, точно решат, что я за тачкой припёрся сюда. Или за магнитолой.

Парень оглядывает кафельный пол и вскоре находит искомое – крышку люка. Та, слава богам, оказывается незапертой. Рослик поднимает ее, залезает вниз, в темноту, и тихо прикрывает за собой. Железная подвесная лестница, как он и думал, ведет в большой погреб. Это как раз то, что ему нужно.

2.

Он, конечно, не ставил себе никаких четких целей, но знал, что его вылазка должна что-то подтвердить. Где-то внутри его сознания уже оформилась гипотеза, но ему нужны были веские доказательства («Рослик, ведь у тебя сердце настоящего исследователя!»).

Бывший диггер достал из рюкзачка небольшую туристическую пеночку и расстелил ее на холодном бетонном дне погреба. Вдоль стены тянулись полки с банками, пахло прошлогодней проросшей картошкой – остро, до щекотки в ноздрях. Устроившись в йоговской позе, Рослик посветил вверх: плотно ли он прикрыл крышку?

Затем выключил фонарик, вынул из внутреннего кармана губную гармошку, и вскоре абсолютная, космическая чернота подземелья 41-го дома услышала блюзовые мотивы старика Сонни Боя...

Отец улыбается. Он сидит рядом с ним на полу и покачивает головой в такт блюзовым вертушкам сына.

– Ты идёшь правильно, Рослик. Доверяй себе. Прочь мозги, верь чувствам, верь собственной заднице, осязанию, обонянию! Вот скажи: когда весна высушивает все дороги в У., что происходит на улице? Звуки, меня интересует звуки!

Сын не перестает играть и думает над вопросом.

– Ну? Сдаешься? Хорошо, давай я тебе помогу, – продолжает отец. – Послушай вот это: *кожа резиновых подошв авто с шелестом отслаивается от костей асфальта...* Вчувствуйся в сказанное. Понимаешь, о чем я? Звуки, сын, звуки! Город нужно слушать – и тогда он прислушается к тебе. В него надо внюхиваться – и он тоже обязательно ответит. Давай-ка еще попробуем. Что ты слышишь?

Рослик замирает, и гармоника замолкает. Тишина тут же выскакивает из темноты, как вор из подворотни. Силуэт отца начинает тускнеть, и музыкант, спохватившись, снова извлекает тихие блюзовые нотки.

– Забудь о том, что ты делаешь. Забудь о себе и обо мне, – голос отца становится тусклым и мертвым. – Тебе давно пора забыть об этом. И тогда ты услышишь...

Играющий старается изо всех сил. Старается изо всех сил...

Фары в вечернем городе – это разноцветные глаза. Поток в коллекторах и ливнёвках – преодолевает границы живого и неживого. Не только люди и их взаимоотношения, но и много чего еще: голуби, бродячие кошки, собаки, воробьи и крысы, тараканы и черви, брошенные вагоны возле Черного озера, мертвый цыганский барон под сосной на Майской горе, кладбище домашних животных в Горелом лесу...

Город без особинок – мертв и абстрактен, словно дохлая волжская рыба. Текущие массы внизу, вода по трубам, река совсем рядом – заключенная навеки в бетонные кольца Бригадирка... Хей-хо, чуваки, хей-хо!

– Ну, услышал? – спрашивает отец. Сын кивает. А потом сверху что-то взрывается и осыпается стеклянным дождём. Крышка погребка шатается, и ее срывает с места, словно пробку из-под шампанского. Металлическая лесенка, по которой Рослик спустился, ходит ходуном, будто на корабле во время шторма.

Диггер трясущимися руками включает фонарик, кое-как сворачивает пенку в рюкзак и взлетает наверх. Оказавшись на кафельном полу гаража, он случайно светит на «Тойоту» и замечает, что лобовуха у машины покрыта сетью мелких трещин.

Парень подтягивается за край пластикового окна, выбирается из гаража и мчится к забору. За ним по пятам следует тишина – ни звуков сигнализации, ни криков, ничего. Через минуту серая фигурка руфера растворяется в ночной фонарной жизни города У.

3.

Дарья Горина, спецкор газеты «У. вчера и сегодня», очень не любила три вещи: запах пота, который постоянно носил за собой их ответсек Серёжа; добывать новости на первую полосу – за час до сдачи номера в типографию. И, само собой, когда Беляночка, ее коллега и соседка по офисной комнате, брала первой трубку стационарного телефона.

– Алло? Да, отдел новостей. М-м... Ага. Да, да. Ну, в общем-то, интересно. Вы как хотите это сделать – в виде интервью с вами? Хорошо. Я с редактором посоветуюсь. Диктуйте ваш номер, я перезвоню, – и Беляночка огрызком карандаша что-то пишет на прошлом выпуске газеты. Ее зеленые глазки загораются тем самым огоньком, после которого в «У. сегодня» появляются первополосные материалы.

Горина смотрит вслед напарнице, убежавшей в кабинет редактора, и, забываясь, грызёт новый дорогуший маникюр.

Рослик постучался в комнатку, где сидели новостники, в четверг – в тот самый день, когда Наташа Кожеева встретила маму в Малиновском склепе. Горина успела слинять в городскую администрацию, чтобы записать пресс-конфу по дорожному ремонту: какие улицы уже сделали, а где-то заляпывать дыры еще только предстоит.

– Садитесь, – сказала Беляночка и положила ему под нос диктофон. – Я вообще-то экологическую тематику люблю. Рассказывайте.

Парень ей как-то сразу понравился: худой, мускулистый, с задумчивым взглядом. В общем, Дашка Горина точно обзавидуется.

– Я насчёт реки. Вы в курсе, что под центральной частью города течет речка?

– Нет... Да... Ну что-то слышала, – отзывается журналистка. – А что, там с ней какие-то проблемы?

– Да, – кивает парень. – Я был там... Ну в самой бетонке. Туда сливают всё подряд – и канализационные стоки, и промышленные. Но не это главное. Важно, чтобы ее освободили!

– Кого? – поднимает брови Беляночка и поправляет очки. Свое главное оружие – рыжие кудри – она как бы нечаянно распределяет по плечам, чтобы выглядело покрасивее и поэротичнее.

– Да Бригадирку. Ей там фиг... нехорошо ей. Река должна течь там, где ей хочется, по естественному руслу, а не по бетону. Давайте об этом напишем, а?

Журналистка смотрит в глаза Рослика, и ей почему-то становится не по себе. Будто она видит за его спиной кого-то другого – большого и небезопасного.

– Окей, – кивает она. – Сделаем. Только нужен комментарий эксперта – какого-нибудь известного городского эколога. Не беспокойтесь, коммент я сама добуду. И еще дам вам совет – надо петицию создать. Это сразу весу прибавит. Если соберём хотя бы тысячу подписей – вообще будет бомба!

Рослик улыбается и продолжает толкать телегу про Бригадирку. Беляночка потирает лапки и готовится занять целую полосу в будущем номере – с обязательным анонсом на первой.

– То есть вы как бы диггер? А вот если поподробнее про вашу вылазку в бетонную трубу! – просит журналистка. – Это очень интересно, мы, может, даже серию репортажей сделаем.

Рослик рассказывает – и сначала хочет удержаться от ненужных подробностей, чтобы не упоминать про Синдру и свои тайные мысли, но постепенно выбалтывает всё.

– Понимаете, у меня тогда возникло такое чувство... Ну когда вот всё это приключилось, когда я Синдру там оставил, – будто я не её там бросил, а саму... реку. Бригадирку. Я-то выбрался, а она там – осталась. В этом бетоне. Разве это хорошо, что живая река так много лет томится в трубе? В ней же давно всё умерло – нет ни рыбы, ни растений, одна только вонь, ливнёвки и канализационные сливы. Вот я и подумал: почему бы не напомнить о ней людям? Я даже готов сводить в бетонку желающих – пусть сами посмотрят.

– Отлично, – улыбается Беляночка. – Я бы тоже туда ходила. Фотки бы сделала для интервью, впечатления свои описала. А? Вы не против?

У Рослика всё цепенеет внутри, он снова переживает июльскую ночь в бетонке, когда МЧС-ники не смотрели в его сторону и он чувствовал себя подлецом и неумехой.

– Это можно, – хрипло отвечает он. – Но желательно кого-то еще поопытнее прихватить с собой. И погоду нужно контролировать...

Честно говоря, он уже жалел, что связался с газетчиками.

«Зачем пошел? Чего меня туда понесло? – корил он себя, когда после интервью катил на роликах в домашние пенаты; нужно было еще успеть собраться к сегодняшнему дежурству в столовке. – Ну напишут они чего-нибудь про Бригадирку, разве это что-то изменит?».

И в то же время он чувствовал, что поступил верно. В любом случае это лучше, чем снова остаться наедине с собой и своими мыслями. Ведь там, в подвале 41-го дома, он полностью подтвердил свою гипотезу, по крайней мере, он так считал. И в столовой, и в доме с полтергейстом есть что-то одинаковое. И его сердце исследователя подсказывало, что Бригадирка с этим связана напрямую.

«Может, она под этим домом тоже течет – как-то совсем близко? Хорошо бы по карте посмотреть, но она ведь только у Синдры сохранилась. Мой-то смартфон тью-тью, смылся... И неплохо было бы еще у этого Ташина в блоге почитать что-нибудь: вдруг он что-то накопал? Идеально – вообще с ним списаться или встретиться. Можно тогда будет вопрос про Бригадирку сразу задать: нащупал ли он какую-то связь?».

Одно Рослик знал точно: реку в бетонке держать больше нельзя. Ей там плохо, ему об этом чётко сказали, когда отец заставил его раскрыть уши. И он – услышал.

4.

– «Спаси Бригадирку! Диггеры обращаются к городской власти». Какой по-провинциальному кричащий заголовок – красный на черном... – Татьяна Федоровна сняла очки и протянула свежую газету своей молодой коллеге. – Видела, Наташенька? Вот не думала, что в У. есть такие активисты!

Я по диагонали пробежала статью и уже собралась отложить газету, но тут еще раз посмотрела на опубликованное фото парня, который давал интервью. Где-то я его видела, это точно. Решила прочитать повнимательнее.

– Значит, Наташенька, ты через три дня собираешься в Москву? Да, сестрёнку надо выручать, что и говорить... Но как же я одна-то тут, прямо не представляю, – Супонина заводила эту пластинку уже в четвертый раз за сегодня. – Даже вот вечером в магазин сбежать – и то для меня проблема и потеря времени. Но куда ж деваться-то, куда деваться...

– Да я, может, вернусь, – неожиданно для себя брякнула я в ответ. – Возьму и вернусь сюда с Катькой. Всё равно они сейчас не учатся. Она у меня смышленная, мешать не будет.

– Ой, да это будет просто великолепно! – просияла научрук. – Мы тогда уже не спеша здесь всё сможем завершить. Очень хорошая идея!

Я кивнула и подумала о Малиновке. Интересно, что скажет Катька, если я ей предложу... ну только один разочек... встретиться с мамой? Я пойду в рошу вместе с ней, конечно. Без меня она там ничего не найдет, да я и не отпущу ее одну.

«Подземная речка течет на протяжении трех километров, заключенная в бетонный саркофаг, и проходит через весь центр У. Раньше горожанам приходилось ежегодно бороться с оползнями и оврагами, в свое время был построен даже деревянный мост – недалеко от того места, где сейчас располагается Дом быта...», – продолжила я читать газетную статью.

– Интересно, как же они собираются освободить речку от бетона, – проговариваю я полголоса. – Кто же им позволит вскрывать полгорода...

– Да, да. Я тоже об этом подумала! – кивает Супонина, которая услышала мое замечание. – Тут за эти годы столько зданий построили в центре – на месте бывшей Бригадирки. И мемцентр, и гостиницы, и Дом быта, и магазины всякие. Мне об этом, кстати, кто-то рассказывал из местных – уж не Соболев ли Иван Иванович? Но тут, видимо, цель другая – просто раздуть тему, поболтать. Как обычно в газетах.

Я кивнула и перешла к последним абзацам заметки про подземную речку.

«– Я сам был внутри бетонки – и видел то, что творится с рекой. Могу проводить туда желающих, чтобы они убедились, во что превратилась Бригадирка. Она взывает о помощи, я всего лишь передаю ее просьбу людям, – такими словами завершил беседу герой

нашего интервью Антон. Напомним, что имя диггера, по просьбе нашего собеседника, изменено. Теперь мы ждем реакции городской власти на это предложение. Обещаем опубликовать ответ чиновников в ближайшем выпуске».

Статья была подписана некой Екатериной Беляевой. Я смотрела на эту фамилию и боролась со смутным желанием позвонить в редакцию. Зачем мне это? Записать пару текстов про Бригадирку? Подземная река... «Я всего лишь передаю ее просьбу людям». В принципе, интересный городской персонаж этот Антон. Может, стрельнуть его контакты у журналистки и встретиться с ним? Почему бы нет – наверняка записи от него будут любопытными.

С этой мыслью я пошла в свою комнату и почти по инерции решила зайти на страничку Ташина. И не смогла. Свой блог он удалил – наверное, еще вчера, когда мы вернулись из склепа. Конечно, кое-что я успела сохранить, что-то можно будет найти в сохраненных копиях поисковиков. Но ведь он писал туда не один год, это такой труд, там столько можно было интересного накопить...

Я отлично понимала, что он это сделал из-за нашей вчерашней вылазки – но, честно говоря, не испытывала настоящего сожаления. Всё-таки главным был склеп. Всё остальное, в том числе – моя научная писанина, – меркнет перед этим потрясающим открытием.

Тут смартфон пропиликал сообщением. Послание из вайбера от Катика: «Наташа, они забрали меня в реабилитационный центр. Папа попал в переделку – подрался с охранником в супермаркете, сейчас сидит в изоляторе. Опека припёрлась к нам на следующий же день... Наташик, пожалуйста, забери меня отсюда!».

Забыв обо всём, я сразу же набрала ее номер – абонент недоступен. Через 15 минут я заказала через Инет билет на вечерний поезд в Москву. Супонина, понятно, не пришла в восторг от происходящего, но мне уже было наплевать.

5.

«Вокзал, на мой взгляд, – одно из ключевых мест любого города. Здесь, как и на любом пограничье, заметней то, что пытается укрыться в центре. Тут видна городская сердцевина, душа и тело одновременно.

Но особенно меня завораживают вокзалы провинциальные: тут нет места муравейнику многотысячной толпы какого-нибудь

Казанского. Здесь каждый персонаж – наперечёт, каждого хочется поймать в исследовательский объектив и спросить: «Кто ты? Зачем и куда ты уезжаешь или приезжаешь? Почему...».

– Наташенька! Хо-хо-хо... – мои размышлизмы прерывает голос, похожий на звук грузовика, проехавшего под самым окном. – Уже уезжаешь? Да неужели ты успела всех записать и изучить? А где Татьяна Федоровна?

Надо мной навис бывший комсорг Иван Иванович Соболев. Он плюхнулся на пластиковое сиденье рядом со мной, обтёр свои бело-серые усы, и уже через минуту я молилась, чтобы мы оказались в разных вагонах: он тоже ехал в столицу.

– Да вот за сестрёнкой еду, Иван Иванович. Но я собираюсь вернуться еще в У.

– Ага, ага. А Супонина?

– Супонина остается. Еще недели на полторы...

– Ага, ага.

Я слегка зажмурилась, потому что он повёл в мою сторону своим носом и с легким шумом втянул воздух. Принюхивается, гад... Ну почему я не поехала с утра?

– И каково оно? – продолжал расспрашивать Соболев. – Как тебе наш городишко? По душе пришёлся?

Я пожалала плечами, рассчитывая отделаться от этого вопроса парой дежурных фраз. Как бы не так.

– Ты знаешь, – сказал он после моих «нормально», «ничего так», «достаточно интересно», – это не ответы ученой дамы. Нам, ну то есть старожилам, очень даже интересно мнение со стороны – особенно от представителей, так сказать, нового поколения. Где ты была? Что видела? До 41-го дома добралась?

Я покачала головой, стараясь не показывать, что страдаю от этого допроса. Мне хотелось побыть одной, подумать о Кате, по-вспоминать маму.

– А в Малиновке? Про склепы-то ты, надеюсь, что-то выяснила? – он смотрел на меня так, будто мы сидели не на вокзале, где всё транзитно, даже беседы и мнения, а у него дома; так, словно он и пришёл сюда только для того, чтобы выяснить, выведать и... вынюхать.

– Да... Я как раз встречалась с Ташиным – по вашему совету, Иван Иванович. И мы с ним ходили к склепам.

– Ага, ага. Отличненько. И?..

– Очень интересно. Ну мне так показалось, по крайней мере. Я записала несколько рассказов про Смолиных, про клады и про эти склепы. Любопытно, в общем... – мне невыносимо захотелось встать и убежать. Прямо вот сейчас... Прочь, прочь!

– Вы с ним ведь туда залезли, так ведь? Я знаю этого Ташина как облупленного: он своего не упустит. Еще тот благодетель!.. Хо-хо-хо...

– Я... я... Извиняюсь, Иван Иванович, но мне надо до туалета пойти. Подскажите, куда идти?

– Иди прямо, потом надо спуститься по ступеням. А у тебя какой вагон, Наташенька?

– Одиннадцатый, – я поднялась и торопливо пошла прочь вместе с сумкой.

– Так у меня ведь тоже, Ташенька. Совпадение, вот так совпадение! Значит еще побеседуем!.. Хо-хо-хо! – услышала я вдогонку его грохотание. Невольно заскрипишь зубами, честно слово.

Я не могла даже самой себе объяснить, почему Соболев вызывал во мне такую реакцию. Наверное, всё-таки главная основа этих неприятных чувств – страх. Рационально объяснить, чего именно я боюсь, я не могла – и это пугало еще больше.

– Ну, рассказывай, рассказывай! – торопливо сказал он, как только я спрятала свою сумку под сиденье. Мы сидели на нижней боковушке возле окна. За окном лежало желтое тело двухэтажного вокзала: поезд еще не тронулся.

– Мы ходили туда с Ташиным... – я прятала от своего собеседника глаза. – Пофотографировали, посмотрели...

– Так вы что – не заглядывали внутрь? – Иван Иванович улыбался. – Извини, не могу поверить. Это не тот случай!

– А вы? – я разозлилась. – Вы сами-то там бывали? Ходили по коридору в склепе?

Он молчал и продолжал улыбаться. Я поглядела ему прямо в лицо и приложила все силы, чтобы не отвести взгляда.

– И я там был, мёд-пиво пил, – наконец произнёс он и посмотрел в вагонное окно. – Меня, Наталья, об этом и спрашивать-то глупо: старожилы все туда ходили. А как же иначе? Иначе никак...

Я тоже посмотрела на желтый вокзал; громкоговоритель объявил, что наш поезд отправляется через пять минут.

– Нам интересно именно твое мнение, Наталья. Чтобы – взгляд со стороны... Ведь ты вернёшься в У.? А? Тут столько еще интересного! Одна Майская гора чего стоит!..

Мои руки невольно вцепились в белую крышку столика. Неужели его допрос нельзя как-то остановить? Почему я должна...

– Нам просто интересно, Наталья – только и всего... – Иван Иваныч пожал плечами. – Не хочешь отвечать – не надо.

Поезд вздрогнул и покатил, а с ним побежало прочь и вокзальное тело. Мы помолчали.

– А ведь есть какое-то щемящее чувство тоски, когда уезжаешь на поезде. Правда? – он закрыл глаза, будто бегущие за окном деревья и столбы мешали ему сосредоточиться на щемящем чувстве. – Я всегда с трудом отрываюсь от этого места: У. позовет отовсюду, где бы я ни находился. Позовёт и вернёт к себе, притащит назад. Тебе, Наташа, этого, наверно, не понять – слишком молодая еще... Ладно я полез на свою полку, если что – зови.

Я мысленно возблагодарила небеса, что его место было в середине вагона – далеко от моего. Смогу хотя бы отдохнуть и подумать над тем, что делать дальше.

Глава 5. Снова в Бригадирке

1.

Двухэтажный торговый центр «Подсолнух» построили в У. десять лет назад. К нему уже давно все привыкли, владельцы магазинчиков и бутиков тоже прикипели к этому месту и исправно платили арендную плату собственнику здания Володе Сонину: «Вполне, кстати, божеские суммы за такое козырное место!».

О том, что центр был возведен незаконно и что его фундамент до опасного близко подходил к бетонному руслу подземной Бригадирки, – об этом могли бы вспомнить лишь бывший мэр и экс-начальник службы МЧС – кстати, коренные друзья Володи и оба уже покойные.

Сонин – здешний миллионер, хозяин производства дверей и окон, когда-то крышевавший половину у...ского бизнеса. Сейчас он ушел на покой, жил в уютном загородном доме под У. Город свой

Володя любил, предпочитал всяким столицам и вообще в последнее время старался бытовать мирно, коллекционировал старые модели авто и совсем не смотрел телевизор. А тут – такое!..

– Ведь как снег на голову, Миша! – жаловался он по телефону своему давнему должнику, известному в городе бизнесмену, владельцу микрокредитной фирмы «#Важноденьги». – Я сейчас все связи в администрации подрастерял, всё какой-то новый народ там. Они меня не трогают, и я им не мешаю, налоги плачу. А тут – вот те нате, прислали писульку: «Просим вас предоставить правоустанавливающие документы на участок кадастровый номер такой-то – и прочую лабуду». По бумагам, Миша, у меня комар носу не подточит: Виктор Геннадьич, упокой Бог его пресветлую душу, всё мне лично оформлял – на совесть. Но они-то пишут про какие-то изменения генплана города – и ох-ох, чует мое сердце беду. Пособишь, Миша, а? Узнай, родимый, откуда там ноги растут, я в долгу не останусь, ты меня знаешь.

И Миша пообещал, что всё узнает, всё сделает: как же не уважить самого Сонины?!

Через день Миша приехал к высоким фигурным воротам Сонинского дома, чтобы лично «перетереть» со стариком. Выяснилось, что воду мутит местная газетёнка – совершенно беззубая и провластная.

– Там еще какой-то хрен – ну, знаешь, вот те, которые вот по канализациям лазят, как их там обзывают, – археолог дурацкий. Вот типа он в эту трубу бетонную залез и потом в газету припёрся: надо, мол, реку, – там же река какая-то, – вскрывать, блин...

Володя шурился, благостно улыбался и кивал. Ну как же: он про Бригадирку знает, как не знать. Он всё-таки в этом городке родился и вырос, из-за этой речки весь геморрой и вышел: отказывались ему попервоначально давать разрешение на строительство. «Владимир Филиппыч, что вы, что вы!! Ведь может всё обвалиться, если трубу заденем или разрушим, когда вот сваи вбивать будут. Тогда всё – ужас, землю подмоет, оползень случится и рухнут здания в центральной части города!». Мелочные люди, что и говорить. Но один звонок – и всё решилось. И вот 10 лет его «Подсолнух» радует глаз, приносит пользу людям. Кому он мешает? Какой там на фиг археолог?

– И какие варианты, Миша?

– Ну как: есть у меня в администрации свой человек, я прикрывал его задницу в трудные времена. Только подмазать надо, Владимир Филиппыч...

– Это само собой. Он всё сможет решить? Уверен?

– Ну да. Чё там газетка: покричат и успокоятся. Решают-то не они.

И гость уехал с четкой инструкцией, где взять и сколько передать. Но фортуна в тот раз была не на Мишиной стороне.

Всё вышло до смешного просто: в мэрии У. в правовом отделе уже три года работала незаметная Светик Лясова. Приехала она с мужем Витей – майором полиции, который устроился в местный отдел по борьбе с экономическими преступлениями, а потом его и возглавил. Всё бы ничего, но за семейным ужином всякое бывает – и о работе, случается, говорят-разглагольствуют.

Светик про своего начальника Петра Федоровича раз сказала, другой сказала, потом перекинула мужу несколько странных документов – ну так, на всякий случай, посмотреть, в качестве доказательства: «Я ведь, Витенька, не дура: смотри, чего тут!».

Ну и всё, разговор короткий. ОБЭПовцы заинтересовались, следили, ждали, вынюхивали. И уж, как говорится, финал, занавес близко, собрали достаточно фактиков – лет на пять тянуло с миллионным штрафом, а тут – вот уж не везёт так не везёт – Миша нарисовался!

Пришел на аудиенцию к своему хорошему товарищу Петру Федоровичу замолвить словечко за благодетеля и отца Сонина. И – хоп! – что такое? Какого хрена? «Руки на стол и не двигаться!». Да как так? Да что это вы себе позволяете? А у Миши в открытом чемоданчике – 500 тысяч наличными. Ах, ах, как нехорошо!

И пошла карусель: допросы, очные ставки, все дела. Ушел Миша с горизонта вместе с Сонинскими денежками. Володя как узнал – совсем приуныл.

И вот ведь незадача: тему про Бригадирку подхватили другие СМИ, заинтересовались даже федералы. Узнал Сонин и про какую-то петицию с тысячами подписей. Ему из разных мест уже звонили и говорили, что «Владимир Филиппыч, дело, мол, труба: чего там с этой Бригадиркой решат – никто не знает, но вот центр «Подсолнух» точно собираются убрать: по всем требованиям и нормам его на этом месте быть не должно».

И вот тогда Володя Сонин обиделся. А так уж у него было принято, что обиды прощать он не умел.

2.

Экскурсию с детсадовским названием «В гости к Бригадирке» решили провести в пятницу – естественно, в лайт-режиме: максимум на часок. В газете «У. вчера и сегодня» об этом даже объявление напечатали – вместе с текстом петиции, которая разошлась в Инете, словно коронавирус.

Народу пришло немного, но много и нельзя было: за всеми разве уследишь? Требования к участникам чётче некуда: чтобы 18+, сапоги, болоньевые утепленные куртки, два фонарика, бутылки с водой. Для желающих – перчатки и медицинские маски. Поскольку дело происходило почти официально, к их группе прикрепили Колю, спеца из МЧС, – с рацией и роскошными болотными сапогами изумрудного цвета.

Если не считать Рослика, Беляночки и Коли, всего к вылазке присоединились пятеро: двое парней-журналистов из местного телеканала, две девчонки, похожие на гимнасток, и какой-то местный оловый диггер, о котором никто не слышал до этого момента. Оловым его Рослик посчитал из-за возраста – выглядел он лет на сорок и представился: «диггер Сергей». Да ради Бога, как говорится, хоть Антон, паспорт-то проверять не будут.

Погоду согласовали, снаряжение проверили и к 10 утра собрались у Катькиного родника. «УАЗик» МЧС довёз туда всех желающих, парни с телеканала и диггер Сергей приехали на своих авто.

– Слушаем меня внимательно, – проводил предварительный инструктаж Коля. – В трубе держимся в пределах видимости друг друга, внимательно смотрим под ноги, вертим головой по сторонам. Я буду идти замыкающим, чтобы никто не потерялся. Первыми пойдут вон – экскурсоводы.

Последнее слово прозвучало с легким оттенком насмешки, но Рослик не обиделся: он просто радовался тому, что Коля был не из той бригады, что когда-то искала вместе с ним Синдру. МЧС-ник заставил всех участников расписаться в том, что они ознакомлены с правилами безопасности, а затем они полезли в озерцо рядом с входом в бетонку.

Сначала Рослик ничего не почувствовал: как-то за всей этой суетой он забыл о том, что пережил здесь больше года назад. Но когда они пошли по трубе и фонари осветили желто-черный налет бетонного русла Бригадирки, его виски запульсировали. Он с удивлением поймал себя на том, что испытывает радость, – то самое чувство, какое охватывает человека, увидевшего вечерние огоньки родного города. («Колёса вагона стучат-стучат, мелькают деревья, плывут толстые провода за вечерним окном, и вдруг – городские фонари. Город, город, ты ждал меня! Звал меня, тянул изо всех сил...»).

– Идем осторожно, смотрим под ноги! – еще раз напомнил Коля откуда-то издалека – будто из наружности.

– Первое упоминание о Бригадирке датируется 1653 годом, когда основатель нашего города – воевода такой-то такойтович... – начинает вещать Беляночка. Она идет рядом с Росликом впереди всех. Они с ним заранее распределили роли: он ведёт, она говорит, потому что руфер и сталкер стеснялся. Он так и сказал журналистке: «Лучше вы, а то я стесняюсь!». Беляночка тут же согласилась – лишь бы он не отказался от вылазки. Ей сама эта идея представлялась грандиозной и необычайной, – поэтому она заранее порылась в инете, проконсультировалась с краеведами и набросала небольшой универсальный текст – для начинающего экскурсовода по любым подземным речкам.

Беляночка успевала и вещать, и без остановки щёлкать затвором большого редакционного фотоаппарата. Это ведь снова полоса с анонсом на первой – на зависть Дашкам Гориным всего мира!

– Дальше километра углубляться не будем! – опять голос Коли с задних рядов. – Примерно через сорок минут повернем обратно...

За парочкой молодых экскурсоводов бесшумно шел диггер Сергей. Его точные и тихие движения совсем не походили на хлюпанье и шлёпанье, которое производили остальные – особенно два парня с телеканала. Один из них нес на плече большую видеокамеру, другой, чертыхаясь, тащил толстоножный штатив. Уже минут через 15 телевизионщики попросили всех остановиться.

– Дальше не пойдем – давайте вас здесь запишем? И мы вернемся назад, нам отснятого материала за глаза хватит! – попросил парень со штативом.

Сначала несколько слов в камеру сказал Рослик, затем – Коля и Беляночка. Оператор подбирал для фона самые красочные места

бетонки, нещадно светя на говорящих переносным прожектором. Ровно через пять минут их стало на три человека меньше: МЧС-ник вызвался проводить телевизионщиков назад к роднику.

– Подождите меня здесь. Я минут через 20 вернусь. Без меня ни шагу! – предупредил Коля и похлопал вслед за парнями с видеокамерой. Скоро их фонари скрылись, так как бетонка делала изгиб ближе к Катькиному роднику.

Девчонки-гимнастки стали шушукаться, смеяться и отошли чуть в сторону. Сергей осмотрелся по сторонам и сказал:

– Я метров на десять вперед пройду – скоро вернусь!

Рослик пожал плечами и кивнул: он в охранники не нанимался, люди все тут взрослые. Беляночка, стоя в вялотекущей воде Бригадирки, оперлась спиной на трубу, и руфер сразу вспомнил про Синдру.

– Вспоминаете свою прошлую вылазку? – догадалась журналистка. – Не переживайте! Зато смотрите, какая у нас хорошая экскурсия получа...

– Парень! Тебя Росликом, кажется, зовут, да? – раздался громкий голос ушедшего вперед мужчины. – Можно тебя на секунду? Хочу спросить кое о чем...

Молодой диггер махнул Беляночке, чтобы она подождала его здесь, и пошлепал вперед. Он думал, что увидит фонарик Сергея метров через пятнадцать, но нет – впереди темно.

– Сюда, сюда! Я кое-что интересное здесь увидел! – мужской голос доносился будто уже издалека. Рослик повернул налобный фонарик в сторону и успел заметить блеснувший огонек впереди – метрах в пятидесяти.

– Обождите! – крикнул он Сергею. – Я сейчас вас догоню.

Он прошел шагов сорок – и увидел, что фонарик идущего впереди мужчины отдалился от него еще метров на сто.

– Да постойте! Мы так оторвемся от остальных! Что вы там заметили? – крикнул в темноту бетонки Рослик.

– Вот здесь. Еще буквально несколько шагов. Сюда, сюда! Смотрите... – голос удалялся.

Руфер ускорился. Когда он дошел до того места, где видел в последний раз огонек, мужчины там не оказалось.

– Серге-ей! – позвал Рослик. – Где вы? Я поверну назад – иначе нам от МЧС достанется! Серге-ей!..

И тут что-то темное и твердое ударило его по голове. Потом еще раз и еще. Пару раз он приходил в себя на несколько мгновений, понимал, что его куда-то тащат и что он захлебывается мутной водой. И дальше – чернота, отсутствие всего.

– Есть четыре главных места и три – побочных. Таково устройство города. Оно таким было изначально. В трех ты побывал, осталось еще одно. В четвертое идти лучше с девчонкой, у которой нет матери. Не спрашивай, почему так, – просто надо и всё...

Голос был папин, но говорил с ним не он – это Рослик хорошо запомнил. Руфер висел на тонких верёвках, привязанный за руки и за ноги, растянутый, будто звезда. Но ему не было больно или плохо. Кругом – густая темнота, однако он видел тысячи каких-то серых силуэтов; они скользили и извивались – всё пространство наполнялось ими.

– Кто вы? – спросил руфер. Он спрашивал, но не слышал своего голоса.

– Мы те, кто мы есть. Мы здесь живем, – ответил голос, который сопрягал в себе миллионы других голосов и звуков. Рослик улавливал в нем шум ветра, шуршание шин об асфальт, настырные позывные уличной рекламы, стрекотанье железных колес трамвая, одинокий лай привокзального пса, безрадостную сирену скорой, настойчивую дрель соседей сверху, гудение высоковольтных линий – оттуда, оттуда, отовсюду – от серых пляшущих силуэтов, звуки и голоса, голоса и звуки.

Затем пошли запахи – вонь мусорных баков и подвалов с протекающими трубами, аромат свежего хлеба, киосков с шаурмой и шашлыками, утреннего кофе; ладан разрушенного храма на Соборной; оконный пластик и бетонные ступени школ; телесный кафель детсадовских столовых; картонные коробки с рынка на дамбе и железные, пропитанные Волгой, пролёты старого моста.

Рослик вдыхал и впитывал, внимал и слушал.

– Вы – это У.? – спросил он.

В ответ – смех, отраженный от тысячи пляшущих фигурок, распадающийся на осколки серых незаметных ртов.

– Наоборот... наоборот... – отвечали голоса. – У. – это мы. Мы здесь, и мы тут, тут, тут. Мы любим, когда любят нас. Мы – ревните-

ли и охранители. Если ты с нами, то ты уже не против нас. Если мы выпускаем, то уже навсегда. Мы зовем – и нас слушают.

Сознание Рослика удвоилось, утроилось и размножилось. Какой-то частью себя он не понимал того, что ему отвечают, боялся их ответов, отторгал их, называл их скучными и стрёмными. Другой – принимал, благословлял и смеялся с ними. Да и как можно не понимать очевидного? У. есть У., город есть город. К этому ничего не прибавишь и не убавишь. Мы здесь живем, и мы – ревнители. Мы любим тех, кто нас любит!

И мы отрываем головы тем, кто посягает на наших... Мы выгрызаем им внутренности. *Мы вычеркиваем их из книги памяти навсегда.*

Понимаешь, Рослик?

– Рослик! Рослик! – Синдра била его по щекам. Он промок насквозь, ему хотелось сухости и тепла. А, нет, нет, постой... Ее зовут не Синдра, а...

– Эй, парень! – еще один тревожный голос. – Ты как? Идти сможешь? Мы возвращаемся. Немедленно!

Над ним навис МЧС-ник. Сбоку жались две испуганные фигуры девчонок-гимнасток, которые подсвечивали лица друг друга фонариками.

– Я... – он нащупал влажную стену бетонки и встал потверже на дно Бригадирки. – Где я? Что...

– Ты свалился в обморок – судя по всему, – торопливо стала объяснять Беляночка («а да, вот как ее зовут!»). – Ты зачем-то ускакал вперед, а мы тебя звали-звали. А потом вот пришел Николай, и мы тебя нашли.

– Это ладно ты хоть голову из воды додумался вытащить! – мрачно добавил МЧС-ник. – А то бы плавал, блин, здесь сверху брюхом. Сказал же по-русски: обождите меня! Ну чё как дети, ей-богу?!

– А этот... – молодой диггер осторожно ощупал на голове две здоровых шишки. – Который Сергей. Его тоже нашли?

– Какой Сергей? – Беляночка тревожно смотрела на Рослика, светя ему налобным фонарем прямо в глаза.

– Ну с нами был. Диггер... – он морщился и отворачивался, пытаясь уклониться от света. – Черные волосы у него еще. Сергей...

– Ладно, баста, карапузики! Возвращаемся, – сказал МЧС-ник. – Видимо, глюкануло тебя, парень, основательно. Нельзя тебе по трубам шастать. Давай руку, диггер, а то еще опять шандарахнешься...

– Какой Сергей, Рослик? А? – вполголоса спрашивала его Беляночка, шлепая сапогами сзади. – Николай проводил парней с телеканала, с нами только девчонки остались, ты да я. А потом ты зачем-то вперед побежал...

– Идемте, идемте, – поторапливал их МЧС-ник. – Снаружи разберёмся, кто там и где. Сергей там или воробей. И так мне с вами мороки тут на целый день...

Рослик молчал до самого Катькиного родника. В голове стоял туман, у него было такое чувство, что внутри – сотни таких, как он. И все о чем-то говорят, спрашивают и смеются.

Когда показался полукруглый выход, он отчетливо услышал знакомый звук, – будто кто-то огромный в самой глубине бетонки вздохнул и затих. Девчонки-гимнастки вздрогнули и, не оборачиваясь, первыми сиганули в озерцо, образованное водами родника. Рослик вылез вслед за ними на берег, улыбаясь. Голова уже перестала болеть, ноги совсем не дрожали. Сегодня он точно узнал что-то новое: всё-таки у него и впрямь было сердце настоящего исследователя.

Спасибо тебе, папа, за маленькие радости!..

3.

Он лежит на упавшей бетонной свае; рука с блестящей на солнце губной гармошкой застыла на груди; глаза закрыты; расслабленное тело заряжается, будто аккумулятор от розетки.

«Все-таки тут точно место силы! И как же я сюда, чуваки, давно не забредал... Была б моя воля – остался бы здесь жить. Заброшка ты моя родненькая!».

Он потягивается и открывает глаза. Подносит гармошку к губам и начинает импровизировать. Старый тополь, растущий около полуразрушенного здания, слегка покачивается от ветра, будто подчиняясь музыке Рослика.

С Беляночкой он не виделся несколько дней – с тех самых пор, как они сходили в бетонку. Она звонила ему, рассказывала, что вышла клёвая статья про их вылазку. Также говорила, что дело с

Бригадиркой понемногу движется: городские власти вроде как заинтересовались одним торговым центром, который построили над самой бетонкой. Обещают его снести. Он угукал в ответ, слушал ее, но не слышал. Честно говоря, он как-то подостыл к этой теме, сменил ориентиры.

Не-е, Бригадирка, – конечно, круто. Тут никто не спорит. Но дело совсем не в ней. Он теперь это понимал. Если бы вдруг понадобилось... Если бы *им* стало нужно, то речку бы освободили в два счета. А если она столько лет в бетоне – то и пусть! Дело не в ней. А в чем же тогда?..

Вот этого он как раз и не знал, и это его доставало всё сильнее. Он тысячекратно пытал свою память, но не мог вспомнить, что именно говорили ему они – там, в Бригадирке. Когда Сергей... или Виктор, или как там его – ударил его по голове.

«Они точно говорили со мной и просили что-то сделать. Но что? Убей – не вспомню. Хоть пытайте меня!». И что с этим делать, как жить дальше – не ведал.

Рослика мучило и тяготило то, что даже столовая перестала привлекать его: там теперь никто не тревожил сон сторожей. Играть на гармошке в столовке почему-то тоже расхотелось. Когда он пытался это делать, возникало ощущение, что его никто не слушает. Точнее, не так: слушать-то слушают, но без прежнего внимания. Будто сейчас важнее другое. Но что? *Что?*..

Глава 6. Из склепов – на гору

1.

Катик вцепилась мне в руку мертвой хваткой и не отпускала до самого дома. Бледная, молчаливая, очень маленькая для своего возраста, она была похожа на Козетту из подземелья.

– Катик, ну чего ты молчишь? На кого ты стала похожа? Ведь тебя не в тюрьме держали – в этом реабилитационном центре и игровые комнаты, и воспитатели добрые! Ну?

Дома она разревелась, как трехлетняя девочка, плакала долго, размазывала сопли по лицу, а я молча гладила ее по голове. Через 15 минут мы пошли на кухню пить чай, через полчаса болтали и смеялись как ни в чем не бывало.

Отец спал в соседней комнате. Администрация магазина и охранник, с которым он подрался, не стали писать на него заяву, так что его отпустили без проблем. К вечеру он даже вышел пообщаться с нами и был – как выразилась Катя – «почти вменяемый».

Всю ночь я не могла сомкнуть глаз; вставала и осторожно ходила по залу, смотрела на сестру, пила на кухне кофе. К утру до судорог в горле захотелось курить, хотя я этим никогда серьезно не увлекалась – так, иногда баловалась с друзьями.

– Ну что такое? Что со мной? Всё ведь нормально. Катьку отвоевали, отца вызволили, чего еще надо для счастья? – спрашивала я себя и отлично понимала, что играю сама с собой в кошки-мышки. Всё я хорошо осознавала и чувствовала – никакой смутности, всё яснее ясного.

Мне хочется в У., мне хочется к маме. Она зовёт меня к себе, ждет вместе с Катином. А я тут прохлаждаюсь, теряю целую ночь! Как ни странно, о Супониной и нашей научной работе я почти не вспоминала, это отошло куда-то на периферию – перестало быть интересным и значимым.

Утром я объявила, что сегодня же уезжаю в У. и – барабанная дробь – кое-кого возьму с собой! Если бы я неожиданно вручила Катьке 11-й айфон – ее главную мечту последних трех месяцев – и то она бы так не вскочила и не заорала от радости.

Но потом пыл ее поугас: она вспомнила о папе. Я ответила, что на этот счет договорилась с тетей Леной. Я, конечно, не стала говорить сестре о том, что всё равно уехала бы в У., – даже если бы соседка не согласилась присмотреть за отцом.

Уже в поезде, смотря на ночное Подмосковье, пробегающее мимо окон, я поймала себя на мысли, что смогла бы – и это действительно ужасало меня – смогла бы уехать в У. даже без Кати. Потому что так надо, потому что меня звали и ждали – и хотела бы я посмотреть в глаза тому, кто смог бы сопротивляться этому зову.

2.

Супонина встретила нас невесело: ей нездоровилось.

– Как бы вот этот новый вирус не подцепить... Остальное не страшно, Наташенька. Вроде горло у меня не болит, но всё равно как-то не по себе. Давайте, девочки, устраивайтесь, я сейчас вас угощу с дороги.

Мы отнесли вещи в нашу комнату, и Катик залезла в душ. Однако к вечеру стало понятно, что у Татьяны Федоровны всё серьезнее. У нее поднялась температура, она всю ночь кашляла и жаловалась на боли в груди. Рано утром я вызвала скорую, и ее увезли с подозрением на воспаление легких.

На нас, особенно на Катю, это произвело тяжелое впечатление, потому что после маминой смерти мы обе вздрагивали при одном упоминании о пневмонии.

Днем я созвонилась с Супониной, узнала, как она себя чувствует.

– Ничего, Наташенька, температуру сбили, с легкими тоже, кажется, полегче: дышать хоть могу. Видишь, как я тебя подвела: не сможем мы нормально закончить нашу работу в У.

Я ответила, что всё это пустяки, главное, чтобы она поправилась. Спросила, что ей можно принести, и затем мы отправились с сестрой в супермаркет. После съездили в местную инфекционку, и вручили медсестре передачку для Татьяны Федоровны – до самой пациентки, понятно, не допустили.

– Хочешь прогуляться-развяться? – спросила я Катю, как только мы вышли из больницы; у меня пересохло горло и похолодели руки – так хотелось бежать, лететь в Малиновку. – Здесь есть прекрасная роща, и погода как раз подходящая.

Катик кивнула, и мы пошли на остановку. В моей сумке уже лежал запасенный фонарь, бутылка воды и теплый свитер для сестры. Всё-таки в подземном коридоре прохладно.

Я нашла бы склеп с закрытыми глазами, хотя была там только раз. Катик, видимо, что-то заметила в моем лице, так как молчала всю дорогу. Когда мы прошли участок с краснолиственным кустарником, она потянула меня за руку:

– Наташа, что с тобой? Куда ты меня так тащишь?

– Сама увидишь. Катик, сама всё узнаешь! Ты мне веришь?!

Сестра посмотрела мне в глаза и медленно кивнула.

– Тогда пошли! Верь, всё будет хорошо. Всё будет потрясающе...

Внутренне я, наверное, знала, что встречу его там, но всё равно застыла на месте, увидев Ташина возле склепа. Он сидел на том же месте, что и в прошлый раз – после того, как я пришла в себя. Как и в тот день, он курил и не смотрел в нашу сторону.

– Сестру привела? – спросил он хрипло.

– Да, – ответила я. – Она имеет право увидеть. Как и я.

Он помолчал, выдохнул дым и кивнул.

– Хорошо. Давай так: я ее сам провожу, а ты подождешь здесь снаружи.

– Нет! – я это крикнула так резко, что испуганная Катя отшатнулась от меня.

– Что вы хотите сделать... со мной? – ее испуганные глаза чуть отрезвили меня. Я не помню, чтобы она когда-нибудь так смотрела в мою сторону.

– Катик... – я задыхалась. – Мама... Она там. Ты с ней сможешь увидеться.

Сестра отступила на два шага назад, глаза ее покраснели.

– Наташа, что с тобой? Пожалуйста, пойдем отсюда! Кто этот мужик?

– Послушай, – я старалась взять себя в руки. – Я там была. И я не сошла с ума. Там проход – в этом склепе. Не бойся, там ничего страшного нет. Я там была – и я встретила маму! Это было, и это правда. Я когда-нибудь тебя обманывала?

– Наташик, – Катя заплакала. – Мама умерла, она не может нас там ждать...

– Может! – я уже не могла сдерживаться. – Павел Сергеевич, объясните ей наконец! Скажите ей...

Ташин молчал и курил. Я сделала шаг к сестре, та попятилась назад. И в этот момент из-за поворота вынырнул мужчина, парень – я его сразу узнала. С вороньими волосами и татушкой дракона на шее. Он остановился, увидев нас, Катя обернулась и тоже замерла.

– Та-ак, – сказал краевед и встал с пригорка. – Это еще что за явление? Тебе что здесь надо? У нас тут дело...

– У меня тоже, – спокойно ответил неожиданный гость. – Я иду с вами. Мне так сказали.

Катя поворачивала голову то на меня, то на него и молчала.

– Идите пока к нему, – кивнула я на Ташина. – Нам с сестрой нужно побыть вдвоем.

Диггер будто только этого и ждал – и, обойдя Катю, стоявшую на тропинке, пошел к краеведу.

Я потратила минут десять на уговоры – и сестра сломалась. Всё-таки в нашей семье за главную осталась я, и она точно знала,

что я никогда не потащила бы ее туда, где опасно. Честно говоря, я даже не помню, какие слова придумала, чтобы ее уговорить, – мысленно я уже шла по подземному коридору.

Мужчины тоже успели побеседовать и, судя по молчанию, – просто ждали нас, чтобы пойти. Ташин был мрачнее тучи, но в коридоре меня перестало это заботить.

– Я впереди, вы... ты, Рослик зовут же? Рослик замыкающий, девушки в середине. Полезли. Если уж решились – нечего тут рассоливать. А предупреждать вас бесполезно: у вас на лице всё написано. Вперед...

Через некоторое время Ташин попросил нас замолчать – хотя мы особо и не говорили. Я уже намного лучше ориентировалась в коридоре: такое ощущение, что я приходила сюда десятки раз. Катю пустила впереди себя и, когда она иногда оборачивалась ко мне, свет фонаря выхватывал не лицо сестры, а застывшую маску.

«Пусть, пусть... Она мне потом спасибо скажет!.. Я тоже сначала боялась, а теперь понимаю, что, быть может, для этого момента и жила. В этом и состоит смысл – главная цель бытия. А ради чего мы еще живем? Именно для этого! Чтобы встретиться, чтобы прикоснуться, чтобы обрести то...».

– Пришли! – прошептал Павел Сергеевич.

Все встали, повернувшись друг к другу. Только тут я обнаружила, что мы уже добрались до развилки.

– Выключайте фонари. Ничего не бойтесь. Каждый увидит свое, – сказал наш проводник и повторил: – Каждому – свое. Просто помолчите и послушайте. Глаза лучше закрыть.

Минуту ничего не происходило. Тишина стала осязаемой, как кирпичная стена. И тут воздух вздрогнул. Послышался один тяжелый вздох, другой. В одно мгновение мир разорвался на части от невыносимого скрежета и визга. Кто-то большой несся к нам – кто-то ужасный. Затем рядом закричала девушка. Кто это? Кто она? Катя? *Господи, Катя!!*

3.

Длинный стол накрыт белой скатертью, из еды – суп, блины, изюм с рисом, кисель, компот из сухофруктов. Возле каждой тарелки – аккуратно сложенные платочки и наполненные рюмки.

– Уж лучше поздно, чем никогда! – отец улыбался и ничего не ел. – А гостей-то сколько с собой привел! Девчонку вон я вообще впервые вижу. Это хорошо, очень хорошо.

Он кивнул куда-то в сторону, и Рослик, повернувшись, заметил небольшую девочку и рядом с ней двух женщин. Они ели и о чем-то говорили вполголоса. Первой не больше двадцати пяти лет, где-то он ее встречал. А со второй – пожилой – руфер был незнаком.

– Павла-то Сергеевича мы здесь хорошо знаем: часто заходит. Вон они – с супругой, – папа показал куда-то на дальний конец стола; там же сидел улыбающийся Иван Иванович Соболев, но Рослику было не до него. – Да и ты вот, сынок, зачастил к нам... Кстати, как твое исследование? Продолжаешь?

Руфер улыбнулся и пододвинул поближе тарелку с супом:

– Несколько мест прошел, на Бригадирке вот подзадержался. Говорят, еще надо в одном побывать – не могу вспомнить, в каком...

– Ты ешь, ешь. Да, точно, побывать надо в самом важном месте, – согласился отец. – Важнее прочих... А может, ты уже и был там? А? Но сейчас не об этом. Самое главное, что ты не останавливаешься на достигнутом. Мы такое любим. И всегда помогаем настоящим исследователям. Особенно – тем, кто приводит с собой новых гостей.

Отец открыл бутылку водки и налил себе и сыну. Несмотря на то, что за столом сидело много народу, Рослик их как-то не замечал и слушал только папу.

– Давай-ка хлопнем, сын, за встречу! – они чокнулись. У диггера мелькнула мысль, что там они, кажется, никогда не пили водку вместе. Но где это – *там*?

После спиртного ему захотелось блинов с медом; затем Рослик налёг на рис с изюмом. Отец ничего не ел, но зато с удовольствием смотрел, как уплетает угощение сын.

– Пойдем-ка, Рослик, я тебе кое-что покажу, – папа приподнялся из-за стола. Они прошли по чистой зеленой улочке с аккуратными белыми домиками по обе стороны. Дышалось легко; белизна зданий радовала глаз.

– Заходи! – отец толкнул дверь одного из домиков. – Вот смотри: на первом этаже – моя комната. Нравится?

Рослик осмотрел и присвистнул: ништяк, что и говорить. Дом внутри – в стиле деревенской избы из таких кругляков сосновых. Мебели нет, но уютно.

– А на втором – твоя, – отец опять улыбается. – Показать?

Да, нет проблем. Конечно, показать. Поднялись по винтовой лестнице – очень красивой, тоже под дерево. Образовался коридорчик, ведущий к двум дверям. Папа открыл правую, а там – детская кроватка, игрушки, всё светло-светло кругом.

Рослик оглядывает всё это добро и смеется.

– Знаешь, как я скучал, сынок! Знаешь, как я скучал! – отец обнимает его одной рукой, и диггер прижимается к нему. Он почему-то никак не может нащупать спину отца, руки всё хватают пустоту.

– Пап, а вторая комната для кого?

– Так для мамы! – торопливо отзывается тот, кого обнимает Рослик. – Мы и ее позовем. Вдвоем-то дело быстрее получится.

Руфер всё пытается поймать спину отца, как-то почувствовать его; он тоже скучал по нему, он хочет какой-то полноты, чтобы что-то дрогнуло в душе, но – не выходит.

Тогда сын пытается отстраниться от обнимающего, чтобы задать другой вопрос – про кроватку: она ведь для него маленькая, он давно вырос.

– Пап, а... – начинает он, но объятия вдруг каменеют. Руки отца становятся холодными, как батареи отопления в сентябре. Рослику хочется вздохнуть, но руки сжимаются всё сильнее и сильнее.

– Папа... – задыхаясь, шепчет сын. – Я не могу дышать, пусти!

Но каменные руки сближаются, Рослик вытягивает голову вверх и кричит. Хруст костей в плечах и груди, холод каменных рук... И пыль, кирпичная пыль повсюду – в глазах, ноздрях, зубах.

4.

Кирпичная пыль повсюду. Я кашляю и пытаюсь освободить руки. Но их нет. Совсем. Куда они делись? Ничего не вижу.

– Кто-нибудь... Господи, кто-нибудь! – губы разлипаются с трудом. Сначала ничего не слышу, потом – тоже стоны.

– Кто там? Катя? Павел Сергеевич? Помогите!

Тут кто-то добирается до меня и что-то делает. Вижу слабый свет.

– Сильно вас побило? – голос молодой и незнакомый. Вспоминаю, что с нами был еще кто-то. Антон?

– Антон...

– Я Рослик. Сейчас я помогу вам.

Он светит смартфоном и выкапывает меня откуда-то – из-под кучи кирпичной пыли.

– Что случилось? Катя? Где Катя? – я вздрагиваю всем телом и, почувствовав руки, помогаю себя откопать.

– Не знаю. Их я еще не нашел.

– Ищите, ищите скорей же! Ради Бога! Бросьте меня, я в порядке, ищите!

Он отходит, а я, прислонившись к стене, пытаюсь прийти в себя. Голова кружится; тупо слежу за отдаленным светом фонарика, в котором столбом стоит кирпичная пыль.

С величайшим облегчением слышу отдаленный стон Кати. Жива! Но, может, искалечена? Собираюсь с духом и ползу в ту сторону. Там светит фонарик парня-диггера. У Кати ссадины на лице и слегка повреждена рука. В остальном, кажется, хоккей.

– Мы сможем выбраться отсюда? – спрашиваю я Рослика. Тот делает какой-то жест – я не вижу в темноте, потому что фонарик цел только у него.

– Я сейчас буду выяснять...

– А Ташин?

– Пока не нашел его. Попробую сейчас еще всё облазить кругом. У вас смартфоны есть с фонариком?

– У меня есть! – говорит Катя. Голос у нее сиплый, но спокойный. Я радуюсь про себя, хотя понимаю, что если мы выберемся из этой передраги, буду корить себя за это всю оставшуюся жизнь. Но только бы выбраться.

Сестра включает фонарик в телефоне, и мы остаемся с ней сидеть среди кучи обвалившихся кирпичей. Что могло вызвать обрушение? Мне совсем не хочется об этом думать.

– Он ищет пожилого мужчину? – спрашивает Катик. Я киваю, и мне вдруг становится так ее жалко, что я обнимаю ее и плачу.

– Прости меня, Катик! Я сумасшедшая. Меня надо лечить в психушке! Как я могла тебя во всё это втянуть?..

– Ерунда, – отвечает мне младшенькая. – *Зато я видела маму!*..

Я закрываю глаза и прижимаю ее лоб к своему. Рослик возвращается минут через десять-пятнадцать.

– Я не нашел его. Обвал не такой большой – только в районе развилки. Под кирпичами его точно нет. Надо выбираться и звать на помощь.

Он помогает нам встать, и мы идем обратно. Слава Богу, дорога хоть и усложнилась, но проход нигде полностью не завалило. Через сорок минут мы видим солнце.

5.

Как-то поздней осенью Наташа Кожеева проснулась часа в три ночи и, стараясь не шевелиться, начала складывать – пазл за пазлом – только что приснившийся сон. Там было всё то, что почти стерлось из ее памяти, выветрилось – ради нее самой, чтобы спасти ее и Катю.

«Склепы, коридор, Рослик, Ташин и... И мама. Господи, какое же всё живое и реальное было в этом сне! Намного реальнее, чем моя теперешняя, никому не нужная жизнь...»

Тут она одернула себя и вспомнила о Кате. Вот она-то и есть реальность. И законченная наконец-то аспирантура – реальность. И отец, который вдруг вздумал лечиться, – тоже. Это и только это по-настоящему важно.

Она открыла на смартфоне почту и вздрогнула, увидев, что пришло уведомление о личном послании из ЖЖ. У нее не было знакомых, кто еще сидел бы в Живом журнале: все слиняли в другие соцсети. Кто? Кто... кто мог бы...

«Я провожал вас на вокзале, Наташа. Тебя, Катю и Супонину, дай Бог здоровья твоей научной старушке!..

Я смотрел тебе прямо в глаза – со второго этажа желтого вокзала и желал только одного: чтобы ты никогда больше не вернулась в наш город...

И всё-таки я очень на это надеюсь. Потому что тебя здесь ждут. Ждут по-настоящему, страстно! Мы знаем тебя и любим. Понимаешь? Так что приезжай – если надумаешь...

Ташин».

Человека, сидевшего на вершине буквы «С», заметили лишь двое водителей – из десятка автомобилей, проехавших в полтретьего ночи по Майской горе. Надпись с названием города У. была выложена из разноцветного щебня и красовалась уже много лет.

Но лишь один из тех, кто увидел сидевшего там Рослика, смог уловить и нечто другое – узкий летящий серпик, прочертивший странную траекторию от Майского леса до самых звёзд. Серебряный НЛЮ немного напоминал губную гармошку, блеснувшую на ярком солнце.

Заметил звёздного гостя и Рослик. Еще бы: ведь он ждал этого, он за этим сюда и пришел. В конце концов ему пообещали, что встреча обязательно состоится – а он верил обещаниям. Ведь городу всегда есть чем поделиться со своими исследователями...

Хей-хо, чуваки! Хей-хо.

Помаево – село, которого нет

повесть

Глава 1.

Мама еще с пятого класса, как только он этим увлекся, повторяла: «Стасик, ну зачем тебе эти монеты? Лучше бы ты за ум взялся и учился по-человечески! Тоже мне нумизмат!».

Стас с тех самых пор самого слова «нумизматика» на дух переносить не мог: оно почему-то напоминало ему о математике, которую тот не уважал с детства. «Стасик, алгебра и геометрия – основа основ! – эту пластинку его матушка в школьные годы тоже включала при первом удобном случае. – Какую бы профессию ты в будущем ни выбрал – математика всё равно пригодится!».

Бог мой, эти предки – сущие младенцы! Он преспокойно сдал три ЕГЭ (четвертый – на выбор) – и поступил на «технологию и предпринимательство» в местный пед. И уже через полтора месяца стал звездой студенческой осени в кавээновской команде «ТиПов»: раз плюнуть, как говорится. Там же, на КВН, он познакомился с Толяном, который учился на ест-гео.

«Ва-аще чумовая тема! Мы это дело отобьем за пару месяцев! – Толян впервые заговорил про поиск «всякого старья» в начале мая, когда на горизонте замаячила летняя сессия. – Меня в это дело камрад один втянул – типа копаря-поисковика был. Ему всё интересно было: черепа, котлы, шмотки солдатские. Но мне пофиг на это! Я ведь по монетам загоняюсь».

Толик предложил выкупить у одного своего камрада гудлб и всю атрибуцию. Гудлом, или металликой, друг Стаса именовал металлоискатель – как оказалось, вещь незаменимую при поиске монет.

Тот день, когда они раскопали свою первую добычу, ему иногда даже снился. Металлоискатель запыкал, Стасик достал саперную лопатку и через пять минут извлек на свет Божий круглое металлическое чудо.

«Да это же пятачура – катька! Ну-ка, дай-ка, дай-ка! – Толян поковырял грязным ногтем монетку. – Точняк: катька, 1774 год. По-

везло тебе. Дальше шагаем? Еще и не такое найдем, обещаю. Здесь же постоянный двор был раньше!».

Они копали на пустыре одного из сёл – километрах в десяти от города. Увезли к вечеру семнадцать монеток. В основном, попадались бутылочные алюминиевые пробки и советская мелочь, но добыли и две пятачуры: одну взял себе Толян, а другая по праву перекочевала в рюкзак Стасу.

«Одно плохо: люди постоянно шастают. Увидят нас с металлоискателем – ментам могут настучать. Надо искать по заброшкам, вот это ва-аще чумовая тема!» – просвещал его Толян, развалившись на заднем сиденье рейсового автобуса, который вёз их в сторону города, усеянного желтыми пятнами уличных фонарей. Именно тогда-то у них и созрел план поездки в заброшенное село. Или, может быть, они придумали его позже... Да кто же сейчас разберется в этом поле после всего случившегося?

– Вон оно! Видишь, да? – Толян весь подался вперед и, приставив ладонь к бровям, стал вглядываться в отдаленные заросли.

– Чего там? – Стас привстал на цыпочки. – Изба?

– Не-е, – его друг покачал головой и поправил большой рюкзак за спиной. – Чё-то побольше. Деревянное вроде. Может, магазин. Или клуб. Но это точно помаевское, вот смотри...

Стас мельком глянул на экран смартфона, где светилась заранее скаченная разноцветная карта местности, и вдруг почувствовал то самое – знакомое томительно-сладкое ощущение предстоящей охоты. Сотовой связи, кстати, здесь не было. Совсем.

– Здесь всё достанем? – он указал на рюкзак.

– Ты про гудло? Да можно и здесь, в принципе. Сейчас границы села уже не найдешь: всё травой поросло, одни кочки. Давай перекусим и начнем, ага?

Толян осторожно извлек прибор и закрепил насадку.

– Металлика хоть и бэушная, но хорошая, проверенная. Ни одной железки не пропустит, точно говорю.

Они примяли траву, которая местами доходила до пояса, и разложили на мягком зеленом ковре газету. Стас нарезал вареную колбасу крупными кусками.

– Тут клёво, да? Село-то вышло-кончилось лет десять назад, а Википедия об этом знать не знает!.. – более опытный охотник хохотнул и взял еще один бутерброд. – Избы, наверное, успели растащить или сжечь. Но нам так даже лучше: фундаменты прощупаем – точно без улова не останемся. Тут еще одна деревенька была недалеко – Козловка, но там уж никаких следов не отыщешь.

Стас слушал его с уважением. Всё-таки его напарник в полевой нумизматике смыслит куда больше: каких только старинных монет не перебывало в руках Толяна! Он и находил, и менял, и продавал их сотнями. А у Стасика была коллекция всего монет в семьдесят, ну и бумажных немного – червонцы да трешки дореволюционных времен. И это – за шесть лет собирательства!

По уверениям Толяна, он такую коллекцию мог за две удачных вылазки состряпать. Неудивительно, что у его менее опытного товарища горели глаза и ноги сами порывались идти вперед – к таинственному высокому деревянному зданию, которое они увидели в зеленых зарослях.

Выцветшие одежды и лица святых едва проступали наверху – почти у самого купола бывшей церкви. Стас заметил, что у Христа, парившего над их головами, чья-то настырная рука выскоблила глаза, оставив вместо них два рваных углубления. Стены первого этажа были покрыты сложной вязью разномастных надписей – от признаний в любви, имён и дат до матерных слов и неприличных рисунков.

– Народное творчество, однако... – бормотал Стасик вполголоса, разглядывая граффити многочисленных визитеров. Юный нумизмат чувствовал себя немного странно – так, будто не он разглядывал стёршиеся лица подкупольных святых, а наоборот – внимательно рассматривали его. И всё никак не могли насмотреться.

– Кажись, тут вместо церкви кинотеатр раньше работал! – басом, как батюшка с амвона, провозгласил откуда-то сбоку старший охотник за монетами. – Вон видишь дыры в стене с двух сторон? Это для проектора. А вон на той – противоположной – стенке, наверно, экран висел.

– Наверное, – согласился Стас. – Клуб был. Это еще хорошо. А то могли и зернохранилище устроить.

– Тут нужно всё с металлоискателем облазить. Лучшего места для монеток, чем церковь бывшая, не найти! – сказал Толян и немедленно приступил к делу.

Они провозились в самом здании около часа; еще столько же потратили на поиски у высоких металлических ворот, задранных наглухо, словно вход в подводную лодку. Когда-то церковь была разделена на два яруса, но неумолимое время перекроило всё по-своему: пол второго этажа почти везде обрушился, оставив небольшие островки торчащих деревяшек и линолеума. Ступени теперь вели в никуда, и это друзей вполне устраивало: лезть наверх они не собирались.

Металлоискатель звенел, в основном, на железки – кованые гвозди, скобы и подобную, как выражался Толян, чернину.

– Я хоть и фильтры на металлке включил, а всё равно она реагирует на железяки. А нам медь и серебро нужнее.

Опытный нумизмат-охотник уже не раз наставлял своего напарника, как правильнее работать с гудлом. Если прибор издавал круглые звуки, то это точно означает удачу.

– Вот водишь из стороны в сторону – если пикает ровнёхонько везде, то точно наткнулся на круглый предмет. Можно, конечно, и рубль бухарский выкопать, но есть шанс и нечто покрупче достать.

Бухарским рублем Толян называл алюминиевые пробки с водочных бутылок, которые были в ходу в советскую эпоху и в начале 90-х годов.

Поиски рядом с бывшей церковью ничего особенного не принесли: сапёрная лопатка извлекла на свет Божий лишь несколько копеек времен полета Гагарина в космос. Зато под ступенями полуразрушенного крыльца помаевского клуба металлоискатель обнаружил целое скопление каких-то круглых предметов.

– Это любопытно... – протянул Толян. – Здесь покопать надо основательнее, но для начала придется крыльцо доломать. Давай на завтра это оставим. Сегодня надо пробежаться по всему селу и ночевать поискать где.

На плече Стаса болталась скрученная в тугую сосиску небольшая палатка, которая должна была послужить им пристанищем на ночь. Друзья побрели от церкви в сторону пригорка, продираясь сквозь заросли разномастных колючек и сушняка.

– Тут, по логике, где-то кладбище должно быть, – рассуждал Толян, который плелся первым. – Но, может, и не осталось уж ничего.

От холма по левую руку располагались бескрайние кувайские леса. С правого бока виднелись заброшенные поля. Самое интересное было впереди: зеленело-белело плотное скопление берез и других деревьев, которые, скорее всего, скрывали кладбище; и – главное – в полукилометре от наблюдателей серела крыша уцелевшей избы.

– Вот это круто! – выдохнул Стас. – Дом остался! Полазаем там?

– А то! – заулыбался старший. – Зря мы, что ли, сюда припёрлись? Наверняка найдем что-нибудь этакое...

Вечерело. Они ускорили шаги. Если бы кто-то вдруг приподнял Стаса на высоту парящего квадрокоптера, он увидел бы расходящийся, разбегающийся в разные стороны рисунок улиц исчезнувшего Помаево. Над фундаментами изб цвет травы неуловимо менялся, приходил в какое-то неистовство, переливался оттенками чужого, инопланетного изумруда. Время от времени попадались заросли старой, слегка пожелтевшей крапивы; сухие столбики прошлогодних колочек сцеплялись с их молодыми, свежими собратьями; на самом нижнем ярусе пробивалась своя, особая, желто-коричневая травяная жизнь, в которой протаптывали незаметные тропки чугунные ножки муравьев и красных солдатиков. С широких крон прицерковных деревьев, которые остались позади, недобро каркали вороны. Прямо над головой в темнеющем небе зависла небольшая птичка, своими переливами настраивающая всё село на вечерний лад.

Вокруг избы сохранился местами забор, а за ним друзья заметили окученную картошку.

– Вó как! – сказал Толян. – Неожиданный номер. Неужели кто-то здесь еще живет?

Однако провалившийся шифер на крыше вроде бы говорил об обратном.

– Ну, чего? Посмотрим хату? – спросил старший и, не дожидаясь ответа, нырнул за угол дома, где находилась входная дверь. Замка не было, на полу в сенцах валялись старые газеты, погнутая крышка от алюминиевой кастрюли, старые цветные тряпки. Пол закрипел под тяжестью Толяна, за ним в избу зашел его друг.

– Кто-то тут точно бывает, – слышался через минуту голос старшего, успевшего оглядеть три небольших захламленных ком-

наты избы. В одной из них в красном углу стояла икона, внутри, за стеклом, украшенная серебряной фольгой.

– Как думаешь: имеет она какую-нибудь ценность? – спросил Толян подошедшего Стаса. Старший снял изображение Божьей Матери с угловой полочки и пытался рукавом стереть толстый слой пыли со стекла.

– Не знаю, – ответил юный нумизмат и отвел глаза в сторону. – Лучше, наверно, на место поставить...

– Да я так – просто. Мне на картинку плевать, я монеты собираю, – хмыкнул старший и положил икону на растрескавшийся подоконник. – О, смотри – какие-то рогатки висят! Возле печки – видал?

Рядом с хорошо сохранившейся побелённой печкой на стенном крючке действительно висело собрание крючковатых палок, напомилавших большие рогатки.

– Зачем такие, не знай? – спросил Толян: он уже заскучал, стал позёвывать и чесать левую руку. – Чё, пойдём? Нет тут ничего. Монеты тут тоже бесполезно искать. Лучше бы найти место бывшего магазина – вот там наверняка попадется что-нибудь. И по фундаментам домов пошариться. Но это завтра. Где ночевать-то будем?

Удобное место для ночлега они нашли недалеко от церкви рядом с мелкой, но широкой речкой, на противоположном берегу которой сквозь осоку и камыш проступали черные развалины то ли сарая, то ли бани.

– Тут вот под пригорком костер разожжем, а вон там палатку поставим, – распорядился старший. Они стали возиться с установкой палатки, а затем Толян отослал друга за дровами.

– Иди вдоль берега – там должны быть дровишки. А я пока бутеров нам настроаю.

Совсем стемнело. Стас, подсвечивая себе смартфоном под ноги, побрел вниз по течению. Воздух заметно посвежел; хотелось уже глядеть на костер, весело швыряющий искры вверх, жевать бутерброды и строить планы на завтра. Ему показалось, что нечто холодное вдруг коснулось его щиколотки, а затем ускользнуло куда-то вбок. Озноб волною прошелся по его спине, и студент заспешил дальше. Слава Богу, сухие ветки обнаружили всего через несколько шагов. Он схватил столько, сколько смог, и уже повернулся, чтобы идти обратно.

«Коля! Ко-оля-а!» – голос был женский. Его интонации были знакомы Стасу с детства: так звали ребенка, до вечера заигравшегося в песочнице. Студент замер и начал оглядываться по сторонам. Смартфон пришлось спрятать в карман, чтобы сподручнее нести дрова. Глаза еще не привыкли к темноте, и он безуспешно пытался разглядеть силуэт той, что звала.

Всё так же по-смолянскому чернел остов бани на противоположном берегу. Ночные птицы и насекомые неспешно играли свой обычный концерт. Нигде ничего не двигалось и не шевелилось. Стас сглотнул ком, застрявший в горле, и почти побегал к палатке.

– О! Я же говорил: найдешь. Я еще днем этот бурелом приметил. Щас у нас костерок будет, – Толян принялся об колено ломать сухие ветки. – Шашлык, наверно, на потом оставим – не пропадет мясо, как думаешь?

Стас замотал головой, а потом присел на корточки.

– Ты чего какой?

– Толь, ты ничего не слышал?

– В смысле? – старший уже чиркал спичкой, тоже приземлившись на корточки возле сложенных вигвамом дровами.

– Голос... Крик женский.

– Женский? – костер разгорелся с первого раза. – Да ты чё? Откуда тут? Хотя, может, с Паркино кто? Наверное, ветер звуки донёс – такое бывает. До Паркино тут несколько километров по прямой, если полями идти. Там, в принципе, много народу еще живет.

– А-а! – Стас с облегчением выдохнул и сразу же согласился с объяснением друга. – Точняк... А я уж тут... напугался немного.

– Ба! Ну-ка, ну-ка... Видал, что ты приволок вместе с дровишками? – старший напарник держал в руках нечто черное, похожее на оплавленный толстый пакет.

– Что это?

– Наверно, кожа змеиная. Они ее сбрасывают, обновляют гардероб, так сказать. Вот только не знаю: ужики тут ползают или кто по-серьзнее. Надо бы палаточку-то на ночь поплотнее закрывать. Да... А кожу лучше сжечь! – и Толян подарил находку языкам костра.

Стас смотрел, как та быстро сморщивается, и думал о женском голосе, который звал неведомого Колю.

Глава 2.

– Ну что: порядок? – машинист всматривался в лобовое стекло, по которому струилась дождевая вода. Бегущие навстречу рельсы вытягивались и слегка подрагивали, преображенные влажной стекольной границей.

– Да вроде да. Ни черта ведь не видно, дядь Коль! – Петька вернулся на прежнее место, с которого он вскочил, когда заметил встречный товарняк.

– Всё в штатном режиме! – сказал старший в черную рацию, и та пробурчала ему в ответ что-то благодарно-неразборчивое. Помощник Петька слегка расслабился: это был его седьмой самостоятельный выезд и четвертый – с таким аксакалом железных дорог, как Федорыч. Больше всего его напрягала обязанность вскакивать, как только на горизонте маячила встреча. Он до рези в глазах всматривался в пронсящиеся вагоны, боясь пропустить заискрение либо какую-нибудь другую беду.

– Тут взаимная помощь, Петр, никуда от этого не денешься: мы смотрим их вагоны, они – наши. Знаешь, сколько раз спасал жизни такой обычай? Бессчетно! – наставлял его старший, и Петька, вздохнув, кивал головой: надо так надо.

По слухам, Федорыч работал на «железке» уже лет сорок – старше его на всей Куйбышевской железной дороге, наверное, никого не было. Он водил и пассажирские, и маневровые, лет десять отпахал на электровозе, но родной считал все-таки дизельную вторую ТЭМ-ку. Два года назад его пересадили на пригородный, и старый машинист относился к этому как к личной трагедии.

– Пора, пора мне, Петр, закругляться! – любил повторять Николай, когда они вставали на светофорах или на долгих станциях. – Вот тебя обучу – и баста. Поеду в свою деревню – заждалось меня Помаево родное!

Про «Помаево родное» Петька знал, казалось, всё, потому что Федорыч любил поговорить на эту тему. Три брата-основателя, знахарь Борькай, Белое озеро, клуб в здании бывшей церкви и... охота.

– Охота, Петр! Знаешь, какие там леса? Кувайская тайга – слышал такое? Наши старики говорили, что раньше даже на медведей напороться можно было. А кабанов-то я сам видал – неоднократно. Но, в основном, я на зайца и вальдшнепа хожу. Лисиц и волков трогаю редко – а на черта́ они мне?

Федорыч в последний раз был в своем родном селе в конце июня. Попытался поправить прохудившуюся крышу, даже посадил картошки немного в огороде. Земли теперь свободной было – хоть чемпионат мира по футболу проводи. Во всём селе больше изб не осталось: кто-то сам вывез на сруб, остальные дома либо сгорели, либо пали жертвой мародеров.

– Сволочи – те всегда найдутся, не пропадут, – сетовал Николай: он всегда так называл тех, кто, словно падальщики, набрасывались на еще не остывший труп его Помаева. – Ведь в 1995 году там жизнь ключом била! Веришь, нет? И МТС, и кузница, и детсад, и магазины – всё было. А сейчас – ничегошеньки не осталось. Жалко, как же жалко...

И Петька в эти моменты замечал, что вода струится не только по лобовому стеклу их локомотива.

В следующую смену аксакал железной дороги пришел мрачнее тучи. Буркнул что-то Петьке вместо обычного приветствия и отправился проверять оборудование после предыдущей бригады.

Помощник испробовал все известные ему способы разговорить старого машиниста. Применил даже запрещенное оружие – упомянул про Помаево. Но на Федорыча такой прием оказал обратный ход: он поскучнел еще больше.

Они проехали несколько станций в полном молчании, и Петьке самому отчего-то стало так грустно, что захотелось стонать-выть, словно испорченный паровозный гудок.

– Смотри, Петр, смотри внимательно! – вдруг произнес машинист. Помощник вздрогнул от неожиданности и стал пялиться изо всех сил в лобовое и боковые стекла. Облезлые рощицы с мелколистными деревьями сменялись полями; деревянные и бетонные столбы перебегали с места на место, спаянные волнами бесконечных черных проводов. Вроде бы всё как обычно.

– Чего смотреть-то? – наконец-то не выдержал молодой.

– А? – словно очнулся от полусна Федорыч. – Смотреть? А я тебе не рассказывал, что ли? Э-э, брат, тут место-то непростое, святое! Раньше, в незапамятные времена, стояла там железнодорожная будка – ну, домик небольшой, видел такие, наверно, где-нибудь? Так

вот: жил в нем Саня-Лапоть, путейщик от Господа Бога. Сам маленький, с бородёнкой, волос светлый, глаза навывкате...

Все – и машинисты, и помощники, и кочегары (тогда и кочегары были!) – знали его как облупленного. И не было такой бригады, которая хотя бы на пять минут не остановилась бы возле его будочки и не приняла бы «путевёго». Понял, про что глаголю, Петр? Ага. Самогон у него был – как маточное молочко! Боже ж ты мой – ум отопьешь!

– Пили? И машинисты даже? – усомнился молодой.

– А то! Ну не надирались, как свиньи – это понятно. А так – граммов по сто хапнут святой водицы – и пошло-пошло-пошло!.. Это сейчас тебя проверками задолбают: туда дунь, сюда сплюнь. Проверяльщики хреновы. Тогда люди другие были: сами за собой следить умели. А пять минут постоять в то время – нет проблем. График соблюдали как «Отче наш», ты не думай. Но мимо Сани-Лаптя проехать – это же грех непрощённый. Пути не будет! – Федорыч разулыбался.

Петька тоже было расцвел. Но затем возобновилось тягостное для молодого, растущего организма молчание. Рельсы сходились и расходились, сходились и расходились; провода по бокам плавно плыли от столба к столбу; время замерло на месте, как взгляд на фотографии.

– Петр, вот тебе когда-нибудь снились такие сны... – прервал мерный стук железных колёс голос старшего. – Такие сны... Не знаю даже, как сказать. Вот не вещице, нет. А вот будто ты там. Весь, целиком. А?

– Где там? – тут помощник вскочил, заметив встречу. Отвлекся на пассажирский из Уфы и Николай.

Когда последний вагон простучал мимо и короткие переговоры по радиации закончились, молодой помощник сам напомнил о прерванном разговоре:

– Так чего там про сны-то, дядь Коль?

– Да, – согласно закивал головой его собеседник. – Про сны! Вот взять хотя бы сегодняшнюю ночь: чертовщина сплошная. Подхожу будто я, Петр, к своей избе – ну той, что в Помаево. Темно, вечер... И такое у меня чувство – вот не объясню: холодок какой-то по спине бегаёт. А рядом со мной парень идет какой-то. Смуглый, черный волос – не разберешь особо-то, ночь ведь. И вдруг по улице

(ну там шас улиц нет – так, заросли одни) начинают загораться огни. Не огни, а окна домов. А я ведь знаю, что изб-то здесь никаких нет и быть не может: кончилось Помаево мое горемычное.

Тут вспыхнет, там зажжется: осветилась Од-улица, как по-лоса взлётная. А у меня радости в душе совсем нет – наоборот, страх какой-то, дикий, звериный. И тут замечаю, что парень этот, смуглый который, бочком ко мне как-то стоит. «Ага, – думаю. – Это что же ты, уважаемый, лицо от меня прячешь?». Кладу ему руку на плечо, пытаюсь его развернуть, а он ни в какую! Ну я тогда уже с азартом – разворачиваю его, а у него на лице – черви копошатся! Мертвяк, блин...

– Тьфу! Да ну тебя, дядь Коль! – передёрнул плечами молодой помощник. – Не люблю я такого: самому потом ночью дрянь всякая привидится...

– Вот и я не люблю, – закивал машинист и замолчал ненадолго. – А ведь я его узнал, смуглого-то. Это уж потом, как проснулся. В школу вместе с ним бегали – в старшие классы, в соседнее село. Его в грозу убило, мне тогда лет пятнадцать стукнуло...

Снова на горизонте замаячила встреча.

В этот раз Федорыч поехал не на «УАЗике»-сапоге, а на допотопной девятке, которую он лет сто назад отдал старшему сыну. У того, понятно, через год-другой образовалась потрепанная иномарка, и девяточка снова перекочевала к отцу.

– Куда тебе две машины? – ругалась Маша, его жена; так-то она редко выступала, но иногда и на нее находило. – Продай хоть одну! И так концы с концами связать не можем.

Но старый машинист отмалчивался и не продавал своих боевых коней. Девятка девяткой – на ней, конечно, по городу удобней. И жрёт поменьше. Однако ж на этом корыте разве до Помаева доберешься? Да оттуда после первого же хорошего дождя хрен вылезешь! Не-е. Маша, конечно, умница, но в этом деле ничего не смыслит.

Впрочем, как известно, человек предполагает, а Богу виднее: еще накануне вечером Николай всё проверил, а утром его сапог камуфляжного цвета отказался заводиться. Напрочь. Ну что делать? Кто его знает, сколько он еще провозится – может, до полудня! А

выходных у него всего два. Поэтому машинист сплюнул, обтёр губы и перекидал весь охотничий скарб в багажник и на заднее сиденье светло-зеленой девяточки...

Был такой поворот по дороге из Ульяновска, который он про себя называл «мой». С каким бы настроением он ни выехал из города, как бы у него ни болело и ни ныло левое плечо (последствие одной охотничьей истории) – когда до «моего» перекрестка оставалось несколько километров, сердце его ускоряло бег, и губы сами растягивались в улыбку.

Именно здесь в Усть-Урёне они отгуляли свадьбу с Машей – много-много лет назад. Столовая как раз была недалеко от поворота; сейчас там располагались мелкие забегаловки. Он всегда останавливался возле одной из них, степенно здоровался с хозяйками и просил борща. Непременно борща и пирожков с зеленым луком и яйцами – с десятков штук.

– Опять на охоту? – спрашивала его Валя, внучка Екатерины Сергеевны – той самой Кати, за которой он ухаживал давным-давно – еще до того, как встретил жену.

Федорыч важно кивал и садился за свой любимый столик – возле окна. После борща брал второе – какие-нибудь макароны с двумя сосисками. Потом – чаю.

– Там хоть чего-нибудь осталось? В Помаево-то вашем? – снова слышал он звонкий Валин голос.

– Осталось, – отвечал он. – Церковь стоит. И кладбище. Вот ведь странность....

– Что за странность, Николай Федорович? – Валя уже спешила к соседнему столику, куда приземлились два дальнобойщика. Он понимал, что его ответ прозвучит напрасно, никому не будет нужен – как и само Помаево. Но сдержаться себя не мог.

– Странно, Валя, то, что сейчас самая живая часть села – это кладбище. Туда еще приезжают, за могилками ухаживают, кто-то даже подкрасил забор и ворота в прошлом году. Понимаешь? Для живых села уже нет, они его бросили, а мертвые родной земли не предают. Никогда...

Затем он медленно пил чай – из большой белой кружки с дурацким логотипом сотовой компании. Иногда просил подлить еще. Ведь в Помаево нельзя торопиться. Мертвое село не терпит суеты.

«Коля-а! Ко-оля!» – живо, реально, как в галлюцинации, он слышал голос матери, зовущей его домой.

Как они тогда велосипед-то нашли!.. Да, да... Вот смеху-то было! Это поначалу. А потом оказалось, что велосипед – дяди Борька. До сих пор холодок пробегал по его спине, когда он вспоминал о том случае из детства.

Он водился тогда с двумя братьями Петровыми – с Верепё. Петровы – это по-уличному, прозвище по отцу. Так-то у них фамилия была Покшаёвы. Братья хоть и считались двойнишами, но похожи были друг на друга, как вилка на бутылку. Один, Сенька, – тонкий и смуглый, будто татарин. А другой, Пашка, приземистый и с квадратным лицом, больше напоминал мордвина. В Помаево, как выражался их местный учитель-историк, всяких кровей понамешано – замучаешься разбираться.

Коле в то время стукнуло четырнадцать лет. Лето выдалось жаркое и влажное. С кувайских лесов и болот каждый вечер прилетала невиданная туча злющей мошкары, поедом евшей и скотины, и людей. Но днём было раздолье. Они с братьями не вылазили с берега Белого озера: Помаевка тогда текла веселей, и ил на дне не втягивал еще ноги купающихся с такой болотистой силой, как сейчас.

Велосипед обнаружил Пашка. Двухколесное сокровище прятали в самых зарослях – так, чтобы никто не зацепился за него случайным взглядом. Но от мальчишек разве что укроешь?

– Рёбья! – заорал он, вылезая из кустов, куда убежал, чтобы справиться большую нужду. – Я велик нашел! Целый!

– Офигеть! – подтвердил его брат, уже через несколько секунд оказавшийся рядом с железным конем. – Целёхенький! Может, кто припрятал?.

– А наплевать! – возразил другой двойняш. – Мы нашли – значит, наш!

Троица быстро уволокла найденное за село. Там они до самого вечера катались по очереди по протоптанным скотиной и людьми полевым дорожкам. А уж совсем затемно, когда за кровавым ужином поднялась с болот злая мошкара, мальчишки схоронили велик в зарослях крапивы: так оно надежнее будет.

Утром на следующий день Коля поехал с отцом в Никитино на совхозном грузовике. Обычно он любил помогать папе в его разъездных делах: тот всю жизнь трудился бухгалтером, его знали и уважали во всем Сурском районе. Но в это утро мальчику ехать не хотелось. Хороший велосипед действительно считался великим делом; у братьев Петровых валялся в сарае какой-то раздолбанный драндулет, а Коля – так тот и подавно мог подребезжать велосипедной цепью лишь в долг, выпросив покататься у одного жирдяя с соседней улицы.

«Накатаются там без меня! Раздолбают велик так, что потом на него и не сядешь. А я тут с отцом – как последний дурак!» – с тоской думал он, считая минуты до того момента, как отец освободится от своих скучных дел, связанных с ревизией. Это он потом – уже годы спустя – благодарил Бога, что не остался в тот день в Помаево и не перешел дорогу дяде Борькаю.

– Ха! Ты понял, да! Он к нам домой прям с утра нарисовался. Мать только после дойки вернуться успела, а он уж на пороге стоит, зыркает! – рассказывал ему смуглый Сенька, стараясь придать своему рассказу весёлый характер: дескать, вот ушлёпок так ушлёпок этот старый пердун. Вот уж смешно так смешно! Ага, насмеялись они тогда досыта – до той самой грозы, после которой смуглого пришлось закапывать рядом с его дедом, по правую руку.

– Твои у меня велосипед украли. Пусть вернут! – знахарь якобы так и сказал. Прямо на пороге. И ушел.

Мать руками всплеснула, сунулась к сыновьям – те еще в терраске нежились, просыпаться не хотели.

– Мы ей сразу: какой там на фиг велосипед. Знать не знаем, ведать не ведаем. Что там этот сумасшедший дед выдумал! Пошел он подальше!

Ну мать что: поохала, поахала. Старшего Петрова, отца их, вообще тогда не было: уехал в город, недели через две, что ли, вернулся только. Ну на этом вроде бы и закончилось. Мать попричитала, погрозила им, сказала, что Борькаю обманывать никак нельзя: он, мол, всё видит. А мальчишки что: пёс с ним, с этим дураком старым! И убежали – сначала на речку, а потом – к крапиве за велосипедом.

А ближе к вечеру, в тот момент, когда Коля с отцом трясся в грузовике, едущем из Никитино, дядя Борькаю вырос перед ними, словно из-под земли. Братья даже остолбенели поначалу.

Смотрит он на них: брови у него седые, кустистые, глаза глубокие и черные. В руках – палка. Он без этого сучковатого посоха вообще из избы не выходил, разве что когда верхом ездил на своем железном коне. Зачем палка ему нужна была – никто не знал. Борькай ходил по-молодому, спину держал прямо. Частенько, кстати, видели его на том самом велосипеде: не любил он терять время на долгую ходьбу.

– Давайте, парни, по-хорошему. Покатались и буде. Мне по ягоду надо съездить. Травки кой-какой собрать. В лес нужно мне... – сказал и молчит. Ждет.

Братья посмотрели на него, потом друг на друга. И загоготали, дурачьё.

– Наш это велик, дядя! Попробуй докажи, что не наш! Мы его нашли, понятно?! – и дёру дали. Один на колёсах, другой бегом.

В этот день Коля с Петровыми так и не увиделся: вернулись они с отцом из Никитина уже в темноте. Вечером старый Борькай снова вырос на пороге избы Петровых.

– Ты, Надежда, женщина умная. Всё понимаешь. Я ведь тебе помогал. С этими оболтусами, кажись, ко мне и приходила. Грыжа ведь у одного была. Так?

Бледная мать кивала головой и божилась, что допрашивала сыновей с пристрастием, но те отказываются от всего.

– Не брали, говорят! Что с дурней взять? Вот отец вернется – он уж с них не слезет, душу им всю вытрясет. Если они взяли – вернут, вернут, дядя Борькай! Куда они денутся!

– Не с руки мне, Надежда, ждать две недели. Мне транспорт сейчас нужен. У травы сила созрела: я на нём, на раме, траву вожу. Скажи, чтоб отдали, слышь?

И ушел.

А братья в тот вечер успели попасть в историю: Пашка катался по лесной просеке, наехал на сосновый корень в руку толщиной, который незаметно торчал в листве. Переднее колесо погнулось, крышка лопнула. Петровы, не долго думая, сняли оба колеса с рулем и унесли к себе в сарай. А металлический велосипедный остов утопили в здешнем болоте – от греха подальше.

Через два дня мальчишки снова повстречались со старым знахарем в проулке, ведущем к клубу. И Коле опять повезло: братья Петровы были без него; вдвоем и дело совершили.

– Транспорт-то мой когда вернётся? Или уж утопили где? – голос у Борька спокойный, с хрипотцой. Он, когда лечил, никогда не шептал – так, как это делали все бабки-лекарки. Всегда говорил молитвы-заговоры вслух, четко и со значением. С хрипотцой.

– Пошёл ты, дядя, со своим великом! – вдруг заорал Сенька. – Не брали мы его, и не докажешь ты ничем, понял!? Привязался, как банный лист к заднице! И не ходи больше к нам, а то вон вечером встретим в темном месте, понял?

Ну и всё. Борькай смолчал. И Пашка, Сенькин брат, тоже не сказал ничего. Наверное, поэтому и жив остался, хоть и уехал из Помаева навсегда – ровно через год, как в Сеньку молния попала.

Люди разное про то судачили, но Николай-то знал, как дело было. И никогда никому про это не рассказывал. Даже Петьке – своему помощнику, который, как тому казалось, знает про Помаево всё. Ведь старый машинист любил повспоминать о родном селе, когда их пригородный стоял на светофорах и долгих станциях.

Глава 3

Утром они пошли к заброшенному зданию бывшей церкви.

– Что-то холодно по ночам на земле-то голой лежать, – ворчал Толян, вооруженный поскуливающим гудлом. – Дно у палатки тоньше, чем волос в причинном месте. Надо что-нибудь теплое найти: соломы, что ли, натаскать? Или на крайняк – в избе этой дурацкой заночуем. Всё потеплее. Ну а завтра – домой пошлём. Как на такой план смотришь?

Стас закивал. Он с утра был молчалив и задумчив. Что-то снилось ему этой ночью – что-то неприятное и тяжелое. Но, слава Богу, подробностей он не помнил.

Кстати, Толян-таки угадал: Стасу действительно пришлось провести вторую ночь в сохранившейся помаевской избе. Да только вот спал он там один-одинёшенек, без своего многоопытного товарища.

– Так, начнем-с!.. Вот крыльцо – давай-ка расчистим тут завалы, – любимое дело подняло настроение у Толяна. Да и начинающий нумизмат тоже оживился.

Друзья принялись доламывать церковное крыльцо, освобождая пространство для работы металлоискателя. Уже минут через двадцать первый радостный крик огласил заросшие окрестности бывшего села.

– Рупь! Тыща восемьсот второй год! Ну ни фига себе! – Толян почти танцевал, показывая другу грязный кругляш. – Я же говорил, я же говорил! Да тут клад самый настоящий! Ё-моё!

Через час-другой их восторг, однако, поубавился. Сотоварищи нашли в общей сложности еще монеток двадцать, и все – времен совхозов и покорения космоса.

– Фу-у! Ну и жаррица. Давай перекусим, а? – Толян вышел из здания бывшего клуба, стянул с себя футболку и закинул ее на ветку ближайшего дерева.

– Искупаться бы... – мечтательно протянул Стас.

– Где? В этом тухлом ручье? Нет уж. Я пас. Давай лучше костерок и шашлыки. Угу?

Подготовка к обеду отняла у них часа два. В пекло работать не хотелось, они ждали, пока хоть немного спадет жара. Толян даже умудрился вздремнуть. Вот в этот самый момент Стаса приспичило. Студент порывлся к рюкзаку, добыл смятый рулон туалетной бумаги и поспешил в сторону ручья: там как раз росли замечательные кусты. Хоть тут никого, кроме них с Толяном, и не было, но столь интимное занятие всё равно требовало некоторого укрытия. Когда дело было сделано, юный нумизмат решил вернуться другой дорогой – вдоль берега ручья. Проходя то место, где ночью ему почудился женский крик, он снова ощутил озноб. А затем его левая нога наступила на что-то мягкое.

Стас успел лишь опустить глаза вниз, как вдруг почувствовал резкую боль чуть выше лодыжки – там, где заканчивались его подвернутые джинсы. Что-то громко зашипело, он резко отпрянул в сторону и заметил извивающееся черное тело, шмыгнувшее куда-то в расселину между корнями деревьев. Пару секунд он стоял, не понимая, что произошло. В голове было пусто, сердце стучало, словно колокол. А затем дикая боль в левой ноге заслонила всё остальное в мире.

Стас быстро присел на землю и, задрав брючину до самой колени, начал внимательно осматривать две кровавые глубокие ранки на ноге. Жгучая боль всё усиливалась, место укуса уже начало понемногу вспухать, словно дрожжевое тесто.

– Чёрт! – сказал Стас вслух и вздрогнул от звука собственного голоса. – Меня только что цапнула змея. Долбанная гадюка! И что мне делать? Толя-ян!

Его охватил страх – почти паника. В то же время он почувствовал какое-то необыкновенное возбуждение, сладкими, медовыми волнами накатывающее на всё тело. Уже спустя две минуты он расталкивал своего разомлевшего от жары друга.

– Толян! – бледные губы укушенного кривила странная усмешка, глаза были расширены. – Вставай, вставай, говорю, мать твою! Меня гадюка цапнула, слышишь?!

Старший медленно заморгал, мельком глянул на две кровавые точки на ноге товарища и кивнул, будто видел такое каждый божий день. Затем сладко зевнул, показав Стасу две пломбы на коренных зубах.

– Ну ты даёшь!.. Вода у нас далеко? Пить хочу – не могу.

Пока проснувшийся рылся в рюкзаке в поисках минералки, Стас молча следил за ним. Ему чудилось, что каждое движение его товарища происходит жутко медленно, словно тот плыл сквозь прозрачную густую сладкую жидкость.

– Что мне делать, Толь? А? Я умру? – спросил начинающий нумизмат. Голос его был так спокоен, что мать Стасика, пожалуй, завопила бы от ужаса: только она знала, как у ее сына проявляется крайняя степень паники.

– Дурак, что ли? Это полная ерунда. От гадюк никто не умирает. Редко очень. Вот если бы она тебе в шею вцепилась или в щеку прям присосалась – это другое дело. А тут – как оса. Распухнет и пройдет.

– Это точно? – Стас начал всхлипывать. – Ты это точно знаешь?

– Да конечно! Ну ты еще разревись, девочка моя! Говорю: всё хоккей будет. Аллергии у тебя нет? Не знай? Ладно, ты тут посиди, тебе двигаться поменьше надо – я читал в инете про такое.

Стас кивнул, а Толян пошел за церковь – помочиться. Когда тот вернулся, укушенный тыкал пальцем в смартфон.

– Бесплезно, да? Тут не ловит ни хрена. Это надо в сторону Астрадамовки идти. Может, в Паркино есть связь. У тебя Билайн? У меня тоже. Не-е, связи нет.

– Толь, мне плохо... Тошнит. И... – бледный студент осторожно передвинул левую ногу. – И нога прям горит огнем!

– Да ла-адно! Дай-ка погляжу, – старший присел на корточках и, внимательно посмотрев на ползущую вверх опухоль, зацокал языком. – Да, дёрнула она тебя здорово. Яд шас бесполезно отса-

сывать – всё уж в кровь проникло. Да и не рекомендуется это: вред только один.

Они помолчали. Сладкое возбуждение уступило место сонливости. Стас икнул и виновато улыбнулся. Потом снова икнул.

– Да, выглядишь неважнецки. Чё-то прям быстро у тебя – за двадцать минут каких-то. Ладно. Я вот что думаю: тебе надо покой, может, поспишь немного. Я тебя сейчас в избу отведу, а сам пойду по полям – до дороги. В сторону Астрадамовки. Как дойду до того места, где сотовый ловит, «Скорую» вызову... Только вот как она досюда доедет – асфальта-то нет? По полям придется. Пошли.

Он решительно потянул Стаса за плечо и, когда тот поднялся, повел его к холму, откуда был виден дом. Укушенный шел прихрамывая, но в целом юный нумизмат выглядел уже чуть получше. Так по крайней мере показалось старшему.

– Ну вот! Ожил немного! – сказал Толян с одобрением. – А то совсем раскис. Сейчас ляжешь, а я побегу за помощью. Тут сыворотка нужна специальная. Только вот не знаю, куда лучше бежать: до Паркино-то поближе, но я боюсь заплутать. Весь вопрос – есть ли там хоть какой-то фельдшер? А связи там точно нет...

Старший рассуждал об этом вслух всю дорогу, которая показала Стасу бесконечной. Ему невыносимо хотелось спать, а дышать становилось всё тяжелее.

– Та-ак... Вот тебе лежаночка поудобнее. Гудло мы пока в сторону отставим: я его сюда вот в уголок размещу, ага? А ты ложись-ложись, – Толян вдруг стал суетливым. Он старался не глядеть на мертвенно-бледное лицо друга и особенно – на его посиневшую и отвратительно раздувшуюся лодыжку.

– Ты не думай. Я прям налегке – быстро побегу. У тебя тут вода, всё есть. Пей побольше. Часа через два точно обернусь – какого-нибудь врача тебе притащу, куда они денутся? Тут человек умирает... – старший запнулся. – Ну всё, брат, отдыхай. Я – мигом!

Когда его друг испарился из избы, Стас чуть склонился вниз (он лежал на полуразвалившейся кровати, наспех покрытой ветровкой Толяна), и его вырвало прямо на грязный деревянный пол. Почти минуту он смотрел на выцветшую светло-коричневую половую краску, по которой расплывалось мокрое пятно плохо переваренной еды, а затем положил голову на сложенные лодочкой ладони и закрыл глаза.

– Тебе какого лешего надо здесь? – голос был молодой и наглый.

Стас разлепил веки и искоса посмотрел на говорившего. На запылившейся табуретке рядом с голландкой сидел худой узкоплечий подросток со смуглым, выгоревшим лицом. Неожиданный гость смотрел не на укушенного, а в белесую помаевскую даль сквозь треснувшее, запыленное окно избы. Студент перевел глаза на свою большую ногу и заметил, что опухоль уменьшилась.

– Ну чё молчишь-то? – опять спросил мальчишка. – Это у тебя времени вагон, а мне тут не с руки сидеть и ждать.

– Ты кто? – студент выдал из себя слова с трудом. Ему вдруг сильно захотелось пить, и он привстал, чтобы дотянуться до пластиковой бутылки, торчащей из рюкзака.

– Дед Пихто! – отозвался хмурый подросток. – Кончай валяться здесь, вставай давай, пойдём.

Юный нумизмат присосался к минералке, пластиковая бутылка начала сужаться в его пальцах и потрескивать. Когда он оторвался от горлышка, смуглый уже приподнялся.

– Я два раза повторять не буду. Идёшь?

Стас пожал плечами и опустил ноги на пол. Затем немного потянул ступню вверх, проверяя, не вернется ли жгучая боль.

– Ну чего ты цацкаешься со своей ногой? – смуглый раздраженно выдохнул воздух сквозь сжатые зубы; получился звук, похожий на шипение, и студент вздрогнул. – Всё у тебя заживет, как на собаке. Слушай, я серьезно: мне пофиг на тебя и твою лодыжку. Ты или идешь, или нет? В общем, я сваливаю, а ты оставайся здесь, жди своего друга-придурка!

И наглый подросток направился к перекошенной двери, скрипя половицами заброшенной избы.

– Эй, ладно, ладно, – примирительно позвал его Стас. – Я с тобой. Дай только рюкзак возьму. И гудло нельзя здесь бросать: оно денег стоит.

– Во пе-ень! – процедил сквозь зубы новый знакомец. – Ты на самом деле такой или прикидываешься? Оставляй всё здесь, никто ничё не тронет. У нас в селе можно дверь хоть палкой подпереть – никто сроду не зайдет. Это вы в городе за семью замками прячетесь, трясётесь вечно.

Охотник за монетами еще раз пощупал рукой чуть ниже колена левой ноги, боясь прикоснуться к опавшей опухоли, а затем кивнул: идти надо, он это понимал...

Как они добрались до берёз, Стас плохо помнил. Он почти не поднимал глаз от тропинки, стараясь шаг за шагом следовать за смуглым, так как боялся снова не заметить гладкокожую гадину, греющуюся на какой-нибудь кочке.

– Всё, дошли! – немного сутулая спина подростка заметно расслабилась. – Дальше сам. Там всё просто: заходишь в ворота, надо крючок поддеть с внутренней стороны. Оставь дверь открытой, потом ее закроешь, когда выходить будешь. Иди сначала прямо, там поймешь – синий высокий крест с домовиной наверху чтобы по правую сторону был. Домовина – знаешь, чё такое?

Стас неопределенно вскинул брови в ответ: не хватало еще, чтобы его тут просвещать начали. Подросток показал ему две ладони, соединенные в форме покато́й крыши дома.

– А-а, ну-ну... – начал Стас.

– Баранки гну. Так вот. Идешь прямо, могил пятнадцать пройдешь, потом налево проход будет. Двадцать шагов сделаешь и придешь, куда нужно. Там тоже крест и фотка. Найдешь, в общем.

– А что там написано? – спросил студент.

– Где?

– Ну фамилия какая?

Смуглый секунд двадцать сверлил его взглядом коричневых глаз, а затем выдохнул, выпуская раздражение, словно лишний пар из котла.

– Фамилия как? Борькаев. Петр Федорович. Запомнил? Сядешь там на лавку, посидишь. Как отпустит он тебя, назад воротись, и тогда уж ворота на крючок закроешь. Всё. Давай, – и подросток довольно-таки сильно подтолкнул студента в плечо.

– Наглые тут у вас все... – забормотал было юный нумизмат, но потом скривился и махнул рукой: с местными нефиг связываться. Да и идти действительно надо. Стас просунул руку в заборную щель, снял крючок, открыл невысокую калитку и, не оборачиваясь, пошел по прямой мимо могильных холмиков. Попадались деревянные кресты, обычные металлические трапециевидные памятники со скошенным уголком и современные прямоугольники а-ля мрамор; где-то торчала оградка, а где-то – просто холм без каких-либо

опознавательных знаков. Обычное сельское кладбище, он на таких сто раз бывал.

– Ишь ты, распоряжается тут ... – он всё еще злился на смуглого: этот сопляк младше года на четыре, а толкается, блин, указания дает.

Высокий крест с домовиной гость оставил по правую руку. Затем свернул налево. Памятник у дяди Борькая и впрямь ничем особым не отличался. На черно-белой выцветшей фотографии, прикрученной к кресту, – бородатое лицо с густыми седыми бровями над черными глазами.

– 1897-й – 1981-й. Нормально так пожил мужик... – такие размышления Стас обычно не произносил вслух. Оградки на могиле не было, зато рядом располагалась скамейка – свежевыкрашенная, с металлической спинкой, как-то резко выделяющаяся своей светло-синей новизной среди остальной тусклой ветхости и запущенности. Нумизмат приземлился на нее и принялся оглядываться по сторонам. Смуглого и след простыл; тишина кругом – гробовая. Ни птиц, ни насекомых, ни ветерка.

Он поёрзал минут пять, потом привстал и снова сел.

– И сколько мне здесь еще сидеть? – Стас спросил это вслух – так, будто совсем отучился думать про себя. Он почти случайно снова взглянул на могильную фотку Борькая и тихо охнул, заметив, что на старом керамическом овале ничего нет – одна сплошная белизна.

– Ну только не говори, что испугался... – где-то за спиной отозвался на его вздох мужской голос. – Я этого страх как не люблю.

Стас быстро обернулся и увидел бородатого мужчину лет пятидесяти. Он стоял, опершись на толстую сучковатую палку, и внимательно смотрел студенту прямо в глаза. Стоявший не улыбался, но от всей его фигуры, от его покатых худых плеч, расслабленной позы, какой-то неторопливости веяло добродушием. По крайней мере, никакой опасности Стас не почувствовал, и это его успокоило.

– Болит нога-то?

– Да так... Ноет.

– Ага. Ну, подвинься, подвинься, присяду с тобой, раз пришел, – мужчина присел на скамейку. Свой посох он заботливо прислонил сбоку к металлической спинке. – Вот и хорошо... Теперь и покалякать можно. Ты скажи, Стасик, сколько тебе надо?

– В смысле? – юного нумизмата почему-то совсем не удивило, что бородатый знает его по имени.

– Ну как «в смысле»... Вот мне Сенька, – это паренек смуглый, который тебя сюда привел. Не хотел он идти, кстати, не понравились вы ему оба сразу – как только пришли сюда. Ага. Так вот, Сенька мне всегда говорит, когда мы с ним об этом беседуем, ну вот прям как с тобой щас: «Дядя Борькай, не прав ты, мол, старый пердун! Счастье – оно у каждого свое. Вот им, говорит (это он про вас с Толяном, ага), нужна куча монет для счастья. Дашь им много, вот прям до хрена монет, – и они счастливы будут!». А я с ним спорю, у нас прям индо до слез иногда доходит, так вот спорим! Я ему в ответку: «Сенька, Сенька, как был ты бурелом, так и остался. Счастье, оно, может, у каждое свое, да только так выглядит всё на поверхности. А на самом-то деле мы все к одному идем, просто пути разные». Вот.

Бородатый замолчал, и сразу стало до боли тихо. Ни птиц, ни насекомых, ни ветерка. Стас тоже ничего не говорил.

– Ага, – вдруг снова продолжил Борькай. – Вот я тебя, Стасик, и спрашиваю: сколько тебе этих самых монет-то надо? Для счастья. Для настоящего. Так, чтобы ты радость подлинную ощутил. Чтобы прямо до слез, до дрожи, до сути самой. А? Вот разреши наш с Сенькой спор!

Стас опустил глаза и, найдя указательным пальцем едва заметный сучок в скамье, принялся его ковырять. Бородатый терпеливо ждал.

– Да это я так... просто. Коллекционирую, – наконец ответил он. Никакого стеснения юный нумизмат не испытывал: наоборот, ему неожиданно захотелось выложить всё начистоту. Просто он пока не мог подобрать слова.

– Ну-ну, – подбодрил его Борькай и почесал свою левую кустистую бровь. – Не юли. Бить-то тебя за это не будут.

– Ну вообще я с детства вот собираю. У меня почти сорок до-революционных монет, а остальные так – по мелочи. Есть даже одна первой половины восемнадцатого века.

Дядька одобрительно кивал, как китайская игрушка, в такт каждому его слову.

– А тут мы как... Начали искать вроде, ну по сёлам, но там люди-то ходят, всё такое. А с металлоискателем сейчас особо-то не разгонишься: могут так штрафануть, мама не горюй. Вот Толян и говорит: «По сёлам надо заброшенным пройтись!». А я...

– Ну это да, да, – мягко перебил его собеседник. – Это я в курсе. Но ты на вопрос мой ответь. Вот сколько тебе надо?

Стас еще раз скользнул взглядом по лицу бородатого и увидел, что тот спрашивает его вполне серьезно. С интересом.

– Ну как... Тут ведь сразу не ответишь. Еще ведь важно, какие монеты. Вот если катьки – ну там при Екатерине Великой которые – это, конечно, один разговор. А если советские, так этого добра везде полно, нам они и не нужны, по большому счету.

– Вам с Толяном пофиг на них? – уточнил бородатый и чуть улыбнулся.

– Ну да, – заулыбался в ответ Стас. – Не на все, конечно. Есть и советские монеты – очень крутые. Тут надо по каталогу посмотреть, в Инете их полно: какие ценные, какие нет.

– Ага, ага! – закивал сидящий рядом с ним. Бородатое лицо чуть отвернулось от Стаса, склонилось к земле, и мужчина, протянув правую руку к посоху, стал гладить его по сучковатой кожице. Они снова помолчали.

– А Сенька-то у меня – парень и впрямь не промах... – наконец вздохнул Борькай; голос у него чуть изменился, стал тише, с какими-то хрипами и сипом. – Знает ведь, как правильно спорить. Ничего не попишешь... Что же, Стасик, идти мне надо. И тебе тоже нечего здесь задерживаться. Отпускаю я тебя. Можешь возвращаться.

Стас послушно приподнялся с лавки.

– Иди, иди, Стасик. Поговорили мы с тобой – как воды напились. Только калитку на крючок запереть не забудь, а то ходят тут... Скотина всякая может забрести, а нечего ей на кладбище-то делать, сам знаешь.

Студент закивал и поспешил обратно. Всё-таки неуютно было здесь, да и, честно говоря, не любил он бывать на кладбищах.

Глава 4

Такие ловушки старый машинист умел обходить на раз-два. Но тут засмотрелся на показавшуюся вдалеке крышу бывшей помаевской церкви, ёкнуло его сердце от радости, колеса старой девятки повело по влажной колее, и сел он в аккурат на брюхо. «Приехали, мать твою растудыт!».

В общем-то, он и не рассчитывал на автомобиле добраться до самой избы. Не на «УАЗике» всё-таки сегодня, рисковать нечего.

Кто бы его потом из таких дебрей выколупливал? Но чтобы вот так вот глупо сесть посреди бела дня на нормальной еще полевой дорожке – это уж совсем. Старость не радость, как говорится.

Он попробовал вытащить машину с налету, но не тут-то было. Понял, что придется провозиться почти час, и решил это дело оставить на завтрашнее.

– С новыми силами утром приду – и выковыряю родную. А сейчас домой хочу. Избу увидеть свою! – Федорыч поймал себя на том, что произносит эти мысли вслух и пожал плечами: никого здесь нет на добрые пятнадцать километров по диаметру. Тут не то что с собой вслух поговорить, тут можно хоть нагишом шастать день-деньской – всё одно.

Хотя на самом деле он так не думал: всякий раз возвращаясь в село, где он родился и вырос, Федорыч ощущал присутствие чего-то живого и родного. Да, люди здесь уже не жили, коровы не мычали, тракторы не тарахтели, собаки не лаяли. Но Помаево никуда не делось, оно еще было здесь, дышало. И наблюдало – следило, чтобы, как любил говорить его отец-бухгалтер, дёбет с кредитором сходились. Не допустит село безобразия, точно не допустит.

Может быть, именно из-за этого ощущения он и любил сюда приезжать. Ну не ради же охоты он катается в заброшенное село. Нет и еще раз нет! Здесь качали зыбку руки матери, когда он был бесштаным младенцем. По этим зарослям – бывшим улицам – ходили его друзья. Здесь он знает каждую пядь земли: в каком роднике вода вкуснее, где растет лесная клубника, в какой квартал леса лучше идти за маслятами, а куда – за белыми грибами.

Он до сих пор с закрытыми глазами мог указать, где чей дом стоял: тут жили Петровы, а тут Абаевы... Он помнил, как дойти до заросшей землянки, где, по уверениям старожилов, прятался сам Стенька Разин и там же где-то схоронил награбленное. Тут, на кладбище, у него лежат две бабки, дед, отец с матерью и сестра. Тут его душа и сердце...

– А вы, чёрт, развалили всё, разворовали, растащили! Дорогу асфальтовую они не успели проложить, село, мол, бесперспективное! Сволочи! – слова утонули в полевом ветре, погасились о деревья ближайшей рощи, ушли в леса кувайской тайги. Николай посидел еще немного, подышал родным воздухом, а потом принялся вытаскивать из багажника скарб. Через час он уже скрипел половицами своей избёнки.

Первое, что он заметил, – икону. Кто-то снял ее с божницы и положил на подоконник. Это было бабкино благословенье: с нею она провожала к зятю свою дочку, его мать. Бабка сама украшала икону фольгой и искусственными цветами. Она же выучила Николая «Отче наш» и «Богородице»: «Ты, грит, сынок, – бабка его часто сынком звала, – ты, сынок, молись и на Бога смотри. А Бог-то он тут, с нами», – и на икону глазами показывала...

– Кто ж тебя так? – забормотал Федорыч, будто нашел за старой поленицей котёнка с перебитой лапой. – Зачем сняли-то и на окно тебя сунули? Ладно хоть не унесли, ладно хоть так...

После он приметил рядом с табуреткой чей-то рюкзак, а чуть позже за голландкой в углу нашел припрятанное гудло.

Он присел на старый диван, поводит носом, будто старая гончая, и глаза его невольно скользнули вниз – к чехлу со старым охотничьим ружьем. Не нравился ему такой расклад; что-то носилось в воздухе – тревожное, неопределенное, то, чего раньше в Помаево он не чувствовал.

– Мародёры, мать их... – решил наконец машинист и вздрогнул от собственного сиплого голоса; во рту стало сухо, язык едва шевелился. – Ну я им покажу, как село чужое грабить! Дай только добраться до вас...

С этими словами он привстал и наклонился к рюкзаку, к которому был прикреплен коричневый потертый чехол. Федорыч начал судорожно отстегивать его, затем полез за крупной дробью, руки его дрожали, ему казалось, что вот-вот кто-то войдет и... И тогда он ответит им наконец – им всем. Тем, кто раздербанил, растащил его село-жизнь по кусочкам, тем, кто позволил умереть его Помаеву, тем, кто в душе, по жизни, ежедневно и ежесекундно мародёрствует, тем, кто... Он остановился лишь тогда, когда наставил дуло на полуоткрытую дверь, и так продержал ружье, наверное, с минуту. А после поймал себя на этом, зажмурил глаза – так, что задрожали веки, и медленно опустился на диван.

В избе давно не было часов – тех самых, светло-желтых, старинных, со звоном. Но тут он отчетливо услышал их мерное тиканье. Этот звук Николай помнил с раннего детства. Он любил по утрам, – когда солнце еще только раздумывало, подняться ли над горизонтом или наконец бросить всю эту опостылевшую круговерть,

– прислушиваться к звукам дома и Помаева. Сначала кукареканье соседского петуха; потом скрип калитки – мать пошла на утреннюю дойку; громоханье цепи Тобика – на редкость глупой собаки, которую Колька обожал; а потом – все звуки пропадают, уходят, и остается только мерное тиканье. Тик-тик-тик-тик...

Иногда мальчик сам себе ставил такую задачку: не разжмурить веки до тех пор, пока ветхий механизм часов не достигнет заветной точки, стрелки не совпадут и из светло-желтой утробы не польется звон. Но так ни разу и не смог дожждаться заветного момента. Секунды текли и утекали; Коля считал их и считал, принимался ворочаться под одеялом, сжимать и разжимать кулаки, терпел целую вечность. Но часы всё не били, и он сдавался. Раскрывал глаза, вскакивал с кровати – и всегда оказывалось, что нужно было подождать всего каких-то пять-десять минут. Но он не мог. Что-то в мерном тиканье часов было такое, чего решительно нельзя было перенести, особенно – если слишком сильно прислушиваться...

«Коля! Ко-оля!» – машинист часто заморгал, оглянулся и посмотрел в окно. Солнце уже теряло силу. Еще часа три, и тени станут совсем длинными. Надо разведать хотя бы в ближних заповедных местах – там, где Федорычу всегда везло на птицу и другую мелочь. Но сначала, конечно, стоит поискать хозяев рюкзака.

Парень, почти мальчишка, лежал навзничь на небольшом холмике слева от кладбищенских ворот. Еще издалека Николай понял, что тот жив: незнакомец иногда похлопывал себя по левому бедру, словно проверяя, не исчезло ли оно вдруг.

Федорыч сначала предположил, что мальчишка пьян, но, присев рядом с ним, запаха не учуял.

– Эй, пацан! Ты чего тут? – машинист решил спрашивать поглубже – почти басом, чтобы мародёр заранее знал, что с ним шутки плохи. Однако его артистизм воздействия не произвел: парень даже глаз не открыл, а только продолжал, шевеля пальцами, то и дело касаться своего бедра. Вытянув шею, Федорыч посмотрел на завернутую штанину лежавшего. Затем привстал и обошел его с другой стороны. Машинисту понадобилось с минуту, чтобы раскусить, в чем закавыка.

– И давно она тебя, дурака, укусила? – бурчал он, уже оценивая примерный вес найдёныша. – Ты хоть и худой, но мне, старику, тебя так просто не поднять. По траве волочить – тоже малоприятная процедура... Эй, как тебя там? Ногами-то перебирать можёшь или как?

Стас понимал, что его куда-то ведут, но на этом его осознание себя и заканчивалось. Иногда он замечал идущего в двух шагах от него смуглого подростка, который кривил рот, когда видел туманный взгляд Стаса.

– Иди давай! – говорил наглец и, зевая, отворачивался от него. – Вон Колька тащит тебя, надрывается, а ты ноги свои не можешь нормально поднять и переставить. Я с тобой замаялся, чес-сна слово. Вот угораздило-то...

Стас хотел ему ответить чем-нибудь пообиднее, но на ум приходила всякая ерунда. Они шли по вечерней улице, освещенной окнами домов. Любопытные лица мелькали за занавесками. Где-то в отдалении забренькали на балалайке, и в ответ засмеялись звонкие девичьи голоса.

Потом Стас и его спутник (кто-то ведь вёл его за руку, пока смуглый кривился от раздражения) мучительно долго пробирались сквозь стадо бредущих коров. Скотины было так много, что хотелось прижаться к забору, чтобы дать пройти этому мычащему, теплomu, пахнувшему молоком, травой и навозом потоку пятнистых тел. Стадо замыкал отчаянно косоглазый пастух с грязной веревкой вместо кнута.

Стас решил с ним поздороваться, но затем передумал и просто кивнул. Кто-то повел его дальше. А затем он спал. Долго, очень долго спал.

Глава 5

– У царя Ивана Грозного был проводник-мордвин – ну, как гид по здешним местам, звали его Отя. Откликался и на имя Пёкша. Да. Давненько, в стародавние времена, ага. Волос у мордвина черный, сам приземистый, голова большая. Знал здесь, ведал каждую кочку, каждое болотце. Вот однажды идет этот Отя с царским воеводой по кувайской тайге... Симбирском тогда еще и не пахло, в проекте не было еще твоего Симбирска, понял?

Стас кивал, блаженно шурился, смотря на угольки костра. Федорыч ему нравился; он с ним даже змей не боялся. Почти.

Еще вчера вечером он подышал на кровати в полуразваленной помаевской избе, а сегодня, поди ж ты, вот уже сидит, как огурец, греет кости у костра. Он отлеживался весь сегодняшний световой день, пока старый машинист ходил по своим охотничьим делам.

– Ты не бойсь: всё с тобой нормально будет. Опухоль уж спала, температуры нет. Полежишь, покумекаешь, к вечеру будешь в норме, – успокаивал его новый знакомец.

Федорыч, кстати, сумел дозвониться до запропастившегося куда-то Толяна: старый машинист давно испробовал различные симки и точно знал, какой сотовый оператор работает в здешней глухомани.

– В Усть-Урене уже твой друган, волнуется-переживает, спрашивает, как ты, мол, здесь. Будешь с ним общаться? – Николай протянул студенту свою кнопочную «Нокиа», но Стас скривился, совсем как смуглый Сенька, и покачал головой.

– Ну как знаешь. В общем, ты тут лежи-полёживай. Еда-вода есть, я к вечеру обернусь. А завтра мы с тобой домой покатым. Подсобишь мне вот только машину вытолкать – и фьюить!.. Прощай, дорогое Помаево. Понял?

Костер они устроили недалеко от избы. Федорыч общипал уже подбитых им лесных куликов и теперь готовил дичь по-походному. Истории про свое село он начал рассказывать сам – без просьбы Стаса. Юный нумизмат вообще старался больше молчать, но не потому, что чувствовал себя плохо: нет, физически он оклемался. Однако что-то внутри него происходило странное, будто он пытался нечто припомнить, но всё как-то не мог.

– И вот идут они, Отя с воеводой, по этим самым местам. А раньше тут – ого-го, не сравнить с нынешним: и выхухоль, и бурый медведь. А речка Помаевка, знаешь, какая чистая была! – продолжает Федорыч с увлечением – так, будто пересказывает очередную историю Петьке, своему помощнику, на каком-нибудь долгом светофоре. – И вот веришь, нет: заблудились. А воеводе к спеху, с ним войско. Темень скоро, мошки, болота. Волки кругом. «Ты, говорит, Отя, не балуй. Всё здесь знаешь, а вывести нас не можешь? Повешу на первом суку!». А Покша сам не ведает, как так получилось: будто водит кто его. Ведь все приметы знает: вон сосёнка ободранная, вот болотце, а всё не может верного пути отыскать. А воевода ярится, грозит: до темени, дескать, не выведешь на нужную просеку – поминай как звали!

И стал тогда Покша молиться своим богам. Мордва-то она в православие позже ударилась, в курсе, да? Подошел Отя к березе, стал ей кланяться, шептать по-своему. А оттуда якобы голос ему: «Быть тут селу! Да не одному. И каждое село – для сына твоего, Покша. Первый сын – Аркай, второй – Паркай, а третий будет любимый – назови его Помаем». И всё. Через час Отя вывел воеводу, куда надо...

Сверчки оглушали; звёзды – выпуклые, весомые, блестящие – гнездились в небе, словно огромные светляки. До одури пахло жареным мясом; шумели деревья в заброшенных садах, хотя ветра почти не ощущалось. Стасу было очень хорошо. Иногда только вспоминал он о здешних хозяйках – змеях и ёжился под теплым пледом, которым с ним поделился старый охотник.

– Вот с сыновей-то Отиных и затеялись наши сёла. Тут, кстати, в Помаево-то, у каждой улицы свое название было – не как по индексу, по почте, значит, а свое, местное. Вон туда, – Николай машет куда-то в сторону, – Верепё была. С мордовского – Верхняя, значит. Дальше – Алопé, потом Крестовка, Томбáль и Од-улица. А изб сколько стояло – курочке покакать негде было! Шестьсот дворов! Веришь, нет? Я завтра с утра тебе всё покажу, кто где жил...

– Дядь Коль, – перебивает его Стас, – а Борькай – это кто?

– Борькай? – плечи Федорыча вдруг слегка передёргивает, будто от озноба. – Ты и про него знаешь? Борькай – это разговор особый... Сильный знахарь был. Ездили к нему со всей округи. Лечил любую болезнь – и сглаз, и крик, и собачью старость, и боль зубную, головную, всякую. Рассказывали, что силу свою он обрёл так... Не с рождения же у него это объявилось. Был тут еще один известный... Ну не знахарь он, а предсказатель. Провидец, ворожец. Звали его Ерошкиным, но жил он не тут, а в Кувае – тут недалёко. Не слышал?

Стас покачал головой и подумал о Толяне. Он не хотел думать о нем, но тут вдруг вспомнил. А если бы не Федорыч? Что было бы с ним? Почему напарник его не вернулся, а ушел, кинул его тут? Но обида, которая всколыхнулась на секунду в его сердце, тут же начала оседать куда-то вниз, пока не пропала совсем. Его внутреннее состояние сейчас было таким, что не до обид, не до... нумизматики, одним словом.

– Вот по молодости дядя Борькай и этот самый Ерошкин угодили в тюрьму. Ну там какое-то мелкое, наверное, было, несущест-

ственное, раз их отпустили-то скоро. А с ними в одной камере сидел старичок, больной совсем, на вид слабый. Умирал он. И ребяташки стали за ним ухаживать: то водички, то хлебушка. Добро ему, значит, делали. И старик этот, как умирать, подозвал их к себе и говорит: «За добро добром отвечу. Я, ребяташки, силу в себе храню непомерную. Поделюсь с вами, возьмите, не побрезгуйте». И поделил. Одному, вишь, дал предсказание: видел он всё, наперёд угадывал, а другому, Борькаю-то, – лечение. Болезни исцелять мог. Так-то.

Федорыч сунул Стасу жирное крылышко, сам тоже, обжигаясь, надкусил горячую, пупырышистую кожицу лесной птицы. Черное небо перечертила вспыхнувшая звезда. Затем еще одна.

– Примешь? Самогон это. Немного только, тебе много щас нельзя, – предложил старший. И они чокнулись кружками.

– Хочу сказать тебе, Стас, одну штуку, – снова заговорил машинист, после того, как они пригубили еще раз. – Потом, поутру-то, может, и не скажу. А меня это давить будет. Ведь вот когда вошел я в свою избу и увидел, что икону, бабушкино благословенье, кто-то на подоконник бросил, вниз ликом положил... И такое во мне разыграло, что аж страшно стало. Я словно всю мою обиду – вот за всё это, – Федорыч развел руки, будто хотел обнять темную тайгу, – снова почувал, ощутил. Взял я тогда свое ружьишко, наставил на дверь, и вот ей-богу – хорошо, что вы тогда не вернулись...

А ты, Стас, парень хороший оказался. Я ведь людей-то за версту чую. Не злой ты. Хотя Помаево-то тебя смотри как – удружило-то... – Федорыч гоготнул, указывая на левую ногу собеседника. Но затем старик погрустнел.

– Вот, Стас, думаешь, что нельзя вернуть уж ничего? Я про село. Ведь вот всё хочу я избу свою восстановить: и крышу поправить, и колодец, может, налажу. И вот всё мечтаю: может, ненадолго это? Может, вернутся еще люди в Помаево, а я – вот, пожалуйста, здесь жду вас. Охранником, так сказать, работаю. А потом думаю... А нахера, Стас? Ну кому это надо?.. А иногда... Иногда даже страшно делается, веришь?

Николай хлопнул еще четверть кружки – уже в одиночку. Становилось холоднее. Юному нумизмату захотелось в избу, веки его слипались сами собой. Змеинный яд, видно, еще бегал по крови, норовил всё куда-то утащить – на ту, свою, змеиную сторону реальности.

– Почему страшно, спрашиваешь? Да потому, Стас, что не отпускает меня это место. Ведь я всё понимаю, анализирую, я ведь технарь – мне до сути добраться хочется, до того места, откуда начинается и крутится, до причины то есть. Вот ведь не только я тут родился и вырос. Куча народу. Да, конечно, приезжают сюда, на кладбище ходят – на праздники там, летом особенно, потому что добираться посуху удобнее. Но ведь избы-то своей здесь никто не сохранил, жить-то здесь никто не желает. А я не могу, Стас, меня вот ровно кто сюда приковал и отпускать не хочет. Люблю я эти места, люблю. Согласен. Но и боюсь. Помаева самого боюсь... Знаешь, как я здесь охочусь? О-о-о!.. Ведь я сто раз позволения спрошу, прежде чем... Э-э, я гляжу, Стасик, ты носом клюешь. Спать пора, спать пора. Завтра договорим, если что. Угу?

Но утро получилось суетливым: не до бесед. Они как-то второпях попили чаю, Федорыч помог пострадавшему от помаевских змей упаковать рюкзак и металлоискатель. Затем пошли в сторону церкви и выезда из бывшего села.

Прошлогодние колючки цеплялись за рюкзак, царапали джинсы, пытаюсь задержать идущих. Стас старался идти след в след за широкой спиной старого машиниста, который уверенно прокладывает путь, будто локомотив. В основном, они молчали. Лишь иногда проводник останавливался, кивал на какие-нибудь ничем не примечательные заросли и говорил: «Вот тут Покшаевы жили, а там – магазин стоял».

В одном только месте они задержались надолго – там, где бил Комариный родник. Федорыч снял с себя камуфляжную фуражку, наполнил ее ледяной водой и сделал несколько глотков.

– Попробуй. Такой воды нигде больше нет. Ты верь мне, я много родников за свою жизнь повидал-попробовал.

А потом – светло-зеленые бока старой девятки, на которых остались следы рук Стаса: машину они вызволили из колеи быстро, за десять минут. Дальше – грунтовка, асфальт, Никитино, Усть-Урень и – город.

– Телефон мой знаешь. Звони, если что, – Федорыч пожал студенту руку; расстались они недалеко от железнодорожного вокзала, так

как машинист торопился: ему скоро на смену. – Я в Помаево в этом году, наверное, еще разок смотаюсь. А дальше уж осень-зима, туда не доберешься. Если захочешь со мной – дай только сигнал. Угу?

До дома Стас трясся на трамвае, потому что с гудлом в маршрутке неудобно. За грязным трамвайным окном всё было по-прежнему: городская, дневная, муторная суета, первые признаки которой проявились еще там, в Помаево, накатила на него, ловко и четко расправилась со всеми его воспоминаниями о пережитом. Уже через час он привычно хлебал свой кофе, пялился в экран ноутбука и думал о сентябре, учебе и Толяне.

И только вечером, когда он забрался под одеяло, левая нога неожиданно заныла. Он вытянул руку и похлопал по бедру пальцами. Опухоль совсем спала; синеватый оттенок на месте укуса тоже постепенно проходил.

А ночью, когда он вроде бы заснул, его руки кто-то коснулись. Стас открыл глаза и увидел сидящего на краю кровати смуглого Сеньку.

– Ну, я тебе говорил, что всё с тобой нормуль будет? А ты нюни распускал!

Студент слабо улыбнулся и решил было присесть.

– Не-не, лежи, отдыхай, – смуглый зевнул и подпер кулаком свой подбородок. – У нас тут с Борькаем опять спор вышел. Он говорит, что ты вернешься, а я – что струсишь. В прошлый раз помнишь, кто победил?

Стас прикрыл глаза; смуглый его, конечно, раздражал, но нужных слов, чтобы правильно послать его, опять не нашлось.

Утром он про визит Сеньки забыл. На третий день они наконец встретились с Толянном, и юный нумизмат передал ему гудло. С тех пор, встречаясь в университете, они даже не здоровались.

Через две с половиной недели, в пятницу вечером, сотовый Стаса завибрировал, высветив номер старого машиниста. Студент смотрел на экран и не брал трубку. Потом почти час ходил из стороны в сторону, из зала на кухню. Разболелась левая нога, пульсация от нее начала отдавать в шею, и он прилег на диван.

– Мне там нечего делать, – говорил нумизмат вполголоса, не в силах думать про себя, – пусть он сам со своими гадюками якшается. Пошло всё нахер! Я не обязан, я не хочу! И не поеду...

Однако утром в субботу они с Николаем встретились возле железнодорожного вокзала. «УАЗик» Федорыча был забит под завязку стройматериалами.

– Крышу подправлю, – объяснял старый машинист, выруливая на главную дорогу. – Дело к осени, а там дыры. Зальет всё к чертям собачьим. Пособишь?

И Стас кивал в ответ. Ему было действительно хорошо. Физически он точно оклемался, но помаевский змеинный яд, он это чувствовал, никуда не делся. Остался в его крови и бегал теперь от пятки до темечка по бесконечному кругу.

До заброшенного села они добрались после полудня. Стас вылез из «УАЗика», который Федорыч лихо припарковал возле остатков забора родной избы.

– Я шас, мигом, мне тут дело одно сделать надо! – сказал студент и почти бегом побежал в сторону скопления берез.

– Под ноги смотри, нумизмат хренов! – кричал ему вдогонку машинист. – Я тебя назад на себе тащить не собираюсь...

На кладбище Стас вынул из кармана пару припасенных заранее конфет и положил их у основания креста. Затем посидел несколько минут на скамейке с металлической спинкой.

– Только не думайте, – сказал он наконец, – что я вам тут скаковая лошадь: ишь ты, спорят они тут на меня, ставки делают. Как захочу, так и будет, понятно?! Я вам не охранник, пусть вон Федорыч вас охраняет!

На следующий год весной, как подсохло, Стас приехал в Помаево уже один. Добирался до Паркино на попутке, потом шел полями пешком. Федорыч умер в январе – от инсульта. Стас об этом узнал лишь через месяц от его сына.

Гость обошел все прежние места – и Белое озеро, и бывшую церковь (она еще стояла, но второй этаж совсем обвалился), и Николаевскую избу, и даже побывал на берегу реки – в том самом месте, где его укусила гадюка.

Переночевал он в доме, в котором теперь было намного уютнее: крышу они тогда основательно залатали.

– И не думайте, – в очередной раз повторял Стас окружающим стенам, шумящим без ветра деревьям, сверчкам и пульсирующим звездам, – что я тут охранником заделаюсь. Я Федорыча помянуть приехал. Только и всего.

И село не возражало. Тут даже и спорить-то нечего. Никто никого не принуждает: приехал – и хорошо. Не забыл про нас – и то ладно.

Стас устроился поудобнее на покосившейся кровати, натянул до самого подбородка теплую куртку и, сложив ладони лодочкой, закрыл глаза. Всё-таки хорошо, когда левая нога не ноет и не болит. Нигде ему не спалось лучше, чем здесь – в родном Помаево...

Коммунальный юродивый

рассказ

По серой бетонной стене пробежала шустрая человеческая тень. За ней проехала маленькая фигурка автомобиля – крышей вниз, колесами вверх. Юрка Колокольцев улыбнулся и прислонился полукружьем позвоночника к холодному чугуну трубы, по которой вот уже лет двадцать уходили в небытие жизненные отходы обитателей девятиэтажки.

Он открыл для себя подвальные «кинофильмы» еще десятилетним мальчишкой. Как-то вместе с другом Лешкой, учившимся в параллельном коррекционном классе, они в очередной раз забрались в подвал: под ступенями подъездного крыльца у них располагался штаб – тайная комната, о которой знали только посвященные, то есть он да Лешка. С помощью железного совка, ножика и дырявого ведра они вычистили штаб от бетонной пыли и мусора, затащили туда картонки и старое одеяло, сворованное из родительской кладовки. И потом почти два дня не вылезали оттуда, наслаждаясь всесилим дворových богов: сквозь щели ступеней они видели всё, а об их подглядывании никто не догадывался.

У новоявленных шпионов дух захватывало от потрясающего ракурса, открывавшего совершенно по-новому играющих «в резиночки» девчонок. Восьмилетние пигалицы прыгали у подъездной лавочки, пытаясь не задеть белую резинку. А Юрка с Лешкой без зазрения совести пялились снизу на мелькавшие из-под юбок и платьев разноцветные трусики.

Правда, это занятие им быстро осточертело, и вот как-то, вытащив задеревеневшее тело из штаба, Юрка мельком взглянул на серую стену подвала и замер. Его друг, который пытался просунуться вслед за ним, недовольно заворчал. Колокольцев инстинктивно отодвинулся, и сразу же показалась непричесанная голова его сотоварища. Лешка сначала не заметил движущихся фигур, но застывший взгляд Юрки был так красноречив, что и он узрел невиданное.

С тех пор они часто сидели у стены и любовались игрой света и теней. Мальчишек совсем не интересовало, как и почему получа-

лось так, что сквозь зарешеченные подвальные оконца реальность пробивалась в столь причудливом, перевернутом виде. Их захватывал сам процесс: вот идут соседки с колясками; их глухие голоса подвал превращает в таинственные звуки на непонятном языке. Тени, перевернутые головами вниз, скользят по подвальному «экрану» всего пару секунд, а затем их сменяют силуэты машин, верхушки колыхающихся деревьев и быстрые фигурки летящих птиц.

Маленьким зрителям подвальные «мультики» не надоедали никогда. Они даже оборудовали свой зрительный зал мягкими картонками, обнаруженными на местной свалке.

– Да, хорошие были времена, – бормочет Колокольцев и старается вспомнить овальное бледное лицо Лешки из коррекционного класса. Что с ним случилось за прошедшие годы? Куда он делся после того, как семья Юрки переехала на другой берег Волги?

Первое, что Колокольцев сделал в подвале своей девятиэтажки, где он жил уже лет десять, – нашел-таки подвальный «кинозал». Вообще-то, Юрка полагал, что таинственный театр теней можно увидеть в каждом многоквартирном доме, надо просто хорошо поискать место «трансляции».

Конечно, тот, детский, их кинозал был намного лучше. По крайней мере, так всегда казалось Колокольцеву.

– В детстве всё лучше – и деревья больше, и конфеты слаще, – улыбаясь, говорит сам себе Юрка и прислушивается к шепоту элеваторного узла. В его девятиэтажке – три подъезда и под каждым – свой элеваторный узел. Три бьющихся по-разному многоквартирных сердца, от которых куда-то ввысь устремляются трубы-сосуды. А затем – по обратной – остывшая кровь-вода снова возвращается в элеваторный.

Юрка давно привык говорить сам с собой: подвал располагает к размышлениям вслух.

– Нижняя ХВС немного подкапывает, – бормочет он и нежно гладит трубу, по которой в каждую квартиру третьего подъезда бежит поток холодной питьевой воды. Он мысленно проходит весь ее нелегкий путь: вот на водозаборе – оголовке, торчащем далеко от берега, всасывается желтоватая взвесь волжской воды. Затем, преодолев многочисленные фильтры водоканала, всю эту алхимию песочно-хлорной очистки, поток пересиливает сотни километров и изгибов недавно замененных или насквозь проржавленных труб.

– И вот она приближается к дому, идет-идет, бежит-звенит – и сюда. К нам. Дальше-дальше, наверх-наверх, – шепчет Юрка и снова гладит влажный водоносный сосуд третьего подъезда.

В доме отродясь не водилось старшего. Молодым жильцам всегда было некогда: они ходили в детсады, школы и на работу. А пожилые – смотрели телевизор, получали мизерную пенсию и ругали окружающую жисть. Про Колокольцева знали многие, но всё как-то мельком да едва-едва.

– Чегой-то наш дурачок опять полез в подвал! – бывало, говорила Роза Ибрагимовна своей соседке Свете со второго подъезда.

– А пусть его! – махала рукой сорокалетняя Света, кассирша «Магнита» и мать двоих сыновей-гроечников. – Вреда-то нет.

– Вреда нет! – соглашалась Ибрагимовна, прихлебывая соседский чай. – Да только и пользы не видно. Кто знает, чего он там копошится дни напролет? Может, в ЖЭУ пожаловаться?

– Да их вживую никто и не видал – этих, из управляющей компании которые, – беспечно отзывалась мать двоих детей, подправляя черным карандашом тонкие, вскинутые кверху полумесяцы бровей. – А Колокольчик наш хоть хулиганов в подвал не пускает: они его побаиваются.

– Боятся, да. Потому что он ходит и бормочет себе что-то под нос. Я и сама-то иной раз пугаюсь из-за него. Из ниоткуда рисуется – как тень на стене, ей-богу. И ходит ведь неслышно, будто кошка.

– Ага, – Света широко зеваёт: ей наскучило говорить про незаметного дурачка Колокольцева. – Тебе чего из магазина вечером принести?

– Хлеба да молока, – отвечает Ибрагимовна. – До пенсии надо еще дотянуть – тут уж не до печений и кофию...

Никто в доме и не подозревал, во что превратился подвал за десятилетие Юркиной тихой возни. Много раз Колокольчик представлял, как он торжественно проводит экскурсию по своему царству – для того единственного воображаемого гостя, который неожиданно очень заинтересовался бы каждой деталькой подвальной жизни.

Началось всё с тех же мультфильмов: сначала ему захотелось просто продлить свои «сеансы». Долго на картонках и старых коробках не просидишь, а тут – удача: в первом подъезде случился переезд, въехала молодая зажиточная семья армян. Они выставили

у мусоропровода запыленный диван и кресла прежних хозяев, и вечером того же дня это богатство перекочевало в Юркин подвал.

Потом расформировали местное военное училище, окна которого серели недалеко от перекрестка, где располагался «Магнит» соседки Светы. Из бывшего училища вынесли на местную свалку целую батарею старых, полусломанных стульев. Юрка полдня таскал их в подвал, а затем доводил до ума: где подкрасить, где подкрутить. А тут – снова удача: после выборов меняли рекламный баннер на перекрестке, и Колокольцев выпросил у рабочих полотно с огромным лицом лысого кандидата, сулившего избирателям что-то несбыточно-привлекательное. Подвальный хозяин обтянул добротным материалом баннера потрескавшуюся поверхность курсантских стульев, и те зажили новой, гражданской жизнью. Так у Колокольчика образовался полноценный кинотеатр.

Дальше – больше. Сверкающее великолепие почти новых зрительских кресел слишком противоречило убогой серости бетонных стен и вонючей земляной полутверди под ногами. Целый год Юрка копил силы и средства: он тогда еще работал электромехаником в «лифтерной» – небольшой компании, занимающейся ремонтом безнадежно устаревших лифтов.

На местной свалке, которую он любовно именовал «эльдорадо», частенько обнаруживались самые нужные стройматериалы – то баночка еще годной краски, то остатки пластиковых панелей, а то – о, подвальные боги! – металлические решетки и ручки от старых оконных рам. Ничего зря не пропадало – всё шло в дело.

Однако до развода ему приходилось туговато: жена эту подвально-свалочную жизнь совсем не одобряла.

– Опять тебя видели на помойке! – не раз шептала ему на кухне худощавая Ленка, боясь разбудить тогда еще маленькую Пусю, их дочку. – Постыдись, Юра! Что же ты нас позоришь, юродивый ты этакий!

Колокольчик смотрел прозрачно-синими глазами на ее потертый халатик, наблюдал, как от злости судорожно поднимаются ее остренькие груди, и покорно молчал. Ленку он боялся – как и вообще всех женщин, которые кричали и ругались на него. Сначала это была его мать, иногда совсем не больно бившая его по голове тоненькими ручками – из-за плохих оценок или потому, что в очередной раз бесследно пропала его вторая обувь. Затем – учительница по

биологии, которая любила вызывать его к доске и сверлить строгим взглядом. У доски он обычно молчал, смотрел на ноги одноклассников и размышлял о том, какие же разные бывают на свете ботинки, и о тех чудесных узорах, в которые складываются трещинки старого школьного линолеума.

Ленка училась в параллельном классе и была на год старше. Во время ссор – а они перед разводом стали случаться почти каждый день – она кричала: «Я тебя, дурачка, из жалости подобрала!». И Юрка, смотря на ее халатик, не смел даже кивнуть головой, хотя был полностью согласен с ней.

Конечно, из жалости! Ведь если бы она его тогда не взяла «на поруки», не стала помогать, тянуть по учебе – он, может, и школу бы не закончил. По крайней мере, про это ему твердили все учителя.

Ленка же с детства была такая – подбирала на улице щенят и котят, кормила их, расчесывала им шерстку. Правда, недолго: у нее ведь аллергия и на шерсть, и на запахи, поэтому ее мать, уловив момент, куда-то сплавляла найденышей. Вот и на Юрку Ленкиного терпения хватило лет на восемь в общей сложности: два года в школе и шесть – после того, как поженились.

Зато его любила Пуся. Вообще-то, жена запрещала ему так называть дочку: в свидетельстве о рождении ее имя обозначалось как «Наталия». Колокольчик же умудрялся ежедневно придумывать ей новые прозвища: Пухленьш, Кукосик, Стряся, Наля, а чаще всего – Пуся. Только ее, Пусю, он и допускал до сокровенных тайн подвала.

Дочке это очень нравилось, но лишь лет до семи. После развода она всё реже приходила в его «однушку», а от подвального царства Колокольцева и вовсе воротила свой пухленький носик.

А ведь как раньше было хорошо! Как хорошо было, когда вдруг в полутемноте подвала раздавался ее звонкий голосок: «Папа? Ты здесь? Мама меня отпустила погулять! А в подвал сказала не ходить. А мы ей не скажем! Правда?». От радости он смеялся, брал ее за руку и вел, переступая через сплетенья труб, в святая святых – свой кинотеатр. Он сажал дочку на самое лучшее место – третье кресло во втором ряду, и они вместе смотрели «мультяшки». Это были самые лучшие моменты его жизни.

Но потом всё изменилось. Жена ушла, забрала дочку. Пуся выросла в Наталию и к отцу совсем перестала приезжать...

Колокольцев обвел глазами покрытые белым пластиком стены

подвала, сухой бетонный пол и новые трубы. Каждая из них – словно ребенок для него. Трубы ГВС и отопления любовно обернуты в блестящий изоляционный материал; все вентили – новые; возле каждого из них маркером нарисована цифра этажа и квартиры, чтобы любой специалист – например, из аварийной бригады – знал, где, что и как. Не нужно теперь отключать весь дом, – лишь стояк. Он обновлял и менял здесь что-то почти каждый день, он чувствовал себя директором большого предприятия – завода по производству коммунальной жизни...

Приближался вечер. Юрка всё реже теперь поднимался на свой третий этаж, а ночевал в подвале. Тут было намного уютнее: мягкий диван, свежий воздух, совсем не пахнувший подвалом. Крыс, тараканов и прочую нечисть он давным-давно выгнал из своих владений. Собственная квартира представлялась ему чужой, а здесь, под полом первого этажа, он чувствовал себя, как в животе у мамы.

– Елена Николаевна, извините, конечно, что беспокою вас, – Ленка сразу узнала голос Ибрагимовны – уж больно та смешно пришепётывала. – Я звоню вам, потому что только вы сможете хоть как-то повлиять на него...

– На кого, Роза Ибрагимовна? – спросила мать Пуси, хотя, конечно, сразу догадалась, о ком речь.

– Да на мужа вашего бывшего – Колокольчика непутевого... Ой, извините, – спохватилась их бывшая соседка. – Это у меня случайно вырвалось – мы уж привыкли его «Колокольчиком» звать. Ведь вы в курсе его ситуации?

– Н-нет... – испуганно протянула Лена. – Что случилось?

– Так ведь он вообще не платит за квартиру и коммуналку уже года два! Совсем сбрендил со своим подвалом. А вы знаете, что его уволили?

– Н-нет, – Пусина мама совсем растерялась: честно говоря, она уже как-то отвыкла думать о Колокольцеве и его проблемах – особенно после того, как года два назад вышла замуж за Головина – замдиректора местной гимназии, солидного и основательного бородача.

– Вот, я так и думала. Ведь там уж долгу за сто тысяч перевалило. Его и от воды, и от электричества отключили. Говорят, он

вообще теперь из своего подвала не выходит. А ведь от отопления его не отключишь – и за него всем остальным приходится платить! Знаете, какие у нас ОДН набегают? Ради Бога, Елена Николаевна!

Лена открыла знакомую коричневую дверь своим ключом. В коридоре квартиры вроде бы ничего не изменилось, зато пахло как-то незнакомо – чем-то нежилым и забытым. На улице была уже плюсовая температура, но снимать верхнюю одежду бывшей жене Колокольцева совсем не хотелось.

Какое-то тревожное чувство заставило ее ускорить шаги. Зайдя на кухню, Ленка ахнула и прикрыла рот рукой: разбитое окно болтается на одной створке; обеденный стол устилают прошлогодние листья. Из холодильника тянет невымытой пустотой.

Еще раз окинув хозяйским взглядом кухню, она заглянула в ванную и туалет (ободок унитаза успел покрыться зеленой дрянью), а затем пошла в зал. Остальные окна еще целехоньки, но женщину это нисколько не успокоило.

– В подвале он, точно в подвале, – бормотала она, спускаясь по подъездным ступеням. – Где ему еще быть, шуту гороховому...

Подвальная дверь оказалась закрытой изнутри. Лена этому не удивилась: Колокольчик часто так делал. Она подошла к одному из подвальных продухов и, поморщившись, наклонилась к оконцу:

– Юрка! Я знаю, что ты там. Открой мне, это Лена!

Дверца распахнулась еще до того, как она вернулась к спуску в подвал. Она ожидала, что он выйдет к ней, но Колокольчик не показывался, и бывшая супруга, вздохнув, стала спускаться в полумрак.

Глазам не пришлось долго привыкать, потому что везде горели желтые лампы. Лена, застыв, осматривалась кругом. Стены и потолок сверкали офисной белизной пластиковых панелей. На бетонном полу – линолеум, попадались и участки с ламинатом. Трубы весело и по-новому блестели теплоизоляцией; вентили краснели и синели, как бы приветствуя долгожданную гостью.

Она прошла дальше, стараясь не задеть головой потолок и трубы. Подвальные проходы-арки украшали пульсирующие зелено-синим светодиодные гирлянды: вероятно, они после очередных новогодних праздников перекочевали в местное «эльдorado», а затем в Колокольчиковы владения. Еще через несколько шагов ей попались

многочисленные полки, стеснительно прикрытые ширмами и штопорочками. На них – различные инструменты, деревяшки, банки с краской и металлолом. Всё аккуратно рассортировано, всё наверняка пригодится для дела.

– Юра! – хриплым голосом позвала гостя. – Где ты?

Что-то эхом откликнулось на ее призыв – из самой глубины таинственного царства. Она, помедлив, двинулась дальше, захваченная сказочностью происходящего. Когда-то в детстве, в полусне, она воображала себя пленницей разбойников, которые вели ее по своей удивительной пещере, полной награбленных сокровищ. Сейчас это детское чувство ненадолго вернулось к ней, и Лена шла, совсем не замечая того, что ее губы то и дело растягиваются в глупую счастливую улыбку.

Он сидел в первом ряду своего зрительного зала и смотрел на сероватый прямоугольник бетонной стены. Она присела рядом, и Юрка, едва качнув ей головой, продолжил пялиться на свой «экран».

– Юра, я...

– Постой! Сейчас самое интересное! – прошептал он с той интонацией, которая появляется у ребенка, когда родители пытаются отвлечь его от захватывающего фильма. – Смотри туда.

Бывшая жена Колокольчика мельком взглянула на экран и только тут заметила темноватые тени, скользящие по стене. Перевернутые вниз головами люди, вытянутые фигурки птиц и машин...

– Правда, хорошо? – снова зашептал Юрка. Но сознание Лены уже начало возвращаться к повседневному ритму: детские воспоминания о пещере разбойников поблекли и растворились в мыслях о зеленом ободке унитаза и многотысячном долге.

– Юра! – строго произнесла гостя. – Ты когда последний раз поднимался к себе? Ты хоть знаешь, что у тебя там творится? И почему ты не платишь за квартиру?

Колокольчик опустил глаза и привычно начал искать трещины в полу.

– О Господи, горе луковое! – бывшая жена откинулась на спинку зрительского стула. – Я уж отвыкла от общения с тобой: ему говоришь, а он молчит...

– А Пуся не пришла?

– Какая Пуся! – взорвалась Ленка. – Она и не помнит про тебя, дурака! Ты хоть в курсе, сколько ей лет исполнилось?

– Тринадцать... – пробормотал Колокольчик тем самым виноватым тоном, которым он, бывало, отвечал на уроках биологии у доски.

– Тринадцать, – передразнила его бывшая супруга. – Да, тринадцать! И приходиться ей к тебе нечего – у нее есть нормальный отец. И благодари Бога, что я алименты от тебя не требую – да и что требовать с этакого юродивого...

Они помолчали. Спектакль из света и теней продолжался; антракт там начинался только глубокой ночью.

– Ну что прикажешь делать? Мне, может, за тебя долг заплатить? Почему тебя уволили?

– Меня не уволили... – Колокольчик стеснительно поднял бесцветные глаза; его щеки, покрытые светлой порослью, порозовели. – Я теперь в другом месте работаю – в компании, которая мусор вывозит.

– Ой ли? – с сомнением произнесла строгая гостья. – А куда ж ты деньги-то деваешь? Ты, наверное, и не ешь по-человечески!

– Кушаю я в столовой, – тихо ответил хозяин подвала. – Тут неподалеку. А деньги – сюда вот всё. Тут покупать много чего надо.

Юра обвел глазами свои подвальные владения, но тут же снова опустил их к трещинам в линолеуме.

– Надо? Кому это надо? Ты что думаешь: тебе премию выпишут за то, что ты тут из подвала офис сотворил? Или ты ждешь, что к тебе телевидение придет: «Вот полюбуйте, какой у нас Юра Колокольцев молодец! Везде порядок и красота!». Да только вот в квартире у него все мыши удавились, и окно на кухне всю зиму разбитое проболталось. Вот это его нисколько не волнует!

– Не надо телевидения! – вдруг испугался Колокольчик и даже привстал со стула. – Это не для них, это для меня, мне надо.

– А дочку с женой тебе не надо? А жизнь тебе нормальную не надо?! – закричала Лена и замахнулась на него рукой. Гулкое, тревожное подвальное эхо многократно отразило ее крик, и рука невольно замерла на полпути.

Они замолчали, и оба, не сговариваясь, взглянули на экран, где шел тот же спектакль. Гостья вздохнула, обняла за шею бывшего мужа и притянула его лысеющую голову себе на плечо.

– Колокольчик ты мой непутевый! И как ты только такой уродился? Ведь и родители у тебя были хорошие люди, и учились мы вроде в одной школе... Платить-то будешь или нет?

Юрка закивал в ответ.

– Ведь засудят тебя, последние портки продадут и еще из квартиры выкинут. Понял? Сгинешь ты со своим подвалом, вот что я думаю. Ладно, – она отстранила его от себя, быстро встала и, щелкая по линолеуму и бетону каблуками, пошла к выходу. Хозяин подвала провожал ее бесцветным, тоскующим взором: он искренне желал, чтобы она осталась, и в то же время ему почему-то очень хотелось побыть одному.

– А про Наташку, Пусю, как ты ее называешь, – даже думать не смей, слышишь? – сказала ему Лена, внезапно остановившись у арочного прохода. – Она тебя, слава Богу, почти забыла уже. Нечего ей к такому отцу ходить. Живи как хочешь, – а нас не втягивай в свою... подвальную жизнь.

Затем она простучала каблуками еще несколько пролетов и, скрипнув дверью, ушла к своему замдиректору местной гимназии. Юрка еще некоторое время думал о странной гостье, гладил ладонью стул, сохранивший тепло ее тела, а затем посмотрел на экран. Приближался вечерний эпизод великого спектакля, и Колокольчик вскоре позабыл обо всем, захваченный любимым зрелищем.

На этот раз реакция управляющей компании была необыкновенно быстрой. Даже в аварийных ситуациях, которых, кстати, в доме не случалось уже много лет, специалистов УК никто никогда не мог дожидаться. Приезжала «аварийка», бригада что-то меняла, подкручивала и – всё. От самой управляющей компании не было ни слуху ни духу.

Сейчас же реакция была совсем иной.

– Как так сам меняет? Какие пластиковые панели в подвале? А если пожар? Кто ему разрешал? Его кто-то старшим выбирал? Проверим, обязательно проверим! – отвечал авторитетный голос начальника участка Розе Ибрагимовне. Рассказ о том, что жена Колокольчика увидела в подвале, очень встревожил соседку Юрки: «А правильно ли это всё? А можно ли?!». Вот она и позвонила в родную УК.

Информация о случившемся быстро дошла до самого директора управляющей компании, который, видимо, и распорядился о скорейшей проверке.

– Да там он, там! – говорила Ибрагимовна двум парням в синих спецовках, приехавших на «УАЗике»-«буханке». – Он всегда изнутри запирается и сидит день-деньской. И даже ночует там – как сыч, ей-богу.

– И что же – нам дверь ломать? – пожимал плечами один из приехавших – с черными усиками под самым носом.

– А почему бы и не сломать? – отзывалась соседка Юрки. – Может, он там набедокурил чего или сбрендил совсем! А мы тут живем, между прочим, – я и спать теперь по ночам не смогу, зная, что он натворил в подвале.

– Ладно! – согласился коллега усатого. – Потом замок навесной сделаем. Неси лом.

Колокольчик слышал голоса за дверью, но не связывал их с собой и своим подвалом. Мало ли что происходит там, снаружи? К нему и его миру это отношения не имеет, поэтому он молча занимался своим делом – ремонтировал временно отключенный стояк с ХВС, тот, что немного подкапывал. Затем раздались глухие удары.

– Свети давай! – говорил усатый своему напарнику. – И как этот черт здесь видит что-то: света-то нет! И впрямь смотри: панели пластиковые, а на полу-то – ламинат! Вот хрен, никогда такого подвала не видел. А это что еще за иллюминация?

Парни в синих спецовках уставились на переливающиеся гирлянды возле арочного прохода.

– Во дает! – присвистнул один из неожиданных гостей. – Он тут точно живет: смотри и диван, и полочки, а тут что? Это же целый конференц-зал!

Колокольчика они в тот раз так и не нашли, хотя обыскали весь подвал. Ибрагимовна, спустившаяся-таки в Колокольчиково царство, только охала и всплескивала руками, поражаясь тому, что делал незаметный дурачок за годы подвальной жизни. Как включить свет, сотрудники УК к тому времени сообразили и, покачивая головами, тоже ходили по подвалу, словно по краеведческому музею.

Через три дня к дому подкатил тот же «УАЗик», и из него вышли четверо в синих спецовках – двое из тех, что уже приходили, и двое поопытнее-постарше. Оказалось, что навесной замок куда-то делся, а засов изнутри кем-то восстановлен. Из-за этого им при-

шлось повозиться с дверью минут пятнадцать. В подвал они ввалились уже разозленные и раздраженные молчаливым сопротивлением здешнего хозяина. А затем как по команде начали обрывать пластиковые панели со стен и сворачивать линолеум с бетонного пола. Тот, у которого торчали черные усики, с удовольствием сдернул с арочного прохода светодиодную гирлянду, и она, мигнув напоследок, потухла.

Тогда только откуда-то сбоку навстречу им выступила тихая фигура Колокольчика с поднятыми кверху руками.

– Э-эй, ты чего? – испугался пожилой – его звали Алексеем Иванычем, он числился бригадиром участка. – Чего ты барагозишь? Не видишь: люди работают! Юрка молча смотрел на сломанные панели и порванный линолеум.

– Давай-ка, дядя, выходи отсюда! Не мешай! – продолжил Иванаыч, к которому вернулась привычная уверенность. – У нас распоряжение такое – убрать нарушение пожарной безопасности в подвале. Твоих ведь рук дело-то?

Колокольчик опустил руки и бесцветные глаза вниз и побрел к выходу. Его тень ненадолго заслонила просвет в искореженной подвальной двери, а затем исчезла. Рабочие в синих спецовках продолжили свое дело, и вскоре наверх полетели стулья из зрительного зала. Они тоже попали под пожарный запрет: все-таки дерево ведь, да еще обтянутое какой-то сине-белой хренью.

– Представляешь, ведь в розыск даже подала Ленка-то – пропал Колокольчик! Ни в квартире, ни в подвале своем любимом не появляется, – говорила Роза Ибрагимовна, потягивая соседский чай.

Мать двоих троечников подводила полумесяцы бровей и зевала в ответ.

– Каких только дураков земля не рождает! – снова качала головой Ибрагимовна. – Ведь у него, говорят, там даже какой-то «кино-театр» был! Так мне говорили. Вот что без жены бывает: съезжает крыша у мужиков.

– Тебе что сегодня принести из магазина? – не слушая ее, спрашивала продавщица Света.

– Хлеба да молока. Щас не до печений и кофию – до пенсии бы дожить!

Первая авария в доме случилась года через полтора, как пропал Колокольцев. А затем – пошло-поехало: и горячая вода стала, как парное молоко, – их дом то и дело на обратку переводили. И канализация прохудилась. Потом откуда-то снизу полезли тараканы: Ибрагимовна грешила всё на подвал.

– Там ведь, Свет, такое творится: слякоть одна да вонь. Скоро крысы будут выпрыгивать из унитаза прям, а до этих, из управляющей компании которые, не дозвонишься совсем! – жаловалась на коммунальные проблемы бывшая соседка Юрки.

Еще через два года Ленка с грехом пополам продала квартиру Колокольцева и заплатила космическую сумму набежавшего долга.

Однажды Роза Ибрагимовна, вся запыхавшаяся, ворвалась в квартиру своей соседки и с расширенными от пережитого волнения глазами сообщила:

– Светка, я ведь Колокольцева видала! Вот ей-богу – как живо-го! Ведь сколько лет-то прошло – пять? Или шесть?

– Ну и что он? – лениво отозвалась Света, у которой сыновья поступили в местный педуниверситет и учились там на твердые тройки.

– Да я откуда знаю? Я его только мельком – полысел совсем. Но все равно я его узнала – точно он, Колокольчик наш! Пакетик какой-то нес, а там – вроде как трубы какие-то, – отвечала Роза Ибрагимовна, торопливо наливая соседский чай.

И пока соседки болтали, на другом конце города Юрка Колокольцев сидел в зрительном зале, который он почти довел до ума. Не все стулья и кресла были в хорошем состоянии, но материал от баннера он уже припас. Бетонный пол в подвале везде сухой, и новые вентили краснеют и синеют повсюду.

Бесцветные глаза Колокольчика смотрят на серую стену, по которой плывут перевернутые фигурки людей, птиц и машин. Он вспоминает своего давнего друга Лешку из коррекционного класса, а иногда – любимую Пусю. И сердце его бьется спокойно и размеренно – в унисон с элеваторным сердцем подвального царства. И он размышляет обо всем на свете – воде, струящейся по водоносным сосудам города, трещинках в линолеуме, напоминающих созвездия. Радость стучится в нем, наполняет лысеющую голову, и тогда он тихонько засыпает и видит свои коммунальные сны.

Ёлочка с особенками

Елка была метра три высотой. Ну, не елка, конечно, а сосна. Но все заезжие зовут новогодние деревья елками, и мы тоже, чтобы не отставать.

Вообще, у нас в Михайловском такого отродясь не было. Кто-то, понятно, в домах-то ставил, но вот так вот – чтобы на самом видном месте села, у магазина, всем на обозренье-загляденье – нет, такого не припомню.

– И кто это вас наставил? – спрашивала Петровна, упираясь поясницей в свою вечную клюку и смотря на верхушку. – Наряжать-то чем будете? Я могу грибов белых на верхотуру накидать.

Что-что, а грибов старуха точно могла накидать. Она у нас в селе на этом особенку заточила. Так в Михайловском про всех говорили, кто умел да знал. А знали многие. Дед мой, к примеру, на печки заточен был: так сложит, кровью куриной обмажет, что любо-дорого посмотреть, – домового и упрашивать не надо, сам сразу селился где полагается – за теплым углом.

У бабки особенка на хлеба была: подрастить где колосок, подправить пирог, тесто поднять. Я вон по рыбе специалист, а Петровна, само собой, грибы белые хоть в студеную зимнюю пору откопает-достанет.

Так вот: елку-то эту Толик придумал, наш местный староста.

– Пусть, говорит, стоит: и нам порадоваться, и детишкам огненные хороводы будет где поводить. А то всё на Белу горку бегают да на колодец Сабуров подлётывают. Пусть лучше здесь, рядом, под присмотром, так сказать.

Ну сказано – сделано. Мы с ним за этой елью с утра лыжи и наострили. Толик-то у нас по деревьям мастак: любое определит с налету, какой болезнью болеет и когда какую веточку срывать-трогать можно.

Мы нашли то деревце, которое всё равно к следующей зиме загнуться должно было: корешки у нее как-то не так росли.

– Это у нее с детства, у сосенки-то этой. Так шо рубить можно, – ну если Толик сказал, так тому и быть.

Пришли – поставили в центре Большой улицы. Мама дорогая! Кра-со-тень!

Петровна и правда грибов светлых на верхотуру накидала, Поська с Друговыселок каким-то мхом-паутинкой веточки покрыла. Ну и гирлянды с игрушками повесили, – их из города Сёмка-радист привез. За ним особинка на магазины числилась: брал что хотел, продавцы от денег сами отказывались.

И вот поставили. Радуетеся безмерно. Думаем: завтра, значит-ка, 31 декабря, напразднуемся вволю. А утром – ешки-матрешки – проснулись: елки-то и нет!

Ба! Да как это, да где это? Всё село гудит, Толик брови хмурит, Петровна головой качает. Ну что делать? Пошли к Арине гадать.

Та в банку с водой глянула, глаза у нее затуманились и говорит: – Да это заезжие какие-то натворили. На машине белой, большой, типа «ГАЗели»: один коренастенький с усиками, а другой – белобрысый, глаза навывкате. Оба – сидели, говорит. Всё по одной статье – разбойное нападение с отягчающими.

Ну Толик губами пошамкал, в бровях почесал и спрашивает:

– Ты, Аришка, хватит нам мозги пудрить. Фамилии и адреса давай, нам Новый год праздновать вечером, а ты тут демагогию разводишь.

Ну та и дала.

Поехали втроем – староста, я и Сёмка-радист. Приехали в город, улица Гагарина, дом 28, дробь 2, квартира 34. Стучимся. Открывает тот самый белобрысый верзила.

– Ты, скотина, зачем у нас ёлочку-то скоμμуниздил? – староста не любил вокруг да около ходить. – Вертай взад.

Ну у хозяина-то и так глаза навывкате, а тут совсем выпрыгнули почти. Сёмка его под ребра, а я – селедкой ему рот заткнул, чтобы не шумел. Глядим – наша елка у него в зале уже наряженная стоит, подпиленная снизу. Под ней домовой здешний валяется задом вверх и поскуливает.

– И не совестно тебе с хозяином-то таким кров делить? – спрашивал Толик скулящего лохмача, пока мы с радистом игрушки обдирали. – Ведь вот ворюга он.

– И рыбу не любит совсем, – добавил я и засунул ворюге еще немного сёмги под рубаху.

Елку мы уволокли, белобрысого на диван уложили, чтобы проспался, лохмачу конфет оставили.

Везём елку назад, а староста слезы утирает:

– Ведь не та уже елочка, подпиленная, блин. Уже красоты такой первозданной не будет. Но другую рубить не дам!

– Да отдадим вон Пашке-наросту, он ей вмиг надбавит длины-то! – предлагает Сёмка, и староста заметно веселеет.

В общем, так и сделали. Поставили деревце опять посередь Большой улицы, Петровна грибов повесила, я икрой красной по краям пустил. Ну и Сёмкины гирлянды включили. Красо-та, одним словом!..

До утра огненные хороводы здешня ребятня водила, а мы – постарше которые – сидели и вспоминали былое времечко.

– Вот ведь бывалочка к нам из соседних областей бабы слетались, ну кто умел, конечно. Все как на подбор – ядрёные, красивые, частушки знали, на волках могли прокатить, – вздыхал староста и смотрел на вызвездившее небо. – А теперь – что? Только Михайловское и осталось....

– Зато у нас елка с гирляндами! – возражал Сёмка-радист. – И детей вон сколько!.. Кончай, Толян, тоску наводить: Новый год всё-таки. Давай лучше настойку на грибах хряпнем! Петровна, ведь есть поди?

И хряпали, и голосили песни, и радовались. А уж под утро кто-то из старух, наверно, Поська, сотворила салют из падающих звезд. Этого в Михайловском уж года три никто не видел.

Так что Новый год и впрямь замечательный получился. Хорошо всё-таки у нас тут на селе, душевно. Заезжайте, кстати: Арина-гадалка вам адрес подскажет, если что...

Знахари: детские законы

повесть

Часть 1. Дядя Витя

Глаза тонули в небе. Облако напоминало лицо воздушной девочки, ангела. Я смотрел на нее и, казалось, говорил с ней о чем-то. Троллейбус выплёвывал из сине-белых дверей одного пассажира за другим, а я обходил его спереди, смотря на расплывающиеся очертания облачного девичьего лица.

Эта привычка – смотреть на небо – была моим суеверием. Одним из многих. Нельзя наступать на края уличной брусчатки, а иначе с мамой приключится беда. Надо обязательно положить в чай именно одну ложку сахара, а не две – или в школе ждет плохая отметка. И надо почаще смотреть в небо, так как там – энергия, сила, нужная для жизни. Если вас в детстве никогда не мучили подобные страхи и представления, я вам завидую; моя же голова в девять лет порой пухла от придуманной паутины странных примет.

Участок дороги, которую я переходил, был четырехполосный: два потока в одну сторону, два – в другую. На одной обочине, куда я направлялся, прямо перед входом на вещевого рынок торговали жареными семечками четыре старушки. Позади остался большой магазин, который никогда не пустовал. Тогда еще не было супер, мега и гипермаркетов, и магазин назывался просто магазином – независимо от размеров.

Когда мой взгляд наконец-то опустился с небес на землю, я уже катился на капоте сбившего меня автомобиля – темно-синей «восьмерки». Я не помню визга тормозов, хотя черный след от шин на асфальте был длиной больше четырех метров: я потом не раз приходил к этой троллейбусной остановке, чтобы понять, как такое могло произойти. До того, как машина остановилась, я успел заметить сквозь лобовое стекло лицо водителя и его черные усы с коричневыми волосками возле самых ноздрей. Мужчина, сидевший за рулем, застыл с судорожно выпрямленной спиной. Его расширенные, пустые от ужаса глаза мне затем не раз снились.

На капоте я лежал левым боком, голова почти касалась стекла. Когда колеса «восьмерки» замерли, я оттолкнулся рукой, что была прижата к капоту, и снова очутился на ногах. Через три-четыре минуты поток авто встал в обе стороны – на всех четырех полосах. Это я помню совершенно отчетливо. Сине-белый троллейбус так и остался на остановке, народ хлынул из него, чтобы посмотреть поближе на сбитого мальчишку. К ним присоединились покупатели из большого магазина и рынка. Но главную роль сыграли бабушки – торговки семечками. Пробив брешь в толпе, самая маленькая из них схватила успевшего вылезти водителя за рубашку и закричала: «Убил мальчонку! Уби-ил!». Ее головной платочек сбился набок, в уголках глаз заблестели слезы.

Собравшиеся будто только этого и ждали: плотное кольцо тел вокруг нас сжалось еще сильнее, с разных сторон послышались советы и крики. Кто-то предлагал вызвать скорую, кто-то – милицию. Водитель с сухими, посиневшими губами прислонился к полуоткрытой дверце «восьмерки» и не отрывал взгляда от маленькой бабушки, перешедшей на причет. Какая-то молодая, раскрасневшаяся девушка лет восемнадцати сидела передо мной на корточках и спрашивала:

– Где у тебя болит, мальчик? Мальчик, где больно? Почему ты молчишь?

– Да у него шок, вы что: не видите?! – говорила пожилая женщина, стоявшая где-то сзади. – Его надо в больницу. Вон детская поликлиника совсем рядом!

– Убил мальчонку! Сыно-очка уби-ил! – продолжала причитать старушка, леденя кровь окружающим.

– Смотрите! Не упустите его! – кричал про водителя с задних рядов мужской голос. – Пусть ведёт мальчишку в больницу сам! Пусть за всё платит, за его лечение!

– Мальчик, где ты живешь? Родители с тобой? Мальчик, мальчик, ну почему ты молчишь?! – снова и снова спрашивала девушка с красными щеками.

Я, наверное, действительно тогда вызывал жалость и сочувствие: моя худоба была притчей во языцех у родственников; острые коленки покрыты вечными царапинами и синяками; вихры на голове всё никак не хотели приглаживаться. Но я точно не был ни стеснительным, ни молчуном. Я просто не мог понять: зачем сбежались сюда все эти люди? Ведь со мной ничего не случилось.

– Мне не больно! – наконец произнес я. – Со мной всё в порядке. Можно я пойду?

– Да у него шок! – опять пожилая женщина сзади. – Мальчик, где ты живешь? Ты сейчас и десяти метров не пройдешь – свалишься! Машина-то неслась как сумасшедшая! Да от тебя мокрого места не должно остаться. Не пускайте его, ведите его в больницу!

А еще в том возрасте я был «упёртым, как баран», – это по выражению моего отчима. Поэтому если я решил отправиться домой, то уж не удержись.

– Со мной нормально всё! Я пойду, ладно? Я пойду, пойду... – и я начал решительно продвигаться вперед. Людская стена расступилась, и через несколько шагов я оказался возле табуреток и коробок, брошенных продавцами семечек. Через пару минут рынок остался позади, и лишь тогда я оглянулся. Толпа постепенно редела. Потоки автомобилей снова заструились по двум крайним полосам. Фигурка горе-водителя всё еще стояла возле автомобиля, со всех сторон окруженная атакующими бабушками.

Ни одного перелома, синяка или ушиба я у себя не нашел – ни тогда, ни потом. Родителям ничего не рассказал, так как прекрасно знал, чем это могло закончиться: мать перестала бы пускать меня дальше родного двора.

Дня через два я и думать об этом забыл: девять лет такой возраст, когда каждое утро – будто начало новой жизни. Зато у меня было время поразмышлять об этом позже. Случайное везенье? Поток воздуха от автомобиля, мягко опустивший меня на капот? Электромагнитная буря? Не знаю. Возможно. Возможно...

Но дело в том, что были и другие странные случаи.

Глава 1.

Мы сидим с Катей в белом «Рено». Катя – врач-кардиолог по образованию, окончила местный госуниверситет. Сейчас она работает в какой-то фармкомпании и занимается «разъездами» – отсюда ее служебный новенький авто, на котором мы с ней катим в село. Катим с Катей.

– Спасибо вам, Леша, за дядю Витю! Он мне помог – правда ненадолго. Но это хоть какой-то результат. А от многих ведь вообще пользы нет никакой...

Мы с ней в чем-то похожи: и я, и она уже лет двадцать колесим по разным районам и областям России-матушки. И ищем мы с ней примерно одних и тех же людей.

– Я вам говорила про точку? Она такая черная, жирная, как клякса. С белым ободком по краям. Омерзительная, как опарыш. Я ее вижу уже много лет, вот даже сейчас, когда на вас смотрю. После того, как полечусь, – вроде бы всё пропадает, а затем – снова здорово. И другое есть еще. Разное.

Катя ведёт машину неуверенно, хотя, как я потом узнал, права она получила лет восемь назад. Да и ходит она так же. И, мне кажется, даже дышит не слишком глубоко. Будто ее кто-то сильно напугал в детстве, и страх этот, какое-то внутреннее стеснение остались с ней навсегда. В этом смысле я понимал ее, как никто другой: ведь я пережил встречу с Женщиной в синем и Куклой.

– А я вас представляла совсем иначе – старее, что ли. Голос у вас старше внешности, – она подмигивает поворотником, и белый «Рено» уходит направо – на Сызранскую трассу.

Ага. Мне такое часто говорят: про голос и внешность. Мы с Катей знакомы уже больше года, но офлайн встретились только сегодня. В январе 2017-го на сотовый мне позвонила женщина, которая прочитала мою заметку в местной газете. В статейке рассказывалось о встречах с несколькими «лечащими» – знахарями, знающими, колдунами, экстрасенсами. Называть их можно по-разному, суть от этого не меняется. Там же я описал свою беседу с дядей Витей – известным по всей округе целителем. Звонившая представилась Катей и попросила у меня его адрес. Я ей тогда отдал.

– Видите ли, Екатерина, я – исследователь. Антрополог, фольклорист. Роль справочника по местным знахарям – совсем не моё. Я не сообщаю ни имён, ни адресов, это одно из важных условий моего с ними общения. Именно поэтому люди, с которыми я встречаюсь, мне доверяют. Ведь вы понимаете, что в газетной статье все имена вымышлены? И названия сёл там не указываются. Так что – извините... – и нажал на смартфоне отмену вызова.

Позвонила она снова через четыре дня; сказала, что это вопрос жизни и смерти, а затем расплакалась. На этот раз я смилостивился.

– Послушайте, я рассуждаю так: ведь есть «знающие», которые помогают только ближайшим родственникам, а есть те, к чьему

крыльцу давно протоптана народная тропа. Дядя Витя относится ко второму типу, у него много клиентов. Поэтому-то я и решил сделать для вас исключение, – что и говорить, отвечал я ей как распоследний ученый сукин сын: ни слова в простоте. С превосходством в тоне и снисходительностью в содержании. Но она в ответ лишь поблагодарила и пообещала мне «давать регулярные отчеты» (это уже ее выразительнице) о своих поездках к колдуну в Барышский район. И Катя свое слово сдержала.

– Я к нему ездила, Лёша. Дядя Витя очень плох. Да, со здоровьем. Я ведь врач, я вам говорила? Послезавтра к нему поеду опять: повезу лекарства и тонометр хороший. У него давление скачет и с кишечником проблемы, – рассказывала она мне по телефону после первой поездки к знахарю.

Я тогда порадовался за них: Катя помогала со здоровьем восьмидесятилетнему целителю, а он – лечил ее. Каждый на своем уровне. Хорошо ведь! Хорошо да не очень. Как всегда, были нюансы.

– Знаете, сколько я по таким людям уже мотаюсь, Леша? – говорила моя новая знакомая, когда звонила в третий раз. – Много-много лет. А толку почти никакого. У дяди Вити вроде что-то стало получаться, но он ведь сам болен, ему самому помощь нужна...

Катя во время отчетов никогда не упоминала о том, чем именно больна, что ее заставило столько лет потратить на поиски своего целителя. Я надеялся, что при личной встрече смогу это выяснить: всё-таки до того села, где жил колдун, на машине было два часа ходу. За это время можно побеседовать о многом. И я не ошибся.

– У меня был парень, познакомились в университете. Он учился на юриста и ничего особенного собой не представлял. Но я в том возрасте почему-то считала, что одиночество – это плохо. Такой настрой внутри был: «Надо найти кого-нибудь, надо кого-нибудь найти обязательно...». Кто-нибудь и попался. Серый (я его всегда «Серым» называла, ему это нравилось, кстати) оказался жутким бабником, а главное – поучал меня бесконечно. Принялся играть роль «тирана-муженька», хотя мы и не думали с ним расписываться, – продолжает моя собеседница, внимательно глядя на несущиеся навстречу грузовики и фуры.

Самое интересное произошло, когда Сергей решил познакомиться свою подругу с матерью. Именно этот момент Катя считает поворотным в своей жизни.

– Мамаша у него оказалась из этих – богомолков. Так я, по крайней мере, думала сначала. Весь зал в иконах, занавесочки, свечечки, стаканы с пшеном, коричневые тетрадки с засаленными страницами. Она накрыла нам богатый стол: ты что, ведь драгоценный сыночек девушку привел! Завязался разговор. И я вроде как ей понравилась. «Ты, Катенька, моего Серёженьку не обижай, береги его. Он кровиночка моя единственная...» – это она меня так наставляла полушёпотом, когда «кровиночка» курить на балкон выходил.

Слово за слово и мамаша под самый конец застолья совсем разоткровенничалась.

– «Я ведь лечу, Катенька, людям помогаю. Порчу могу снять, сглаз. Даже одержимых принимаю, вот в той комнатке, у меня комнатка отдельная, вот в ней клиентов и отчитываю». Она мне так говорит и говорит, а сама поглядывает на меня исподтишка: мол, как я, поняла ли всё, что нужно? А когда Серенький-то в последний раз на балкон курить побежал – перед тем, как провожать меня пойти, – эта старая ведьма ко мне наклоняется и шепчет: «Ты, ягодка, знай: я сына в обиду никому не дам. Он, если кого полюбил, – то навеки. А если его обидит кто – долго не проживёт! Поняла?». И улыбается, золотыми коронками блестит. Я с тех пор никогда у них и не была. Одного раза – выше крыши.

Через месяц Катя с Сергеем «разбежались» окончательно. А затем появилась точка. Жирная, как опарыш. Но не сразу. До этого были сны. Подробности она уже не помнила: очень уж ей хотелось поскорей всё забыть.

– Я помню главное: сию будто я на стуле вот в той самой комнатке, где мать Серого клиентов своих принимает. А я туда в реальности даже не заглядывала никогда. Мамаша стоит надо мной, блестит своими коронками да улыбается страшно. В руках у нее – длинная металлическая спица. И она медленно приближается ко мне, и этой спицей упирается прямо вот сюда, – женщина отрывает левую руку от руля и показывает пальцем между глаз, чуть повыше переносицы. – А затем вертеть начинает, крутить спицей, словно хочет череп мне проколоть. Я кричу, пытаюсь подняться со стула, но всё тело будто туго-туго нитками шерстяными спутано, шелохнуться нельзя...

Когда Катя впервые увидела точку, то не обратила на нее особого внимания: может, давление или глаза просто устали. Но черный опарыш с белым ободком становился всё больше и больше. Девушка кинулась в больницу, ей там назначили различные обследования – была и у окулиста, и томограмму головного мозга сделали. Вердикт таков: всё в норме.

– Вот тогда я по бабушкам и по экстрасенсам начала ездить. Искала их везде – и по объявлениям в газетах, и по сарафанному радио. Затем, как Интернет появился, стала рыть там. Я и работу-то из-за этого себе нормальную найти так и не смогла: хорошего ведь кардиолога с руками оторвут – везде нужны. Но я устроилась в такое место, чтобы ездить побольше можно было. И искать. Вот с тех пор и катаюсь, Леша. Полжизни уже прокаталась, а всё без толку.

Едем дальше. Катя кивает на кафе впереди: мол, перекусить, Алексей Викторович, не желаете? Я соглашаюсь, и за чашкой кофе беседа продолжается.

– А вы почему этим занимаетесь? Ну я понимаю: наука и всё такое. Но наука-то разная бывает, почему именно такая странная тема – целители, колдуны всякие? Если не секрет, а, Леша?

Я пожимаю плечами и думаю, с чего же начать. С прабабки-знахарки? С Женщины в синем? С Куклы? Или всё-таки с дренажной трубы и Поля? А может, с того момента, когда меня сбила машина? Или со сновидений? Боже, как же тяжело рассказывать самому...

– Даже не знаю. Просто интересовался всегда таким – с самого детства. Склонность, наверное, была, – говорю я, чуть растягивая слова, и с облегчением вижу, что Катя кивает в ответ. Это означает, что мне снова можно вернуться к роли слушателя. Рассказывать – не мое.

– А у меня тетя во всё это верила и интересовалась: вещие сны, тарелки летающие. У нее домовый свой был, представляете? Уверяла, что он маленький, мохнатенький, она ему кашку на ночь оставляла в особой тарелочке. И печенья на стол клала. А утром всё исчезало – даже крошек не оставалось, хотя жила тетя одна, ни кошек, ни собак у нее не водилось: терпеть животных не могла, аллергия у нее.

Потом мы переходим на дядю Витю. Мы к нему едем, чтобы помочь: хотим немного прибраться в его избе, заменить кое-какие лекарства и – главное – договориться с соседями, чтобы они к нему

почаще заглядывали. Человек он одинокий, слепой, даже печку не может себе разжечь.

– А раньше ведь очереди из машин возле его двора выстраивались: всем нужен был. А сейчас заболел, постарел, принимать не может – и все о нем позабыли, – вздыхает моя собеседница.

Я смотрю ей в глаза и думаю про себя: «Все да не все. Вот ты, Катя, всё-таки на что-то надеешься, раз каждую неделю у него бываешь? Или просто привязалась к больному старику? Бывает же бескорыстная помощь и человеческое отношение...».

– Я извиняюсь, Катя... – начинаю я и не знаю, стоит ли продолжать. – А точку вы эту прямо сейчас тоже видите?

Женщина быстро смотрит на меня, потом отворачивается и кивает.

– Надеетесь, что дядя Витя вам поможет?

Она молчит некоторое время, а затем допивает остатки чая одним глотком.

– Он ведь уже помог, Леша. Только он и помог. Мне, может, осталось-то чуть-чуть у него долечиться. Вдруг силы к нему вернуться?

После кафе мы едем минут двадцать молча. Я смотрю на текущие по бокам бесхозные осенние поля, и память непроизвольно перескакивает на детство. Да, тогда тоже было поле, точнее – Поле. И вход туда, на ту сторону...

– Лови его, лови! – Колька кричит так, что у меня глохнет левое ухо. – Дай-ка я сам, Лешка, дай сам, держи ведро!

Руки у него половчее, он вгоняет раскрытые ладони в мутную, красноватую от ржавчины воду и через секунду с торжеством показывает мне маленькое темно-коричневое чудище с клешнями.

Потом, когда мы в ведре притащили двух этих «рачкóв» к бабушкиному двору, дед, матерясь, достал из сарая лопату и перерубил нашу добычу на мелкие куски.

– У нас и так медведки всю помидору подкосили, а вы их еще с поля тащите!

Вот так мы узнали, как выглядят таинственные медведки. Бабушка не уставала жаловаться на эту напасть, а показать их нам всё никак не могла. Но Поле всегда показывало: оно делилось с нами открытиями каждый день.

– Пойдем в Нагорный, а? – однажды предложил Колька. Он хоть тоже бывал у бабушки наездами, но знал эти места получше, чем я. Шли через Поле. Нагорный видно не было, так как его скрывали холмы и насыпь с асфальтовой дорогой.

Поле – пахнувший свалкой, пылью и сожженной травой пустырь – мы излазили вдоль и поперек. Но там, за дорогой, таилась совершенно неведомая земля, terra incognita, которая только и ждала нас, обещая самые захватывающие приключения. Мы нашли трубу не сразу. Карабкаться вверх по крутой насыпи, а затем спуститься с нее было лень. Да и машины там носились с таким пугающим гулом, что становилось не по себе. Кольке недавно исполнилось восемь, а мне – семь. Узнай дед с бабкой, что мы одни пошли в Нагорный, скорее всего, это закончилось бы телефонным звонком родителям. А ничего страшнее и представить нельзя: ведь приезд родителей всегда означал конец лета и приключений.

Огромная бетонная труба пробивала насквозь большую дорожную насыпь. Наверное, по весне и во время затяжных ливней именно она спасала асфальт наверху от проседаний и разрушения. Но нас это интересовало меньше всего.

– Смотри, – прошептал Колька, указывая на далекий свет, льющийся из круглого отверстия на противоположном конце трубы. – Там – Нагорный. Мы пройдем сквозь и окажемся на той стороне. Здорово, да?

Я нехотя кивнул. Здорово-то здорово, но в трубе было темно, оттуда веяло холодом, а по ее дну тек небольшой ручеек, позеленивший серую бетонную поверхность, по которой нам предстояло идти. Непонятный страх сковывал всё тело, что-то – вероятно, ветер – подталкивало меня обратно, не хотело пускать.

Но Колька уже зашагал вперед. Размеры трубы позволяли идти не сгибаясь. Моему брательнику, хоть он и считался высоким для своего возраста, нужно было встать на цыпочки, чтобы дотянуться до темно-серого «потолка».

Мне показалось, что мы провели в бетонной темноте полчаса, однако даже в том возрасте я понимал, что это невозможно. Длина трубы не могла превышать десяти метров: высокая насыпь плюс дорога-двухполоска. Но я клянусь, что мы прошли намного больше: я успел продрогнуть и устать. Когда я наконец вслед за Колькой вывалился из бетонного плена, солнце светило нам уже в затылок, хотя до входа в трубу лучи били прямо в глаза.

– Вон он! – брат показал на серые двухэтажные дома, скучившиеся на нескольких пологих холмах. – Поэтому его и называют «Нагорный»: видишь, будто на горах стоит.

Поселок оказался самым тихим местом на свете. По сравнению с Садовкой, где находился бабушкин дом, жизнь здесь словно замерла. Нам попались навстречу всего двое прохожих. Один раз где-то вдалеке прогрехотал грузовик. У меня в кармане позвякивало несколько монеток; Колька предложил купить мороженое. Мы завернули в сторону местного автовокзала – одноэтажного грязно-желтого здания. Внутри стояли два ряда пустых потёртых кресел с пластиковыми красными сиденьями. Во всем здании мы заметили всего двух человек – кассиршу (мы слышали только ее голос: она с кем-то монотонно разговаривала по телефону) и продавца газет и книг.

Небольшой столик покрывала пыльная клеенка, книги стояли корешками вверх. У мужчины, сидевшего по ту сторону стола, было вытянутое, почти лошадиное лицо, которое внизу заканчивалось острой бородкой, а сверху блестело лысиной.

Мы с братом уже тогда любили читать. Я обожал фантастику, сходил с ума по Жюль Верну, брат любил приключения и перечитал всего Луи Буссенара – из того, что валялось на полках старой садовской библиотеки.

Я подошел к столику и чуть вытянул голову, пытаясь рассмотреть названия книг. Продавец молча выудил откуда-то темно-зеленый квадратный томик и протянул мне. На задней обложке была изображена почти обнаженная женщина, стоявшая вполборота. В ее глазах застыл ужас: она видела то, что было недоступно читателю.

– Это то, что тебе нужно, – сказал уверенно продавец. Он говорил со мной, как со взрослым – серьезно и с уважением. Я перевернул книгу, чтобы увидеть название и имя автора. «Г.Ф. Лавкрафт. Сияние извне и другие рассказы». Мне это ни о чем не говорило.

– Покупай, не раздумывай, – сказал мужчина. Когда он произносил слова, в пустом зале возникало слабое эхо. Может быть, из-за этого голос продавца казался таким значительным и потусторонним.

– У меня, наверно, денег не хватит... – пробормотал я и вынул из кармана свои жалкие гроши. Продавец не глядя сгрёб мелочь себе в ладонь и кивнул. Я стиснул книгу в руке и медленно отступил к выходу.

– Дурак... – ворчал Колька, пока мы бежали обратно к трубе: вечерело, и нас могли хватиться. – Все деньги отдал за какую-то тётку голую на обложке. Лучше бы мы мороженое и лимонад купили. Что за Лавкрафт? Может, книжка говённая?!

Я не отвечал ему. Хотелось только одного: поскорее увидеть родное Поле. Когда мы выскочили с другого конца трубы, совсем стемнело. Ночью, лёжа под одеялом с фонариком (бабушка запрещала включать по ночам лампу), я проглотил за несколько часов весь темно-зеленый томик: там и было-то пять или шесть рассказов и одна повесть. Космический лавкрафтовский ужас покорило мое сердце года на три, но затем я охладел к хоррору. Томик так и остался в бабушкиной избе, а затем куда-то делся: скорее всего, пошел на туалетную бумагу.

Через 20 лет я ненадолго заехал в Садовку. Бабушка с дедушкой уже умерли, и их дом полностью перекроили в стиле «а-ля коттедж». Я самому себе не признавался в том, с какой целью тогда заглянул в село своего детства.

Переночевав у родственников, я с утра отправился на пустырь. Великое Поле почти не изменилось: всё тот же запах свалки и ржавые, красные лужи. Но теперь оно показалось мне удивительно маленьким и настолько невзрачным, что я даже не стал задерживаться здесь. Почти три часа я искал дренажную трубу. Я исследовал дорожную насыпь вдоль и поперек на расстоянии четырех километров. Да, за столько лет могло случиться что угодно: трубу могли зачем-то вытащить или засыпать. Как еще иначе объяснить то, что я не смог найти ее? Потом я взобрался на насыпь, тремя большими шагами перешел узкую асфальтовую дорогу и...

Нагорного я не обнаружил. Нет-нет, сам поселок, конечно, был, но совсем в другой стороне: не на холмах, а там, за перекрестком. Я решил поставить в этом деле точку и найти хотя бы жёлтое здание автовокзала. Наверное, его перестроили. Или снесли. Или что-то еще. Должно же быть какое-то логическое, взрослое объяснение всей этой дичи. Но я не стал никого расспрашивать и вернулся в Садовку к своему авто.

Еще недели через две я сделал последнюю попытку: обрыл весь интернет, чтобы найти то самое издание темно-зеленого Лавкрафта. Я отлично помнил, как выглядела эта чёртова книга, я даже запах ее до сих пор чувствую. Возможно, такое издание на русском

и существовало когда-нибудь в природе, но Гугл и Яндекс об этом ничегошеньки не знают.

Да, разумеется, я могу спросить Кольку: ему сейчас почти тридцать, и живет он не так далеко от Садовки и Нагорного. Но мы с ним не общаемся уже много лет, мне трудно будет говорить с ним. И – вероятно, это самое главное – я боюсь его расспрашивать. Что бы он мне ни сказал, вряд ли это изменит мое отношение: пусть трубу засыпали или убрали, а желтый вокзал снесли. Пусть так. Для меня важнее, что я был там и что я оттуда смог принести книгу – материальное свидетельство чего-то иного.

У детства свои законы, нечего пытаться их применить к взрослой жизни.

Глава 2.

– Мертвых людей нету, Леша. Все живы, все живы. Вот я когда хожу на рынок – они все там торгуют, да. И в церкви их много. А недавно на Пасху – Господь свидетель – вышел я на крыльцо и вижу: целый караван с кладбища идет. Многих узнал – и мать, и брата видел. Я кричу им с крыльца: «Зашли бы, в баньке хоть попарились бы!». А брат машет рукой в ответ: некогда, мол. Не до бани нам. Идти надо! А куда они идут – Бог весть...

Я познакомился с дядей Витей четыре года назад, когда был еще жив его сын. Мы проговорили на крыльце его избы два часа и, быть может, беседовали бы и дольше, но к знахарю приехали клиенты – судя по номерам машины, издалека. Пришлось прервать разговор.

До встречи с ним я бывал у многих «экстрасенсов» – тех, кто считает, что обладает необычными способностями. В этом уверены и окружающие их люди. Но дядя Витя – особый разговор. С ним... как бы это поточнее сказать. С ним мои игры в науку отошли на второй план.

На висках у нее четко проступали вены – они вздулись, как у лошади, которую попытались остановить на полном скаку. Потом девушка начала кричать – словно кошка, половину тела которой разможил пролетевший мимо автомобиль. Эти звуки выворачивают

наизнанку: тот, кто хоть раз их слышал, сделает всё, чтобы не услышать их вновь.

Она сидела на высоком деревянном стуле лицом к большому иконостасу, возле которого горело семь свечей. Темные шторы отрезали нас от наружности.

– Ты в глаза ей не смотри, понял? Понял? А то переймёшь! – дядя Витя предупредил меня об этом сразу. Я напросился к нему, чтобы посмотреть, как он лечит, и вот в 11 утра привезли первую клиентку – девушку лет семнадцати. С ней был седой мужчина, который сейчас стоял позади стула, и руки его, лежавшие на ее плечах, ходили ходуном.

– Чёрт в ней сидит. Читать долго придется! Выходить из комнаты никому нельзя, а то плохо будет, – расслабленное, с мягкими, бабьими округлостями лицо дяди Вити преобразилось. Глубокая вертикальная морщина легла между бровями, глаза сузились до черных щёлок.

На видео и фото он снимать мне не позволил, и я всё записывал на диктофон, примостившись на низенький стул в самом дальнем углу. Целитель встал спиной к клиентке, лицом к иконостасу и прочитал несколько обычных молитв – «Верую», «Богородицу», «Отче наш», «Да воскреснет Бог». Затем он повернулся к окну и стал крепить стекла и рамы:

«Аминь, аминь, аминь. Каждая дырочка, каждая щёлочка, огради меня колючками – бревенчатыми крыльечками, вокруг нашей хоромины, каменной оградой, железным тыном. Кто эту ограду городил? Ангелы Господни...» – местами он переходил на шёпот.

Где-то минут через пятнадцать неожиданно приоткрылась дверь из зала, и в комнату проскользнул уже немолодой сын знахаря. Он быстро притворил за собой и поставил возле иконостаса глубокий медный чан, в котором что-то чернело.

Я только потом узнал, что дядя Витя лет двадцать проработал старостой местной церкви – уже после того, как вышел на пенсию. Старый чан, скорее всего, достался ему с места прежней работы.

Одержимая закричала не сразу. Монотонное чтение дяди Вити меня чуть расслабило, почти убаюкало. А потом там, на стуле, что-то зашевелилось. Девушка сидела ко мне вполоборота; к совету не смотреть ей в глаза я отнесся очень серьезно. И несколько об этом не пожалел. Крик раздался внезапно, и вздрогнули все – кроме дяди

Вити. Седой мужчина склонился над сидящей, потому что та попыталась встать.

– Держите ее крепче! – прошептал сын знахаря, который стоял возле окна. – Если что, я пособлю.

Затем девушка завyla и перешла на тот самый кошачий, тонкий, пронзительный визг-плач. Я переслушивал эту диктофонную запись много раз, поскольку должен был ее расшифровать. Момент с визгом я сразу же перематывал, так как просто не мог его выдерживать. В этих звуках нет ничего человеческого.

Знахарь опустил руки в чан и вынул почерневший от времени большой металлический крест, с которого капала вода. Он повернулся к извивающейся на стуле девушке и прислонил крест к ее макушке. Целитель переходил от шепота к напевному речитативу. Я автоматически определял в том, что он произносил, тексты молитв, псалмов, духовных стихов и заговоров.

«Да воскреснет Бог и расточатся враги его... От колдунов-от ведунов, от молодых-от старых, от глазливых, от ворона-каркана, от пух-мих, от старца, от старицы, от цыганских, шаманских, татарских, мордовских, русских. Унеси своей золотой стрелой в дремучие леса...».

Еще через несколько минут девушка замолчала, как-то обмякла на стуле, и дальше мы слушали только монотонный голос знахаря. Когда всё закончилось и благодарный отец (а кто бы еще это мог быть?) увел свою дочь, поддерживая под руку, мы уселись в сенцах пить чай. Сын быстро выпил две кружки вприкуску с бутербродами и убежал «прибраться». У дяди Вити был усталый, но довольный вид – как у человека, преодолевшего крутой подъем.

– Не любит Юрка этого, – старик кивнул вслед убежавшему сыну. – Раньше ему нравилось мне помогать, а с месяц назад как прорвало его: «Папк, черти меня измучили: снятся, мать их! Такое свинство кажут, аж волосы дыбом встают. Я такое, говорит, один раз только по кабельному в городе видел, порнуха самая гнилая!». И теперь его калачом не заманишь, когда вот эдаких привозят – с нечистью внутри.

Я давно хотел побеседовать со знахарем один на один, чтобы задать свои традиционные вопросы.

– Вот как у меня это началось всё, Леша, – об этом же спрашиваешь, да?.. Меня учил дед мой – Иван Трофимыч, хороший старик

был. Я вот приду к нему, заберусь на русску печку, а он сядет на лавку рядом и калякает-калякает. «Вот, мол, Витенька, железные птицы будут по небу летать. Всё кругом тенётами зарастёт! Вода будет на вес золота». И правда: ведь самолеты лётают? Так? А тенёта – вон посмотри: кругом же одни провода. Это вот он всё из Библии узнал, и мне пересказывал. А я на ус сижу да мотаю.

Первый раз за маленьким Витей заметили странности, когда ему едва исполнилось три года.

– Мать вспоминала: вот Белка, это наша коровка-кормилица, что-то прихворнула, а потом перестала подпускать. Не даёт дойти-ся, хоть ты тресни. И вот мамка говорит отцу: «Ты попробуй сам, может, у тебя получится». И встала недалёчко, чтобы посмотреть, а меня на руках держит. Отец вроде сел с дойником, а Белка взволновалась, мычит, глаза кровью налились, того и гляди лягнет или запрыгает. И мать мне говорила, я сам-то не помню, что я, дескать, зашептал: «Елка, Елочка! Тихо-тихо-тихо...» – я «Белка» тогда не выговаривал, «Елкой» звал. «Вот, говорит, ты, Витенька, шепчешь, а коровка поспокойше-поспокойше. И всё – как вкопанная». С тех пор нормально доилась. Так-то вот.

Трофимыч учил внука «и молитовкам, и заговóрам». Когда Витя в школу пошел – это уж после войны – то часто случалось так: мать думает, что он учится, а он у деда на печке другую науку постигает.

– Мать заглянет: «Папк, у тебя, что ли, Витька-то?». А дед меня на печке шмотьем всяким закидает: нет, дескать, Мария, не видел пострелёнка! Так вот он со мной и возился. Но недолго музыка играла. Мне годков девять стукнуло, а дедка на тот свет собрался. Я его и щас, Лёш, вижу, часто с ним беседую. Приходит-приходит, как же...

Когда Виктору Ивановичу было чуть больше пятидесяти, знахарю поставили диагноз: опухоль головного мозга. Случилось это под самый занавес Советского Союза, поэтому, быть может, его детям удалось поместить больного в какую-то московскую чудо-клинику. Сейчас бы просто денег не хватило.

– Вот лежу я там, лежу. Наверно, месяц лежал, анализами замучили. В палате нас четверо. И вот троим решают операцию сделать: всё, готовьтесь – через пять дней. Я скорей медсестре коробку конфет подсунул, чтобы сыну старшему позвонить – Толику, он под

Самарой живет. «Толик, – кричу ему в трубку, – бросай всё, езжай к тётке Зине в Васильевку. Спроси у нее насчет меня». Он и вправду съездил. На следующий день после обеда звонит, медсестра меня зовет к телефону. «Не делай, папка, операцию! Не делай! Тетка Зина говорит, что не врачебно это. Облепихой бы надо!».

Ну и всё: заартачился я. Отказную написал и домой засобирался. Ну меня выписывали, конечно, чтоб похоронить: «Езжай, дед, туды тебе и дорога. Захочешь вернуться – поздно будет. Койко-мест нет».

Я вернулся в сельцо свое, заготовил облепихи целый стог – и ну ее дурём пить. Каждый Божный день литрами глотал. А потом узнал: те двое из моей палаты, которые на операцию согласились, Богу душу отдали. Один сразу – прямо там, в клинике этой, другой позже – с полгодика протянул. А я уж тридцать лет небо копчу после московской больнички. Ну, Леша? Кому верить, кого слушать? То-то...

Три года назад старый знахарь чувствовал себя намного бодрее. Я к нему приехал в очередной раз в сентябре и наткнулся на амбарный замок, висящий на двери в тени крыльца. Расспросил соседей, оказалось, что дядя Витя с сыном Юркой подались в лес по грибы.

«Они надолго. Может, до самого вечера!» – меня это, понятно, расстроило. Соседка, заметив мое уныние, предложила: «А вы их в лесу поищите. Они обычно слишком далеко не ходят: ноги-то у Виктора никудышные. Вон в ту сторону от кладбища влево – вон туда они пошли».

Я вытащил из артезианских глубин багажника своей «десятки» резиновые сапоги и зашагал к кладбищу. Знахарь выбрал, наверное, лучший день в году для похода за грибами. Почти все листья еще сидели на ветках, но многие из них уже изменили зеленому с желтым, оранжевым и красным. Возникло то редкое настроение, когда до просветления, до слез радуешься обыкновенным солнечным лучам, веселым белым одеждам какой-нибудь молодой берёзки, запахам влажной земли.

На шее болтался старый Nikon, так что сразу же была объявлена фотоохота на самые заметные мухоморы. Где-то через час я

услышал призывные крики. В голосе почудились знакомые интонации, и мои ноги мгновенно отяжели. Я ускорил шаги и вскоре увидел Юрку; встревоженный взгляд его черных глаз меня испугал.

– Отец куда-то делся, – сказал он, пожав мне руку. – Минут сорок дозваться не могу. Вот только что где-то сзади тёрся и – нету.

Мы решили разделиться, обменялись номерами сотовых, чтобы, если что, созвониться, и разбрелись в разные стороны. Я углубился на восток – в сторону Петрова оврага. По дну его тѣк широкий ручей, переходящий местами в болото. Я нашел более-менее мелкое место и похвалил себя за то, что надел резиновые сапоги: ноги проваливались чуть ли не по щиколотку. Затем с большим трудом вскарабкался наверх по крутому склону. Раз в десять минут я нарушал тишину призывным: «Дя-дя Ви-итя! Ви-иктор Ива-аныч!». Но в ответ – тишина. Юрка тоже не звонил: это означало, что дело принимало серьезный оборот. Если мы не найдем старика до вечера, то ночевка в лесу на холодной влажной земле вряд ли прибавит знахарю здоровья.

– От ёшки-матрёшки да куда же всё делось-то!? – я услышал этот вопрос в тот момент, когда повернул обратно к оврагу. Дядя Витя сидел на поваленной сосне и пытался дрожащими пальцами раскурить сигаретину без фильтра. Рядом валялась корзинка с грибами.

– Дядь Вить, ты куда запропастился? – я шел к нему навстречу, широко улыбаясь: нашелся-таки!

Знахарь посмотрел на меня серьезно, будто на незнакомого.

– Ты, что ли, Лешка?

– Ну а кто же?

– Что-то глаза совсем запорошило. Но ведь такое щас видел, мил человек, закачаешься просто!..

– Да как ты сюда попал-то? – смеюсь я. – Мы же с Юркой пол-леса ишагали, тебя высматривая. Позвоню ему, чтобы не волновался.

– Ага, – кивает целитель и снова пытается разжечь сигарету. – Позвони-позвони. А потом расскажу тебе, где я побывал.

Юрка сразу понял, как нас найти, и обещался вскоре быть. Я уселся рядом с дядей Витей на сломанную сосну. Он глубоко затянулся и выпустил дым в небо.

– Вот, Лешка, пошли мы по грибы. А я думаю: «Далеко шараться не буду, ноги больные, да и вижу плохо. Пусть Юрка вон по-

бегают-пособирает». И тут гляжу: белый гриб. Потом еще один. Ну я нож достал и айда пошёл – режу и режу. Один за другим, корзинку набиваю. И вот очухался, глаза поднял, а круг меня... Вот не описать, Лешка! Красота такая, что дух у меня воспарил, как в церкви во время службы. Это я, когда старостой работал, любил слушать певчих на крылосе, ой, любил...

Смотрю: деревья все – вот ровно как золотые, аж сияют! Солнышко их выблестило так, что горят. Речка рядом течет – голубая-голубая. Птицы небесные поют-щебечут да так нежно и весело, что плакать хочется. А вдали – там где-то... Вот я в лесу сам, а даль какую-то вижу, горизонт. Чудо чудесное! Вот там вон – мост. Тоже сияет, будто радуга. Такой полукруглый, со старинными перилами, дивный. Хочется мне туда – горло свело судорогой, как хочется.

И только я туда двинулся, шагов двадцать прошел, а мне голос сверху: «Рано тебе еще сюда! Возвращайся, людям послужи!». Я замер, идти не могу, тудым-судым и – всё. Очкнулся – вот на дереве этом сижу. Курить вынул, а тут ты, Лешка, нарисовался...

Я слушал дядю Витю с интересом, но сам всё гадал: ну как, как восьмидесятилетний старик с больными ногами сумел перебраться через овраг? Конечно, привидеться ему могло всякое: может, плохо стало, может, сознание потерял. Но добрался-то он сюда каким образом?

Эту загадку не смог решить и Юрка. Он – местный, здешний лес знает как свои пять пальцев. Чтобы попасть на то место, где я нашел дядю Витю, нужно было либо карабкаться по крутому оврагу, либо искать более пологие места, которые начинались километрах в четырех отсюда.

– Ну не мог он сюда сам взобраться! Это чертовщина какая-то... – говорил мне сын знахаря, пока мы вдвоем с большим трудом, контролируя каждый шаг, переводили дядю Витю через Петров овраг.

А знахарь был весел и бодр как никогда и в сотый раз пересказывал свое видение.

– Вот течёт-бежит речка – ах ты Боже мой, какой красоты, ты бы видел, Юрка! И мостик вдальке – всё блестит золотом, деревья чуть ли не до неба, птички заливаются. Вот красив наш лес, ничего не скажешь, но против того, что я видел, – никакого сравнения! В раю я побывал, ребятишки. Бог сподобил меня...

Так он шёл и радовался, будто ребёнок. Мы тоже улыбались, смотря на его сияющее лицо. А уже на следующее утро он полностью ослеп.

Прекрасный лес с золотыми деревьями дядя Витя мог теперь увидеть только в воображении. Не до грибов, одним словом.

Глава 3.

– Дядь Вить, вот смотрите: на этой коробке три спички приклеено, это чтобы легче в туалет ходить по-большому. А на этом – одна спичка, вот пощупайте, – Катя вкладывает коробку в руку знахаря. – Это для нормализации давления, очень хорошее лекарство.

Старик морщится и отдаёт коробки назад. Моя спутница сама придумала эту систему с наклеенными скотчем спичками – и очень гордилась этим. Слепой целитель мог теперь легко определить, где какое лекарство.

– Да не надо мне, Катенька. Вот зачем опять приехала? Я уж помирать собрался, а ты меня мучаешь...

– Надо, дядя Витя, надо лекарства пить! Вот вы в последний раз по-большому в туалет когда ходили?

Целитель отворачивается и ничего не отвечает. Мы добрались до его избы около четырех вечера. Катя припарковала белый «Рено» у самого крыльца, а потом мы долго стучали в дверь – пока не слышалось шарканье старых тапочек знахаря.

Я молча осматриваю зал избы. С той поры, как я был здесь, многое изменилось: из мебели остались только стол и два стула; кругом грязь, пыль, разбросанные вещи. Стоит тяжелый запах плохо проветриваемого помещения.

Юрка умер полгода назад. Старший сын Федор давным-давно забыл дорогу к отцу: не звонил и не приезжал в родное село много лет. Знахарь остался совсем один и хотел только одного – поскорее перебраться к тем, кто уже по ту сторону.

– Я их всех вижу, Леша! Всех вижу. Они часто ко мне приходят – и мать, и брат, а теперь и сынок вот начал похаживать. Пора мне, пора: задержался я здесь, надо завязывать с этим... – дядя Витя охотно отвлекается на беседу со мной, потому что настойчивые вопросы Кати сильно его смущают.

Я его хорошо понимал: у моего родного деда, умершего десять лет назад, был такой же характер. Не мог он смириться с тем, что

молодая, по его меркам, девчонка – пусть и врач – расспрашивала, давно ли он ходил в туалет. И дело не в мужской гордости, а в том, что внутри себя мы никогда не стареем. В этом весь секрет. Мы не успеваем и опомниться, как наше лицо покрывает сеть морщин, руки и ноги слабеют, волосы белеют. Годы утекают со страшной скоростью, и чем ближе к концу, тем быстрее и бурливее их поток. Именно поэтому на лицах стариков всегда блестят мальчишеские и девчоночьи глаза. К собственной старости невозможно ни привыкнуть, ни приспособиться.

– Эх, Леша... Знал бы ты, как я тоскую по Юрке моему! Ведь из-за меня, из-за знахарства моего сын-то и загнулся.

По официальной версии, у младшего сына приключился инсульт, но дядя Витя во всём обвинял себя. Знахарь на разные лады повторял одно и то же: якобы Юра взял на себя то, что кто-то из клиентов привез с собой «внутри».

– Порча, Лёш, никуда не девается. Вот мне дед мой, Трофимыч-то, такую штуку показывал. Взял он как-то раз репу – хорошую, крепкую, крупную. Подозвал меня и говорит: «Вот, Витенька, смотри внимательно!». И начал над этой репой шептать. Ага, долгонько говорил что-то. А потом велел мне нож принести и прямо на лавке ее располовинил. И вижу: там внутри стержень черный в указательный палец толщиной.

«Это, – говорит, – порча такая. Вишь: на репе как проявилось чернотой. А теперь принеси-ка мне моток ниток». Принес ему, подал нитки – грубая нить такая была. Дед связал две половины репы, крепко-накрепко прикрутил. И – снова читать. Читал-читал, я уж устал глядеть на него.

«Теперь, Витенька, смотри...». И разрезает нитки на репе-то, а там этот стерженёк сделался узеньким, как спица, даже тоньше. «Вот. Порчу до конца не уберёшь: что-нибудь да останется».

Знахарь уверял, что тот, кто снимает болезнь, всегда немного «дерьма» берет на себя. С чертями же вообще – особый разговор.

– Я Юрке сто раз говорил: молитву особую и до и после лечения читать надо. Спать ложишься – заминивай и окна, и подушку, и щели все в полу. Тогда нечисть в глаза лезть не будет. А он – молодой ведь! Где забудет, где рукой махнёт. Мне эти черти самому житья не дают: вот сядешь ужинать, а они начинают шебуршить под столом. Я иной раз, еще глаза когда хорошие были, отдёрну зана-

веску – вон ту, что кровать загораживает, а их там – тьма-тьмушая, сидят, ногами болтают, непотребством занимаются всяким...

Катя нашу беседу слушает вполуха, раскладывая лекарства на столе, стоящем под иконостасом. Иконы здесь были поменьше и победнее – не такие, как в той комнате, где знахарь лечил. Как только дядя Витя замолкает, она снова затевает разговор про свое – про медицину.

– А вот в прошлый раз, дядь Вить, я индапамид привозила – там без побочных эффектов, только оно еще мочегонное, правда. Его найти не могу. Вы пили это лекарство?

– Пил чего-то там! – раздражённо машет рукой старик. – Потом бросил. Без конца в туалет бегаешь, не хочу я его... А вы бы лучше мне черёмки где достали, а?

Знахарь вдруг оживляется, будто вспоминает что-то очень важное:

– Лёш, у нас тут возле речки, ну ты знаешь, – черёмка растёт. Вы бы сходили, мне веточек принесли. А? Благодарен был бы по гроб жизни!

Я киваю, потом вспоминаю, что мой собеседник слепой, и говорю:

– Сейчас прям пойду, дядя Вить. А то скоро стемнеет. Принесу. Каких вам – потоньше которые?

– Да любых, Леш. Мне любые сгодятся. Черёмка – хорошее деревце, меня всегда выручало.

К берегу я вышел не скоро: вроде бы помнил, где лучше подойти к речке, но всё упирался то в неудобные обрывы, то в топь. Быстро вечерело. Как выглядит осенняя черёмуха, я примерно представлял, но вот найду ли я ее в темноте – сомневался.

Катя сказала, что, пока я хожу за «дурацкими ветками», она обойдет соседней и попробует договориться, чтобы к Виктору Ивановичу кто-нибудь регулярно заглядывал: ведь слепому человеку даже сготовить себе сложно. На том и порешили – и разошлись в разные стороны от стоящего у крыльца белого «Рено».

Когда я наконец нашел удобный спуск, из-за горизонта выплыл широкий серп убывающей Луны. Под ногами шелестели опавшие листья; почти голые ивы обступили берег со всех сторон. Несмотря

на близость села, было очень тихо. Лунная дорожка слегка дрожала в вяло текущей воде. Иногда откуда-то слева до меня доносился одинокий собачий лай.

Мне захотелось присесть, чтобы послушать вечернее село. Всё равно назад в город придётся ехать в темноте, так что торопиться теперь некуда. Я поискал глазами черёмуху и, кажется, заметил два молодых деревца. Затем приземлился на толстый пенёк, оставшийся, вероятно, от векового тополя и закрыл глаза. Так легче было прислушиваться. Сколько я сидел – не знаю. Холода не чувствовал, так как прихватил с собой теплую куртку. От усталости или из-за тишины на меня накатила дремота; тело совсем расслабилось.

– Всё-таки зачем вам на самом деле нужен дядя Витя? – от неожиданности я дернулся в сторону и упал коленкой на корешок, торчавший возле пня.

– Блин! – я покосился на выросшую из-под земли Катю и, встав на ноги, принялся отряхивать колени.

– Ушиблись? – я едва видел ее лицо: единственный источник света – лунный серп – заслонила легкие облака. – Я не хотела вас напугать, Леша.

– Но вам это удалось, – проворчал я. – Незаметно как вы подошли.

– Я уже договорилась с Бочкаревыми – это соседи дяди Вити через дом. Там семейная пара, им лет по шестьдесят всего. Они готовы приходить к нему... За небольшую денежку, конечно.

Мы помолчали. Я вспомнил про черёмуху и сказал об этом своей спутнице.

– Подождите... Давайте на «ты»? Так легче просто, да? Леша, я задала вопрос – про Виктора Ивановича.

– Зачем он мне нужен? Станный вопрос. Я же рассказывал: мне такие люди интересны сами по себе... – я отметил про себя, что Катя сейчас говорит как-то по-другому, с совсем иными интонациями. Мне трудно было четко определить изменения в ее тоне, но первое, что пришло в голову: появилась настойчивость, я бы даже сказал – грубость.

– Да-да. Наука, как ты там всё говоришь: ан-тро-по-ло-гия? О-очень интересно! Я бы тоже могла так про себя сказать: зачем ты, мол, Екатерина Сергеевна, катаешься уж 20 лет по разным бабкам, ночами не спишь, разыскивая объявления в дурацких газетах и на

форумах? И ответить: ме-ди-ци-на всему виной. Кар-ди-о-ло-гия! Ха-ха! Смешно, Леша!..

Я всматривался в ее темное лицо. Ветер наконец-то сдул облака в сторону, и луна осветила глаза женщины – расширенные, блестящие. Я понял, что почти ничего не знаю о своей собеседнице. Год мы с ней общались по телефону, обсуждая здоровье дяди Вити... Что она там рассказывала про черную точку?

– Не совсем вас понимаю, Катя... – пробормотал я.

Что-то знакомое промелькнуло во всём ее облике, в том, как она смотрела на меня. Что-то *синее* было в Кате, и меня это по-настоящему испугало.

– Мы же договорились на «ты»? А чего тут понимать-то, Леша? Давай уж здесь, в темноте, всё проговорим, чтобы больше к этому не возвращаться. Окей? Не будем юлить друг перед другом и выпендриваться. Дядя Витя – не подделка. В нем есть настоящая сила, он – знахарь от Бога. И ты это прекрасно знаешь, и я. Так? Сейчас у него никого не осталось: один сын умер, другому – на всё пофиг. И он... – тут Катя улыбнулась, и я поднял брови от удивления, уже догадываясь, куда та клонит. – Виктор Иванович то бишь... Он – болен. Умирает. Жить больше не хочет, он же сам говорил. А дар-то, знания эти кому-то надо оставить, так ведь? Весь вопрос – кому?

Я молчал. Мне – как исследователю – эта ситуация должна была представляться крайне любопытной, даже забавной, но я ощущал себя так, будто мне холодным лезвием ножа водят по горлу.

– Что? Я правильно тебя раскусила, Лёш? А? Ведь ты тоже искал такую удачу, такое редкое стечение обстоятельств: чтобы и настоящий целитель, и передать чтобы некому было? А? Ну, признайся-признайся?! Нечего тут передо мной учёностью своей прикрываться!

Я вобрал в легкие вечерний речной воздух, пытаюсь собраться с мыслями.

– Катя, Виктор Иванович – удивительный человек. Я знаю его уже несколько лет, беседую с ним, записываю его...

– Я это слышала, чего сто раз повторять-то! – отчеканила та. – Эту пластинку можешь оставить для других – для кого там, я не знаю, – студентов, других ан-тро-по-ло-гов, фольклористов, кто там у вас еще? Но меня не обманешь... Я, Лёшенька, сама такая, – она придвинулась ко мне вплотную; запах ее дезодоранта ударил мне в

ноздри. – Сама поколесила – будь здоров. Столько лет, как дура, мо-таюсь. Всё, хватит, хватит! Понятно тебе? Дядя Витя – мой. Мой! Я за ним ухаживаю, а остальным тут делать нечего. Ясно?

Я опять молчал. А чего тут скажешь? Диагноз налицо, как говорится.

– Думаешь, что я больная дура? Ну и хрен с ним, думай. Пусть я больная! А ты поживи с этим опарышем в башке столько, сколько я! А ты каждую ночь с гадостью этой нечистой побудь наедине! Когда он, оно лезет на тебя, кричит, сволочь, но лезет, а ты сделать ничего не можешь! Ты знаешь, когда я нормально спала в последний раз? А!? – Катя перешла на крик и вдруг зашмыгала носом. Потом закрыла лицо руками.

– Катя, я... И не думал претендовать. У меня... Я вообще для другого сюда приехал! – говорить с ней было бесполезно. Она от-вернулась и, спотыкаясь, побежала обратно в село.

Темнота поглотила женскую фигурку мгновенно, я только слышал, как ее сапоги шуршат листьями, а затем стучат по щебню, которым были выложены окраинные улицы села. Затем я вынул складной нож из кармана и пошел к черёмухе.

Женщину в синем я увидел, когда мне было десять лет. Я точно помню свой возраст, потому что на день рождения мне подарили двухколесный – настоящий и взрослый – велосипед. Мы жили в Новом городе, окна девятиэтажки выходили в поле, за которым зеленели деревья лесопарка. Многие годы на небольшом пятачке этой ничейной земли появлялись и исчезали горы мусора и вагончики-бараки: там строили, бросали, затем опять начинали возводить мечеть, и каждое утро я просыпался под звукозапись утренней мусульманской молитвы.

С мальчишками мы гоняли на велосипедах к лесу и обратно до поздней ночи. Благо узкая дорожка, доходящая до первых деревьев парка, была заасфальтирована. Нашей ватаге этот маршрут никогда не надоедал, и мы никого не боялись. Как-то июньским вечером на пару с Андрюхой, толстым шестиклассником, самым старшим из нашей компании, мы рванули за мечеть. Знакомые девчонки рассказывали, что видели там прямо на асфальте полуживого «ужика». Пропустить такое – равносильно потере смысла мальчишеской жизни.

Ужика мы не нашли, хотя осмотрели каждый сантиметр растрескавшейся дороги. Я уже сел на новенькое сиденье своего велика, как вдруг услышал испуганное: «Кто это, Лешка? Смотри, смотри!!». Андрияха показывал в сторону того участка поля, где оно переходило в лес. Что-то синее быстро перемещалось по диагонали, нацелившись в нашу сторону.

Заходящее солнце еще не погасило дневной свет, заливая розовым и красным облака. Лучи били ей сначала прямо в спину, но потом она чуть повернула – так, чтобы бежать прямо на нас. Я сидел на велосипеде, одной ногой опираясь на асфальт. Мой друг стоял в двух шагах, держа свой велик за руль.

К десяти годам я считал себя очень взрослым, и меня трудно было испугать. Заброшенные гаражи, темные подвалы и чердаки, ночной лес и вечернее кладбище – всё это давно освоено и пройдено. Девчачьи страшилки и истории про желтые глаза, красное пятно на стене, гигантскую мясорубку и мертвяков в шкафу вызывали во мне презрительную усмешку и сочувствие к тому, кто осмеливался болтать про такую чушь.

Но в тот момент костяшки пальцев побелели от того, как сильно мои руки вцепились в руль. Я забыл, кто я такой и зачем нахожусь здесь – на дороге, ведущей в лес. Когда солнце светило ей в спину, я видел лишь нечто темно-синее и бесформенное. Но когда угол зрения изменился, я понял, что это женщина. Длинные черные волосы лежали на плечах мертвой сетью: они не шевелились, несмотря на скорость ее бега. Темно-синее платье скрывало ее ноги полностью, по крайней мере я их не видел. Я точно знал, что поле – это сплошные кочки вспаханной, но так и не засеянной земли. Оно не обрабатывалось несколько лет; вспученное покрывало сохшейся коричневой травы кое-где пробивала свежая зелень. По этой поверхности было трудно идти, не то что бежать в длинном платье.

Однако Женщина в синем не бежала, а мчалась, летела. Когда она повернулась, лучи заходящего солнца позволили наконец увидеть ее лицо – искажённое, бугристое подобие маски, в которой подбородок уплыл куда-то влево, а лоб вправо. Вместо рта – черная нора; наверное, она кричала, но мы ничего не слышали. Мне кажется, что глаз ее я тогда не увидел, но во сне – а снилась она мне потом часто – больше всего меня пугал именно ее взгляд. Он звал и говорил о чём-то таком, что я буду искать всю оставшуюся жизнь.

Из оцепенения меня вывел крик друга, который уже сидел на велике и крутил педали, как сумасшедший.

– Тика-ай! Тикай! Тика-а-ай! – и я утёк. Да так, что не помнил, как влетел во двор. Затем мы, задыхаясь, размахивая руками, смеясь, пересказывали увиденное друг другу. Через день об этом знали все наши знакомые. История дополнялась немыслимыми подробностями: «синяя тётка» увеличилась до размера мечети, в конце концов Женщин в синем стало несколько – пять или десять. Пойти вечером «за мечеть» считалось теперь настоящим подвигом – и, честно сказать, мы с Андрюхой на этот подвиг не решались года два.

Самому себе я объяснял это по-разному – так же, как пытался оправдать исчезновение дренажной трубы и желтого вокзала в Нагорном. Возможно, кто-то просто так решил пошутить. Или нам почудилось всё это: мало ли на что способно детское воображение? Есть и еще один вариант – мы увидели нечто неопределенное, а затем напридумывали деталей, в которые сами и поверили. Обычное дело для подростков. Логично? Да, очень.

Но вся закавыка в том, что образ Женщины в синем начал преследовать меня повсюду – я узнавал ее в героях книг и картин, в мультфильмах и кино. Черт побери, дважды я замечал «тётку в синем» в телевизионной рекламе.

Когда я впервые лет в шестнадцать увидел одно из полотен Пикассо, сердце мое ушло в пятки. Думаю, что Пабло тоже встречался с ней в детстве, другого просто быть не может: уж слишком совпадают детали этой проклятой картины с тем, что смог разглядеть я.

Наяву, в реальности я увидел ее еще всего один раз, – и слава Богу. Слава Богу. Надеюсь, что та наша встреча – последняя.

«Рено» у крыльца стоял, но Кати в избе не было. Знахарь сидел на старом диване, уставившись в пустой экран неработающего телевизора. Я положил ветки черёмухи на стол.

– Всё правильно, пусть пока в тепле полежат. Черёмка – она тепло любит, – одобрил дядя Витя. Я спросил его про мою спутницу, старик пожал плечами.

– Не волнуйся, придёт твоя врачиха...

Знахарь повернулся в мою сторону и слепыми, красноватыми глазами посмотрел мне прямо в лицо.

– Леш, скажи-ка мне: как тебя угораздило с ней вместе приехать-то?

Я смущенно отвернулся от него. Дело в том, что я ему еще не говорил, что Катя узнала о том, где он живет, именно от меня.

– А-а, вон в чем дело... – неожиданно улыбнулся дядя Витя в ответ на мое признание. – Ну-ну...

Мы помолчали. Он снова уставился на экран телевизора, мне стало не по себе от тишины, которую нарушал лишь треск от горевших дров в затопленной печке-голландке.

– Ты ведь ее боишься, Лёш, Катю-то эту? А? Я же чувствую. Вот и мне не больно хорошо, когда она приезжает. Ведь мотается ко мне каждую неделю. Я сначала лечил ее, вроде как получалось. А потом – вот ни в какую! Как об стенку головой. Не допускает меня что-то. Ну, думаю: кто сделал ей, ну испортил ее кто, – меня посильнее. А потом покумекал: не-е, думаю, не то тут что-то. И вот как вы ушли за черёмкой, меня будто обухом по голове. Допетрил, значит: Лёш, она ведь сама себя испортила-то. Бывает такое, точно говорю...

Он покряхтел, приподнялся на ноги и, протянув руку, точно попал пальцами в ручку кружки с водой. Сделал несколько глотков, а потом тяжело опустился на диван.

– Ей ведь надо от меня что-то, Лёша. Меня так просто не надуть: стар я больно для такого, с людьми много калякал, знаю таких. Я ей сто раз говорил: «Катенька, не приезжай, не могу я тебя больше лечить!». А она: «Вы, мол, мне помогли, и я вам хочу за добро добром отплатить. Я ведь врач». Лёш, ей-богу, мучаюсь я. Скажи ей, чтобы не ездила больше!..

– Она, дядь Вить... Мы сейчас с ней общались, там, возле речки. Она мне сказала, зачем на самом деле к вам приезжает...

Старик поджал губы и сузил красноватые глаза. Я не успел договорить: он меня перебил.

– Ах ты, мать твою за душу! Дура баба... Ведь ей нельзя, не дано ей, – он закашлялся. – Ох, до греха вы меня доведёте, хоть руки на себя накладывай! Она думает, что это так просто: взял да отдал? Это же не каждый сможет тащить-то на себе! Да и зачем ей? Лёш, ведь у нее душа – слабая. Понимаешь, о чём я?

– Не совсем...

– Не совсем? Хрен ты учёный... – старик вдруг сморщился и поднёс правую ладонь к виску. – Лёш, дай-ка, там таблетки у меня.

Не те, что она привезла, а в коробочке у меня там. Белые такие, «Карвилол», что ли, какой-то. Мне фельдшерица принесла наша. Ага. Щас я... А то прям в висок давит.

Я дал ему красно-белую коробку, он выдал себе в руку таблетку и забросил в рот. Потом допил воду из кружки.

– Щас отпустит... Мне тебе сказать надо, пока она не пришла.

Через несколько минут он снова взглянул на меня слепыми глазами и продолжил.

– Вот про Трофимыча, деда своего, я тебе рассказывал... Вот и он мог, и я так могу. Вот бывалоча шутил я: бабы соберутся возле колонки, начнут лясем-трясем разводить, а я мимо иду. Они там смеются, чё ли, а мне обидно станет. Или если я утром с ноги не той встал – тоже вот такое мог сотворить. Короче, напушу на них: будто воды по колено, бурлит везде. Они визжат, подолы задерут, и кто куда. А мне – смешно вроде. Ага. Ну помоложе был, дурак, чё говорить...

Вот, Лёш, и Катя твоя такая: ведь ей палец покажи, она поверит и молиться этому пальцу будет. Стояла бы среди этих баб – первая бы прочь от воды побежала! А воды-то и нет, понимаешь? Нет воды. Доверчивая душа у нее, как воск податливая. Ей нельзя такое. Она вот, говорит, ездит, дескать, везде, лечится у бабок. А сама от каждой бабки дрянь цепляет. Они ей ненароком садят, поскольку знают: та всё возьмёт. Да еще спасибо скажет. Нельзя ей этим заниматься, нельзя и всё!

Я слушал его, чуть улыбаясь. Мне отчего-то сразу стало легче. Но улыбка сползла с моего лица, когда я взглянул на дядю Витю снова. Он сжал губы и покачал головой.

– Чего лыбишься-то, Лёшка? Ведь у тебя-то – еще хуже, чем у ней. Ведь и ты катаешься тоже?

– Так я ведь по-другому, дядь Вить...

– По-другому... – заворчал знахарь и завозился, как старая медведица, на диване; пружины заскрипели все разом, но тут же угомонились. – Может, и по-другому. Спорить не буду. Но вот что я тебе скажу: ты, Лёшка, тоже ко мне больше не приезжай. Понял? Я тебе запрещаю! Допетрил, почему? Или мне, старику, тебе мозги править надо?

Я почувствовал себя так, будто пришёл на экзамен, не выучив ни одного билета. Возникла и какая-то дурацкая обида, словно дядя Витя что-то мне был должен, но отказывался отдавать.

– Ладно, – старик тяжело вздохнул. – Я тебе скажу раз и навсегда. По душе ты мне, Лешка. У меня никого не осталось, умру – хоронить-то некому будет, ладно хоть денег припас на этот случай. Я тебе говорю, потому что добра тебе хочу. Не приезжай ко мне больше, слышишь? Умру – можешь приехать, проводить старика, землю бросить на деревянную крышку. А до этого приедешь если – с крыльца спущу, так и знай!

Я смотрел на него во все глаза; плечи мои передёрнуло от озноба, возникшего откуда-то изнутри. Я решил, что договорить нужно здесь и сейчас. Так, чтобы не думалось больше. Поэтому и задал этот вопрос.

– Передать... боитесь?

– Боюсь? Чего мне бояться-то? – знахарь усмехнулся. – Я-то та-скаю в себе это с малолетства. Это тебе бояться надо. Слышь, Лёш?

Дядя Витя наклонился в мою сторону, и мне на миг показалось, что его голова заняла пол-избы. Лицо его исказилось, будто сверлящая боль в виске снова вернулась к нему.

– Я умираю. Это точно... Столько раз других провожал, что здесь и гадать не нужно. Мне только хуже становится, а тут ты рисуешься. Трудно будет умирать мне, ой трудно, я ведь сбросить всё захочу... Ты ведь не Катя, ты-то возьмёшь за милу душу, мне и делать ничего не придётся. Ну, желаешь этого? А?

Последние слова он почти прорычал; от боли его подбородок повело куда-то в сторону, и я побледнел, заметив, что лицо знахаря начинает походить на проклятую картину Пикассо. Я едва сдержал себя – так мне захотелось вскочить и убежать прочь. Как там кричал Андрюха? «Тика-ай!».

– Нет, дядь Вить, не хочу! – выдавил я наконец и впервые нажал кнопку «стоп» на диктофоне, не закончив еще беседы со знахарем. Привычка записывать от него каждое слово засела во мне намертво – как и детский обычай пялиться на небо при переходе через четырехполосную дорогу.

– Ну вот и хорошо. Рад я, что поговорили. Иди посмотри – может, пришла уж твоя Катя. Езжайте с Богом. Езжайте...

Сквозь лобовое стекло белого «Рено» я увидел женский силуэт. Как только я показался на крыльце, она включила зажигание и фары.

– Ты с дядей Витей не попрощаешься, Катя? – спросил я, открыв переднюю пассажирскую дверь.

– Я уж попрощалась. Позвоню ему еще сто раз. Ты едешь? Еще часа три до города пиликать, а завтра на работу.

Я сбегал назад в избу, взял свою сумку и обнял на прощание дядю Витю.

– Иди, иди. Я потом встану, запру за вами... Катька-то и заходить не хочет? Вот и хорошо. Я и ей мозги вправлю еще. Шутки они шутят. Давай, давай, Леша! Звони, если что. И приезжай, когда я сказал. Не раньше, понял?

На обратном пути мы с моей спутницей, в основном, молчали. Заглянули в Барышье в магазин и купили минералки. Остановились и у родника возле Порецкого.

– Он что: тоже тебе запретил приезжать? – спросила Катя, когда на темном горизонте показались пятна городских фонарей. Я кивнул.

– Ну и что ты теперь? Он каждый раз так говорит. А сам в помощи нуждается. Я врач, я это знаю. В следующие выходные я собираюсь к нему. Взять тебя с собой?

Я посмотрел ей в лицо и удивился: как эта девчонка могла меня так напугать – там, на берегу, рядом с большим пнем? Теперь я видел только худое, измученное лицо и тонкие, почти прозрачные пальцы, лежавшие на руле. И глаза – глаза отчаявшегося человека.

– Катя, не стоит к нему ездить, – говорю я. – Он не поможет тебе, и ничего тебе не передаст. Он мне сам сказал.

– Когда? – она резко ударяет по тормозам и останавливается на обочине, включив аварийку. – Когда он тебе это сказал?!

Перемена в ней происходит в считанные секунды: взгляд становится колючим, нижняя челюсть слегка выпячивается вперед.

– Мы с дядей Витей говорили об этом, – пока тебя не было.

– Он тебе всё пообещал, да? Ты хочешь себе всё хапнуть, так, Лёша?

– Да я...

– Выметайся!!

Я непонимающе уставился на нее.

– Вылезай из тачки, слышишь? Пошёл отсюда! – она закричала и вдруг ударила по клаксону. Машина загудела, как раненый слон.

– Всё-всё, я понял! Спокойно! Я только сумку возьму.

«Рено» рванул с обочины – да так, что в первые мгновения зад машины чуть прижался к асфальту. Я смотрел некоторое время на

удаляющиеся габариты авто Кати, а затем мысленно благословил ситуацию.

До ближайшей остановки, где я мог бы поймать маршрутку, – всего три-четыре километра. Нужно ведь немного развеяться перед возвращением домой, в семью. Обочина четырехполосной трассы для таких целей – просто идеальное место. И я потащился в сторону города. Шёл, улыбаясь.

И не было рядом дяди Вити, который неодобрительно покачал бы головой.

Часть 2. Татьяна Сергеевна

В одиннадцать лет родители подарили мне кутенка-ризеншнауцера. Через четыре года Найда выросла в большую черную бордату собаку, которая не любила лаять, но обожала появляться в темноте рядом со случайными прохожими и тем самым пугать их до полусмерти. Я гулял с ней по ночам без поводка – в том самом лесу, откуда когда-то выбежала Женщина в синем. Детское пространство «за мечетью» всегда влекло меня, как преступника – место преступления.

Перед самым входом в лес кто-то из собаководов установил широкое бревно на треножниках, вкопанных в землю. Такие обычно встречаются на площадках для дрессировки. Когда я гулял с Найдой, мы нередко останавливались там надолго. Можно было прислониться спиной к бревну и смотреть на звездное небо.

В тот раз я сделал это на автомате: любоваться звездами не хотелось; да и облака то и дело закрывали Млечный Путь. То, что я потом называл про себя «встреча», произошло так по-обыденному, что я до сих пор пожимаю плечами, когда слышу истории про НЛО. В том-то вся и закавыка, что человек, над головой которого сегодня зависла летающая тарелка, завтра поедет на работу. Вечером зайдет в супермаркет за хлебом-молоком, а потом усядется перед телевизором. А утром – снова на работу.

В битве чуда с повседневностью первое – всегда проигрывает.

Тарелка была больше похожа на маленький колышек, заостренный с одного конца. Сначала она скользнула в сторону города, затем вернулась к лесу и зависла, как мне показалось, прямо над моей го-

ловой. Размеры ее я оценить не мог, потому что летела она, скорее всего, слишком высоко.

Затем было еще несколько быстрых перемещений «город-лес», и – всё. Кольшечек исчез. Я углубился с Найдой по знакомой тропе, стараясь не выколотить глаза случайной веткой. Когда вернулся, поднял голову вверх и не увидел звёзд вообще: облака закрыли свет космических странников.

В общем-то, ничего особенного потом не произошло. Ну, на ночное небо я стал смотреть чаще. Намного чаще. Перечитал все доступные мне книжки по этому поводу – почти все дурацкие и скучнейшие. Подсел на сериал «Секретные материалы»: в те годы как раз вышел первый сезон.

Спустя десятилетие я стал записывать истории про встречи с НЛО уже как фольклорные тексты, выстроив крепкую стену научных терминов между собой и воспоминанием о «встрече».

Ну и... Ладно, признаюсь... Чёрт побери, когда они уже там прилетят снова? Сколько их можно ждать?!

Глава 4.

– Я поклялась, что больше никогда об этом не расскажу. Налетела один раз на грабли, больше не хочется... Но, Леша, тебе всё-таки опишу этот случай. Ведь трудно в себе это держать, ни с кем не поделиться... – Татьяна Сергеевна слабо, как-то болезненно улыбается. И спрашивает меня, хочу ли я еще чаю с брусничным вареньем. Я не отказываюсь: брусника здесь – ум отъешь. Да и места сказочные: Юлóво озеро всё-таки.

Моя собеседница работает учительницей в местной школе. На вид ей лет пятьдесят. Если бы она завязала на своей голове светлый платочек, под стать цвету ее волос, то точно стала бы похожа на послушницу в женском монастыре. Из тех, что поспешно прячут взгляд при виде постороннего и стараются поскорее вернуться к своим иконкам, грядкам и вязальным спицам.

– Я тогда в саду что-то делала, наверное, картошку окучивала. Свечерело быстро. Поднимаю глаза, а она – там, на небе, прямо над головой. Крупная такая звёздочка, переливается белым и голубым. Других звёзд пока не видно: еще не так сильно стемнело. А эта – прям как жемчужинка, поблёскивает и немного двигается: туда-сюда, туда-сюда.

Учительница наливает мне из белого, с нарисованной на боку ягодой чайничка медово-коричневой заварки, потом добавляет кипятка и пододвигает брусничного варенья в прозрачной «розетке». Я зацепляю маленькой ложкой сладкой брусники и отпиваю из чашки.

– Ну как, вкусно? Тут такие места, такие места! Дышишь воздухом и надышаться нельзя. Приезжай к нам почаще, Леша.

Я киваю и жду продолжения рассказа. Диктофон, лежащий на столе, подмигивает крохотной лампочкой; цифры-секунды поспешно меняют друг друга на его экранчике.

– Я сначала как-то не обратила на нее особого внимания. Думаю: «Ну, наверно, планета какая-нибудь – Венера или Юпитер». Их ведь сразу-то не отличишь, где звезда, а где планета. Повозилась еще немного, собрала инструмент – мотыгу и лопату с ведрами. Поднимаю глаза, а она – приблизилась. В четверть Луны величиной. Такая узенькая тарелочка. Я рот раскрыла и смотрю на нее, глаз не могу оторвать. И даже нет мыслей про то, чтобы за телефон схватиться, заснять там что-то. Ничего подобного. Смотрю и смотрю. Никаких особых чувств... Как я добралась до кровати и уснула – не помню.

На следующее утро я и забыла про всё. Летние каникулы вроде, но дел по дому – уйма. Мы тут ремонт в терраске затеяли, красить, обои клеить. Суета, в общем. И вот часов десять вечера, наверное, уж закругляться надо, ужинать да спать. А меня вот будто кто-то тянет в сад. Накинула куртёшку, вышла и глаза сразу к небу подняла. На месте моя звёздочка. Блестит, переливается. Не знаю, сколько я так простояла. Устала и спать пошла.

И вот с тех пор у меня началось: каждый вечер выхожу, люблюсь. Я никому сначала не рассказывала, даже мужу с дочерью, – боялась, что засмеют. Я ведь с ней и разговаривать стала, песни даже ей пела. Вот работаю в саду или просто сижу, вынесу стул, поставлю под яблоню и – смотрю. Общаюсь с ней.

До того я, Лёша, к моей звёздочке привыкла и привязалась, вот как к живому существу – к котёнку какому-нибудь. Не могу уже без нее...

Дочка это дело просекла, конечно. Я ей по секрету всё рассказывала. Она пошла со мной в сад вечером, смотрела-смотрела, а потом говорит: «Мам, звезда это обычная. Самая обыкновенная. А то, что

она перемещается немного туда-сюда, так это кажется всё – из-за атмосферы. Я, говорит, читала про такое в интернете». Я с ней и не спорила. Ну пусть обыкновенная звезда, пусть. Но я уже не могу без неё, как родная она мне стала.

Дочь только головой качает: «Свихнёшься ты, мамка, с этой звездой. Брось к ней ходить!». Но какой там! Я вечера дожждаться не могла, бегала к ней на свиданку, будто к парню молодому...

Татьяна Сергеевна встала из-за стола, взяла с полки свой смартфон и показала мне фото – черноту с размазанными светлыми точками.

– Вот она! – ее палец со сломанным ногтём указывает на одну из точек; по мне, так они все одинаковые. – Правда, замечательная?

Я киваю и снова принимаюсь за брусничное варенье. Учительница кладет смартфон на прежнее место.

– И вот я, дурочка, не смогла сдержаться. Какое-то у нас собрание в школе было: конец августа, начало учебного года, что-то обсуждали. А я возьми и ляпни там про свое сокровище. Рассказала-то двум-трем коллегам – вроде как подругам. А они по всей школе разнесли, на смех меня подняли: «Смотри, Танька, заберут тебя эти непланетяне-то!».

Я огорчилась, конечно, иду назад домой и плачу: «Ну зачем рассказала? Почему не сдержалась?!». Не могла в тот день вечера дожждаться, раз пять выбегала в сад. И вот темнеет-темнеет, а ее всё нет и нет! Я сама не своя. Оделась поплотнее, уселась в саду на стул и решила, что заночую здесь, все глаза прогляжу, но звездочку мою увижу.

Ага, как же, дождалась... Ни в эту ночь, ни в остальные – ничего не было. Пропало мое сокровище, пропало из-за моей же глупости. Как я убивалась, ты бы видел, Леша! Муж не поймёт, что со мной, дочка не знает, как утешить. А я хожу, будто медведь-шатун, из стороны в сторону, слёзы текут по щекам, словно вода. И не могу себя в руки взять.

– И не появилась больше? – спрашиваю я, а у самого внутри дрожит всё и откликается каждому слову рассказчицы. Мне ли не знать, что такое ходить по ночам на одно и то же место и до боли в шее всматриваться в небо? Дождёшься их, как же! Держи карман шире...

– Нет, – учительница вздыхает и глядит в окно, за которым начинается вечереть. – Не видела я ее больше. Да и не хочу уже, Леша.

Может, и к лучшему, что ушла она. Я хоть успокоилась, делами своими теперь могу заниматься, на работу ходить. Я ведь много думала про это, анализировать пыталась. Теперь мне кажется, что ни к чему хорошему не привела бы такая зависимость: я ведь как наркоманка стала. Ничего мне не нужно – ни семьи, ни школы. Только бы сидеть да разговаривать с ней.

Я киваю в ответ и решаю, что пора менять тему беседы. Однако она вдруг выдает продолжение, от которого у меня захватывает дух.

– А у подруги моей тоже вот случай. Натальей ее зовут. Мать у ней лежала года два парализованная. Ташкин муж запретил ее домой брать, так что она в своей избе лежала, благо недалеко бегать было. Я ей тоже иногда помогала: Наталья позвонит, попросит, я зайду туда, к ее матери, приберусь, покормлю. В дом престарелых или в больницу подруга категорически отказывалась ее везти. Фельдшер приходила к ним раз в месяц, лекарства какие-то выписывала. «Мать это моя, и умрёт она на моих руках. Не отдам!» – и всё.

Да только так случилось, что тётя Света, мать-то Наталья, умерла на моих руках. Да, угораздило меня тогда к ней пойти. И с тех пор началось...

В тот вечер Татьяна Сергеевна торопилась: мужа надо было собрать в командировку, он уезжал почти на неделю в Санкт-Петербург. Мать подруги и до болезни не считалась общительной, а после того, как слегла, вообще говорила редко, отвечала односложно.

– И вот вожусь на кухне: супчику, что ли, разогреваю, чтобы похлебала она, и слышу – хрипит: «Тань! Та-ань!». Я бегом к кровати, а у тётки Светы уж глаза закатываются, одни белки видать. Пока звонила, пока что – она уж и дышать перестала. Я в слезы, по щекам ее ударяю. Да где уж там! Наталья прибежала – нет ее матери. Вызвали фельдшера для освидетельствования, а сами сидим – ревём.

Дней через десять после похорон в угол избы учительницы кто-то сильно ударил. Было двенадцать ночи, муж Татьяны Сергеевны выскочил – никого.

– А вернулся он какой-то бледный: сам не свой. Я заметила, давай его пытаться, он молчит, как партизан. И только через два дня раскололся: «Увидел я, Тань, как искра летит. Шарик такой огненный. Сначала над домом тети Светы покрутился, а потом – к Сотниковым помчался. И там прямо над крышей развалился у них –

целый сноп искр». Сотниковы – это Натальина семья, по мужу у них такая фамилия.

Я бегом к подруге и давай ей мозги промывать. У меня, слава Богу, бабка знала про такое: кто это летает и зачем.

«Ты, говорю, Наташка, в своем уме: ты зачем такое делаешь? Зачем мать привечаешь?». Она – в слёзы. «Не могу, – отвечает, – Тань, с собой ничего сделать. Каждый день плачу по ней, на могилу хожу. Вот когда она парализованная лежала – я как будто охладела к ней, устала от нее, от ее молчания. А теперь как прорвало меня, виноватой чувствую себя. Ведь лежала она в своей избе одна-одиношенька целыми днями и ночами. Чего я там: приду на полчаса и убегаю...».

Я ее ругаю на чем свет стоит. «Это к тебе летуны летают, говорю. Убьют тебя ведь: нельзя плакать сильно!». Она кивает, а я по глазам вижу, что не послушает она меня. И точно.

Однажды иду вечером с работы. Что-то задержалась в школе, продлёнка и совещание, в общем, уже после семи возвращалась. А темнеет в ноябре рано, фонарей у нас три штуки на всё село. Иду и вижу: поднимается с той стороны, где кладбище, шар вот с хороший кулак величиной. А за ним – как хвост. Вот после кометы тянется такой шлейф, и здесь то же самое. Поднялся он и – юрк к Сотниковым.

«Ну, – думаю, – держись, Наталья! Я тебе сейчас устрою головомойку!».

Зашла к ним во двор: у них открыто, собаки нет. И слышу какой-то разговор. Да не в избе, а вот в сараюшке напротив. Пригляделась: лампа горит. Подхожу и слышу: «Мамка, ну не пускает он меня! Ругает! Я бы с радостью к тебе ходила, да Федька не дает!». А Федька Сотников – это муж ее. Я его как-то в сторону отвела и говорю: «Ты следи за Наташкой-то! На кладбище ее пореже пускай. Дождётся, шандарахнет мать ее чем-нибудь, и жену ты потеряешь...».

Да и понятно, что ведь не мать к ней ходит, а нечисть, привидение. От них хорошего ничего не жди. Мне бабка про это много рассказывала.

И вот как услышала я Натальин-то голос из сарая, у меня – дрожь по всему телу, аж волосы на загривке встали, руки не слушаются! Но и любопытство меня разбирает. Я ведь, Лёш, тоже, как и ты, вот этим всем интересуюсь: даже «Битву экстрасенсов» смотрю. Ты смотришь?

Я отрицательно мотаю головой и жду продолжения рассказа. Учительница косится на мой диктофон и понимающе кивает.

– Подошла я поближе, щель нашла в стенке, да так удачно: всё как на ладони. Стоит Наташка боком ко мне, пялится в тёмный угол и болтает без умолку. Другого голоса я не слышу, нет никаких ответов, чудится ей всё это, понятно. Она уж и плачет, и просит ее, и по-всякому. Я подумала-подумала и решила уйти: если зайдёшь сейчас, перепугаешь ее насмерть.

Моя собеседница замолкает и снова смотрит в окно. На улице уже совсем темно, пора мне закругляться и возвращаться в город.

– Так и чем всё это закончилось? – спрашиваю я учительницу.

– А ничем. Вроде бы постепенно у нее на нет сошло. По крайней мере, шаров огненных больше никто над ее домом не видел. Наталья, кстати, сама стала похожа на свою умершую мать – молчаливая, угрюмая. Мы с ней сейчас намного меньше общаемся. Но, наверное, переборола она как-то тоску свою...

Я киваю, и мы прощаемся. Прощаемся не совсем, потому что много чего еще осталось нерассказанного – и это несмотря на то, что встречались мы с ней уже трижды. Татьяна Сергеевна ждет меня и в четвертый раз: у нее есть одна интересная идея.

– Мы и клюкву, и чернику здесь собираем, надо просто места знать. Вы от комаров-то средство взяли? Замучают ведь! – Татьяна Сергеевна одета по-походному: болоньевая куртка бледно-оранжевого цвета, резиновые сапоги почти до колен и небольшой рюкзачок за спиной. На голове – платок, завязанный сзади. Она даже в оранжевой куртке напоминает монашку или паломницу, собравшуюся посетить святые земли. Моя экипировка похожа, ведь гид меня предупредила заранее.

Мы идем вчетвером – она, я, ее шестнадцатилетний племянник Толик и Черныш, чистопородная дворняга с торчащими вверх ушами. Пока любимся красотами озера, учительница перечисляет местные чудеса: провал, чертовы ямы-воюнчки, Моховое болото и «страшное место», где раньше стояла мельница.

– Если уж вы занимаетесь этим всем, то вам сам Бог велел побывать здесь. Тут иногда такое происходит – волосы дыбом встают!.. – моя провожатая идет вслед за своим молчаливым племянником, который, по ее словам, излезил здесь всё вдоль и поперёк.

Я примерно представляю, о чем она говорит, так как местные СМИ не раз писали о странностях Юлова озера. Тут стандартный набор туристических достопримечательностей: бездонные провалы якобы от метеоритов, целебные родники, НЛО, которые прилетают сюда чуть ли не каждую неделю, – видимо, чтобы оттянуться на выходных. Жители села этой славы не чураются, а наоборот сопровождают журналистов, рассказывают о том, что слышали. Так что наш поход вполне вписывается в общую «парадигму».

Я охотно согласился на предложение Татьяны Сергеевны пройти сначала в сторону почти вымершей Дубровки, а затем – если повезёт добраться засветло – посмотреть и здешние болота. Меня привлекли, конечно, не природные красоты, а рассказы, на которые мой гид точно не поспеет дорогой.

– Нет ничего лучше леса, Лёша. Знаешь, как он меня заряжает – особенно вот перед полнолунием! В полнолуние меня прям гнёт, мостиком выгибает, так и тянет ночью из дома убежать к озеру. А потом хочется всё это отдать: я скотину глажу, детей на руки беру, особенно вот больных которые. Все успокаиваются и легче себя чувствуют. Тут закон простой: Божье забрал, Богу и верни.

На берегу видны небольшие строения – это, вероятно, санаторий или детский лагерь. Местные мне говорили, что тут есть нечто подобное. Но вся эта здравница и житница уже давно пережила свои лучшие времена.

О том, что учительница лечит, я знал и раньше. Но вот про то, что ее «гнёт» в полнолуние, я еще не слышал.

– Так это же сон у меня был в детстве, видение. Я разве тебе не рассказывала? Мы с родителями в Юлово из-за этого и попали... – черно-серебристая гладь озера в последний раз показывается из-за деревьев, а потом мы углубляемся в лес к родникам; Черныш бежит впереди. – Ну, точнее, не из-за этого, конечно. У меня в детстве туберкулез приключился, родители замучались меня по больницам таскать – я уж вся прозрачной сделалась. И вот однажды я заснула, а мать добудиться меня не смогла (это она мне потом сама рассказывала). Переполошились все: отец скорую вызвал, мать по щекам меня бьет, водой брызгает, а я лежу – и едва дышу. И вот вижу во сне озеро – такое красивое-красивое. Облака наверху светло-сиреневые, по берегам – волшебный лес, отражающийся в воде-зеркале. А на берегу стоит монах – ну, человек в чёрном. Я его не боюсь со-

всем, наоборот, мне к нему хочется. Подбегаю к нему, спрашиваю: «Дядя, дядя, а что это за место такое?». Он посмотрел на меня так по-доброму, но с какой-то печалью в глазах. И отвечает: «Это Юлово озеро, дочка. Хочешь грудку поправить – приезжай. Всем места хватит». И очнулась я. Такой вот сон.

– И вы из-за этого сюда приехали? – интересуюсь я и снимаю на диктофон: пишет ли?

– Ну да. Когда я очнулась, вижу: мать плачет, целует мне руки. А я ей говорю: «Мама, а где такое – Юлово озеро? Мне дядя сказал туда ехать». Мы в то время в Самарской области жили. Оказалось, что в Юлово как раз детский санаторий для туберкулезных больных. Не знаю: может, я где-то слышала краем уха про него – вот и приснилось мне. Родители до такого состояния были доведены, что за любую соломинку цеплялись, вот и поехали сюда, не раздумывая.

Черныш лает за деревьями, и племянш сообщает, что скоро мы выйдем на провалы – ямы-вонючки. В свежий лесной воздух добавляются нотки неприятного запаха тухлых яиц. Толик опережает нас на несколько десятков шагов, потом мы слышим его голос: «Идите сюда! Тут лучше всего видно».

Знаменитые провалы представляют собой большие круглые лужи-болотца, частично покрытые травой и хвоей. По слухам, эти «чёртовы колодцы» очень глубокие.

– Сюда метеориты свалились, дыры пробили – это еще в древности! – авторитетно говорит Толик. Я в ответ киваю. Татьяна Сергеевна добавляет, что здешняя вода очень полезная, так как в ней много сероводорода.

Я про себя думаю, что неплохо было бы узнать, что пишут про здешние болотца географы-геологи. Запах усиливается, хочется поскорее убраться подальше отсюда. Мои провожатые предлагают идти к родникам, и я поспешно киваю.

– Я тут однажды заплутал – часа три, наверно, проходил. Слава Богу, хоть Черныш со мной был, не так страшно было, – рассказывает племянш. Сероводородный запах остался позади. Лес густеет, лиственные деревья уступили соснам.

В предыдущие встречи юловская хозяйка несколько раз упоминала о своей собаке – в основном, как раз по поводу походов за ягодой или за родниковой водой. «У меня с Чернышом – как связь. Я чувствую, когда ему плохо, а он – лечит меня, если заболēju», – уверяла меня учительница.

Остроухая дворняга оказалась родом из города: Татьяна Сергеевна подобрала небольшого черного кутёнка на автовокзале, когда возвращалась в Юлово с какой-то городской педагогической конференции. Собака и вела не совсем сельский образ жизни: ее часто пускали в избу; зимой она вообще меняла дворовую конуру на хозяйский зал.

По дороге мы то и дело нагибались за ягодами. Попадались и брусника, и лесная клубника и даже необычная для этих широт черника.

– Я здесь собираю и зверобой, и душицу, и таволгу. А потом завариваю – и сама пью, и всех соседей пою чаем на травах. А вот весной беру почки березовые, корень лопуха и листочки брусничника. Это всё полезная травка. Я ведь «ЗОЖ» выписываю. Лёш, ты «ЗОЖ» читаешь? Нет? Зря, полезная газета.

На родниках мы пробыли минут двадцать. Они бьют здесь из-под земли в разных местах и образуют небольшой водоем. Потом мы отправились в сторону Мохового болота, но в тот день так и не смогли туда попасть. Наши планы и маршрут резко изменились после того, как из-за деревьев вынырнул Толик. Они с собакой то опережали нас, то отставали; мы с Татьяной Сергеевной не спешили вперед, увлечённые беседой.

– Надо бы привал сделать, подкрепиться пора, – предложил племяш. – Вы, кстати, Черныша не видели? Куда-то убежал, дозваться не могу.

Сначала Татьяна Сергеевна не обратила внимания на пропажу собаки: Черныш знал эти места не хуже остальных моих гидов. Однако минут через пятнадцать, когда мы нашли удобную полянку для трапезы, она забеспокоилась.

– Черны-ыш! Черны-ыш! Куда он делся? Вы пока здесь разложите покрывальце и вот на газеты можно – там яйца вареные, колбаса, помидоры. Я пойду позову его.

Мы с племянником умяли по два бутерброда. Толик успел рассказать занимательную историю про то, как они с другом ходили на «страшное место».

– Это там, где мельница раньше стояла. Сейчас почти ничего не осталось. Вот, говорят, если ночью прийти туда, постоять с закрытыми глазами, то можно старого мельника увидеть. Но это байки, конечно. Я там был глубоким вечером – ничего не привиделось.

Вернулась Татьяна Сергеевна совершенно расстроенная: собаку она не нашла. Мы решили, что настала наша очередь искать.

– Тётъ Тань, ты пока поешь, а мы пройдемся, покричим его! – предложил Толик, но учительница покачала головой. Уголки губ ее опустились вниз, глаза потухли.

– Я чувствую, Толь: что-то не так. Кушать всё равно не смогу. Давайте искать, мальчишки! Беда просто...

Мы разделились: Толик пошел по каким-то едва заметным тропам вправо, моя спутница решила вернуться к родникам. Я зашагал следом за ней, поскольку лес знал плохо. Мы искали полтора часа и в конце концов двинулись назад в село.

– Может, он к избе прибежал? – с надеждой спрашивала хозяйка собаки. – Черныш умный пёс.

– Да, конечно, тётъ Тань, куда он денется? Он сто раз был здесь, каждый куст знает, – успокаивал племянник. Но я видел, что лицо Татьяны Сергеевны мрачнеет с каждым шагом всё больше.

Когда мы обогнули озеро и вышли на сельскую улицу, она вдруг разрыдалась.

– Его нет, нет! Понимаете? Я его совсем не чувствую... Толь, ну как так возможно? Его в болото, что ли, затянуло?

Через два часа за окнами стало совсем темно. Мы всё это время сидели с Толиком в терраске; его тетка, сославшись на головную боль, ушла в зал. Мы оба знали, что она сидит там и смотрит в окно, стараясь разглядеть черную четвероногую фигурку.

Я тоже очень ждал Черныша: не хотелось уезжать из Юлóва в таком настроении. Меня терзало и чувство вины – ведь если бы не я, возможно, они и не пошли бы сегодня в лес.

– Он уже не вернётся, Леша. Я это знаю... – я зашел к ней попрощаться и увидел, что Татьяна Сергеевна сидит за столом, на котором стояли три зажженных свечи. – Я карты раскинула на Черныша: все смерти показывают. Как такое возможно – не знаю. Ведь ни визга, ничего не слышали...

Мы помолчали, а потом я принялся извиняться, но моя собеседница в ответ только рукой махнула.

– Лёш, ты тут ни при чем! Так уж суждено ему было. Я еще не разобралась до конца, что к чему. Но думаю, что случайностей не бывает. Ты не переживай: за Черныша и без того есть кому поплакать. Главное, чтобы другого чего плохого не случилось. Это ведь

как жертва, как предупреждение. Черныш взял на себя что-то негативное, если бы он не погиб, может, с нами плохое что-нибудь произошло.

Я кивал, но очень надеялся, что она ошибается, и дня через два, когда я позвоню в Юлово, Татьяна Сергеевна порадует меня хорошей новостью про вернувшуюся из леса дворнягу. Но учительница оказалась права: Черныша мы больше не увидели.

Глава 5.

Про это я не рассказывал еще ни одной живой душе и сам старался забыть о случившемся. Но после пропажи дворняги я не мог не вспомнить про свое... увлечение. Слова Татьяны Сергеевны о жертве и предупреждении занозой засели в моей голове.

Фары высвечивали темные куски асфальтовой дороги; Юлово осталось далеко позади – вместе со своими тайнами, чертовыми колдовцами и плачущей женщиной со светлыми волосами.

В памяти сами собой всплывали картины другой ночной дороги. Там тоже была черная собака – ризеншнауцер Найда. Она бежала впереди, иногда полностью растворяясь в темноте, затем выныривала откуда-то сбоку. А я шёл, шёл и шёл. В кармане моей куртки лежал небольшой фонарик, а в руках болтался пакет с толстой книгой. Сколько мне тогда было?... Лет четырнадцать? Нет. Уже, наверное, пятнадцать. Да, пятнадцать. Я направлялся к двум старым крестам, торчавшим из-под земли совсем недалеко от темной волжской воды. Страх я не чувствовал, наоборот – какое-то внутреннее возбуждение, – то самое волнение, которое ощущает человек, приобщающийся к чему-то запретному и таинственному. Что и говорить: я был тогда подростком и... дураком.

Слава Богу, книгу, лежавшую в пакете, я потом сжёг. Акт бессмысленный, но он принёс мне хотя бы временное облегчение.

Мой детский интерес к таинственному, эзотерическому родными и близкими не поощрялся и не запрещался: они просто об этом не знали. Я прочитал к пятнадцати годам много, очень много такого, чего читать совсем не стоило. Большая часть этих книг – популярных, наспех изданных – были родом из 90-х годов, когда страну, где

раньше подобные темы запрещались, вдруг захватила волна первобытного интереса к экстрасенсам, шаманам, астрологам, гадалкам, колдунам и знахарям.

Книжные развалы были забиты «Советами сибирских знахарей», большими и малыми книгами заговоров; переиздания сонников 19-го века соседствовали с высосанными из пальца «Путешествиями в астрал», «Тантрическим сексом» и руководствами многочисленных мастеров по НЛП, картам таро и гипнозу. Я глотал всё это без разбору, что-то опробовал, затем забывал и переходил к новым «Тайным доктринам» и «Белым богиням».

В одной из них – кажется, это был очередной толстенный том «Заговоров сибирской целительницы» – я нашел главку, которая называлась примерно так: «Как стать колдуном» или «Старинный обряд посвящения в колдуны». Как я сейчас понимаю, автор этого нетленного труда что-то надёргал из переизданий Ивана Сахарова, что-то – из современных популярных книг; возможно, подключилась и фантазия, приправленная фильмами. Дело совсем не в этом. Соль в том, что я решил это всё выполнить. Дословно и пошагово. Зачем? Сложный вопрос. Вероятно, ради расширения опыта.

Если коротко, нужно было ровно в полночь оказаться возле заброшенной могилы. Стоя над ней, прочитать длиннющий – страницы на три печатного текста – заговор, который, видимо, был комбинацией самых различных текстов – выдуманных и действительно записанных в свое время фольклористами. Где найти заброшенные могилы, я знал: берег Волги был избеган-изведен мной вдоль и поперек. На одном из холмов метрах в двухстах от белых барашков волн, ласкающих береговой песок, скрывались в траве три или четыре могильных холмика.

По слухам, там когда-то располагалось сельское кладбище – возможно, еще до того, как воды Куйбышевского водохранилища похоронили под собой множество сёл, церквей, заливных лугов и людских надежд. Выйти из дома ночью тоже было проще простого: с Найдой я часто гулял именно в эту пору.

Я ждал почти неделю подходящей погоды – так, чтобы меня не накрыл по дороге дождь или сильный ветер. Заранее припас свежие батарейки для фонарика и пакет для книги с заговорами. Дорога к Волге проходила через строительную свалку; потом нужно было идти полем и через лесопосадку. С большой черной Найдой я всегда

чувствовал себя уверенно и безопасно. Однако чем ближе я подходил к Волге, тем реже показывалась рядом с моими ногами собака. В конце концов я взял ее на поводок; шнауцер шел вперед неохотно, хотя обычно собаке нравились походы к реке.

Когда свалка закончилась и кроссовки подняли вверх сухую пыль полевой тропинки, мне захотелось включить фонарик. Как только я это сделал, тьма сгустилась, словно сметана. Какие-то тени заплясали по полевой траве и ближайшим деревьям. Я посветил на наручные часы – 23-20. Тогда я заставил себя выключить свет: я боялся, что мне не хватит энергии, чтобы прочитать текст из книги. Батарейки, купленные мною в газетном киоске, были самыми дешевыми: на другие у меня просто не хватило карманных денег.

В общем-то, особого страха я не испытывал, поскольку, как уже говорил, привык к ночным прогулкам по лесу. Тревожило меня лишь странное поведение Найды: она жалась к ногам, словно дворовая шавка, и то и дело порывалась сесть, чтобы не идти дальше.

Вскоре лесопосадка полностью закрыла желтый свет от далеких городских фонарей и окон. Это к лучшему: глаза быстрее привыкли к темноте; к тому же из-за облаков показалась половинчатая луна. Ее желто-серый свет позволял хорошо видеть полевую тропинку и наступающий на меня слева лес.

Темно-синее платье, мелькнувшее среди деревьев, я заметил, когда до заброшенных могил оставалось минут двадцать ходу. Я резко остановился; в висках запульсировала кровь. Найда села в пыль и повернула голову в ту сторону, куда, не смея даже моргнуть, смотрел и я.

«Мне показалось, мне это показалось, мне показалось, показалось...» – сначала я это шептал, потом начал говорить громче и громче. Рука потянулась к фонарику, но я понимал: включенный свет только сгустит темноту. Мы простояли так минут пять; дрожащей рукой я гладил собаку между ушами. Нигде ничего не двигалось и не шевелилось.

Я прошел еще метров триста, и темно-синее пятно снова мелькнуло между ближайшими деревьями. На этот раз я услышал шорох – такой звук издает тяжелый подол, трущийся о траву и землю. В горле остановился ком, который всё никак не проглатывался. Первый порыв – бежать сломя голову назад, к окнам города, к родной электрической желтизне. Но я четко знал – откуда, не спрашивайте –

что именно в тот момент я окончательно и бесповоротно проиграю. Если она не сожмёт мое плечо своей ледяной рукой в реальности – догнав здесь, в поле, то уж точно не упустит своего во сне. Я вспомнил про книгу. Зашуршав пакетом, я быстро вынул ее оттуда, включил фонарь и открыл первые страницы. Там были тексты известных молитв – самых обычных, многие из которых я знал наизусть: «Отче наш», «Богородица, дева радуйся», «Живые помощи». Но сейчас я хотел только одного: спастись от взгляда в зовущую темноту, где за деревьями маячит Она – та, кто очень ждет, чтобы я повернулся и, крича во всё горло, побежал назад.

Я забыл о времени. На правом запястье у меня был намотан поводок, в одной руке светил фонарик, в другой лежала раскрытая книга. Я читал, читал и читал. Страницу за страницей, пока не дошел до главы «Заговоры на удачу».

Я не знаю, в какой момент предал ее; повлиял ли на меня дикий страх, полностью поработивший ум, или я сознательно сделал выбор. Я говорю совершенно искренне: я не могу ответить на вопрос, сознательно или нет я принес тогда жертву. Отдал твари в синем Найду вместо себя. Могу только последовательно описать то, как всё произошло.

Когда поводок ослаб и начал постепенно сползать с запястья, я не оторвал взгляда от страниц сволочной книги. Когда я услышал шорох, который издают собачьи когти и мягкие подушечки лап при соприкосновении с высохшей землей, я не поднял взгляда, не позвал собаку, не закричал. Я читал и читал, и не было у этих текстов конца. От «аминь, аминь, аминь» я снова переходил к «Господи, выхожу из ворот в поле, в поле – частокол. Огороди меня, раба Божьего...».

Прошла вечность. Я поднял глаза: темно-синее платье за деревьями исчезло. Фонарик светил желто-тусклым, обреченным светом. Найды рядом не было; сухими, окоченевшими губами я позвал ее. Потом еще раз и еще. Еще раз и еще. Заплакав, я бросился в лесопосадку. Бегал по полю. В конце концов добрался и до волжского берега. Фонарик к тому времени начал подмигивать. Я посветил на наручные часы: 2-10. Я искал собаку почти два часа – полностью забыв о своем страхе перед Женщиной в синем.

Но внутри, где-то очень глубоко внутри себя я знал: бояться было нечего. Тварь пришла и забрала себе то, что хотела. На се-

годняшнюю ночь она удовлетворилась и сгинула. Мы поняли с ней друг друга очень хорошо – в тот момент, когда я читал книгу. Она спросила, а я, подыхая от страха, согласился. И она взяла свое.

Мы с Толиком сидели возле костра. Рядом стояла палатка, в которой нам предстояло провести ночь. Татьяна Сергеевна после того, как пропал Черныш, в лес не ходила – только на берег озера.

Идея заночевать в «страшном месте» родилась у Толика. Он уже так несколько раз делал с друзьями.

– Но мы же, Алексей Викторович, гогочем постоянно, а потом выпьем пива и – спать. Что тут может привидеться? А вот если с вами пойдём, уж точно чего-нибудь заметим.

Я не приезжал в Юлово почти год: побывал один раз после пропажи Черныша, а затем мое время поглотили другие записи и поездки. Поэтому, когда позвонил Толик и предложил сходить в «страшное место», я согласился не раздумывая. Татьяна Сергеевна искренне обрадовалась моему приезду, снова угощала брусничным вареньем. Однако, услышав об идее племяша, поджала губы и отвернулась в сторону окна.

– Зря вы это, Лёша. Мало вам Черныша? Нечего судьбу пытаться...

Но затем она сама же снарядила нас в поход: на скорую руку напекла пирожков, приготовила два термоса с чаем, нашла где-то запасные резиновые сапоги и спальники.

– Сегодня, кстати, новолуние. Время-то неплохое: лес хорошую зарядку дает. Ну, ладно, идите с Богом. Я вам вечером на сотовый позвоню. И утром – тоже.

Толик оказался очень общительным парнем. В присутствии тётки – настоящего мастера устного жанра – он терялся и стеснялся, а вот наедине со мной, рядом с весело горящим костром вдруг раскрылся.

– У меня друзья – Славка и Стас – здесь как-то тоже ночевали. Это два года назад в августе дело было. Они не для того, чтобы увидеть чё-то, сюда пришли, а так – просто: посидеть, отдохнуть, как говорится. Они не «барагозы», как любит тетка Таня выражаться: если пьют, то в меру. В общем, доверять им можно. Вот сидим, говорит, костерок, шашлычки, всё нормально. Погода тихая. Звёзды

видать. И вот с того места, – Толик указал на край поляны, где стояла наша палатка, – свечение какое-то. Такое зеленоватое. Как вот на болотах иногда бывает, будто фосфор. Но тут болота в другой стороне, место-то на высоте – выше уровня озера. Славик встал, чтобы получше рассмотреть. Вот он-то и увидел, а Стас сидел – поэтому только свечение заметил. «Вижу: старик стоит. Борода седая до пуза, а сам весь в чёрном. Руку поднял вверх и показывает мне пальцем в небо». Тут Стасик тоже вскочил на ноги, Славка отвлекся на него на какие-то полсекунды, поглядел снова – ничего уж нет. Такие дела вот.

Я кивнул и вспомнил про детский сон Татьяны Сергеевны – о человеке в чёрном.

– Да, – соглашается племяш. – Она тоже про это упоминала, когда я ей Славкину историю пересказал. Говорит, что старик в черном – не мельник совсем, а какой-то монах. Может, он погиб неподалеку, а возможно – тут какой-то монастырь стоял раньше.

Я слушаю Толика и вдруг за языками костра замечаю черный четвероногий силуэт. Холод мгновенно пробегает по всему телу, и я вскакиваю на ноги. Племянник тоже медленно приподнимается, оглядываясь по сторонам.

– Что такое? – в его голосе слышится тревога и... какая-то ирония: мол, Алексей Викторович, вы что – подыграть мне решили?

– Ничего... – бормочу я и снова приземляюсь на обрубок сосны, служивший мне стулом. – Показалось, наверное.

– А что, что вы увидели?! – живо интересуется мой собеседник. Я с неохотой говорю о собачьем силуэте.

– Да, – Толик опускает глаза к тлеющему костру. – По собаке тетка здóрово убивается, до сих пор забыть не может. Мы ей хотели кутёнка привезти – черного, с ушками, точь-в-точь как Черныш был. «Не хочу, – говорит, – никого. Я лучше вообще без собаки буду, чем еще раз такое пережить!». Ну и всё. Мы это дело оставили. А я вот думаю, что зря: надо было привезти ей, точно бы быстрее забыла.

Я едва слушаю племяша, а сам всё никак не могу успокоиться: за языками костра стоял не Черныш, а более крупная собака. Я даже бороду успел разглядеть – перед тем, как она исчезла. Говорю же: чёртово место! Лучше бы мы сюда не приходили.

Часа через два у Толика начинают слипаться глаза, и я предлагаю ему пойти в палатку.

– Вы тут тоже один долго-то не сидите, – он широко зеваёт. – Сами знаете, почему...

Потом он много раз жалел о том, что не стал бороться со сном. Но кто его знает: может, вдвоем мы бы не увидели всего этого.

Когда племяш ушел, я подбросил сухих веток в костер и накинул на себя плед: с озера потянуло влажным холодом. Спать не хотелось. Серые, будто нарисованные простым карандашом верхушки деревьев совсем не мешали любоваться ночным небом. Юловские звезды – это и впрямь нечто необыкновенное. Даже в своих очках, которые давно пора заменить (зрение за последний год ухудшилось на целую диоптрию), я видел сотни пульсирующих маленьких солнц. Млечный Путь казался столь близким, что его сияющий бледный бок так и хотелось погладить рукой.

Я любовался ночным небом, вероятно, с полчаса, прежде чем заметил первые признаки... я до сих пор не знаю, как точнее назвать увиденное. Нет, не звездопад, а, скорее, звездный салют. Что-то большое и светлое неожиданно появилось над деревьями. Оно росло и вспухало, словно световой гриб. Однако это призрачное, фиолетовое свечение никак не влияло на видимость остальных звёзд: Млечный Путь по-прежнему мерцал на своем месте.

Гриб вытянулся над лесом, уплотнился до комка размером с Луну и, будто большой воздушный шар, взмыл вверх. Я, расширив глаза, смотрел на него, боясь пошевелиться. Мне даже не пришло в голову броситься в палатку, чтобы разбудить Толика, схватить фотоаппарат или хотя бы смартфон.

И я несколько не пожалел о том, что не двинулся с места. Всё произошло в считанные секунды; скорее всего, отвлекись я хоть ненадолго, самое главное я бы пропустил. Светящийся фиолетовый ком внезапно остановился, а потом... это даже не вспышка, совсем не так, как во время салюта, нет. Комок просто растекся на тысячи разных блестящих ниточек, у каждой из которых – своя траектория. Это было похоже на то, как если бы в темных океанских толщах некая живая масса, какая-нибудь фосфоресцирующая медуза вдруг распалась бы на миллионы отдельных клеточек, которые со страшной скоростью рванули бы в разные стороны.

Тело фиолетовой медузы заняло полнеба, а потом – ничего. В мгновение ока всё приняло прежний вид. Всё также тихо покачивались верхушки деревьев, светили-пульсировали звезды, где-то дале-

ко распевали ночные песни лягушки, и какая-то птица мерно, один раз в минуту, вскрикивала и умирала вновь.

Я закрыл глаза и так просидел долго. Затем встал, забросал костер землей и отправился на боковую. Пусть лучше я усну, думая о прекрасной светящейся медузе, чем снова начну различать за деревьями, обступившими поляну, черную фигурку бородатой собаки.

Мы уже успели упаковать палатку и двинуться в обратный путь к утреннему селу, когда сотовый Толика запел последний шедевр из современной попсы. Он сказал несколько слов в трубку, его брови округлились, а потом племяш сунул мобильный мне.

– Лёша! – голос Татьяны Сергеевны звенел от радости; я почти увидел ее помолодевшее лицо – лицо паломницы, добравшейся-таки до заветной цели: иерусалимского храма или какого-нибудь Афонского монастыря. – Она вернулась, слышишь? Моя звёздочка! Понимаешь? Меня вчера так гнуть стало, что я пулей выскочила в сад. Поднимаю глаза на небо, а там – она! Господи! Счастье-то какое... Я только об одном молю: чтобы она и сегодня мне показала!

Мы поговорили еще немного, и я отдал племяннику трубку. Радость, которой поделилась со мной Татьяна Сергеевна, казалось, наполняла всё окружающее. Но улыбка сошла с моего лица совсем скоро. Буквально через несколько минут зазвонил уже мой сотовый. Я посмотрел на экран: высветился номер Кати, с которой я не разговаривал около года, – с того самого момента, когда белый «Рено» рванул вперед, оставив меня на обочине. С дядей Витей я созванивался часто, раз в неделю точно, – узнавал, как у него дела, спрашивал, не нужно ли чего. Он отвечал односложно и каждый раз запрещал мне приезжать к нему.

– Лёша! – резкие нотки голоса Кати были чужими и неуместными в этом волшебном утреннем лесу – как белый цвет врачебного халата на детском дне рождения. – Виктор Иванович умер. Завтра похороны. Ты приедешь?

Я закрыл глаза и на мысленном экране в разные стороны разбежались светящиеся струи фиолетовой медузы.

– Да, – выдавил я наконец. – Я приеду. От меня какая-то помощь нужна: привезти чего-нибудь или позвонить кому-то?

– Нет. Я всё уже организовала. Просто приезжай. Там потом поминки будут – в школьной столовой. Но тебе там быть совсем не обязательно. Если только захочешь... Ну, всё. До встречи.

Я кивнул и нажал отмену вызова. Ночная птица, которая тревожила своими мерными криками окружающий лес, снова на миг проснулась, а потом умерла.

Часть 3. Перекресток

В 1980-е годы самыми крутыми детскими фильмами считались «Приключения Электроника» и «Гостя из будущего». Еще показывали про Петрова и Васечкина; кое-что мне запомнилось и из зарубежной фантастики. Однако фильмов ужасов не было вообще: в Советском Союзе и затем в постсоветской России точно не умели, да и сейчас не умеют снимать хоррор-кино.

Я это говорю для того, чтобы хоть как-то объяснить произошедшее: мое воображение в семилетнем возрасте просто не было готово к такому удару. Кабельный канал, по которому где-то в 11 вечера должны были показывать американский ужастик про куклу Чаки, работал только в домике бабы Тони – матери моего дяди, жившего в Садовке. С разрешения взрослых, мы отправились к ней втроем – я, мой двоюродный брат Мишка и его шестилетняя сестренка Наташа. Мишке в тот момент исполнилось лет двенадцать, и его-то, как я сейчас понимаю, третьесортное кино точно не испугало.

Избёнка матери моего дяди, окруженная заброшенными садами, стояла недалеко от железнодорожной станции. Вечером здесь было тихо и очень темно: в бабтонином медвежьем углу вообще не светили уличные фонари. Долетавшие до ее дома звуки проносившихся товарняков лишь усугубляли впечатление какой-то оторванности этого места от остального села.

Вместе с бабкой в избе жил ее внук Валентин. Он работал охранником – «сутки через трое», – и в тот вечер как раз выпала его смена. Кстати, внук-то и организовал кабельное телевидение: самой старушке за глаза хватило бы новостей по первому каналу.

Ожившая большая кукла, которая гнусно ухмылялась с выпуклого экрана бабкиного телевизора, меня не слишком испугала. Но в фильм я погрузился с головой: ладони сами собой сжимались

в кулаки, когда герои слышали звуки маленьких быстрых ножек. Сердце замирало от ужаса, стоило лишь заметить на стене тень от кукольной ручки, державшей нож.

Назад мы возвращались глубоко за полночь: в небольшой избе бабы Тони просто негде разместить на ночлег столько человек. Да и идти было недолго – минут двадцать от силы. Проулок рядом с избой старушки никогда не асфальтировали, а лишь раз в пять-семь лет посыпали щебёнкой, чтобы по весне и осенью люди не тонули в грязи. Вдоль всей улицы с левой стороны тянулся толстый газопровод, который опирался на металлические трубы, вкопанные в землю через равные промежутки.

Как только дверь калитки закрылась за нами, мы оказались в кромешной тьме, чуть подсвеченной звездами и единственным окном далекой избы, где кто-то тоже полуночничал. Наташка сразу же схватилась за руку старшего брата. Я, спотыкаясь о щебёнку, пошел за ними следом, стараясь идти как можно быстрее, чтобы не отставать.

Мы сделали несколько десятков шагов в полной тишине, как вдруг Мишкин голос заорал: «Вон он – Чаки! Кукла с ножом! Смотрите-смотрите!» – глаза уже чуть привыкли к темноте, и я различал руку двоюродного брата, указывающую на ближайшие кусты. Наташка завизжала и начала плакать; мое сердце ушло в пятки и там осталось надолго.

– Ой, да ла-адно! – Мишка захохотал. – Это я пошутил, дурочка! Чего разревелась-то? Будешь плакать – больше с собой никогда не возьму!

Сестрёнка тут же затихла, лишь изредка всхлипывая.

– Это фильм, понятно? Не бывает живых кукол... Эй, Лёшка! Вот скажи ей: может кукла ожить?

Я тихо ответил, что нет, такого не может быть. Мы пошли дальше. Глаза всё больше привыкали к темноте, я уже хорошо различал разномастные заборы, очертания изб, мимо которых мы шли, и подпорки газопровода.

– А если всё-таки Чаки – на самом деле есть? – вдруг снова заговорил братец. Случается же такое настроение, когда действительно хочется напугать кого-нибудь до полусмерти – особенно если твои спутники уже настроены на эту волну. Мишка в тот вечер точно был настроен.

– Нет его! Нет! – маленькая сестрёнка, уже переставшая всхлипывать, снова зашмыгала носом. – Куклы не умеют говорить.

– Это наши куклы, – уверенно возразил Мишкин голос. – А в Америке всё могут: у них там на специальных заводах делают. Я сам по телеку видел... Вон он, смотрите! Вон он!

На вторую его выходку я отреагировал спокойнее: мне даже немного передалось настроение брата.

– Да, да, вон там: на газопроводе он сидит! – подтвердил я и хихикнул.

Наташка снова заплакала.

– Ла-адно, плакса, пошли! Не пойду я с тобой больше к бабе Тоне фильмы смотреть. Ты маленькая ещё!

– Я не маленькая! – Наташка заплакала сильнее – теперь уже от обиды. – Я не боюсь! Я не боюсь!

– А чего же тогда ревёшь? Если сейчас же вот не заткнёшься – всё, никогда больше не возьму с собой...

– А я маме всё расскажу! Всё расскажу! Что ты меня пугаешь!

– У-у, ябеда. Ябеда-корябеда...

Слушая их переговоры, я случайно поднял глаза на толстый газопровод и... закричал. Вверх, оседлав трубу, словно коня, сидела большая Кукла и, ухмыляясь, смотрела мне прямо в глаза. Я успел разглядеть ее синий полосатый костюмчик и ряд мелких белых зубов, которыми был набит улыбающийся рот.

Идущие впереди остановились. Я бросился к Мишке и схватил его за свободную руку.

– Скорее... Скорее, Мишка! Я ее видел, я клянусь, клянусь!.. Побежали отсюда! – я задышался и плакал.

– Ну вот, еще один плакса, – пробубнил братец и стал оглядываться по сторонам. – Где видел, чего видел?

– На газопроводе, там вон! Там! Она спряталась, наверно... Пойдем быстрее! – что-то прозвучало в моем тоне такое, отчего напрягся и сам Мишка. Сестрёнка перестала всхлипывать и лишь светила расширенными от ужаса глазами.

Мы ускорили шаг, почти побежали, спотыкаясь о проклятую щебёнку. Несмотря на то что мы сами создавали порядочный шум, новый звук, идущий сверху, услышали все. Будто кто-то барабанными палочками бьёт по трубе. Мишка резко встал и взглянул вверх. Я и Наташка замерли тоже. Брат был выше всех – поэтому он заме-

тил первый. Я успел увидеть лишь часть постепенно высовывающегося из-за трубы кукольного черепа, покрытого тёмными волосами. Старший братец заорал ломающимся подростковым голосом и потащил нас вперёд, словно взбесившийся локомотив. Метров через пятьдесят Наташка споткнулась и упала, в кровь разодрав коленку.

Мишка подхватил ее на руки, и мы побежали снова – брат с сестрёнкой на руках, а я сзади. Когда мы влетели во двор, старший тут же закрыл ворота изнутри. Затем прямо в обуви мы понеслись в зал, где уже спали дядя с тётей.

Больше на ночные просмотры к бабе Тоне нас не пускали. Да и, честно сказать, никто из нас троих не горел желанием туда идти. Наташкин спасительный возраст позволил ей быстро забыть о произошедшем. С Мишкой мы несколько раз говорили про это, но в конце концов он стал уверять, что нам всё это почудилось: он якобы просто хотел нас напугать и притворился всю дорогу.

Я ему не поверил, хотя очень хотел, чтобы всё было именно так, как он говорит. Как известно, чтобы преодолеть свой страх, нужно столкнуться с ним лицом к лицу – но в другой, контролируемой обстановке. Я это отлично понимаю. Но фильм про Куклу-убийцу я больше никогда не пересматривал: всё как-то не хватало времени.

И... Я не знаю, зачем хочу добавить это, но – куда денешься от фактов? Через несколько лет изба бабы Тони сгорела дотла – сразу после ее смерти. Скорее всего, тут замешан ее внук, уходивший в запой на целые недели. Только детское воображение и заполненный суевериями ум может увидеть здесь какую-то *иную* причину пожара.

Глава 6.

Это село находится в Барышском районе, но я не упомяну его названия – просто потому, что обещал своим рассказчикам, что скрою «место происшествия». Ровно по той же причине я утаил название села дяди Вити.

– Вот когда Святки – вот в это время... Двенадцать лет назад приключилось всё: там были три девчонки и два парня. Все, кроме Петьки Трифонова, сейчас здесь живут – можете их сами расспросить. У них уж дети у всех, а тогда – по четырнадцать-пятнадцать лет было, – тётя Наташа поправляет тыльной стороной руки бело-синий головной платок и переворачивает кусок теста. Потом берёт скалку

и раскатывает его на большой деревянной доске. Рядом в глубоком белом тазике стоит уже готовый фарш.

В селе говорили, что она лечит бородавки и зубную боль. Именно поэтому я в первую очередь пошел к ней. Но после часовой беседы с ней мы вышли на эту историю – про гадания на перекрестке. И я понял, что должен расспросить об этом всех – из тех, кто был причастен к событиям двенадцатилетней давности.

Чуть позже выяснилось, что участники той истории не совсем гадали: то, чем они занимались, обычно именуют «вызовом», «вызываньями». Любой, кто когда-нибудь ездил в пионерский лагерь, легко поймёт, о чем идет речь. Дух Пушкина или Есенина, Пиковая дама и гномик-матерщинник, жвачный король и конфетная фея – вот те более-менее безобидные персонажи, о которых обычно рассказывают дети. Ритуалы их вызова различаются: можно использовать простые карандаши или зеркало, можно на нитку в темной комнате вешать конфеты – для угощения пришедших на зов. Я сам в детстве поднимал на пальцах своего друга по лагерю Петьку: до этого мы кого-то вызывали – скорее всего, того же Пушкина. Потом встали вокруг лежавшего с зажмуренными глазами друга. Пятеро участников ритуала подсунули указательные пальцы под тело Петьки и – подняли его вверх. Затем, конечно, расхохотались, и друг рухнул на кровать.

Так и должны завершаться все подобные детские обряды – хохотом и весельем. Но в те Святки произошло по-другому.

– Две девчонки гадали – Юлька и Светка. Они сначала что-то в бане делали, а потом пошли с мальчишками на перекресток, где вот церковь недостроенная у нас стояла. Молодежь любила там на брёвнах сидеть, болтать да пиво пить, – продолжает тетя Наташа, ловко завёртывая в тесто фарш. Готовились домашние пельмени, которыми гостеприимная хозяйка обязательно хотела меня угостить. – И вот кого-то они вызвали, я уж не помню. Какую-то куклу. Страх какой-то. И все вроде бы хиханьки да хаханьки, но тут у Юли глаза закатились – и она давай мужским голосом голосить. Мальчишки-то сначала снова засмеялись, да только Юльку-то эту все как облупленную знали: ну не может девчонка так прикидываться! А затем подружка ее, Светка-то, – в слёзы. Тут уж все присмирели.

А эта, вторая-то, рычит утробно, и всё на кладбище рвётся. Парни пытались ее удержать, Юлька их раскидала, словно щенков, – и побежала туда...

Когда тётя Наташа упомянула о кукле, сердце мое застучало быстрее. Однако что-то добавить к уже сказанному она не смогла. Сказала только то, что в итоге одержимую увезли куда-то в Тольятти – в больницу.

– А вы идите вон к Женьке – он, наверное, сейчас дома. Это парень, вот чуть помладше вас. Он всё своими глазами видел, точно вам расскажет, как дело-то было, – посоветовала мне новая знакомая. Угостившись пельменями, я напрямик отправился к избе, на которую мне указала тетя Наташа.

Еще издалека я увидел возле двора серую «пятнашку». Под капотом возился рослый мужчина с залысинами на голове. Он заметил меня лишь тогда, когда я подошел вплотную к авто и поздоровался с ним. Услышав о моей просьбе «побеседовать», Женька смерил меня угрюмым взглядом, вытер испачканные в машинном масле руки и, сев на лавку, закурил. Я приземлился рядом.

– Давно дело-то было. Я сам всё видел. Светка щас в Москве, а Юлька-то вон – через две улицы живёт, замуж вышла. Но я вам не советую к ней идти: она ни с кем про это не говорит. Полтора года ведь в Тольятти лечилась, а потом вернулась совсем другим человеком. Раньше смешливая была, хохотушка такая – палец покажи, смеяться будет. А после того перекрёстка изменилась, – парень сплюнул в сторону и выудил из пачки еще одну сигарету.

Всё случилось вечером 3-го января. Юлька и раньше любила погадать: ей это уменье от бабки досталось. Увлекалась она и всякими страшными историями – умела так рассказать про какого-нибудь оборотня или тётку Васёнку, колдунью с соседней улицы, что даже мальчишки потом вечерами боялись гулять поодиночке.

– Я толком не знаю, как они там вызывали. Знаю, что был у них круг нарисованный и иголка большая – штопают которой. Это мне Светка потом шепнула, а от Юльки вообще не добьешься ни слова. «Сначала, говорит, дух вызвали – какого-то Наполеона или Гитлера». Ну, по приколу, чё. Затем решили даже Фредди Крюгера позвать – фильм-то был американский. И эту, как ее... про куклу-то ужастик показывали давно уж. Как там ее...

– Чаки, – подсказываю я и ёжусь от внезапного озноба.

– О, точно! Вот этого Чаки дурацкого. Всё вроде нормально сначала-то было. А потом Светка рассказывает: как они стали с Чаки-то разговаривать, иголка вдруг задрожала, запрыгала. Такое

началось – пипец полный! Они всё в бане побросали и к нам – на перекрёсток. И вот там уж пошло дело-то... – Женька еще раз сплюнул в сторону. – Я тебе скажу: я никогда не видел такого и не хочу больше. У Юльки глаза закатились, а потом она как стала материть нас голосом не своим, грубым, утробным: «Сволочи, убью всех, вырежу по одному нах...! Пустите, – говорит, – мне на кладбище надо!». Мы ее с Петькой Трифоновым схватили, а она вот так руки раскинула, – мужчина развёл руки в сторону, – и мы с ним попадали кто куда. Силища в ней – будто у Шварценеггера...

Нашли Юлю лишь через полтора часа. Она сидела в лесу под деревом недалеко от кладбища и плакала. Говорить не могла почти неделю. Ее увезли в районную больницу, а потом – по совету врача – в Тольяттинскую клинику.

– И у нее вот с тех пор, это уж мне ее родители сказали, я сам внимания не обратил бы, – глаза другого цвета стали. Раньше карие, даже зеленые были, а тут поголубели прям, посинели – и всё тут.

Женька встал, я тоже поднялся вслед за ним. После того, как я пожал ему руку на прощанье и уже повернулся, чтобы идти дальше, парень окликнул меня.

– Вы это... Вы к ней-то, Юльке, не ходите, но можете мимо дома ее пройти, он вон там – за перекрёстком, третий по правой стороне.

– А... зачем? – интересуюсь я.

– Да так.... Просто в окна посмотрите – той избы, где она с мужем живёт. Сами поймёте.

Я киваю, благодарю его еще раз и иду к перекрёстку. Третий дом вижу сразу. В окнах стоят, висят, торчат десятки кукол – обычных, бумажных, тканевых, маленьких и больших, в туфельках, в шапочках, в носочках, самодельных и покупных. Я неоднократно в разных сёлах сталкивался с таким обычаем: старушки иногда выставляли одну-две куклы в межстеколье – для красоты, так сказать. Но изба Юли слишком выделялась из этого ряда. Слишком.

Я засмотрелся на всё это разнообразие и... нарушил Женькин запрет. Через минуту моя рука уже стучит в ворота кукольного дома. Темы для беседы с хозяйкой у меня точно найдутся.

Вдоль обеих стен большой терраски, оформленных «под дерево», тянутся стеллажи, полочки, крючочки. Все они заставлены и увешаны куклами.

– Давайте я вас проведу и покажу всё, – приглашает хозяйка – черноволосая худая женщина со светло-синими глазами. – Все сразу их разглядывать начинают. Правда, интересная коллекция?

Я киваю и невольно продолжаю вертеть головой по сторонам.

– Это всё – самодельные?

– Половина на половину. Что-то делаю сама, что-то покупаю. Я этим уж лет десять занимаюсь.

– А как у вас это началось? – осторожно интересуюсь я.

– Я заболела, – отвечает просто Юля и молчит; я опускаю глаза под ее пристальным взглядом. – Куклы стали настоящим спасением для меня. Вот смотрите...

Она берет двух небольших феечек с полки.

– Это куколки из флиса. Мне также нравится текстиль. Посмотрите, какие хорошенькие получаются.

Я верчу в руках рыжеволосую красавицу в щеголеватой дамской шляпке и кружевных перчаточках. Затем беру с полки смешного домовёнка, тело которого сотворено из соломы.

– Очень хорошие, – соглашаюсь я. – У вас настоящий талант!

Ее лицо проясняется: она чувствует мою искренность. Мы немного продвигаемся вдоль стеллажей.

– А какая кукла была у вас самая первая? – спрашиваю я.

– Из покупных или из самодельных? Первых самодельных тут уж нет: я ведь раздариваю много. И в детские дома, и детсады, и так просто. Многие охотно берут – это ведь красиво. Иначе бы у меня тут просто места не хватило. А вот недавно у нас в администрации праздник был, как он там называется... День семьи и верности. И я вот сделала десять штук больших берегинь. И их подарили нашим самым лучшим мамам – многодетным. Всем так понравилось... Вот одна осталась.

Она берет в руку куклу, одетую в зеленоклетчатый сарафан. Лица у берегини нет – лишь белая тканевая поверхность. Ладонь моей собеседницы прячется под сарафан, и вдруг куколка словно оживает – кланяется, приветствуя меня. Я улыбаюсь: ловко у Юли получается управлять своими маленькими шедеврами!

Мы переходим к следующему стеллажу. На его полках сидят и лежат какие-то необычные сказочные существа – то ли животные, то ли люди, то ли птицы.

– А у вас есть самые любимые куклы?

– Я всех люблю. Но самые любимые – те, что *оттуда*, – моя провожатая неопределенно машет рукой в сторону. – Они – самые живые, у них душа есть.

– «Оттуда» – это как понять? – снова спрашиваю я.

– Оттуда – это из сна. Как мне видится, такими я их и делаю. Даже придумывать ничего не надо.

Я застываю на месте и молча смотрю на нее.

– Рассказать? – синеглазая чуть улыбается. Я киваю, и мы переходим в небольшую кухонку – продолжение терраски. В доме, вероятно, больше никого нет – да я, честно говоря, и думать забыл о ком-либо еще, кроме своей спутницы.

– Я когда заболела, мне было очень тяжело. Жить не хотелось. И помнила я мало что – кусками какими-то. В Тольятти долго лежала, вам, наверное, рассказывали... Там диспансер есть большой, психоневрологический, мне врач попалась очень хорошая – Татьяна Витальевна. Она так заинтересовалась моим случаем, всё обо мне разузнала. Вот она-то мне и принесла первую выкройку куклы и ткань. «Юленька, клин клином вышибают. Попробуй куклу сшить. Если всё получится – тебе полегчает». А я... – хозяйка избы взглянула на терраску за моей спиной, – я очень их боялась. Ненавидела любой намёк на кукол – после перекрёстка-то...

Несколько недель пациентка не прикасалась к выкройке, принесённой врачом. Юля засунула ее в самый дальний угол тумбочки и постаралась забыть про всё. И вот тогда-то ей и приснился первый сон.

– Сновидение было похоже на детскую сказку или мультик – по насыщенности красок и самой атмосфере. Я была в таком месте – в городе, закрытом со всех сторон. Словно это большой-большой ящик, шкатулка, в которой много-много полочек-ярусов. На каждом из них – своя жизнь, своя работа. Внизу, в самой глубине – шахты. Я туда старалась не заглядывать: там вагонетки, уголь какой-то добывают, всё серое. Там что-то злое, страшное. А на других ярусах – получше. Вот тот, где я была, – там сплошная зелень. Будто ветки одного гигантского дерева разрослись кругом. И на этих ветках – разные существа...

На самом деле моя собеседница, конечно, описывала некую обобщенную картину – то, что ей приснилось за несколько лет. Проснувшись после первого сна, она достала из тумбочки ткань и долго

смотрела на нее. А затем начала постепенно учиться – на самых разных материалах. Так появились зверушки, птушки, феи, ящерки и куколки.

– Я до сих пор не знаю, сколько всего ярусов в этом городке-шкатулке. Меня словно кто-то не пускает ни вниз, ни вверх. Но мне хватает и моей полки: там на гигантских ветках – маленькие белые домики, и в каждом – свой хозяин. Я к ним иногда заглядываю в гости и, как проснусь, берусь за материалы. И тогда появляются они, – хозяйка кукольного домика кивает на постельцев стеллажей и полочек.

Я молчу в ответ, смотрю на тех куколок, что сидят перед нами на столе, а сам думаю только об одном: ведь где-то среди всех этих ярусных обитателей должен прятаться и тот, кто так грубо вторгся в жизнь Юли, тот, кто навсегда изменил цвет ее глаз...

Глава 7.

– Я иду вот по этим зелёным веткам и листьям и заворачиваю в сторону – всё влево и влево. И начинаю будто спускаться куда-то по спирали, – говорит Юля. Я спросил ее о самом запомнившемся сневидении про город-шкатулку, и она рассказала в ответ эту историю.

– И вот стоит домик, но не белого цвета, к которому я уж привыкла, а какого-то сероватого. Я захожу в дверь и вижу сидящего за столом мужчину, одетого в робу или мешковину. Он поворачивает ко мне лицо, и я узнаю папу – он умер четыре года назад из-за пневмонии. Я бросаюсь к нему, чтобы обнять, поцеловать его, а отец так холодно на меня смотрит и отстраняется. Я сажусь рядом, хочу рассказать ему всё: как я соскучилась, что у нас нового произошло. Но он меня останавливает – так повелительно, как король какой-нибудь, и говорит: «Натворила ты делов, Юленька, что и говорить... Мы все здесь страдаем! Нет нам покоя, пока он на свободе и творит чёрные, угольные дела свои. Ведь сгинем все – по твоей милости!...» – и неожиданно плачет. Я тоже в слёзы, спрашиваю его, чем же я виновата, что же наделала-то я?

А он вот так вот рукой подбородок подпер и глаза немного прищурил. «Горе ты мое луковое! Разве ты не видишь, что у нас уж половина домов – пустые! Неужели ты совсем ослепла? Или не дают голубые глаза твои правду видеть?».

А я действительно стала замечать: зайдешь в белый домик, а он – пустой. Словно совсем недавно, вот за несколько минут до моего прихода, хозяин там был, может, даже ждал меня, но теперь... нет никого. Никого... – она замолкает и снова глядит на стеллажи в терраске. Потом спрашивает меня, не хочу ли я еще чаю, и я киваю.

– И как же... – пытаюсь я продолжить разговор. – Потом еще что-то было, еще снилось? Про отца?

Юля трёт рукой переносицу. Кажется, она уже устала от нашей беседы.

– Нет. Всё то же самое: мой ярус, пустые домики – без своих смешных обитателей. А отца я больше не встречала. Я теперь уж кукол оттуда почти не делаю: некого делать. Берегу то, что есть. Всех остальных – отдаю, раздариваю и продаю, а этих – нет.

Я долго молчу, медленно потягиваю чай из кружки и понимаю, что должен задать этот вопрос – нельзя уйти, не задав его:

– Отец говорил вам про Чаки? Так ведь? О нём?

Женщина быстро оглядывается по сторонам и сжимает губы так, что они превращаются в две бледные нитки.

– Уходите отсюда! – шепчет Юля. – Я и так вам лишнего наболтала. Вы, наверно, всё здесь разнюхали обо мне: в селе только и радость одна – языками почесать, но никто не знает, каково мне жить со всем этим! Уходите!

Я приподнимаюсь, беру диктофон со стола и начинаю извиняться.

– Идите, идите... На черта мне ваши извинения! И больше никогда не стучите в мою дверь – всё равно не открою.

Я иду к выходу; хозяйкины тапочки, словно страницы большой книги, шелестят вслед за мной.

– Юля, простите меня. Я не смог просто сдержаться... – дверь захлопывается, я делаю несколько шагов от крыльца в сторону перекрестка и вдруг слышу звук откинутой щеколды.

– Вы... Вы Алексеем же представились, так? – синеглазая проносит слова всё так же полушепотом. – Лёша, приезжайте сюда еще... один раз. Говорите ваш телефон, ну, скорей же! Я позвоню, когда надо будет...

Я торопливо называю номер своего сотового; женщина, вздрагивая всем телом, словно испуганная лошадь, записывает на листочек диктуемые цифры. Потом дверь закрывается, и я выхожу на

асфальт. Внутри – опустошенность и чувство выполненного долга. Никаких чёртовых угрызений совести.

Юля позвонила мне, когда я сидел в школьной столовой, – на поминках после похорон дяди Вити. Как ни странно, людей собралось много – около сотни человек. Ни одного знакомого лица: все откуда-то знают Виктора Ивановича, кого-то он лечил, кому-то приходился родственником и соседом. Приехали даже из Самары и Пензенской области. За столом и на кладбище много говорили о том, какой дядя Витя был замечательный – отзывчивый, добрый, всем помогал, никому не отказывал.

Я слушал эти разговоры, смотрел на незнакомые лица и чувствовал себя, как выжатый лимон. «Где вы все были, когда он – слепой и беспомощный – не мог даже сготовить еду себе по-человечески?» – думал я и тут же себя одёргивал. Сам-то я не приезжал к нему почти год – и ничего, хорошо всё, можно других осуждать. По-настоящему о нём, наверное, только Катя и заботилась, – несмотря на все предупреждения знахаря. Это я струсил и, как дурак, свято соблюдал его запрет.

– Всё хорошо? – спрашивает Катя. – Может, еще блинов?

Я отказываюсь. Она порхает между столов, за всем наблюдает и везде успевает: это ее стихия – организовывать и контролировать. Поминки на самом высшем уровне, насколько это вообще можно сделать в селе. Молодец!..

От нее я узнал, что приехавшие из Самары родственники (кажется, дочка старшего сына Виктора Ивановича) уже интересовались наследством – избой целителя.

– Продавать ее собираются, – сообщила мне Катя с легкой улыбкой; у нее теперь всё было легко – как у бабочки. – Но долго покупателей искать не придётся: я сама куплю у них избушку-развалюшку.

Я в ответ вскидываю брови и молчу. Не хочется ни о чём расспрашивать и влезать в ненужные подробности. Дяди Вити уже нет – остальное меня не слишком волнует...

– Алексей? – говорит мне в трубку полузабытый голос, и рука со столовским компотом замирает на полпути. – Это Юля. Помните такую? Вы сможете приехать завтра или послезавтра? Лучше – завтра.

– Да, – отвечаю я, глядя на постепенно пустеющие столы: люди понемногу расходятся с поминок. Неожиданно остро осознаю, что больше никогда не услышу голос дяди Вити, и окружающее плывёт, туманится, запотеваает, словно лобовое стекло автомобиля.

– Тогда я жду вас завтра. У меня есть для вас подарок, – и трубка замолкает.

Юля всё-таки сдержала обещание и позвонила. Но ехать к ней почему-то совсем не хочется.

На этот раз мне открыл дверь мужчина лет тридцати пяти – хмурый, усатый, в очках. Мы с ним поздоровались, и он без лишних вопросов проводил меня вдоль кукольных стеллажей терраски в зал. В прошлый раз я здесь не был.

Хозяйку кукольного домика я едва узнал: она похудела так, что сквозь прозрачную кожу на щеках отчетливо проступали скулы. Казалось, что еще немного и покажутся ряды зубов – будто на выбеленном временем черепе. Юля полулежала на диване; ноги были прикрыты одеялом. Как только я поздоровался с ней и сел на единственный стул, муж сразу же вышел и плотно прикрыл дверь за собой.

– Лёша! Очень хорошо, что ты приехал. Не обиделся за то, как я в прошлый раз тебя приняла?.. Но это не важно, всё это не важно... Ты знаешь, когда вы... когда ты в прошлый раз ушел, я тут же поняла, что тебя сам Бог ко мне направил... Хотя в него, в Бога-то, я и не верю совсем. Нисколечки, – она говорила торопливо, делая неожиданные паузы. Белки глаз – розовые, воспаленные, будто она не спала несколько суток. Я чувствовал себя неуютно – так, как ощущают себя в присутствии пациентов психиатрических клиник.

– Мне после твоего прихода снова папа стал сниться, представляешь? Он мне про тебя кое-что рассказал. И я... помнишь, я подарок обещала? Сейчас. Серёжа! Серёжа, принеси, пожалуйста, – да, да, ту, на подставке которая.

Ее муж вошел через минуту, держа в руках нечто похожее на поднос, накрытый белой тканью.

– Ага. Всё, всё, ну, иди, иди же! – она даже не посмотрела на своего хмурого супруга. – Вот, Лёша. Это чтобы ты убедился... Так

мне отец сказал: «Он увидит и поверит тебе. И поможет, обязательно поможет». Ну, чего ты ждёшь? Убирай покрывальце.

Сергей поставил поднос на невысокий журнальный столик, стоявший возле дивана. Я приподнялся и сдернул ткань. Сначала я ничего не понял, не осознал, не увидел. А потом, когда до меня наконец дошло, я просто оцепенел. В горле пересохло, будто туда накидали песка. Я молча встал и налил себе из небольшого чайника кипяченой воды. Выпил стакан залпом, как пьют водку на поминках по любимому деду.

Новый шедевр Юли представлял собой овальный кусок фанеры. На гладкую поверхность были наклеены мох и немного хвои. Поверх этого слоя – несколько сосновых веточек, поставленных вертикально вверх. Ближе к правому краю располагалась тропинка – тоже сделанная из какого-то природного материала, наверное, подкрашенного песка. Всё это довольно искусно изображало лесопосадку и кусочек поля.

Среди сосновых веточек стояла кукла в длинном темно-синем платье. Ее лица я не смог разглядеть, так как его скрывали черные волосы. Мне до сих пор кажется, что Юля пожертвовала прядью своих волос, чтобы создать кукольное подобие моей детской фобии. Маленькая бледная ручка с мастерски сделанными пальчиками держала в руках поводок. Рядом с темно-синим подолом сидел черный бородатый ризен – шерстяная игрушка, изображавшая Найду.

Лежавшая на диване смотрела на меня с каким-то жадным, болезненным любопытством.

– Ну? Всё так? Это всё так и было? – быстро заговорила она. – Значит, отец мне сказал правду! Я всё с его слов и сделала. Тогда и всё остальное – правда. Слышишь, Лёша? Папа сказал, что ты сможешь мне помочь. И им всем – они этой помощи ждут. Слышишь?

Я не обращал внимания на слова Юли, всё еще не в силах оторваться от куска фанеры. Вода не смогла победить наждачную сухость в горле. Темная лесопосадка, ведущая к берегу Волги, снова обступила меня со всех сторон. Я даже взглянул на свои руки: нет ли там фонарика и книги с заговорами?

(«Найда! Где ты? Где ты?..»)

– Лёша, так ты сможешь нам? – Юля откинула одеяло и спустила ноги на пол. Скелетная худоба ее ступней поразила меня.

– Я попытаюсь... – пробормотал я. – Что ты задумала?

– Это не я, не я. Папа говорит, и они все говорят, что это остановит его. Только это и остановит. Потому что он уже всех утащил к себе – туда, вниз, в шахты, где уголь и темнота. Лёша, Лёша, он и за мной придёт скоро! Господи!.. Господи! – женщина вдруг разрыдалась и завывала – пронзительно и страшно. Я вспомнил, что уже слышал такой крик – в комнатухе дяди Вити, когда тот отчитывал одержимую.

Через несколько секунд вбежал Сергей. Он всё делал так быстро и чётко, что было понятно: приступы случались многократно, возможно, не один раз в день. Муж схватил с подоконника пластиковую банку, вытряхнул оттуда две или три желтых капсулы и, обняв жену за плечи, скормил ей таблетки одну за другой. Потом дал воды. Юля, уткнувшись ему в плечо, плакала.

Минут через пятнадцать мы смогли вернуться к беседе. Сергей на этот раз остался с нами в зале.

– Он закопан рядом с кладбищем. Там, за оградой. Я найду сразу, я помню хорошо, где это место, – Юля говорила тусклым, безжизненным голосом – видимо, из-за успокоительного. – Отец сказал, что его нужно перезахоронить – так, чтобы он успокоился. Навсегда... Понимаешь?

Я слушал ее внимательно и не верил самому себе: у меня даже мысли не возникло отказаться от всего этого, развернуться и уйти, хотя бы вспомнить, что я всё-таки какой-никакой, но исследователь, учёный... Я думал только о том, как бы сделать это получше, – так, чтобы нам никто не смог помешать.

По словам Юли, тот, кто изменил цвет ее глаз, мог успокоиться лишь в присутствии сильного человека. В селе, где родилась и выросла моя собеседница, бытовало такое поверье: самоубийцам, утопленникам и колдунам раньше (а иногда – и сейчас) старые люди всегда старались положить в гроб небольшую куклу.

– Это как заместитель, замена, понимаешь, Лёша? Если закопаешь их с игрушкой – они уже с собой никого не возьмут из живых. Не будут приходить в сновидениях и звать с собой.

Самое тягостное условие всего этого действия состояло в том, что похоронить Куклу нужно было рядом... с дядей Витей. Я не знаю, откуда Юля узнала о старом знахаре и его недавней смерти. Она уверяла, что ей всё рассказал умерший отец – так же, как о моей встрече с Женщиной в синем.

– Мы с Сергеем поможем вырыть ее, но отвезти Куклу к могиле знахаря тебе нужно одному. Так велел отец. Он сказал, что нам с мужем нельзя там находиться. Тогда всё закончится. Знахарь его удержит, заставит успокоиться... Лёша, ты мне веришь?

Я устало кивал головой: хотелось спать или лучше всего – умереть. Я не мог себе даже представить, как мы провернём всё это в реальности.

Ночевать я остался у хозяйки кукольного дома. Наше дело мы наместили на завтрашний вечер. Расстояние между сёлами, где жил дядя Витя и где 12 лет назад две подружки-дурочки вызвали злобную Куклу, – не больше шестидесяти километров. Времени должно хватить.

Меня положили в отдельной комнате, супруги легли в зале. Спал я без сновидений.

Глава 8.

Автомобиль мы оставили с выключенными фарами на обочине – метрах в трехстах от местного кладбища. Я нёс выключенный фонарик, лопату и мешок. Сергей поддерживал за талию свою жену: она едва могла переставлять ноги.

Пока шли к месту, где собирались заняться, быть может, самой странной эксгумацией на свете, я пытался справиться со своим собственным рассудком – рациональным, логичным умом, который позволял мне писать научные статьи.

Я не спрашивал себя, какого чёрта делаю на кладбище ночью в компании с бывшей пациенткой психиатрической клиники. Меня интересовало другое: то, что мы выкопаем (если, конечно, вообще что-то найдём), Юля сшила сама или где-то купила? Смартфон сегодня днем подсказал мне, что у Чаки – персонажа американского фильма – были реальные прототипы: куклы из серии «My Buddy» («Мой приятель»).

«В крайнем случае она могла дойти и до того, чтобы заказать эту игрушку по интернету. Сумасшедшие люди – великие хитрецы. А потом она просто закопала ее здесь, рядом с оградой», – размышлял я, внутренне готовясь к чему угодно.

Юля нашла место довольно быстро. Ничем не обозначенный участок заросшей колючками земли в пяти метрах от кладбищенского забора.

– Копать придется тебе одному. Нам нельзя с мужем... Ну, ты понимаешь...

Я не стал спорить. Попросил Сергея держать фонарь так, чтобы свет не был виден со стороны села, и принялся за работу. Копал минут десять. Краем глаза видел, что нашу спутницу бьет мелкая дрожь.

«Лишь бы она не закричала – как тогда в доме. И без того нервы на пределе», – думал я. Лопата углубилась почти на два штыка, и я решил спросить, сколько еще примерно копать, но тут послышался глухой удар. Еще через пять минут мы с Сергеем вытащили продолговатый деревянный ящичек.

– Что? Надо обязательно вскрывать его? – спросил я с отвращением. У меня было ощущение, что мы действительно выкопали мертвое тело. Лицо черноволосой женщины даже в темноте светилося белизной – словно головы ее кукол-берегинь.

Я соскреб лопатой землю с ящика, а потом отогнул карманным ножом несколько гвоздей – криво и наспех вколоченных. Под крышкой мы обнаружили лежавшую в куче старого тряпья большую куклу. Свет от фонаря успел выхватить джинсовый комбинезон, полосатую кофточку и кукольный череп с темной копной волос. Я понял, что моя догадка подтвердилась: кто-то закопал тут точную копию американской игрушки.

Юля тихо охнула и сделала несколько шагов назад. Я закрыл крышку и вернул гвозди в прежнее положение. Потом мы с Сергеем быстро засыпали яму и набросали туда прошлогодних сухих колючек, чтобы скрыть следы «эксгумации».

– Всё, теперь езжайте, – прошептала Юля; ее глаза блуждали, руки не находили себе места. – Скорее, ради Бога, скорее!.. Мы дойдем до дома с Сергеем сами. Пожалуйста, сделайте всё, как мы договаривались: закопайте его в ногах у дяди Вити.

Я вопросительно взглянул на Сергея, и тот кивнул. Мы с ним погрузили выкопанный ящик в багажник «десятки», и я поехал в сторону асфальта. Правая рука сама потянулась к пульту от автомагнитолы, и из колонок зазвучала бодрая музыка 80-х. Мне до тошноты не хотелось слышать глухие удары, которые иногда доносились из багажника: деревянный ящик то и дело подпрыгивал на кочках, и... честное слово, эти звуки доставали меня всё сильнее и сильнее.

В село я въехал уже во втором часу ночи. Машину оставил недалеко от кладбищенских ворот. Пикнув сигнализацией, сунул ящик с куклой под мышку, взял лопату и фонарь. Дядю Витю похоронили справа от входа – там, где начинался «новый порядок». Свежий холм был завален венками; на большом деревянном кресте поблескивал, отражая свет от фонарика, керамический овал с фотографией.

Мне захотелось сделать всё побыстрее, чтобы избавиться от щемящего чувства тоски.

Поставив ящик на лавку, установленную рядом с соседней могилой, я убрал два венка в сторону и принялся копать. По сравнению с жесткой землей, которую пришлось ворошить часа два назад, насыпь над могилой целителя показалась мне пухом. Не прошло и десяти минут, а работа была уже наполовину сделана: яма в ногах дяди Витя получилась аккуратной и глубокой.

Я выпрямился, и тут кто-то сильно ударил меня по спине. Вскрикнув, я упал лицом вниз и до крови поцарапал себе щеку искусственным цветком от венка. Я попытался подняться и получил еще один удар в спину; затем меня начали бить по ногам. Били, скорее всего, палкой.

Еще один удар – на этот раз не по мне – и фонарь, висевший на могильной оградке, потух. Звякнуло разбившееся стекло.

– Я так и знала, что ты это сделаешь! – женский знакомый голос. Я, прикрывая голову руками, откатился от свежей могилы и встал на ноги. В темноте, чуть подсвеченной звездами, – чья-то фигура. От нее снова раздается какой-то нечеловеческий, звериный рык, я бросаюсь в сторону и лишь поэтому не получаю удар по лицу.

– Катя, успокойся! – я срываюсь на крик. – Сумасшедшая! Ты меня чуть не убила!

– И убью, сволочь такая! – она матерится – грязно, совсем не по-женски. – Думаешь, я не знала, что ты обязательно попытаешься сделать это?

– Да я... – я не мог даже представить, как ей в двух словах рассказать, чем я тут занимался. – Мне нужно...

– Я знаю, что тебе нужно! – еще один рывок вперед, но мои глаза уже немного привыкли к темноте. Я уклоняюсь от удара и перескакиваю через низкую ограду соседней полузаброшенной мо-

гилы. Стараюсь, чтобы между разъяренной женщиной и мной находился крест или памятник. Наш странный кладбищенский танец продолжается; мы с Катей уже шагах в десяти от могилы дяди Вити.

– Послушай, давай ты успокоишься, а?! И я тебе попробую всё объяснить! – я стараюсь говорить тихо: не хватало, чтобы кто-то из села прибежал сюда. Тогда всё – пиши пропало; мы с ней точно прославимся на весь район.

Но в ответ – снова крик бешенства. Катя бежит на меня, выставив вперед свою жердину, словно копье.

– Ты хотел взять всё себе! Раскопать могилу, заговор прочитать – и дело в шляпе. Ты что: меня за лохушку держишь? – снова бросок и поток отборного мата. Я уже полностью пришел в себя; испуг и усталость сменяются злостью и раздражением.

– Дура! – ору я наконец. – Я приехал сюда совсем по другой причине. Давай я тебе всё расскажу!..

Мы останавливаемся с ней и, тяжело дыша, смотрим на темные силуэты друг друга. Между нами – чей-то могильный памятник.

– Хорошо, – наконец-то говорит она и бросает палку на землю. – Идём к могиле дяди Вити. Я посмотрю, что ты там натворил...

Она поворачивается, я спешу за ней. Ящик с Куклой по-прежнему стоит на лавке. Я опускаю его на траву и приглашаю Катю сесть.

– Сам садись. Мне и здесь хорошо! – огрызается она и, подсвечивая смартфоном, быстро оглядывает яму, которую я вырыл. Затем светит на ящик с Куклой. Я начинаю рассказывать...

Минут через пятьдесят мы сидели в избе дяди Вити и пили чай со смородиновыми листьями. Я был грязный, как черт; Катя дала мне старую рубаху – наверное, из запасов целителя.

Говорил, в основном, я; Катя отвечала неохотно и односложно. Ящик с Чаки она позволила захоронить в выкопанной мной яме, но мой рассказ ее не очень-то убедил: видимо, всё выглядело слишком фантастично.

Гвозди на ящике мне пришлось отогнуть еще раз, чтобы Катя сама увидела куклу.

– Всё это глупо! – сказала она мне там, на кладбище. – Вся эта твоя история. Ну, хорошо, пусть будет по-твоему: закапывай свою идиотскую куклу! Но я еще не знаю, как поступлю потом: может, мне придется ее выкопать и выбросить на помойку? Если она мне помешает – я так и сделаю. Понял?

Я не стал с ней спорить. Примерно в третьем часу ночи я засобирался в дорогу.

– Куда ты сейчас – в то село, к этой Юле?

– Да. А утром – в город.

Катя кивнула. Она проводила меня до порога. Мы постояли несколько секунд, глядя друг другу в глаза.

– Если ты думаешь, что я начну извиняться... – начала она раздраженно.

– Нет, – я махнул рукой. – Я просто хотел спросить: ты всё еще видишь эту свою... точку? Опарыша?

Катя откинула со лба чёлку и покачала головой:

– Нет. С тех пор как живу здесь – ни разу. Я говорила тебе, что сюда окончательно перебралась? Каждый будний день в город мотаюсь, но мне не привыкать.

– То есть после похорон дяди Вити...

– Нет... Точка и до этого у меня пропадала почти полностью. Он всё-таки помог мне. Умирая, всё-таки смог добить этого опарыша, излечить меня!..

Я снял очки, протер их уголком старой рубахи. Мне вдруг вспомнился рассказ целителя про черный стержень внутри репы, но я не стал об этом говорить той, что считалась теперь полноправной хозяйкой дома дядя Вити. И, кажется, была уверена в том, что его дар тоже должен принадлежать исключительно ей.

Мы попрощались, я прошел мимо белого «Рено», припаркованного у самого крыльца, и завел двигатель своей «десятки». На мысленном экране всплыло ухмыляющееся лицо Чаки – его синие глаза и рот, полный мелких острых зубов.

– Пусть земля будет тебе пухом, – прошептал я и опустил боковое окно автомобиля, чтобы вдохнуть свежего воздуха. – Ты уж, дядя Витя, держи его там в строгости. Дальше ограды – не пушай...

Через два часа, когда край неба посветлел, я постучался в дверь кукольного дома. Мне открыл Сергей. Я впервые заметил, что между зубами у него забавная щербинка: он улыбался. Юля уснула, как только они вернулись с кладбища, и спала до сих пор.

Я тоже отправился на боковую. Днем мне надо попасть в город, так что понежиться в кровати не удастся.

Эпилог

Чай с брусничным вареньем – это всё-таки здорово. Вообще, в Юлово есть нечто такое, что заставляет возвращаться сюда снова и снова. Я чувствовал себя здесь, словно в Садовке – селе моего детства, в котором дедушка с бабушкой вовсе не умерли, а просто ждут своего внука, колесящего Бог знает где.

– Всё-таки ты, Лёша, похож на меня: такая же у тебя мятущаяся душа, и ищешь ты вечно то, чего другим задаром не надо. Мне ведь даже сон про тебя снился! – говорит Татьяна Сергеевна и привычным жестом поправляет светлые волосы послушницы.

– Какой сон? – интересуюсь я. – Хороший?

– Как сказать... Вот будто едешь ты на своей машинёшке. Кругом – ночь, ни зги не видно. И вот сзади начинает что-то бумкать: «Бум! Бум! Бу-ум-м!». Я слышу, и мне страшно становится. Такие глухие удары, как будто вот из багажника кто-то вырваться хочет. А ты – продолжаешь ехать вперед, даже бровью не поведёшь. Как будто всё так и надо.

– И всё? – спрашиваю я. – На этом сон и заканчивается?

– Нет, – улыбается юловская хозяйка. – Знала, что ты обязательно спросишь... Кое-что еще. Ведь меня самой в той машине и нету будто, я просто вижу всё происходящее откуда-то сверху. Зато есть другие: у тебя ведь все пассажирские сиденья – в куклах. Самых разных: больших и маленьких, из ткани и пластмассы – каких только нет! И все они, это самое странное, – живые. И вот от них, от одного их присутствия так хорошо на душе делается, так весело и... безопасно. И постепенно я успокаиваюсь, уже не боюсь за тебя.

Про свою звёздочку Татьяна Сергеевна попросила меня не расспрашивать: боится, что наши разговоры спугнут ее. Хотя тут и спрашивать нечего – достаточно было посмотреть на ее светящиеся глаза, чтобы понять: свиданья продолжаются.

Перед тем, как попрощаться, учительница объявила, что они с племянником Толиком приготовили мне подарок.

– Ты уж не обессудь, Леша, если не понравится, но она тебе нужнее, чем мне, – улыбаясь, говорила юловская послушница. – Толик ради этого даже в Самару мотался, потому что в Ульяновске нет таких питомников.

Племянник на руках принес в зал черное маленькое чудо – чистопородного ризеншнауцера. Кутенок спал, и поэтому Толик говорил шёпотом.

– Глаза у нее пока синеватые. Такое бывает у кутят – потом, наверно, почернеют. Я ведь сначала тётке хотел ее задарить, но она ни в какую. Говорит, что вам – нужнее. Ну, как? Хороший подарок?

Я осторожно взял шерстяной комочек из его рук, посмотрел на морду с небольшой бородкой и кивнул. Подарок и впрямь хороший. Лучший из тех, что у меня были за последние годы... Мы долго прощались – сначала в доме, а затем на улице.

– Ну, всё, Леша, давай-давай, с Богом!.. Ты ведь еще вернешься в Юлово, я точно знаю, так что – нечего, нечего. Долгие проводы – лишние слёзы.

Татьяна Сергеевна, как всегда, оказалась права: в Юлово я приезжал еще трижды. Если племяш звал на местные родники, я не отказывался, но каждый раз брал Найдю на поводок – так оно надежнее будет. Всё-таки места здесь сами знаете какие.

Прежнее место

рассказ

Слепнёв пошел открывать в рваной под мышками футболке и тапочках на босу ногу.

«Кого там принесло в субботу с утра? Поспать не дают. Ну что за дом, а?..» – думал он, щелкая дверным замком.

За дверью никого не было. По крайней мере он сначала никого не заметил. И лишь опустив глаза долу, увидел крохотную бабульку, которая улыбалась и ковыряла пальцем в левом ухе.

– Ну что, соседушко, пустишь али как? На пороге-то калякать – примета плохая! – голос у незваной гостьи был похож на шуршанье мыши за печкой.

Петр Сергеич округлил брови и отступил на шаг, чтобы пропустить старушку. Он и сказать ничего не успел, а бабулька уже прошмыгнула мимо него.

Пока Слепнев закрывал дверь и шаркал тапочками до кухни, он услышал шум поставленного на газ чайника.

– Садись-садись, Петюнечка, щас чаёк попьём, поговорим о сём о том...

От этого ее «Петюнечки» он вздрогнул: так его называла бабка, которая умерла еще при царе Горохе. Ему даже почудился знакомый запах бабкиной избы – да так явственно, что почему-то захотелось плакать. Петр Сергеич молча приземлился на потертую низенькую табуретку и тем самым уравнился с маленькой соседкой.

Казалось, что у нее всё было понарошку: и вздернутый носик, и сухие губы, сжатые в «куриную попку», и шишечка из волос, торчащая на самой макушке, будто маяк в неведомое. Она напомнила ему старую куклу младшей сестры – из той, другой, Петюнечкиной жизни.

– Я, соседушка, тут недалё-око живу – да ты поди знаешь меня – Авдотья Петровна я, в народе – Дунька. Старшая по подъезду я, ага. Я ведь давно Слепнёвых-то знаю – и жёнку твою первую Наташку знала, и дочку Верочку, и сыночка Владика, – зашуршала-запела гостья.

Петр Сергеич округлял брови при каждом имени, которое та называла, и всё мучительно припоминал: да где же он видел это чудо чудное? «Ведь лицо-то ее точно знакомое – а вспомнить не могу. Наверно, и впрямь наша старшая – просто внимания на нее никогда не обращал. И немудрено: вон какая она маленькая, пробежит – не заметишь».

– Вот и чаёк скипел! – бабулька спрыгнула с табуретки, в два счета достала чашки-ложки, сунула куда надо чайные пакетики и залила кипятком. Слепнёв сидел в каком-то оцепенении и ощущал себя так, будто это он пришел в гости.

– Пей-пей, Петюнька, пей, родненький! Уж давно, наверно, чайку-то моего не пил. Позабыл-позабросил, эхе-х. Да чего уж там... Ты лучше скажи: ты зачем, ирод царя небесного, съезжать-то собрался? Чем тебе домушка-квартирка эта не приглянулась? Жил ты здесь пятнадцать лет – как сыр в масле катался. И еще сто живи! Правильно я говорю? – бабулька прижала к «куриной попке» кулачок и захихикала.

Петр Сергеич забеспокоился. Он страсть как не любил, когда о нем говорили, а уж когда дело касалось личного и семейного – тут и подавно. А эта старушка про всё знает: и про Наташку, и про его переезд. А он этот самый переезд холил и лелеял как соловей розу: тихонько почитывал объявления, наострял уши, когда говорили о продаже квартир и всяких новостройках. Даже жене своей Валечке – второй и самой любимой – ничего еще толком не сказал. А тут – старшая по подъезду! Да значит об этом уж весь дом гудит! О нем и его планах...

– Да как же вы это... – забормотал он. – Я, может, еще только планирую... Я и не говорил...

– Знаю, знаю: вы все только планируете. А потом – фьюить! И нет вас – уедут и не позовут даже. Тут следишь, растишь, пылинки сдуваешь, всех этих пришлых гоняешь, чтоб ни-ни, а они – вот как. Уехать. Да чего вам там – мёдом намазано?

Слепнёв потер губы и отвел глаза: ему почему-то стало стыдно. Будто он действительно сделал что-то нехорошее – стащил банку варенья без спроса или стряс последние яблоки с самого верху.

– Ну так нам бы расшириться, – проговорил он наконец. – Четверо человек в двушке – тесновато...

– Тесновато? Ба! – старушка всплеснула игрушечными руками. – Да что это? Когда в одной избёнке-развалёнке всемером –

значит, не тесновато! А тут четверым в этаких-то хоромах развернуться негде, что ли?

Петр Сергеич снова вздрогнул. Его мать, помнится, часто рассказывала, как они ютились в родительском доме. «Всемером одной ложкой щи хлебали!» – это ее любимая присказка была.

– Слушай, Петюньчка, а я вот что придумала, – маленькая гостья хватанула его за футболку и притянула к себе поближе. – От добра добра не ищут, вот и ты не ищи. Оставайся здесь, я и приглажу за всеми, у тебя вон Верочка неровен час замуж выскочит – вот и отселится к муженьку. А чего вам еще-то надо, а? Ну где вы лучше-то найдете? А у меня тут уж всё налажено-залажено, я все ходы-выходы знаю, как, чего, где. А там – там-то как?

Старушка заохала, склонила голову и заплакала. Петр Сергеич не знал, что делать.

– Дык... – начал было он. – Так я это... Не пойму... И переживать так не стоит.

– Так за тебя, родименький, переживаю! Ведь ты даже и не знаешь, как там, на новом месте-то, будет – худо там или добро. Вот ты даже и не спросишь меня. Нет бы спросить – вот бабка твоя Пелагея завсегда интересовалась!

Еще одно имя в устах гостьи снова заставило Слепнёвские брови изогнуться.

– А ее-то... – залепетал он. – Бабку Полю-то вы откуда? Вы как же...

– Так я ж оттуда, оттуда – из Лебязки! Так ты не знал, что ли, Петюньчка? Мы с твоей бабкой коренными подругами были. И в кельях сидели, и на печке сколько раз спали, и на парней гадали. На шесток зеркальце поставим – и давай женихов высматривать. Или валенки за забор кинем – а их у нас уведут. Вот смеху-то...

Петр Сергеич вдруг вскочил – да так, что табуретка, на которой он сидел, упала на дверцу холодильника.

– Па... посто-ойте! – забормотал он. – Чего вы мне голову морочите?! Бабка Поля лет сорок как в могиле, я ее едва помню. А тут... Тут не было никогда ее знакомых. Нет и не было. И еще чай какой-то... – он отставил чашку в сторону, тут только заметив, что напиток имеет какой-то странный травяной привкус.

– Да ты шо, Петюньчка? Бог с тобой! Шо ты взъерепенился? Как кур во шах, ей-богу. Вот и дед Фоня – точно такой же был...

Слепнев вытаращился на соседку, будто у той только что выросли ветвистые рога.

– А... А деда-то... – он сглотнул. – Откуда вы... Он же на фронте, в сорок первом... погиб. У нас даже фотки его нет нормальной. Вы что в архивах каких-то копались?

– Каки-таки архивы? – тоже испугалась старушка. – Может, книга домушна? Так есть такая, да. Но про Фоньку-то я не из нее вычитала – я его так, по-свойски, как говорится, знала. Мы ж тут недалёчко...

– Знаете что... – зашипел Слепнёв. – Уходите! Я вас в первый раз вижу, а вы тут про меня уже всё вынюхали... Да я в полицию пожалуюсь – на нарушение закона о персональных данных, да я...

Бабулька закачала своей крохотной головой и спрыгнула с табуретки.

– Вот ты какой, Петюнечка, твердолобой! Точно как Фонька – я ему говорила: не рвись, обожди, тебе еще семнадцати нет, а он заладил: «Пойду на призывной, всё равно возьмут». И вот – ухлопали. А подождал бы...

– Вон, вон! – затопал ногами Петр Сергеевич. – Не лезьте в мою жизнь, чего вам надо всем!

Старушка сморщила и без того сморщенное личико, запричитала, заохала и – шмыг в коридор. Он и не слышал, как она дверь открыла. Вышел – а там никого.

Слепнёв запер за гостьей, пошел в зал и тяжело опустился в кресло. Губы его подрагивали, кулаки невольно сжимались и разжимались.

– Петюнечка! – прошептал он едва слышно. – Вот ведь чудо чудное... Да откуда она выкопалась?

В соседней комнате кто-то – наверно, Владик – завозился и перевернулся на другой бок. Дыхание жены, спящей здесь же, в зале, прервалось, но потом наладилось вновь. На часах уже было ближе к восьми.

«Всё утро потратил на эту глупость. Лучше бы поспал побольше. Расскажешь кому – ведь не поверят!.. Как она там назвалась? Аграфена? Авдотья? Надо спросить жену – может, она знает, где эта старушенция живет... Вот ведь».

Он откинулся на спинку кресла и минут через пять глаза его стали закрываться. Слепнёв зевнул пару раз и заснул.

Ему снились темная терраска старой избы в Лебяжьем и бабка Пелагея, которая гладила его по голове и называла «Петюнечкой».

Через час Петр Сергеич проснулся от разговора жены по телефону. Он сварил себе кофе, немного размялся и даже сделал небольшой утренний моцион. Визит странной старушки как-то обмяк в его памяти, провалился куда-то – будто это приключилось лет десять назад, а не сегодня утром. Ему не хотелось об этом говорить и думать.

Хотелось совсем другого – посмотреть-почитать в интернете новые объявления о продаже трехкомнатных квартир. Лучше, конечно, в новостройках, но и вторичка пойдет: Слепневы всё-таки люди не богатые...

Через четыре месяца, когда они перевезли большую часть мебели в новую квартиру, Петру Сергеевичу показалось, что в кладовке кто-то стонет.

Он проморгался, взглянул на часы в сотовом: третий час ночи. Повернувшись на другой бок, Слепнёв уже почти заснул, но тут опять – стон.

Он встал, надел тапки и, подсвечивая фонариком в смартфоне (чтобы не разбудить сына с дочкой), пошел посмотреть, в чем дело. В кладовке было пыльно, жарко, там ночевали зимняя одежда, старые лыжи и швейная машинка. Стонать там было некому. Но стоило ему только прикрыть дверь – застонало опять.

– Да какого ж чёрта? – выругался Петр Сергеич.

В ответ что-то еще раз ухнуло, а потом кто-то шепнул ему в ухо, обдав теплым дыханием и запахом конского пота: «К ху... к ху...».

Слепнев выронил сотовый на ковер и засеменял к жене на диван. Там он накрылся с головой и, тяжело дыша, стал прислушиваться к темноте. Лишь под утро он забылся сном.

На новом месте жизнь у Слепнёвых не заладилась. Верочка через полгода выскочила замуж за преподавателя Суворовского училища, который, как затем выяснилось, оказался алкоголиком со стажем. Молодожёны уехали под Новосибирск, откуда дочка звонила родителям раз в месяц.

Валя, жена Петра Сергеевича, то и дело болела, жаловалась на головные боли и ворчала по пустякам. Сам Слепнёв жил мечтою о пенсии, вздыхал по вечерам перед телевизором и мучался ночными кошмарами.

И только Владик, казалось, чувствовал себя в новой квартире вполне сносно. Правда мать стала замечать за ним странности: он никому не позволял убирать крошки со стола, прятал какие-то коробки по углам и за шкафом. Однажды Валентине Петровне показалось, что сын с кем-то разговаривает у себя в комнате. Когда она открыла дверь, с кровати метнулось что-то серое и исчезло под дверью в кладовке.

– Ты кошку, что ли, завел? – удивилась мать.

Но парнишка только махнул рукой и уставился в свой смартфон.

Как-то вечером Владик подошел к отцу и сказал:

– Папа, ты помнишь, где в Лебяжьем могила бабки Поли?

Слепнев долго изучал лицо сына, а потом кивнул. Через неделю они туда съездили вдвоем и, вернувшись, на семейном совете объявили Вале, что решили переехать.

– Это куда-то? – спросила Слепнёва, хотя заранее угадала ответ.

– Да поближе к прежнему месту, – ответил за отца сын. – Нам тут делать нечего. А там – нас ждут. Уж и звать замучились...

На том и порешили.

Перемадела

повесть

«Перемадѣла – пересидела, перетомилась в печке, например, картошка или каша» (из диалектных словарей)

Глава 1. Санаторий

1.

В ногах – боль и цементная тяжесть. Таня открыла глаза и замерла. Что-то жёлтое сидело на ней – бесформенное, темное, чуть подрагивающее. Ни кричать, ни двигаться девочка не могла; оставалось только смотреть и сухими губами шептать те несколько слов, что научила ее бабанька.

– От баб Поли набралась? – прошелестело существо и заколыхалось от смеха. – Дура ты, дурой и помрѣшь. Неужто до сих пор боишься меня? Или снова позабыла про наши беседушки-разговорчики?

Таня попыталась унять дрожь в руках; по щекам текли слёзы.

– Ой, ладноть! Я к тебе не за этим пришла – слёзки твои смотреть. По делу значит. У меня тут случай вышел... – чудовище снова затуманилось, расплылось в очертаниях от хохота. – Не случай, а загляденье! Представляешь: выбор дали! Ага. Мол, забирай, кого хошь – из троих. Я прямо-таки вся в растерянности! Ну кого забрать, кому шейку-то срезать? Сестрѣнке Любке? Или сестрѣнке Галке? А может, всё-таки твоей старухе? К тебе за советом вот пришла. Ага. Кого выбираешь?

Девочка перестала дрожать и уставилась на незваную гостью. Бледность Таниного лица была заметна даже в темноте палаты, освещенной светом неполной луны и двух далеких фонарей, которые стояли у главного здания туберкулезного санатория.

– Ты врѣшь! – тихо произнесла она наконец. Сказала и сама удивилась твердой уверенности своих слов.

– Вру? А-а, аха-ха, ха-ха, ой, я не могу! Держите меня семеро!.. – Перемадела откинулась назад и смеялась, смеялась – до тех пор пока Таню не растолкала рука медсестры.

– Таблетки пора пить, Танюш! Сон, что ли, плохой видела? – доброе лицо тети Лены склоняется над ней, и маленькая пациентка понимает, что сон – это просто сон. И ничего более.

Она пьет целую горсть таблеток, «чтобы шейка не болела», как говорит медсестра. Затем наступает очередь Кати – ее соседки по кровати. У той тоже туберкулез, но другой – костный.

– Слушай, – говорит ее подруга, когда тетя Лена переходит в другой конец палаты. – Вот чего тебе сейчас больше всего из еды хочется?

– Я больше всего хочу встать! Походить... Не могу уже больше лежать! Не могу!..

– Ну не хнычь! – Катя тоже начинает всхлипывать. – И я не могу больше. Но Наталья Ивановна сказала...

– Кать, – перебивает ее подруга. – А ты кого больше всего на свете любишь?

– Больше всех? – переспрашивает Катька и морщит лоб. – Всех-всех?

– Ага.

– Наверно, маму. Или папу. Нет, маму... А ты?

– А я... – шепчет Таня и закрывает глаза. – А я – бабаньку. Только ты никому об этом не говори! Ладно?

2.

За месяц в этой палате она изучила всё. Трещинки в побелке потолка давно превратились в тропы, ведущие к волшебным колодцам-водопоям. Колодцев всего три – столько серых кругов от облупившейся краски над ее кроватью. По тропкам гуляют черепахи и лошади; иногда – по настроению – там появляются собаки.

Солнце в окно заглядывает всего часа на два – с семи утра. Потом оно прячется за угол корпуса. Зато убывающий лунный серп не уходит из окна – и это ее пугает. Потому что серебряная, мутная желтизна – цвет Перемаделы.

Ей казалось, что вся ее жизнь до санатория – всего лишь сон. Девять лет сна, из которых она толком помнила лишь пять.

«Какое мое самое первое воспоминание? Самое-самое первое?» – Таня спрашивает себя об этом по ночам, когда обитатели палаты спят. Неугомонная Катя сопит где-то совсем рядом и – одновременно – ужасно далеко.

«Терраска нашего дома в Садóвке. Мать купает нас в глубоком тазу – поочередно. Сначала Любку – потому, что она самая маленькая. Потом Галю – и в самом конце, когда вода уже совсем остынет, – меня. Это меня обижает, и я лезу в воду с неохотой...

Дверь терраски скрипит, оттуда тянет холодом. Заходит одетый в полушубок отец. “Закрывай, закрывай скорей! Девчонок купаю, не видишь, что ли?”. Мне стыдно, что отец видит меня голой. Он, большой, холодный, серьезный, быстро проходит мимо нас на кухню и снимает верхнюю одежду уже там. Затем мы все пьем чай.

А бабанька? Почему я не помню бабу Полю? Она, наверное, тогда жила у другого своего сына – Ивана, брата отца. Неужели было такое время, когда я не знала ее?

– Бабань, ну повернись ко мне, ну спи ко мне лицом!.. – в памяти всплывает новая картинка из прошлого.

– Не могу, дочка, на одном боку лежать: рука уж затекла! – слышит она в ответ шепот бабаньки.

– Ну я тогда на другую сторону перелезу! – и Таня мигом, как белка, перебирается через бабполин бок и оказывается снова нос к носу со старухой.

– И охота тебе старческую вонь нюхать! Ты уж взрослая деваха, тебе одной спать пора, – попрекала ее мать, которая ревновала дочку к свекрови.

Таня не отвечала, потому что не могла понять: о чем мама говорит? Вонь? От бабы Поли? От неё всегда пахло свечками, пряжей и сказками. Только с ней Таня чувствовала себя безопасно и могла хорошо выспаться. Только с ней рядом было спокойно и радостно...

Всё было именно так – до того момента, когда она впервые увидела желтизну, сидящую на груди у бабаньки.

3.

Это потом каждое лето она уезжала в туберкулезный санаторий и там горя не знала: сосновый лес, друзья, первые любви и отдых от надоевшей Садовки. А тогда, в первый раз, пытки святой инквизиции ей показались бы благом – по сравнению с пережитым.

– Тётъ Лен, – умоляла она медсестру. – Ну ослабьте хоть немного! Я не могу больше лежать на спине!

– Нельзя, нельзя, Танюш! Вот врач придёт – там посмотрим, – и давала ей очередную порцию лекарств. Потом завтрак – так же

лёжа. Ее маленькое тело примотали к кровати специальными крепежами, чтобы девочка как можно меньше шевелилась.

– С туберкулезом лимфоузлов вообще не живут. Ты в рубашке родилась, понимаешь? А если будешь Наталью Ивановну слушаться – скоро поправишься! – успокаивала Таню медсестра.

Но это «скоро» тянулось, как петушки из жжённого сахара. День за днём, ночь за ночью. Особенно было тяжело, когда всё кругом спало. Если становилось совсем невмоготу – снова и снова вспоминала бабеньку.

«Она не хотела, не хотела, чтобы так всё вышло», – думала девочка. Перед глазами, как на экране, оживала картинка: баба Поля причитает, когда Таню увозят в больницу.

– Это ты её своим лечением довела! – кричала мать. – Додумалась свиным говном шею греть у девчонки!

Бабанька утирала слезы уголком головного платка и молчала.

Шея у Тани заболела месяца за два до этого. Сначала она не жаловалась. Потом, когда стало невтерпеж, шепнула бабе Поле. Та прочитала молитовку, побрызгала святой водой – но бугры под нижней челюстью становились всё больше и болели всё сильнее.

– Погреть нужно, дочка, – успокаивала ее старушка, которая звала всех внучат «дочками». – Сейчас всё поправим....

И целую неделю Таня спала с марлей и тряпицами, в которые бабанька завёртывала теплые котяхи от поросенка. На седьмой день нагноившиеся бугры прорвались свищами, и в кровь девочки попала инфекция с испачканных тряпиц. Тут уж дело дошло до врача, которую вызвала на дом мать.

– Вы понимаете, что вы наделали! Вы ведь ребенка почти до смерти довели! Если она и поправится, у нее на шее такие рубцы будут, что в ее сторону ни один мальчишка не взглянет! – отчитывала врачиха мать Тани в своем кабинете – когда та приехала в больницу на следующее утро. Тамара Яковлевна в ответ хмурила брови; она давно уже решила, кто виноват в произошедшем....

4.

Как-то утром Таня заметила, что крепёж съехал чуть в сторону. Она полдня незаметно раскачивала его и ближе к вечеру смогла освободить левую руку. Дальше – дело техники. Лунный серп осветил кусок кафельного пола, куда девочка поставила свои ноги. За полтора

месяца они настолько ослабли, что подкосились, как только Таня попыталась встать. Она с тихим стоном брякнулась на бок, но удачно – ничего не повредив. Правда в шее запульсировала тупая боль – в тех местах, где начинали покрываться нежной розовой пленкой проравшиеся свищи.

Девочка на четвереньках поползла к заветной двери – ее ждали там бескрайние поля, реки и свежий ветер. Вот и кровать Кати, потом еще одной соседки, закованной в корсет, и – белая дверь. Чуть выпрямившись, она нажала ручку вниз, и дверь приоткрылась. Показался длинный коридор, равномерно освещенный пятнами-лампами. Холодный кафель палаты сменился теплым потертым линолеумом. Таня снова поползла, наугад выбрав направление.

Тут кто-то подтолкнул ее в бок, и она, вздрогнув, повернула голову. Темно-желтая гигантская жаба сидела рядом с ней и касалась пупырышистой мордой плеча девочки. От чудовища несло протухшей картошкой.

Таня дёрнулась и сильно ударилась затылком о стену коридора. В глазах бешеным хороводом закружились пятна-лампы.

– Чего испужалась, дурочка? – прошелестела жаба. – Я ж тебе помочь пришла, выход показать! Айда, айда, скорей, ползи за мной.

Желтое бугристое тело покатило вперед, и передняя лапка жабы поманила Таню за собой. Девочка, как под гипнозом, поползла за неожиданным гидом, стараясь не отставать от желтизны...

Вообще-то, у тети Лены, медсестры, был муж и пятилетний сыночек Славик. Но за последние полгода, когда ее смена совпадала с дежурством педиатра Сережи Ракова, она поддавалась временной слабости и шла в его каморку. Они выпивали немного спирта, курили, а потом Лена снимала халатик и позволяла Сереже делать всё то, чего не позволяла даже мужу.

Когда Таня открыла дверь, все этапы со спиртом и сигаретами были уже пройдены. Девочка проползла еще немного и услышала прерывающееся дыхание и стоны. Она оторвала руки от пола и, стоя на коленях, выпрямилась.

– Тётя Лена! – позвала маленькая пациентка. – Я заблудилась. И я боюсь жабу.

На несколько секунд в каморке, казалось, всё умерло. Потом кто-то ойкнул, чертыхнулся и над девочкой нависло пылающее лицо медсестры.

– Господи, Танюша! Ты как здесь оказалась? Боже ты мой!

Девочка плохо помнила, что случилось дальше: ее отнесли назад в палату, уложили, дали лекарство. Ей всё казалось, что откуда-то сбоку кто-то тихо квакает и поскуливает, заходясь от приступов смеха. Чтобы не слышать этого, она вспоминала Садовку и молилась словами бабьей молитвы.

Глава 2. Фуфаев

1.

Электрик Фуфаев приехал в Садовку поздней осенью. Листья на старых яблонях у бабки Дуси уже почернели и скукожились. Напроситься к ней в квартиранты ему посоветовали Анашкины, жившие напротив. Мол, старушка хоть и пьющая, но толковая: жить и работать не помешает.

И точно: она не мешала. Иногда правда уходила в запой на неделю, он ее сам раз пять находил в луже возле магазина и приволакивал домой. Но мешать – не мешала.

Жизнь ему портили соседи через забор. У них были три девки-погодки, и одна запала электрику в душу так, что хоть пальцы в розетку.

– Виданное ли дело: тебе, дурню, почти тридцать, а ей – семнадцать! Лёш, отстань от девчонки, ну что ты как банный лист, ей-богу... – бабтá, их мать, частенько ему мозги вправляла. Но Лешка тёр свои очки краем рубахи и вздыхал:

– Не могу, Тамара Яковлевна! Вот хоть режьте! Люблю Таньку – и всё тут....

Бабта лишь рукой махала в его сторону. Фуфаев таскался к Баскаковым через день, приносил дорогущий куйбышевский шоколад. На шее его болталась неизменная «Смена». Танька смеялась над ним, гнала его в шею, говорила, что у нее есть жених Валерка, он просто щас в армии. А Фуфаеву было наплевать.

– Приворожила она тебя, Лёшка, – шептала ему бабка Дуся. Фуфаев привык, что его хозяйка всегда была слегка «дátая». Она вообще казалась ему не отсюда: ее доброта, способность отдать всё последней нитки первому встречному была каким-то особым юродством. И он это юродство любил.

– Ну и пусть приворожила! – отвечал Лешка и хмурился. – Мне больше никого не надо!

– Так высохнешь же! Смотри какой лысенький да худой. А ведь тридцати нет. Хочешь отворожу? Я мигом... – бабка потирала руки.

Фуфаев испуганно тряс головой и кричал:

– Не вздумай, старая! Смотри у меня!

Хозяйка избы смеялась, лукаво смотрела на него и просила денег – авансом, за жилье. Лёшка отнекивался: знал, что та проплет. Но потом морщился и искал в карманах копеек 20. Старухе хватало.

Как-то вечером он не выдержал и поплёлся к соседям. Собака к нему привыкла и зевнула, когда Фуфаев скрипнул калиткой. Он прошел через терраску, затем на кухню и услышал храп Ефимыча за голландкой и посапыванье бабты.

Не понимая, что делают его ноги, электрик прокрался в девичью. Две сестры, Галка и Люба, спали вместе на кровати слева, а его зазноба – на той, что справа. Он тихо приземлился на стул рядом с Татьяной и, слыша стук своего сердца, взял ее руку в обе ладони. Девушка чуть приоткрыла веки, а затем снова ровно задышала. Он сидел так вечно. Потом начал целовать ее пальцы.

– Фуфаев? – зашептал хриплый спросонья Танин голос. – Ты ошалел, что ли? А ну кыш отсюда!

Лёша смотрел на нее и не двигался.

– Вот дурачок! – сказала девушка. – Ну и сиди. А я спать буду.

Через три минуты, вынув руку из его ладоней, повернулась на другой бок.

Фуфаев охранял ее сон почти час. Проскрипев половицами, он как в тумане дошел до бабдусиной избы и улёгся на старый диван в терраске. Лежал тихо-тихо и не замечал, как слёзы холодят щеки и подбородок.

«Не любит она меня и никогда не любила. Повеситься, что ли? Может, тогда хоть поплачет обо мне», – с этой мыслью он уснул.

Ему снилась Таня, у которой были двое детей и муж Валера. Тот ее бил и тряс, как грушу, а Фуфаев смотрел на это и ничего не мог поделать.

2.

В выходные всей гурьбой подались на местное Ильмень-озеро. Были три сестры Баскаковых, еще два знакомых парня с Садовки

и Леша. От закрытого купальника Тани у него заныло сердце, и он долго сидел на берегу в камышах, смотря, как купается молодежь.

То, что она тонет, первым понял именно он. Девчонка отбилась от остальных и уплыла на глубину. Со стороны могло показаться, что ничего не происходит: Танина голова показывалась над поверхностью и как будто приближалась к берегу. Но его, флотского, на мякине не проведёшь: это только дураки думают, что тонущие кричат и машут руками. На самом деле там оцепенение, мертвящая паника – человек захлёбывается, а люди в десяти метрах от него этого не понимают.

Он нырнул прямо в штанах, затем заработал руками так, что вспенил воду, будто моторка. Подхватил ее, почувял холодное русалочье тело под ладонями и – поволок к берегу. Тут и другие подоспели.

Пришла она в себя быстро, ее отогревали полотенцами, даже небольшой костер развели. Он всё смотрел на нее и почему-то не мог отвести взгляда от двух едва заметных шрамов по обе стороны шеи. А вечером, когда вернулись, она сказала, чтобы он пришел к крыльцу после полуночи.

Сердце колотилось, когда он крался через терраску бабы Дуси. Потом, скрипнув калиткой, почти бегом бросился к крыльцу Баскаковых. Она сидела на лавке в светлом ситцевом платье и блестела на него белками глаз.

– Кури, – приказала Таня, и Леша послушно вынул «Казбек».

– Я хочу сказать тебе – никому про это не говорила... – начала она решительно, а потом вдруг расплакалась и прижалась к нему. – Лёшенька, ведь ты спас меня от неё! Она хотела меня забрать к себе!..

– Кто? – спросил Фуфаев, не смея шевельнуться. – Кто хотел забрать?

– *Перемадела*, – прошептала девушка. – Она всю жизнь мне покоя не даёт. Рассказать?

Лёша согласно закивал. И зря так сделал...

3.

Сначала Таня говорила о бабе Поле – матери Ефимыча. Дескать, уж такая была старушка, что просто диво-дивное.

– Она ведь лечила, Лёш! Вот мы, еще маленькие, играем с сёстрами, там упадем или в животе если заколет. Прибежим к

бабаньке – она погладит, пошепчет – и всё, бегаешь дальше. Или вот голова заболит: баба Поля за волосы подёргает, виски потрёт – встаёшь как новый...

Фуфаев кивал, старался слушать, но сам мог только любоваться Таней, мечтал, что прямо сейчас обнимет ее покрепче и начнет целовать-целовать. Он чувствовал возрастающее странное желание, которого никогда не испытывал раньше: ему хотелось проглотить ее, вобрать без остатка. Так, чтобы она была полностью его, принадлежала только ему.

– К нам со всей Садовки приходили, даже из Куйбышева раза два приезжали: все знали, что она лечит, – продолжает девушка. Ее голос звучит с особой мягкостью, когда она вспоминает о своей «бабаньке».

Однажды Ефимыч, Танин отец, нашел на крыльце сверток. Развернул, а там – отрез материи на платье. Зашел, начал расспрашивать своих.

– Да это, наверное, бабаньке принесли – за лечение, – отвечала ему бойкая на язык Галка, средняя из трёх сестёр.

– Лечение? – хмурится отец. – Отнесите обратно – тому, кто принёс. Это Бог лечит, а не она. Подарки за такое нельзя брать.

А баба Поля и не брала – ей сами всё несли: кто хлеб, кто молоко, кто еще чего. «Она нам такое добро делает, а мы ей – ничего?!» – возмущалась сестра Тольки из Титовки – давнего Галкиного уха-жера. И знахарке всё равно дарили подарки – за помощь и молитвы. Еда доставалась внучкам, а тряпки забирала себе Тамара Яковлевна.

– Лёш, а пойдём к нам на чердак! А? – Таня встрепенулась и вскочила на ноги. Она часто так делала, поэтому он про себя называл ее «зажигалочкой». – У тебя фонарь есть? Где он? У бабы Дуси? Тащи скорей, я тебя на задах буду ждать!

И Фуфаев помчался обратно в свою комнатушку. Он даже не спрашивал себя, зачем, что и как. Зачем ему, тридцатилетнему мужику, надо куда-то бежать, лезть на чердак, волноваться? И только ведь потому, что какая-то пигалица его пальчиком поманила!

Но внутри-то он знал, что готов ради нее хоть с крыши сигануть – его и манить не надо. Достаточно едва уловимого знака от нее, движения ресницами...

– Вот тут мое место. О нём никто не знает, я Галке одной шепнула про него. Нравится?

Они сидели в большом кругляше из старой одежды и соломы. Место напоминало гнездо, а Фуфаев, на голове которого был закреплен шахтерский фонарь, ощущал себя почти орлом. Ну, на крайний случай, – проводником в неведомое, путевым обходчиком в вечерней таинственной мгле.

– Смотри, что тут у меня! – девчонка бог весть откуда достала несколько небольших куколок, сотворённых из тряпиц, перьев и сухой травы. – Я ведь обещала тебе всё рассказать, но... боюсь. А они – нет. Вот пусть они тебе и говорят. Угу?

Лёша молчал и улыбался. Он ничего не понимал, но солнечное сплетение почему-то ныло, а сердце стучало медленнее. Ему было хорошо и плохо одновременно.

– Просто сиди и смотри! Улыбаться можешь и хлопать в ладоши тоже – только тихонько, а то мамка внизу услышит, – она прыснула, но взгляд ее тут же затуманился. Голова склонилась набок, и так они сидели молча с минуту.

– Ладно, я сейчас ширму сделаю. Ты ведь ни разу мои спектакли еще не видел? Нет? Ну и дурачок! Я их сто раз показывала – и Любке, и Галке, и Анашкины приходили. Но так даже лучше. Впечатление у тебе свежее будет.

Таня мигом выбралась из гнезда, принесла два старых стула и закрепила деревянными прищепками на их спинках посеревшее от пыли покрывальце. Затем она исчезла за ширмой, и вместе с ней куда-то делись ее куклы.

– В старые-старые времена была такая деревня Кивать, – зазвучал голос; Фуфаев вздрогнул, потому что не узнал его в первые секунды – так искусно девчонка имитировала басовито-старческие интонации. – Там жила бабка Зина – знахарка и лекарка, которую все в округе знали. Она считалась доброй, но на самом деле добра в ней не так уж и много.

Луч из фонаря на лбу электрика выхватил согбенную маленькую фигурку. Та опиралась на крохотную палочку-клюку и не мигая смотрела угольками глаз на единственного зрителя.

– Что уставился? Лечиться приехал али как? – спросила старушка, и у Фуфаева остановилось дыхание. – Ладно, сиди-сиди. Я тут человечка одного поджидаю – Шурочку из Казинки. Это в Липецкой области, слышал про такое? Ну на нет и суда нет.

Куколка исчезла. Снова зазвучал басовитый, протяжный, совсем не Танин голос.

– Шурка приезжала к нам в Садовку давным-давно, папка с мамкой еще молодые были. А у отца был брат Иван – его семья жила от нас недалеко, через забор. У них сына тоже звали Александром, то есть Шуркой.

Грязное покрывало выплюнуло из себя длинноволосую куколку – она начала прохаживаться из стороны в сторону, ведомая гибкой девичьей рукой. Затем из серого тумана выплыла фигурка с фуражкой набекрень.

– Шурочка, как поживаешь? Не желаешь ли прогуляться со мной под ручку? – петрушечным звонким фальцетом спрашивает кукла с фуражкой.

– Ах, ах, Александр, да ты ж мал еще! И родственник мне почти! – отвечает его собеседница. – А впрочем, давай-ка свою ручку, молодец. Погуляем с тобой при луне...

Шурка из Казинки машет в сторону зрителя, и Фуфаев понимает, что роль луны играет его налобный светильник. Он тоже оказывается вовлечён в чердачный балаган, и ему от этого не по себе.

– Мамка с папкой как узнали про их роман, отнеслись к нему не очень: странные какие-то родственные связи получались, – продолжает всезнающий голос. – Но это еще цветочки! Вот Настя-то – мать отца племянника Саши – совсем этого не одобрила.

– Ты с ума сошёл! Дурачок! Да она голь перекатная! Приехала тут из своей Казинки, дева престарелая! – верещит выпрыгнувшая из-за покрывала новая кукла – с белой головой. – Не позволю, слышишь! Вон у нас в Садовке сколько девок хороших – как грязи! Вот хоть бы Валя. Чем не пара? Вот я тебя с ней познакомлю, она тебе понравится.

Появляется черноволосая девица, с которой уходит в угол ширмы Саша, сын Ивана. Там раздаётся смех и обрывки песен. Фуфаев совсем теряется: где он и что с ним? Кукольные лица колеблются, ширма раздвигается сразу во все стороны, и он пропадает там, растворяется целиком.

– Шурка, конечно, узнала об этом и заревновала так, что мама не горюй! Она ведь даже работала где-то, но работу свою бросила. А потом одним днём засобиралась назад, чемоданы паковать стала, – продолжает голос.

– Да куда ж ты, сестрёнка, милая моя, поедешь-то? – в облике нового персонажа проскакивают узнаваемые черты бабты – Тамары Яковлевны.

– В Казинку обратно еду. Нечего мне тут делать! – огрызается Шурка.

– Да зачем этот Сашка тебе сдался, Шура? – уговаривает бабта.
– Он же неровня тебе: ты его поди вдвое старше!

Лёшина спина покрывается мурашами: уж больно знакомы ему все эти интонации и собеседования-уговоры Тамары Яковлевны.

– Не твоё дело! Я-то уеду, а он всё равно мой останется! Не забудет он меня никогда! Не забудет! Понятно?!

Тут что-то ударило о шифер крыши, под которой находилось гнездо, построенное Таней. «Наверное, голубь», – подумал Фуфаев. Его голова невольно повернулась на звук, и ширма-сцена на миг погрузилась во тьму. А когда он снова вернул свет фонаря на прежнее место, то увидел желтизну. Там, где только что разыгрывалось представление, бугрилась гигантская жабы морда.

Электрик приподнялся, выпучив глаза. Крик-выдох не успел вырваться у него из легких: всё снова вернулось на прежнее место – и старые стулья, и гнездо из тряпок, и серая ширма, а на ее колеблющейся границе объявилась куколка старухи с клюшкой.

– Ну? Зачем ты пришла-то? – обращается знахарка к длинноволосой фигурке. – Можешь не отвечать, знаю-знаю. А тебе не говорили разве, что бабка Зина не занимается таким? А? Ишь ты: приворожить ей надо, вынь да положь!

– Бабулечка-красотулечка, ну помоги! Я не могу жить без него понимаешь? Потерять его не могу! – отвечает ей Шурка из Казинки.

– Я-то сделаю, но ты прежде покумекай сто раз! Ведь на тебя грех непрощённый падёт – не на меня. Я-то в стороне буду, а ты и род твой мучиться будет, страдать! Ну? Делать? Или нет? Ась?

– Делай! Делай, баб Зин. Я давно решила, мне терять нечего!

– Это ты шас так калякаешь. А потом... Хе-хе. Потом уж поздно будет. Ну?

– Делай, говорю! Не пожалею!..

Ширма неожиданно опрокинулась, и из-за неё пулей вылетела бледная, как смерть, Таня.

– Она здесь! Здесь! Лёша, бежим отсюда! Скорей!..

Фуфаев поймал зажигалочку, сжал ее горячее тело в объятиях и ощутил тяжёлое, могучее желание. Никогда за всю свою тридцатилетнюю жизнь он ничего подобного не испытывал.

– Чего ты, дурочка! Кого испугалась-то? – ее грудь высоко вздымается; она спряталась, вся вжалась в него. – Никого тут нет...

– Пойдём, пойдём, скорее! Фуфаев, миленький! Ну неужели ты ее не видел?

Леша, не отвечая, медленно приподнял девушку и положил на край гнезда. На ней было легкое ситцевое платье, под которое он запустил руки. Несколько секунд оцепенения, а потом началась борьба. Сначала она молча отбивалась, потом ночные сверчки разом смолкли, испуганные визгом такой силы, что разоспавшаяся и пьяная баба Дуся в соседней избе вздрогнула и приподняла голову на подушке.

– Лазют тут черти, нормальным бабкам спать не дают, – пробормотала она и мгновенно заснула. До самого утра сны ее были беспокойными, с неприятным желтым оттенком.

4.

– Так похоронили мы его – Сашку-то. Ага. Как Шурка-то уехала в свою Казинку, он сразу и женился. Да. Дочка у него родилась – года полтора ей исполнилось. И вот тут он к нам с Тамаркой стал шастать. Замучил прям... – Ефимыч выпустил дым в сторону и жестом показал Фуфаеву, что в его рюмку можно еще немного добавить.

Они помолчали.

– Ты, я гляжу, совсем перестал заходить-то к нам, – Танин отец перешёл на другую тему. – Чё вы? Рассорились, что ли, с Татьяной-то? Она тебя, говорит, даже видеть не хочет.

Фуфаев краснеет и опускает глаза. Затем хватает рюмку и чокается с Ефимычем.

– Не знаю... Да, поспорили мы с ней немножко... Ну а как он погиб-то – племяш ваш?

– Ага... – снова оживляется рассказчик. – Удавился. Вот и вся недолга. Я ведь говорю: стал он шастать к нам и допрашивать Тамарку: «Дай, мол, адресок Шурки – не могу я без нее!». А Шурка-то уже к тому времени на Украину под Полтаву куда-то съехала – из Казинок-то. И вот Тамара ему отвечает: «Не дам адреса – хоть режь! У тебя семья, дочка вон какая хорошая родилась! А ты – за прежнюю!» – «Ну не могу я, Тамара Яковлевна, жить без нее невесту! Весь я извёлся, понимаете!».

Так он ходил-похаживал к нам, пить начал, жену, Вальку-то, бить стал. Ни дочка ему не нужна, никто не нужен. И вот в одну прекрасную ночь сообразил: дом свой поджёт, а сам – в петлю. Валька успела с дочкой убежать, а он – готов. Такие вот пироги.

Ефимыч размял пальцами еще одну беломорину и закурил.

– У нас даже вон фотка есть – над гробом его Валька с ребёнком на руках убивается. Эх-хе-х. Нашёл себе смерть хорошу. Ванька-то, это брат мой, через два годика вслед за ним убрался. Сын ведь, не кукла какая-нибудь. Жалко...

Фуфаев тогда здорово набрался с Ефимычем – его потом бабта даже ругала за это: «Зачем, дескать, мне мужа спаиваешь?».

С Таней он смог увидеться только недели через две после чердачного светопредставления. Галка чуть глаза ему не выцарапала – не хотела его пускать ни в какую.

– Да не виноват я! – каялся перед Таниной сестрой Фуфаев. – Ум у меня помутился совсем. Да я ведь и не сделал ей ничего! Она так завизжала – я сам чуть с чердака не слетел.

– Вот и слетел бы лучше! Башку свою бы проломил дурацкую! – скалила зубы шестнадцатилетняя сестрица. – Она всю ночь проревела, пришла сама не своя. Благодарю Бога, что мы родителям ничего не сказали, а то бы тебя отец с топором с крыльца спустил. Понял, Фуфаев? И шоколадки свои больше не носи нам.

Но Лёша был как телёнок: совсем присмирел, целыми днями тёрся возле забора Баскаковых и в конце концов сломал лёд сестринского сердца.

– Мы тут с Любкой будем в двух шагах! – предупредила его Галка. – Попробуй только руки распусти, понял? Мальчишек знакомых позовём, они тебе так накостиляют – костей не соберёшь!

Фуфаев вручил им целый мешок шоколада – и сёстры, милостиво приняв дары, удалились. Танька к нему вышла в пуховом платке и села рядом на лавочку.

– Простишь?

– Так уже простила. Давным-давно.

– Правда? – его лицо просияло.

– Правда, правда... Только ты, Лёш, уезжай. И чем быстрее – тем лучше.

– А что... так?

– Валерка вчера письмо прислал. На той неделе он с армии возвращается. Он ревнивый – жуть. Мне проблем не надо. Да и не люблю я тебя. Нисколечки. Слышишь?

Фуфаев сидел, опустив голову вниз. Таня увидела, как затряслись его плечи. Она сняла с него очки и поцеловала в небритую щеку.

– Ну что ты, дурачок!.. Я тебе сто раз говорила, что не люблю. А ты плачешь.

– Плачу! – кивнул он лысеющей головой. – Потому что надеялся, Тань... Я всё понял. Уеду. Мне и впрямь пора. Давно пора – тут всё уж сделано. Из Куйбышева три раза вызов присылали.

– Вот и хорошо! – девчонка легко поднялась. У нее на плечи был накинут старый отцовский пиджак, который шёл ей до невыносимости.

– Постой, – хрипло сказал он и тоже приподнялся. – Я точно уеду. Завтра же соберусь – и тью-тью. Но ты только одно знай: я тебя люблю и любить буду. Если ты с этим... с Валерой своим... Если у тебя не получится или случится чего – приезжай ко мне. Сразу. Поняла?

– Да поняла-поняла! – Таня засмеялась. – Смешной ты, Фуфаев. Глупый и смешной.

Она повернулась и открыла калитку. Он стоял и тяжело смотрел ей в спину.

– Знаешь что, Фуфаев? Если у меня будет сын – я назову его Лёшей. Понял? В честь тебя! Вот так! – она сверкнула зубами и закрыла дверь.

Электрик простоял там, наверное, с полчаса, а потом пошел к бабдусиной избе. Если бы он был чуть посмелее – точно бы развинтил розетку и – ну ее! Эту жизнь... И всё остальное.

«Сына назову Лёшей! В честь тебя...» – как его резанули эти слова! Лучше бы она ничего не говорила.

Он и не знал, что третью ночь подряд его мучают кошмары про кукол. Запоминать такие сны он стал намного позже – когда вся эта история с Татьяной растворилась, поблекла в размеренной куйбышевской повседневности.

Глава 3. Подождок

1.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Стальные колёса спешат и ударяются о рельсы. Тамара Яковлевна сидит напротив согнутой старушки и смотрит на ее головной платок. Деревянные сиденья электрички утомили их обеих, прошили бока и ягодицы тупой болью. Баба Поля дремлет; ее нос почти клюёт худющие ноги, одетые в потёртые калоши.

«Господи, и что она в ней нашла? Ведь девчонка без ума от нее, жить не может без этой своей старухи. “Привези мне бабаньку! Мама, пожалуйста, привези мне бабаньку! Я не выдержу здесь, я боюсь! На денёчек только!..”. Вот заладила – и всё. Упёртая, как баран. Вся в отца – такая же упрямая».

Колёса стучат. Бабта смотрит на спящую и вспоминает, как увидела ее впервые.

Тамара тогда была молодая, статная, полненькая. «Ты ведь как помидоринка! Смотри, какая хорошенькая! И зачем ты в этот Чапаевск приехала? Кому ты здесь нужна?» – так ей выговаривала жена дядьки Никанора – брата ее отца. Она приехала в Куйбышевскую область из Казинки, потому что не могла больше жить там: колхоз, бесконечная, калечащая работа, какая-то беспросветность.

«Сколько я там ишачила – всё детство и молодость. Думала: вырвусь из деревенской дури, перееду хоть в маленький, но город... А оказалось-то. Еще хуже...» – ее мысли толкаются-перестукиваются друг с другом – в такт колёсам электрички.

С месяц она спала в дядькином зале под столом, потому что больше нигде было: квартира однокомнатная, а ведь там еще жили Никанорова жена и их великовозрастная дочь, похожая на привидение.

От этакой тесноты Тамара съехала сначала в общежитие, а затем нашла уголок у одной пожилой женщины – Пелагеи Андреевны.

– Это комнатка сыночка моего Митеньки. Он во флоте сейчас служит – уж пятый год. Скоро вернётся, но пожить пока можно, – говорила хозяйка избёнки, куда решила переехать Тамара. Уже тогда Пелагею гнуло к земле – подарочек в наследство, который она подбрала от матери и передала потом Митеньке, будущему «Ефимычу».

Девушке очень понравились добрые глаза хозяйки пригородной избы, и она переехала к ней «совсем ненадолго». Кто же знал, что вернувшийся Митенька влюбится в квартирантку матери и женится на ней не раздумывая – с флотской стремительностью?

Электричка резко тормозит, а потом снова набирает скорость. Баба Поля просыпается, немного разгибается и встречается глазами с женой сына. Тук-тук, тук-тук, тук-тук – и первой все-таки опускает взгляд Тамара.

Пелагея Андреевна снова дремлет, и ей тоже что-то грезится. Стучащие колёса поезда словно передают ей право на воспоминания.

«Ну вот опять картошка *перемадела!* – слышится из кухни голос ее невестки. – Есть просто невозможно. Я ж тебе говорила сто раз!». Баба Поля ничего не отвечает, только пальцы ее стучат спицами: вяжется очередной носочек для самой маленькой внучки – Любочки.

Сын и его жена много работают, приходят поздно. Всё хозяйство и три дочки-погодки – на ее руках. Митеньку Пелагея Андреевна родила поздно – в сорок два года. Когда первая ее внучка Танечка появилась на свет, бабе Поле было уже за шестьдесят. Поэтому старушке тяжело, ее гнет к вечеру так, что она едва доползает до кровати.

Но невестка всё равно недовольна. То на огороде что-то недоделано, то ужин приготовлен как-то не так. Что и говорить: часто, часто у старухи жареная картошка была не такой, как привыкла Тамара.

И с Митенькой с годами пошло у них на привычку и на прохладцу. Он выпивал, задерживался на работе, часто даже не смотрел в сторону жены. Да и спали они частенько на разных койках.

«Перемадело во всей моей жизни что-то. Опостылело – хоть из дома беги». И во всём этом чудился Митенькиной жене след ее свекровки. Уж всем-то старушка была по нраву: и дети-то от нее не отходят, и из села ходят лечиться толпами – и это несмотря на то, что Тамара им сто раз запрещала.

– Развели тут поликлинику! Она что вам врач? Да она читать-то не умеет, а вы тут советы с ней советуете! – отчитывала она кумушек, которые приходили шушукаться со старушкой про свои болячки да про непутёвых мужей.

Господи, а это бесконечное вязание по ночам! Спицы: тук-тук-тук, тук-тук-тук. Совершенно не дает ей спать этот проклятый стальной звук, а она вообще-то – со второй смены пришла.

– Мама, пожалуйста, ну вяжи-то вечером или по утрам! Чего тебе не спится-то?! – бесполезно ей говорить что-то. Бес-по-лез-но...

2.

В Новокуйбышевске набивается полный вагон. Дышать становится тяжело, руки и лица пассажиров нависают отовсюду, будто хмель со старого забора. Вдруг через ряд от их кресел раздаётся детский плач – сильный, пронзительный. Слышно, как мать пыта-

ется успокоить ребенка, но звук растёт, расширяется, захватывает всё пространство волнами и кругами. Он напоминает скулёж, затем – визг, а потом – какую-то жутко противную скрипку.

Проходит пять, невыносимо долгих пять минут, и Тамара Яковлевна не выдерживает:

– Да успокойте ребёнка, пожалуйста! Ну дайте ему соску, что ли!

Вагон ничего не отвечает и отмалчивается, а плач продолжается. Она не могла выносить детский плач; это быстро усвоили ее собственные дочки и старались всегда плакать беззвучно. Иначе могло попасть.

Скрипка не успокаивается. Симфония нарастает, ударяет в висок, потом снова и снова, опять и опять.

– Женщина! Ну что вы в самом деле! – Тамаре удается повернуться, встать и чуть потеснить остальных пассажиров. Она видит сидящую молодую мамашку с покрасневшимся лицом. В руках у нее – малюсенький кулёчек. Ребенку не больше трех месяцев.

– Если вы не умеете обращаться с детьми – нечего садиться в общественный транспорт! – выговаривает она сидящей, и тут же понимает, что всё это – зря. Что скандал самый зряшный и пустяковый и что на самом деле можно было бы потерпеть – и всё бы пошло своим чередом. Но пружина сжата и скручена, маховик задет, и ничего теперь уже не остановить.

– Да что вы на нее кричите! – встает на защиту молодости и неопытности какая-то пассажирка слева. – Ребенок маленький совсем, не может же она ему рот заткнуть!

– А соска зачем? Или бутылочку дать сложно, что ли? – к голосу скандала прислушивается теперь большая часть вагона.

– Не берёт он, я пыталась... – робко отвечает мать и пунцует еще больше. Ребёнок вздрагивает и кричит взхлеб: видимо, и ему передалась скандальная энергия.

– Дайте, дайте мне его! Дайте, говорю! Он у вас щас грыжу заработает от крика такого, – в голосе бабты звучит такая медицинская уверенность и власть, что никто не смеет возражать. Кулёчек оказывается в натруженных руках Тамары, и она, чуть прижав маленькое тельце к большой груди, пытается его убаюкать. Скрипка, которая, казалось, не могла уже взять звук выше, поднимается вверх новой симфонией и перекрывает всё вокруг. Виски бабты взрываются болью, мир вертится юлой.

Тут ее рук касается слабое тепло, и кулёк сам собой перетекает к другому человеку. Крик тут же выключается. Тишина вагона кажется неправдоподобной, как оперение павлина. Тук-тук, тук-тук, тук-тук. Стучат стальные колеса, и им вторит маленькое сердце успокоившегося ребенка.

Баба Поля держит его у себя на коленях еще минуты три, а потом – через других пассажиров – возвращает матери. До следующей станции весь вагон едет молча. Сквозь мутные двойные стёкла видны бегущие вместе с электричкой провода.

До туберкулезного санатория осталось всего-то три станции.

3.

– Ты, мам, в коридоре посиди, – наставляла старуху Тамара, пока они медленно ковыляли к воротам главного здания. – Она толком-то еще не оправилась, нечего ей попусту волноваться.

Пелагея Андреевна кивала на ходу, смотря себе под ноги. Мать Тани надеялась, что дочка, может, и не вспомнит про свою старуху, но не тут-то было.

– Привезла бабаньку? А? – бледная девчонка сидит на краю кровати и светит синими глазами на мать.

– Да что ж ты не идешь ко мне? Мы ж с тобой месяц целый не виделись! – спрашивает бабта, словно не слыша Таниного вопроса.

Маленькой пациентке только вчера разрешили вставать и убрали наконец-то ненавистные крепежи с ее рук и тела. Она пальцами ног касается пола и осторожно нащупывает тапочки. Мать не подходит к ней и стоит на пороге палаты: ей хочется, чтобы Таня подбежала к ней, бросилась на шею – как в драматических фильмах. Она смотрела такие в «Восходе». Но дочка не двигается.

– Ну давай же! – бабта присаживается на корточки. – Беги ко мне!

Таня делает первый неуверенный шаг и останавливается.

– Да она не может, вы что не видите? Отвыкла ходить-то. Лежала почти два месяца... – улыбается медсестра Лена. Но Тамара Яковлевна и ее не слышит.

– Дочка! Мама же к тебе приехала, иди ко мне!

Бледные щеки девочки вспыхивают розовыми пятнышками; она продолжает стоять. Бабта хмурится.

– А знаешь, кто тебя ждет в коридоре? Посмотри скорей! – Тамара Яковлевна делает шаг в сторону и приоткрывает дверь.

Там на кушетке рядом с оставленными сумками видно согнутую спину ее свекрови.

– Баба-анька! – визжит Таня и срывается с места, как зелёный лист-«вертолётник». Мать охает и едва успевает убрать руку – девчонка проскакивает через дверную щель в коридор и покрывает поцелуями седую голову бабы Поли. Медсестра округляет брови и спешит за ней.

Тамара Яковлевна вздыхает и идет проверять прикроватную тумбочку. Целования-милованья это, конечно, хорошо, но есть дела и поважнее: надо посмотреть, сколько хлама накопилось там за это-кое время.

4.

– Бабань, – торопливо шепчет Таня в ухо старушке, от которой пахнет свечками и сказками. – Она снова меня мучает. Жаба желтая, гадкая.

Баба Поля кивает и ищет рукой боковой карман сумки: там конфетки для внучки.

– Молилась, дочка?

– Да-да. Не помогает. Мне страшно, бабань. Она мне ужасы всякие кажет. Пугает. Говорит, тебя заберёт. Или Галку с Любой.

Пелагея Андреевна замирает и смотрит на внучку. Старушка перестает искать конфеты и садится удивительно прямо; взгляд ее проясняется.

– Как-как она говорит? Скажи толком!

– Выбирай, говорит: кого мне забрать? Сестрёнок твоих или бабаньку?! А я боюсь!

– Вот и напрасно, – баба Поля тихонько смеется. – Я тебе дам кое-что: она к тебе и не подойдёт больше. Нашла чем девчонку пугать, идолище жёлтое!

Таня, смотря на весёлые морщинки бабаньки, тоже начинает улыбаться. Впервые за последние два месяца ей хорошо и спокойно. Баба Поля знает, что делать, уж она-то точно знает!

Потом выходит из палаты мать, и они решают посидеть на лавке возле входа в главное здание. На улице сегодня солнечно – как и в душе Татьяны.

– Вот держи! – баба Поля, улучив минутку, сует в ладонь внучке что-то продолговатое и остренькое, похожее на палочку.

– Что это? – шепчет Таня.

– Ну что вы там всё шушукуетесь? – вмешивается бабта. – Не нашушукулись еще! Тань, ты яичко варёное ела?

– Ага, мам! Ела-ела...

Девчонка егозой вертится на лавке, ей не терпится рассмотреть поближе сокровище, зажатое в ладони. Но при матери она не смеет.

– Это подождок, – отвечает ей едва слышно старуха. – На веревочку его повесишь на шею – ни одна жаба не тронет. Запомнила?

И Таня радостно смеется в ответ: ей так хорошо вдруг стало. И бабанька, и лучи солнца, которого она не видела столько дней, и воздух, и деревья. И подождок! Всё, всё теперь будет по-прежнему, всё будет хорошо. Скоро ее выпишут – и она вернется домой к бабаньке.

Она прощалась с родными без всякого сожаления: ей казалось, что они вот-вот скоро увидятся. Таня на радостях даже забыла чмокнуть бабаньку в щеку – только рукой помахала.

Больше она Пелагею Андреевну не увидела. Когда старушка умерла, ее внучка была еще в санатории. На похороны она тоже не попала. Зачем травмировать ребенка? Девочка ведь еще толком не оправилась после болезни.

Глава 4. Дембель

1.

Валерка Сазонов вернулся с армии королём: форма как влитая, сапоги начищены. Он даже до родителей не дошел, сразу – к Татьяне.

– Ждала? – спрашивал он, ощупывая глазами каждую новую черточку, которая появилась в ней, пока его не было.

Таня смеялась и висла у него на шее. Она думала, что сойдёт с ума от счастья. Это только потом она узнала, что сначала он всё-таки зашел не к Баскаковым, а к бабке Дусе. Фуфаев уехал от соседки накануне вечером: запах его одеклона еще не выветрился в терраске.

– Баб Дусь, ты всё-таки через забор здесь – всё знаешь, всё видела. Скажи: Танька-то без меня с кем-нибудь ходила-гуляла?

– С парнями-то? – залепетала бабка; утреннее похмелье слетело с нее, как с белых яблонь дым. – Да ты что, Валерынька, что ты, миленький! Да она по тебе иссохлась, яко рябина без дуба! Беги к ней, дурачок, не об чем не думай. Бабка Дуся тебя блахаславлят!

Новоявленный дембель вышел от нее, блестя будто новый пятак. Вбежал на крылец к Баскаковым, по дороге закружил в радостном танце обомлевшую от неожиданности Тамару Яковлевну и ворвался в девичью – долгожданный, мужественный, любимый.

– Я ведь до сих пор не знаю точно, как до родителей добраться. Нам же квартиру в Нагёрном дали – переехали они из Титовки-то, пока я в армии картошку чистил, – шутил он уже за столом, опрокинув вместе с Ефимычем встречную.

– Да знаем, знаем! Чать, в посёлке живём. Тут не успеешь курам дать, а уж на другой улице кукарекают, – отвечала бабта и с одобрением поглядывала на сияющую Таньку. Мать давно не видела ее такой счастливой – наверное, со времён туберкулёзного санатория. Как похоронили свекровь, девчонка сиять перестала.

– Я уж у твоих родителей три раза была! Им еще и дачу дали – от консервного завода! Знаешь, какая там квартира, Валерка? Двухкомнатная, чистенькая, любо-дорого посмотреть, – тараторила старшая из сестёр Баскаковых.

Дембель не мог на нее налюбоваться. «Моя теперь, только моя! Никому ее не отдам – даже ее родителям! – думал он, наливая себе и Ефимычу. – Завтра же в ЗАГС подадим заявление. Нет, завтра выходные. Значит – в понедельник...».

– Любка, слазий-ка в подпол – за малосольными огурцами. И помидорок достань... Дим, может, курочку заколем – не всякий день дочкины женихи из армии-то возвращаются? – спрашивала мужа Тамара Яковлевна, заставляя молодых краснеть и бледнеть.

Младшая сестренка мигом слазила в подпол и передала наверх в сильные Валеркины руки всякие солёности. Любка быстро подхватывала чужое настроение – и поэтому, как и все, радовалась за сестру. А из самого дальнего подпольного угла, из кирпичной темноты фундамента на нее смотрели желтые немигающие глаза. Они тоже блестели задорным огоньком, предчувствуя скорое веселье.

2.

– Да куда мы едем-то, Валер? – кричала Татьяна в ухо своему жениху, пытаясь пересилить звук двигателя. Они неслись на мотоцикле по полевой дороге. Недавно прошел дождь, который прибил пыль и освежил краски и чувства.

– Сама увидишь! В такое место едем – закачаешься. Люблю тебя!

Оба были без шлемов; она обнимала его сзади и сквозь рубашку ощущала его мускулы, балдела от мужественного запаха и хотела так ехать всю жизнь, чтобы только любить его, чтобы только думать о нём.

«Если у меня родится сын, назову его Лёшей!» – неожиданно вспомнила она свою выходку перед Фуфаевым и рассмеялась.

– Чего смеешься? – спросил ее мотоциклист.

– Тайна! – закричала девушка. – Не скажу!

Валера ничего не ответил. Она не могла видеть, как его лоб раздвоила глубокая морщина. Он ненавидел тайны. У жены не должно быть от мужа никаких скрытых мыслей. По крайней мере, он так считает.

Остановились возле небольшого озера. Когда надоедливый мотор затих, они услышали ветер, бегущий в камышах, кряканье диких уток, разговор воды с берегом. Таня сидела на пеньке, пока ее жених ловил карасей. Он за каких-то полчаса натаскал рыбёшек на целую жарёху.

– Видишь, вон там за пригорком деревушка? Там живёт моя бабка Наташа. Хочешь: съездим к ней? Она живёт одна и будет нам рада, – спросил он девушку.

Таня ничего не ответила: она забылась, слушая озеро. Ей вспомнились волшебные колодцы, черепахи и сказки бабы Поли. Она особенно любила одну бабанькину историю – про женщину-обмерушку; Пелагея Андреевна уверяла, что это всё случилось на самом деле...

– Я вообще-то тебе вопрос задал, – он тронул ее за плечо.

– А? – очнулась Таня.

– Говорю: едем к бабке моей – мировой она человек. Вот увидишь – она тебе понравится!

Бабка Наташа ей действительно понравилась. Да и Таня приглянулась хозяйке избы.

– Я щас вам карасиков нажарю, а вы идите пока вон на сеновал – покалякайте. Дело-то молодое. А то можете и ночевать остаться, мне только за радость! – старушка их и впрямь сопроводила на сеновал. А потом они ели самых вкусных в мире карасей – таких Тане никогда больше не пришлось пробовать.

– Ты меня правда любишь? – он лежал к ней лицом, а она щекотила ему соломинкой щеки и нос.

– Конечно, люблю! Как такого не любить?

– Я серьезно!

– И я серьезно! – она засмеялась.

Он закрыл глаза и помолчал.

– У тебя был кто-нибудь до меня?

– Мальчишки? Да сотни! У меня в друзьях вся Садовка. Знаешь песню: *«По Садовке шатаются парни лучшие тебя. Они сильные-смелые, они...»*.

– Я не в этом смысле! – жених сел, повернувшись к ней спиной, и стал рассматривать свои руки.

– А в каком?

– Ты знаешь, в каком!

– Валер, да ладно...

– Ответь.

Таня привстала, и ее руки обняли его сзади – как будто они еще продолжали катиться на мотоцикле по полевой дороге.

– Я люблю тебя одного. Только тебя.

– Ты не ответила на мой вопрос! – он прижал ее ладони своими. – Пока не ответишь – не отпущу.

Они боролись с минуту, потом Таня засмеялась, и он тоже улыбнулся. В ту ночь они остались у бабы Наташи, и именно там, на сеновале, у Валеры получилось то, чего так добивался Фуфаев, отуманенный чердачным представлением.

Когда ее будущий муж заснул, Татьяна тихонько убрала его руку и вышла из сарая. Она долго смотрела на небо с крупными звездами и думала о том, что оттуда, из черной, пульсирующей глубины, кто-то, быть может, так же глядит на нее.

«Вот и всё, – думала она. – Я теперь уже никогда не буду такой, какая была прежде. Я уже женщина. И я теперь всегда буду только с Валерой...».

На самом деле она думала еще и о том, как будет об этом шептаться с сестрами и как те, боясь лишний раз вздохнуть, будут ее слушать. А она, старшая, опытная, знающая всё-всё, будет говорить и говорить. И...

Звезда прочертила огненную тропинку в черном небе и исчезла. Затем – другая.

«Если я увижу еще одну падающую звезду, то загадаю, чтобы мы с Валеркой всегда были вместе и чтобы родились дети, и чтобы...».

Третьей звезды Таня так и не дождалась: захотелось спать, и она ушла под бок к своему суженому-ряженому.

3.

На третий день после свадьбы они шли через поле из Садовки в Нагорный. Несли несколько кастрюль в сумке, оставшиеся продукты, деньги – в общем, переезжали. Тане ни о чём не хотелось говорить, она устала от свадебных впечатлений, танцев, музыки, бесконечных поздравлений. Первый день гуляли в Титовке, а второй – у ее родителей. Ефимыч с помощью заводских друзей организовал целую бочку пива: эй, народ, заходи всякий, пей сколько влезет, у моей старшей дочки свадьба!

– Тань! – она шла впереди и обернулась на его оклик.

– Да?

Они встали. Поле, которое Татьяна с детства знала, окружало их, прислушивалось к ним.

– Послушай-ка меня внимательно. Ты – *моя*. Никаких, сука, танцев-шманцев-обниманцев с кем-то там! Неважно, с кем! Я – муж, ты – жена. Поняла? А то не уследишь, блин. «Таня, я тебя приглашаю!» – и всё, стоило только пальцем поманить – Таня сразу же ушкандыбала. А муж сидит один, как идиот. Всё понятно? А?

Она смотрела на его глаза – две хищные, узкие щелки – и не могла узнать в них прежнего Валеру. Того, с кем она переписывалась три года, кого так ждала, кто ел с ней карасей у бабы Наташи.

– Да ты сам же танцевать не хочешь! Сидишь всё время. А мне скучно сидеть...

– Ты меня слышала. Я один раз говорю! Потом уже действую. Поняла?

Таня молча кивнула, и они пошли дальше. Она снова его опередила, чтобы не было видно ее слёз. Она уверяла себя, что это пройдет, что так не бывает, чтобы человек так быстро изменился. Наверное, тут похмелье или плохое настроение. Или что-то еще.

Через четыре дня он впервые ударил ее. И потом бил часто – долгих семь лет совместной жизни.

4.

Был Новый год. Баскаковы ёлку не наряжали, потому что дочери уже выросли, а первая внучка еще только наклёвывалась. Танин живот был заметен издалека.

– Залетай! Заходи-заходи! Мамка-папка, это Володя, Анька, Петька, еще Анька – в общем, мои самые-самые близкие друзья! Ну, чего вы там столпились на пороге-то? Заходи в зал! – десятиклассница-Любка была просто ураганом. Маленькая, с острым подбородком и бойким языком она сильно отличалась от своих более тихих и степенных сестёр. Казалось, что ее энергии хватит на всех – и Люба правда отдавала ее всем, кто просил и не просил.

За ней в зал протиснулись четверо одноклассников, которые осматривались по сторонам и не знали, что делать.

– Ну чего вы? Видите: стол накрыт! Ма-ам! Мы скушаем салатик? А? – Люба рванула к столу и схватила первую попавшуюся салатницу. – Она всё равно в терраске – не слышит. Навались ребята, ешьте – всё ваше!

Таня с Валерой сидели в соседней комнатухе, которую сёстры Баскаковы называли «отцовской». Они приехали из Тольятти всего несколько часов назад – в гости к родителям. Татьяна, услышав весёлую возню, хотела встать навстречу «молодежи», но муж схватил ее за руку и сузил глаза. Та сникла и осталась с ним.

– Ба! Танька! Ты здесь! – Люба, которая еще не видела сестру, просунула голову сквозь занавески, отгораживающие комнату от зала. Через секунду они уже обнимались и неугомонная младшенькая потащила ее в зал – в народ.

– Да вы чё? Новый год же! С ума сошли сидеть там, прятаться? – кричала на весь дом Любка. – Вот вернётесь в свой Тольятти – там и сидите по углам. А у нас – ни-ни!

Валера едва сдержал себя: так ему хотелось оттолкнуть эту егору, сказать, что его Тане и здесь хорошо, с ним, что она беременная и что ей не до веселья. Но он так не сделал. На людях он терялся, поэтому очень не любил приезжать в Садовку.

– Мне там делать нечего! Ефимыч твой только водку пить горазд, а мать – орёт постоянно, как глухая. Чего она орёт? – высказывал он Татьяне наедине. Но нанести «визит вежливости» всё равно пришлось: родня как никак.

Школьники смеялись, кто-то даже открыл принесённое с собой шампанское, потом включили установленный на треножник черно-белый телевизор. И Любка, конечно же, объявила танцы.

– Все-все танцуем! Мам, мы щас один танец – и убежим. Мы ненадолго, у нас дела. Да выключите вы телевизор, давайте лучше радио! Там будет музыка. Настроили?

Валера остался в отцовской комнате, но Таня чувствовала на себе его тяжелый взгляд – сквозь непрозрачные, желто-коричневые занавески, похожие на ширму.

«В старые-старые времена была такая деревня Кивать. Там жила бабка Зина...» – вспомнила она зачин чердачного представления для Фуфаева и улыбнулась.

– Можно ли вас пригласить на танец? – перед ней нарисовался Володя – совсем молоденький, безусый паренёк, который сильно робел, это было видно, и поэтому вёл себя вызывающе.

– Да я... – начала Татьяна.

– Нет-нет, мадам, никакие возражения не принимаются! – десятиклассник потянул ее за руку, и жена Валеры легко поднялась с кресла – несмотря на то, что ребенок зрел в ней уже седьмой месяц.

Запел голос Толкуновой: «Ах, любовь моя, любовь...», – и они закружились по залу родительской избы. Что-то вдруг шелкнуло в ее голове, переключилось на какую-то другую волну, и старшая дочка Баскаковых на целую минуту забыла о страшном годе, прожитом рядом с мужем.

Как это она – такая независимая, такая гордая, та, перед кем млели и падали штабелями половина садовых парней, – очутилась в этом... в этом тольяттинском болоте? Валера сначала сам устроился в инструментальный на ВАЗ, потом договорился насчет жены – на срок до самых родов. Сделал так, чтобы она всё время была на виду – и на работе, и дома.

– Почему он на тебя сегодня глядел? – допрашивал он молодую жену вечерами.

– Кто?

– Да кто, кто – со сборки приходил, Серёгин, что ли, его фамилия?

– Я не знаю. Я не обратила внимания!

– А я знаю! Смотри, чтобы я его больше рядом с тобой не видел!

Такие беседушки-разговорчики у них велись почти каждый вечер.

Ну? Разве не болото?..

Толкунова перестала петь, они остановились, и тут только Таня заметила, что ее голова лежит на плече парнишки. Она вздрогнула,

дёрнулась и сразу же поглядела на занавеску. Сазонов стоял в проходе, стиснув зубы так, что выступили скулы.

– Благодарю, мадам! Премного вами обязан! – Володька поклонился с церемониями и, взяв ее бледную руку, быстро поднес к своим губам. Потом все засобирались, Любка снова что-то кричала, уговаривала кого-то остаться до «самого боя курантов». И затем они оказались вдвоем.

Таня села в кресло, чувствуя, что ноги у нее подкашиваются. Он стоял в полной тишине, не двигаясь, а затем сорвался с места и с размаху ударил ее ладонью в висок. Беременная охнула и медленно соскользнула на пол; поджав ноги под себя, она затихла, уткнувшись носом в ножку кресла.

Валера про себя решил, что не будет обращать внимания на ее театральные выходы и пошёл из зала. Но на пороге на него налетела неугомонная младшенькая.

– Да Володька шапку куда-то дел! Представляешь? А ты, Валер, ее не вида... – и тут Люба закричала.

Она ведь улавливала настроение и эмоции с полуслова: ей даже объяснять ничего не пришлось. Не прошло и минуты, а с терраски уже прибежал Ефимыч. Рядом с Таней возилась Тамара Яковлевна, Любка помчалась вызывать скорую.

К Валере, который сидел на крыльце и курил, отец вышел еще до того, как приехали врачи. Сазонов сначала даже не посмотрел в сторону Ефимыча, но тут взгляд тольяттинца скользнул вниз, и он уловил блеск металла.

– Слышь ты, ирод? Я тебя чтоб больше на пороге своем не видел! – и Танин отец перехватил поудобнее топор.

– Э, э! – Сазонов сам не понял, как скатился с крыльца. – Полегче. Я и милицию могу позвать.

– Таня останется здесь. А тебя чтоб здесь не было. И точка! – и дверь избы захлопнулась с такой силой, что все стёкла в терраске задребезжали.

Валера повернулся и пошел пешком в Нагорный – через заснеженное поле. Новый год он встретил в квартире родителей – перед черно-белым телевизором. Когда оттуда запела Толкунова, он по-шачьи метнулся к розетке и выдернул шнур.

Глава 5. Ефимыч

1.

– Ну что, Танюш, поговорим? Отцу ничего не хочешь рассказать? – Ефимыч курил. В старости от бесконечных сигарет у него будут желтые пальцы и подбородок. Но он не знал об этом; а если бы и узнал – точно не бросил бы дымить.

– О чем, пап? О Валерке? Не, не хочу...

Таню положили в больницу на сохранение. Через три недели отпустили домой, и она вернулась к родителям. Мужа она не видела и не знала, что он приходил к Баскаковым дважды – и всякий раз сталкивался со свёкром. Дело дошло до разбитых окон.

– Ну, ежели ты не хочешь – я тогда кое-чѐ тебе расскажу. А ты послушай... Я когда молодой был, мамка – бабанька твоя, царствие ей небесное, – страх как за меня переживала. Я был это – не блатной, но приблатнённый маненько. Дрался, ходил на переплясы в ДэКа на Строительной. Это еще до флота, ага. И достал я где-то машинку. Соображаешь, про что калякаю, Танюш? Пистолет самодельный. Он стрелял, всё как полагается – всамделишный. А мне тогда всего-то семнадцать лет стукнуло.

Я с Валею ходил – ну Тамару-то я еще не видел, я только после армии с ней шуры-муры затеял. А тут – Валея. Красивая, ноги длинные, отец у нее из начальников, вся такая-растакая, книжки читает, а от меня – без ума. Ну, у меня тогда девчонок-то много было...

Таня слушала отца вполуха: у нее болело внизу живота, и она очень боялась за ребёнка, который скоро должен был появиться. О муже старалась не думать, хоть и плакала по ночам. Рассказы Ефимыча про бурную молодость она сто раз слышала, но любила смотреть на отца, когда он что-нибудь вспоминал. Его плечи распрямлялись, щеки розовели, и сам он становился каким-то молодым и беззащитным.

– И вот как-то раз пошли мы с ней в ДэКа, который на Берсѐли. Идем под ручку, все дела, и опа – а меня уж менты пасли. Я-то ушлый, они хитрые, а я хитрее! Пока чѐ да как, я раз – и машинку Вале в бюстгальтер сунул! Ага. Они сразу – обыск, туды-сюды. Я им: «Да, пожалуйста, да заради бога!». Ищут – и хер им. Нет ничего, пустой. Они у Вали-то не будут искать. Ну и всё: «Я трезвый, у меня

ничё нет. Гуляю с девушкой». Отпустили. А так бы пятерик впаляли бы, Танюш. Ни за что ни про что...

Папироса в его руках потухла; Ефимыч задумался. Он уж забыл про дочку, которая было собралась встать с дивана.

– Да погоди ты, погоди... – заворчал отец. – Я ведь тебе не про то хотел сказать, про другое. Вот чтоб ты поняла. Садись-садись, отца нелишне будет послушать. Вот Валя-то – ох и любил я ее, Бог свидетель! И что-то как-то так вышло – вечерок был, мы снова на Берсоли собрались, а я возьми да за Катенькой, это Валюшкина сестра, приударил. Сидим смеемся, ну а Валя-то, понятно, взревновала. И мы потом с ней, Валькой-то, вышли, она начала меня распекать: «Ты, Митька, как кот блудливый. Уже и до сестры тебе моей дело есть!» – ну и тому подобное. А я чё – молодой, поддатенький малясь был и не выдержал, душа не стерпела, ка-ак саданул ей по лицу! Ну не сильно, конечно, так – ладонью. Но синячище потом был, был... Во всю щеку, и под глазом растеклось. Она расплакалась и домой побежала.

А я... А я, как шас помню: стою один, вечер уже, осень. Так мне, Танюш, нехорошо сделалось, так тоскливо. Пошел я тогда в заведеньице одно, меня там все как облупленного – и надрался вусмерть... И вот веришь-нет, проснулся я где-то в канаве. Там на Берсоли – ты сама знаешь, днём-то страшно ходить, а я ночью валяюсь в подворотне какой-то. Да людей-то, Бог с ними, людей-то я никогда не боялся, это меня самого по молодости стороной обходили. Но там... другое было. Я списал бы всё на пьянь да на похмелье – но мне потом еще раз... Виделось. Я тебе вот, Тань, одной рассказываю – потому что подросла ты уже, сама вон мать, и потому что люблю тебя. Вот.

Таня насторожилась и сразу забыла про свой живот. Ей почему-то вспомнился теплый линолеум туберкулезного санатория и комнатка медсестры тети Лены («*Господи, Танюша! Ты как здесь оказалась?*»).

– Что виделось-то, пап? – напомнила она Ефимычу. Ее собеседник снова задумался.

– Я сам не знаю, как это назвать. Вот сидит у меня на ногах такая... гадость. Жёлтая, как моча. И рот есть, и нос, и глаза. А кто это – не ведаю. Думаю про себя: «Ё-моё. Белочка ко мне пожаловала! Допился до желтизны!». А она... оно гогочет. Смеется так, прям

животик надрывает. И говорит мне: «Ты, дурень, чего руки-то распустил? Зачем бабу бьешь? Это разве дело!». Я молчу, пытаюсь ногами пошевелить, чтобы скинуть ее с себя – и ничего не получается.

«А ты знаешь, что она тебе с Колькой, другом твоим, изменяет? Ась? Не зна-аешь! А они-то над тобой смеются, дурында!» – и снова хохот. Меня прям заколотило от страха, закрик весь поднялся, ей-богу! Вот хочу рукой пошевелить – и никак, хоть чё делай.

«А я тебе так скажу, Митька! – говорит мне эта тварь. – Ты её, Вальку-то, в следующий раз ножичком, ножичком! А? Понял? Есть же у тебя заточка, припрятана в терраске за столом. Так ведь? Вот давай, не минжуйся, родненький!..».

Да что с тобой, Танька?

Тут только отец заметил, что его дочь колотит крупная дрожь. Она не могла ничего с собой поделывать: детский страх перед Перемалдой переплелся с боязнью за еще нерождённое сокровище.

– Ничего, пап... Это нервное. Ты ее еще раз видел?

– Может, воды тебе выпить?.. Видел. Это потом, когда во Владике служил. А тут... Короче, стряхнул я с себя это наваждение, и домой поплёлся. И прямо с порога – бряк, и мамке всё рассказал.

– Всё? – Таня смотрела на него во все глаза. – Так баба Поля уже тогда про нее знала?

– Про кого? Про желтую гадость? Так я не про нее рассказывал... Ну, нет, про нее-то тоже, – два слова сказал, конечно. А я вот всё про Вальку. И баба Поля, мать то есть, сказала мне тогда: «Иди-ка, Митенька, и сейчас же перед Валечкой извинись. Прям сейчас! И никогда чтобы рука твоя больше на женщину не поднималась! Слышишь?».

Знаешь, как она мне говорила это, Танюшка? Как царица какая-то. Ты же помнишь бабаньку – ты ее лучше всех помнишь, она тебя любила сильно. Это же смиренное существо, мухи не обидит. А тогда – тогда я ее испугался, веришь, нет? Вся какая-то высокая сделалась, лицо побелело. И я – шепотом из дома. И к Вале. Как я до нее дорвался – не знаю: не хотела ведь она меня видеть. Руки ей целовал, Христом-Богом умолял, чтоб простила!

И с тех пор, вот – ни-ни. Никогда ни одной женщины и девушки я не бил. И к детям, девчонкам своим, не прикасался. Такой завет себе дал.

– А другой-то раз как ты ее видел? – Таня смотрела на Ефимыча, словно ребенок на фокусника.

– Кого? Жёлтую эту штуку, что ли? Э-э! – отец раздраженно махнул рукой. – Ну да, видел. Но это не к месту щас. Потом расскажу. Я тебе не для этого тут всё живописал. Ты пойми вот что, заруби себе на носу: мужик, который жену свою раз ударил, – уже на путь скользкий встал. Гадости этой. В первый-то раз его можно и простить, а можно не прощать – это твое дело. Но запомни: если он и в другой раз руки распустит – уходи от него. Даже не раздумывай, поняла? Потому что тут – всё. Как наркотик. Он по-другому не сможет больше. Поняла мысль мою?

– Ага, пап, поняла... – Таня поднялась. – Пойду приготовлю чего-нибудь. Посмотрю, где мамка.

– Иди-иди, – закивал Ефимыч. – А я посижу, покумекаю.

2.

Митеньке было пять лет, когда они с братом Федей и матерью Пелагеей Андреевной пошли из Пензенской области до Чапаевска. Добирались где на телегах, где пешкодралом. Однажды им пришлось за день отмотать пешком 60 километров. Мальчик плакал, валился на землю из-за сбитых в кровь ног; мать его тащила на руках, пока совсем не выбилась из сил.

– Мам, давай бросим его в поле! Пусть остаётся тут! – просил Федя, который тоже плакал и тоже устал. Мать ему не отвечала и тащила Митю вперед – до ближайшего села, где можно будет переночевать.

Месяца три после этого дня мальчик вообще не мог ходить.

– На жопе ползил. Мать мне сделала как коробочку, поймала суслика – и вот я с ним игрался. Такие развлечения были, да, – рассказывал Ефимыч много раз и жене, и детям.

Он часто вспоминал про это – особенно ночью, когда жизнь в доме замирала, и он лежал один в целом мире, мучаясь бессонницей.

«Мам, давай бросим его в поле! Пусть остаётся тут!» – вот этой фразы брата он не мог забыть. Они прожили с Федором бок о бок много лет – и в родительской семье, и потом – когда стали уже самостоятельными. Братнина семья обосновалась в той же Садовке на соседней улице. Не случалось между ними ни серьезных ссор, ни обид. Но бывало Митя разговорится с ним или сядет рядом на какой-нибудь гулянке и чувствует: подкрадывается кто-то. Изнутри что-то горькое, злобное, жёлтое поднимается. И тогда он старался

уйти, замолчать, опустить взгляд – лишь бы не сорваться. Фраза братца – такая детская, невинная, вызванная усталостью и возрастом – как ржавый гвоздь сидела в его голове, и ничего он с этим не мог поделать.

Однажды мать подошла к нему – уже когда у него были свои дети – приобняла его за плечи и сказала: «Век, век нам, Митенька, эту ношу нести. Бей ее, бей эту сволочь в себе – так, чтобы встать не могла. И поборешь! Верь мне, ведь я сама с ней всю жизнь живу...».

Митя тогда стоял перед согнувшейся старушкой и заворожённо смотрел на нее, не смея открыть рта, не смея задать вопрос, вертевшийся на языке: про что это она? Точнее: про кого это она?

А чего спрашивать, когда и без того известно? Так и жили.

3.

Он и в самом деле видел Перемаделу еще раз. Они с Вовкой-москвичом и Петькой из Тулы поехали тогда за молодым пополнением под Полтаву. Вообще, это была привилегия: дескать, заслужили молодцы, – за три-то года безупречной службы в рядах Краснознаменного Тихоокеанского флота. А на деле-то оказалось, что пришлось им на товарняке через всю страну – из Полтавы во Владик – тащить чуть ли не банду головорезов в 70 человек. Все как один – судимые...

– Значит так: у одного царя-батюшки дочка была – красивше нету. И талант имела: пересикнуть могла чё хошь – хоть избу, хоть гору. Ага. И указ он издал: кто, мол, накосит такой стог сена, что дочка моя пересикнуть не сможет – замуж за него отдам и полцарства-государства в придачу! – Митька небрежным жестом показывает, что ему нужна еще папироска, а лысые безпятиминут солдатики тут же организуют просимое.

Они – кто сидит, кто стоит, кто лежит – все покатываются со смеху, заглядывают ему в рот и ждут продолжения: он их так уже третий вечер развлекает. Ведь призывники, которые неделю катят в товарняке на холодных полках-нарах, – не самый прихотливый народец. А уж он-то знает, чем развлечь ребятешек. Лишь бы пырять друг друга не начали: он тут у одного уж изъял «пёрышко».

– И вот, мол, приехали тут со всех концов мастера-косари – видимо-невидимо. И кто какой стог ни накосит – хоть в десять этажей, а девчонка та встанет, раскорячится – и фьюить! Пересикнула...

– Уж я бы не стал ждать-смотреть, как она там раскорячивается. Засадил бы, – глубокомысленно замечает Гоша.

Гоша – пижон и фраер, Митька таких видал не раз, но сейчас он ему нужен – ой, как нужен! Через этого Гошу и еще одного при-блатнённого он эту всю свору и держит в ежовых рукавицах. Через них, так сказать, работает. А так бы – давно бы они его выкинули из поезда. Вместе с Вовкой-москвичом и Петькой из Тулы.

– Ага, – соглашается Митька-морячок и затягивается «Казбеком». – Но тут объявился Иван – парень разбитной, поди самарец – куйбышевский...

– Чёй-то самарец, – тут же вставляет Гоша. – Поди и в Подмосковье полно ушлых.

– Кто ж возражает, – спокойно отвечает сказочник. – Пусть это будет Гоша из Подмосковья!

Новобранцы одобрительно подсмеиваются над неожиданной сменой имени главного героя. Митька продолжает:

– И вот Гоша притопал в поле с утраца, взял кóсыньку ржавую – хлыц, хлыц! Покосил там с часок, сотворил копёшку в полтора метра высотой – и спать-почивать...

– Это по-нашему... – гудит народ с дальних нар. – Молодец Гоша!

– И раз глядит: катит карета, а там, значит, царевна – расфуфыренная, в кружевах, во белых пярчаточках. «Ах-ах, жиль-сильвиюпли, показывай-ка, Гошка, как накосил ты копёшку!». А парень-то не дурак был, говорит: «Давай-ка я вам сначала, многоуважаемая, воздуха накачаю! Легче, значит, будет пересикать!». Ну сказано-сделано. Накачал он ей там по полной...

– Засандалил! Ого-го, ага-га!.. – гогочат солдатики. – Это Гоша – мастак. Он такой – только успевай баб менять.

Гоша – с синеватым лысым черепом и узкими, драконьими глазами – покачивает небритым подбородком и ухмыляется. Митька вдруг чувствует к нему беспричинную ненависть – будто тот только что на его глазах растоптал ребенка. Но продолжает повествование.

– Точно так. Подфартил, в общем, ей под фартук. И вот та стала пересика́ть – а никак. Копёшка с хер да немножко, а дочка не может! Ну куда деваться – надо свадьбу справлять, а царю ой как не хочется!..

– Обещал – значит должен сделать! – это сентенция Сени – до ужаса глупого, но доброго паренька. Он сидит далеко от Гоши, потому что, как заметил Митька, у них давние «тёрки» друг с другом.

– Во-во, точно так, товарищ Сеня. И тянул царь с этим, тянул. Мял мякину в ступе – и опа: а у девки-то живот пучит, кислороду-то накачал – животик-то растёт...

– Ребёночек, значит! – замечает Сеня, и воздух вагона сотрясается от хохота – так, что даже стук стальных колёс перестает быть слышен.

4.

Митька в ту ночь проснулся от холода, который почему-то сильнее всего жалил ему горло.

– Слышь, старшой... Эй, морячок! – зашептал чей-то голос, и мгновенно пришедший в себя Ефимыч узнал нагловатые интонации Гоши. – Ты лучше лежи смирно, а то больше не проснёшься. Понял? Не трепыхайся тут!

Фраер держал у его горла небольшую изогнутую заточку и светил желтыми белками глаз. У него изо рта пахло гнилой картошкой.

– Тут, значит, такое дело. Мы с корешами не поладили с одним бакланом, выпендривался больно. Сеней звали, помнишь такого? Короче, помер он, начальник. Очнулись, смотрим: нет его нигде. Так и все будем говорить. И ты, морячок, – тоже. Усёк?

Митька молчал.

– Усёк? – Гоша сильнее надавил заточкой на кадык, и старшой кивнул. – Ну вот и славно. Всё путём будет, морячок, не минжуйся. Отдыхай спокойно!..

Тень удалилась, оставив у Митьки привкус железа во рту. Он лежал с открытыми глазами, стараясь унять стук сердца. Стальные колеса товарняка отбивали всю ту же ровную дробь.

«Когда следующая большая станция будет? В Омске? Тогда, наверное, к ментам пойду. И начальника поезда предупредить надо. И Вовке с Петькой сказать... Вот влипли, блин», – думал он.

Он лежал с пустой головой еще минут пять, а потом ему кто-то шепнул – будто на ухо: «А как же ты их без Гоши-то удержишь их? Ведь на первой же станции все разбегутся. Или скинут тебя – вместе с однополчанами твоими. Ты уж так сиди и помалкивай...».

Ефимыч приподнял голову и стал оглядываться: в темном вагоне всё спало и храпело; вагон стучал и поскрипывал, стучал и поскрипывал.

И он помалкивал. Утром сделал вид, что всё нормально. На фраера с синим черепом старался не смотреть, но всей кожей ощущал внимательный взгляд его драконьих глаз. Лишь вечером он отозвал Вовку-москвича в сторону и рассказал, что с ними теперь нет одного новобранца.

– Ефимыч, нам же всё равно голову снесут – за то, что не углядели, – говорил москвич и вздыхал.

– А так – мы вообще никого не привезём! Ты как с ними будешь управляться? Отряд ментов пригласишь – чтобы до самого Владивостока нас сопровождали? А?

– Тоже верно... Вот блин, вот подфартило-то! – сокрушался Вовка.

Петька, когда и его просветили, только рукой махнул:

– Ну сбежал парнишка – и всё! Где мы его искать будем? По головке не погладят, но хоть целыми доедем.

– То есть скроем, что ли, всё? – Митька был в страшном раздрае, кулаки его сами сжимались и разжимались. – А этой сволочи всё с рук сойдёт? Ведь он убил парнишку просто так – за здорово живёшь! Сенька глупый был, никого даже обидеть не мог!

Друзья пожимали плечами и отмалчивались.

5.

На этот раз он успел заметить тень вовремя и перехватил руку с заточкой, которая тянулась к его горлу. Теперь к нему на «ночную свиданку» заявили трое – Гошу сопровождали его кореша.

– Чего дёргаешься, морячок? Слушай сюда: мы во Владик не собираемся, делать нам там нечего... – зашептал всё тот же наглый голос. – Завтра сойдем – будет там одна станция. Ты и твои морячки – ничего не видели и не слышали. Понял?

Митька смотрел на него и действительно ничего не слышал. Он видел бесконечное поле и темный головной платок матери («Мам, давай бросим его в поле! Пусть остаётся тут!»).

– Ты чё оглох, что ли? Щас слух прочистим, если чё! – рука с заточкой, которую он, лежа на нарах, удерживал, напряглась и подкралась ближе к его кадыку...

И вот тут это произошло. Что-то взорвалось внутри Ефимыча, подкинуло его вверх, и через секунду он уже сидел на извивающемся теле Гоши и искал его горло. Загнутый небольшой нож отлетел куда-то в сторону. Две трусливые тени метнулись в темноту и затихли в глубине стучащего, скрипящего на все лады товарного вагона.

Митя добрался до цели и стал давить изо всех сил, которые удесятерились от ярости, взорвавшей его изнутри. Фраер хрипел, изгибался и вздрагивал, а потом стал понемногу ослабевать.

«Дави его, дави его, Митька! Вот ты ведь красавчик! Он же заслужил-заслужил! Сделай, сделай то, что хочешь! Ну?!» – в двух шагах от него металось что-то мерзкое и жёлтое. Он узнал голос – его ни с чем не перепутаешь.

«Ну чего ты? Струсил? Да он перережет тебе горло сегодня же или завтра! Убей суку! Убей суку!!»

Митька, задыхаясь, смотрел на лицо фраера; метущуюся тень Перемаделы он видел лишь мельком, боковым зрением.

«Пожалей свою ма-атушку! – запричитало вдруг чудовище. – Ведь он зарежет тебя, как свинью, и Пелагея Андреевна тебя больше не увидит...».

Услышав имя матери, Ефимыч вздрогнул и отпрянул от ослабевшего тела. Гоша всхрипнул, как раненый конь, и, перевернувшись на бок, закашлялся. Митька, не глядя на него, побежал будить Вовку и Петьку. Вместе они подняли еще плохо соображающего фраера и увели к дальним нарам. Там они связали ему руки и дежурили по очереди возле него до утра. В милицию они отвели его в Иркутске...

– Ну что, Баскаков? Трое суток тебе увольнения – за выполненное задание! Не без потерь там у тебя, знаю, всё знаю. Но – заслужил, заслужил! – говорил ему подполковник, когда вызвал к себе.

– Служу Советскому Союзу! – бодро отвечал ему Митька.

В увольнении он напился вдрызг – не от радости, а просто чтобы заполнить внутреннюю пустоту после взрыва. Но пустота, зараза такая, всё не заполнялась: что-то в нем после той полтавской поездки непоправимо изменилось, и он не знал – к лучшему это или нет.

Глава 6. Хохлач

1.

Ефимыч много лет держал голубей. Сто раз хотел бросить всю эту тягомотину – ведь перья кругом да кормить, да двор от бело-серого помёта чистить, – но не бросал. Больно уж ему нравилось смотреть на них.

– Сядешь бывалоча вот так вот с утра на крыльцо, махорочки скрутишь и наблюдаешь. И душа аж трепещет: вот он ходит за ней, голубицей-то своей, обихаживает. Или желторотиков проверишь – это же всё дети, всё такие же ребячёшки. А когда пускаешь их в небо с руки, а? Божья тварь, одним словом! – говорил он Толику – однокласснику Галки, ее вечному ухажеру.

Последние два года старший Баскаков особенно любил Хохлача – гордого крупного самца, взявшегося из ниоткуда – из воздуха.

– Прибился к стайке моих – и всё, никуда не хочет уходить. А потом и подруга у него объявилась. Сизую такую помнишь – из прошлогодних? Вот ее себе облюбовал! – Толик кивал, а сам всё думал: как бы так измудриться и сообщить Ефимычу страшную весть. После выпускного прошло три месяца, и Галка обнаружила, что у нее пропали месячные.

Ее молодой ухажёр, как бы помягче сказать... В общем, догадывался о причинах этакого феномена.

2.

Валерка в третий раз припёрся в середине февраля. Ефимыч вышел ни свет ни заря на крылечко посмолить и услышал звук хромки. Он наострил уши, приподнялся и пошел к калитке. У двора стоял Сазонов – без шапки, в расстегнутом полушубке и с новенькой гармошкой в руках. Играл он дерзко – с перебором, со страстью.

Баскаков прислонился к открытой двери и молча наблюдал. Валерка был трезвый как стеклышко – это без сомнения. Но глаза его – дикие, с краснотою – смотрели по-пьяному весело. Через несколько минут заскрипела соседская калитка, и оттуда вывалилась бабка Дуся. В полурваном тулупе, в галошах на босу ногу и без платка. От нее за версту несло многодневным запахом всего того, что можно было по дешёвке достать в садовском магазине – там, где изредка ей наливали в долг.

– Валерий! – закричала она, еще не дойдя до играющего. – Русского давай, русского! А-а, не-ет! Чёрт с русским, давай «Подгорну...». *Ах, подгорна, ах, подгорна, садовская улица! По тебе никто не ходит – ни петух, ни курица!..*

Тольяттинец мгновенно перестроился под желания соседки Баскаковых; пальцы его забегали по хромке, как живые.

«Играть он умеет, хрен моржовый. И хорошо умеет!» – думал Ефимыч, а сам уже незаметно начал постукивать левой ногой в сером коротком валенке.

– Если курица пройдё-от, то петух с ума сойдёт! Раз-раз-раз! – полупьяная Дуська принялась выделывать ногами кренделя, но смотреть на нее было радостно – потому что плясала она от души, от доброты ко всему, что ее било, унижало и проклинали каждый день.

– А может, и «Семёновну» могёшь, Валерка? Эх-х, где наша не пропадала! Ефимыч, чё стоишь истуканом? А ну давай! *Перед зеркалом стояла, примеряла трусики, чтобы пыля не попала милому на усики!* Эх-эх-эх!

Ефимыч оторвал спину от двери и с серьезным видом поклонился Дуське, а потом принялся ходить вокруг нее сизым голубем – похлопывая себя по коленям.

– Вот это да! Вот узнаю Митеньку, узнаю морячка!..

Еще толком не рассвело. Ветра не было. Чистый, со вчерашнего натоптанный перед двором снег чуть похрустывал под ногами пляшущих. Хромка играла звонко, как-то освежая и подначивая.

– *Я любила тебя, гад, чатьре года в аккурат, а ты меня полмесяца и то хотел повеситься!* – продолжала голосить соседка.

Дверь Анашкиных заскрипела, и оттуда показалось востренькое лицо Лёльки – вечной подружки и противницы Тамары Яковлевны. Бабка Дуся приходилась ей тёткой, но роднились они мало и считались, скорее, знакомыми.

– О! О! Эх вас с утра-то развезло! – закричала старшая Анашкина, пытаясь пересилить хромку. – А это кто – Валерка, что ли? Вот ирод-то царя небесного – и ведь хватает совести приходиться, после того, как с Танькой-то такое сотворил...

Но ее никто не слушал. Ефимыч подхватил Дуську под ручку, и они принялись нарезать круголя рядом с гармонистом, при этом бабка призывно замахала Лёльке, но та лишь покачала головой.

Еще минут через пять на улицу вышла Тамара Яковлевна, за ней выкатились Любка с Галькой. И вдалеке замаячила фигурка

Тани. Валерка, заметив это, больше никуда не смотрел; пальцы его не уставали летать по кнопкам, а руки то и дело растягивали меха.

– Вот тоже мне – с утра в выходной чё устроили, – заворчала Тамара. – Стыдобища. Бабка Дуся – оно понятно, но этот, отец-то, куда вылез?

Однако ворчала она по-доброму; размолвки с Валеркой она не одобряла и считала, что если муж бьет, то и любит, и что беременной нечего сидеть с родителями, и что всё – глупость и надо скорее помириться.

Сазонов сделал еще несколько пробежек по кнопкам, а потом резко прервал игру и в наступившей тишине сорвал ремень гармошки с плеча и бросил ее с размаху в сугроб.

– Та-аня-а! Выходи! Люблю тебя! На коленях прощенья прошу! – Валерка и впрямь бухнулся в снег.

Любка прыснула в кулачок и быстро зашептала на ухо средней сестре: «Как в театре, ей-богу!».

– Та-аня! – звал муж. – Никогда этого не повторится больше, слышишь!

И старшая из сестёр Баскаковых вышла-таки к Валерке – плача и улыбаясь. Подошла и подняла его с колен. И потом много-много раз пожалела об этом.

3.

На свадьбу средней сестры Таня приехала уже с рождённым сокровищем. Черненькая, плаксивая, шепутная, Светочка была больше похожа на цыганку или еврейку, чем на синеглазую породу Сазоновых. Может, поэтому муж дочку сразу невлюбил.

– Чего она орёт всё время! – бушевал Валерка, который никак не мог толком выспаться: на заводе и без того работы море, а тут – эта!

– Животик, наверно, болит! – оправдывалась Таня. – Это пройдет. Укропной водички дам сейчас.

Когда он выпивал – в основном, на выходных до, после и во время рыбалки – то мог в сердцах назвать дочку «выблядком». Татьяну это задевало больше всего.

– Руки-то не распускал больше? – спрашивала Любка жену Сазонова вечером накануне свадьбы. Таня отвечала, что почти нет, и это «почти» насторожило бы Ефимыча, но не быстрюю младшенькую. Отцу же Таня решила даже не намекать на это.

– А ты видела костюм Толика? Черный, с галстуком? Но Галкина фата получше! А куда ее дели? А туфли? А туфли? – Любка несколько не изменилась: выстреливала вопросы очередью; могла среди ночи вскочить и разбудить сестёр только потому, что вспомнила «что-то страшно важное, скорей-скорей, а то забуду!».

Таня очень радовалась и за Толика, и за Галку, которая была уже на восьмом месяце. Средняя сестра переживала из-за своей беременности и уверяла, что на нее все косо смотрят.

– Кто, кто косо смотрит? – ворчал Ефимыч. – Анашкины, что ли? Да нашла, кого слушать! Чё беременным замуж заказано выходить? Ты не в подворотне пузо своё нашла, а вон – от Толика. А Толик нам роднее родни.

Впрочем, сам Баскаков тоже переживал. Еще и года не прошло после Таниной свадьбы, а тут – вот те нате, хрен в томате: Галка на сносях. На выпускном, мол, учудили: пошли в лес погулять и нагуляли. Ну ничего себе выпускной!

Но Толика Ефимыч и в самом деле любил: он напоминал ему одного флотского друга, за которого Митька готов был и в огонь, и в воду. А уж про то, что паренёк в Галке душе не чаял, – тут и поминать нечего: об этом вся Садовка и Титовка знают-говорят.

– Может, не будем так широко-то – как у Тани – отмечать? – спрашивала мужа Тамара. – Ведь не потянем.

– Ничего. Корову вон продадим. Мне мать Толикова знаешь как сказала? «У вас, говорит, три дочери – вот и выдавайте каждую, как вам на ум взбрédёт. А у меня Толик – один-единственный!». Так что гуляем, Тамар. Я пока еще в силах – нашабашу, заработаю.

И гуляли. Снова на дворе у Баскаковых гремело и шумело; снова красовалась бочка с пивом, а самогону – хоть залейся. Заходи честной народ, Ефимыч дочку замуж выдаёт!

Жена Сазонова пила немного, а танцевать даже не пробовала: всё-таки дочь маленькая на руках. Когда Тамара Яковлевна унесла спящую Светочку в отцовскую комнату – и тогда она не встала с места. Валерка весьма одобрял такое поведение супруги, смотрел на окружающих гоголем и не раз по просьбе Ефимыча и бабты брался за хромку.

К концу первого дня все разъехались; Татьяна отпросилась у мужа покалякать-поспать вместе с сёстрами. Сам он обосновался на терраске.

– О! О! Послушай, Таня! – Галка притягивала голову старшей к своему большому животу. – Чувствуешь, как брыкается! Точно – мальчишка, вот чувствую, что не девка.

Таня поправила бутылочку у Светочки, спящей на маленькой раскладушке, и прислонила ухо. Её в щёку чуть подтолкнуло что-то маленькое и твёрдое, она ойкнула и тихо засмеялась.

– Ну? Говорила я! Вот брыкун! – Галка светилась счастьем.

– Как назовёте-то – если мальчишка родится?

– Только говорит, что Валеркой. У него любимого дядьку так звали.

Уголки Таниных губ опустились, и она вздохнула.

– Ну чего ты? – вдруг обиделась средняя сестра. – Чать, не один твой муж на белом свете есть. А «Валера» – красивое имя!

– Да нет, – закачала головой старшая. – Я разве против. Конечно, красивое...

– А вот и против, вот и против! – застрочила Любка с соседней койки. – Я же чувствую, что ты огорчилась.

– Да просто оно... имя это... Какое-то жестокое, понимаете?

– Имя как имя, – пожалала плечами Галка и надула губы.

– А вот знаете что, девчонки, – зашептала младшенькая, чтобы разрядить обстановку. – Я давно хотела вам сказать: вы звуков не слышите?

– Каких звуков?

– А вот по ночам. Я раньше, еще в детстве, думала: наверно, ветер. Но вот как Танька в Тольятти переехала, так это дело усилилось. «У-у-у!» – как стоны такие – из подпола. А?

– Дурочка ты, Люба! – сказала Галка и передёрнула плечами от озноба. – Я и так всего боюсь, а ты меня пугаешь. Вот рожу прям шас – будешь знать!

Любка прыснула, сёстры тоже заулыбались.

– Нет, девчонки, я серьёзно! Вот стонет кто-то в подполе, а иногда – квакает.

Таня насторожилась.

– Может, жаба? – предположила беременная сестра. – Я слышала: есть такие земляные жабы – гигантские. Они не опасные, но противные.

– Думаешь? Может, и жаба. Надо в подпол вместе слазить и прибить ее там, чтоб не квакала! – Любка снова засмеялась.

Галка стала клевать носом. У Анашкиных, живших напротив, погасли окна.

– А вот еще знаете что? – зашептала неугомонная младшенькая. – Я когда одна на двор хожу, вечером особенно, – вот чёткое чувство, будто кто-то следит за мной. И взгляд такой тяжёлый – жуть.

– Да хватит, что ли! – средняя сестра в сердцах повернулась на другой бок. – Только и знаешь, что пугать. Нет ничего. Спи давай.

– Ага – нет! Вон бабка Поля нам сколько всего рассказывала – и домовые, и черти, и оборотни. Всё есть. Помнишь, Тань?

Таня молчала, притворившись спящей.

– Танька! Я тебя сейчас щекотать буду – знаю, что не спишь! – младшенькая и правда дотянулась до нее рукой.

– Люб, давай спать. Завтра второй день еще – ряженные придут, наверно.

– Точно! – младшенькая присела на кровати. – Вот здорово!

Полминуты тишины – и снова Любкин голос:

– Всё не по-людски...

– Что не по-людски?

– Ну вот после первого дня свадьбы где невеста должна ночевать? Разве не с любимым во постёлюшке? А Галка вон – с сёстрами!

– Любка, уймись! – старшая махнула в ее сторону. – Галка и так вся на нервах.

– Да, правильно, а чё им ночевать-то – всё уж при ней! – и младшенькая, вытянувшись, щелкнула по животу беременной. Все расхохотались; Светка завозилась и захныкала. Когда та утихла, Любка спросила:

– Тань, а ты помнишь одну бабьинку сказку? Я тогда мелкая еще была, но она часто ее рассказывала.

– Какую?

– Да про обмерушку. Про женщину эту? Помнишь?

– Это не сказка. Это с Настей, женой ее брата, случилось.

– Да ну?! Расскажи, а?

– Нет. Я спать хочу.

– Вот не отстану, ты меня знаешь! Вот расскажешь – и засну. А если нет...

– Ладно, ладно, – Таня повернулась к ней лицом. – Только чур не перебивать...

И они начали шептаться; сёстры, как в детстве, слушали старшую, затаив дыхание. А та рассказывала и показывала – Таня не могла иначе, любила она действо за ширмой.

4.

Давным-давно, еще до всех войн, в селе Михайло-Лебяжье жила крепкая крестьянская семья Пантелеевых. Тогда рожали помоного, и было у них семеро детей – это из тех, что в живых остались. А так – может, двенадцать душ вскормили бы.

Пелагея – самая младшенькая – росла, как цветок в поле: не то что за ней не приглядывали, а просто всем было не до нее особо-то. Кто-нибудь зыбку да качнёт, кто-нибудь жёванный мякиш в тряпице да сунет.

И вот стукнуло ей годков десять, когда пришла к ним какая-то голытьба – самый никчемный народец в округе – и принялись они у Пантелеевых зерно вытаскивать, батьку в плечо пихать, братьям смертью угрожать.

А старший братец с беременной женой жили здесь же, в большом родительском доме: им еще только собирались выделить долю.

«Настенька была откуда-то издалека, говорят, даже из-под Самары, – кость у нее худая, лицо бледненькое. Чувствительная была очень», – баба Поля непременно говорила так о ней, «о худой кости», когда в сотый раз, по просьбе внучек, пересказывала свою историю.

Увидела братнина жена, как растаскивают всё хозяйство Пантелеевых, как называют их «кулаками», как смертью грозят и – обмерла.

– Летаргический сон это! – перебивает Таню Любка. – Я точно говорю, сама читала в газете...

– Не буду рассказывать больше! – объявляет Татьяна. И молчит несколько минут – столько, сколько может вытерпеть бесконечные Любкины «ну, Тань! ну, Тань! ну, Тань!»...

– Так вот: обмерла Настя – и всё. Лежит, как мёртвая. Очухались тут немного Пантелеевы: изба пока цела, в ссылку не отправили, запасы только вымели подчистую да лошадей с коровой увели. Одним словом, жить можно.

Брат бабы Поли неделю возле своей Настеньки дневал и ночевал: «Не дам, дескать, хоронить! Она живая и даже дышит – только незаметно».

А жена его и правда: лежит-полёживает, даже не пахнет от нее. Но всему же есть мера и пределы – не век же ее на лавке держать. Похоронили. Вместе ведь с ребёночком положили в землю – месяц не доносила...

– Нет, ну вы издеваетесь, девчонки! – встревает Галка. – Специально такие истории подбираете, да?

– Цыц! – шепчет младшенькая. – Пусть конец расскажет – там самое интересное.

Беременная демонстративно зажимает уши пальцами, но через полминуты забывается и убирает руки.

– А уже на следующее утро по Лебяжке слухок: слышали якобы на кладбище крик женский. Глухой такой – как из-под земли. Муж-то Настин как про то узнал – лопату в зубы и на могилу. Никто его остановить не сумел. А тогда – крестьяне-то – чё больно закапывали, что ли? Кто как сумеет, так и положит. Видать, неглубоко засунули Настеньку-то. Вырыл он ее, вскрыл сосновый некрашенный гроб, а там – жена вниз лицом лежит, вся расцарапанная, одежда на ней изорванная. Как проснулась она – воздуха не хватало, вот она там и билась, рвала на себе всё.

– Дуры! Обе вы! – Галка зашмыгала носом. – Страсти такие на ночь говорите!

– Да ладно: ты сто раз про это от бабаньки слышала!

– То в детстве да от бабаньки! А Танька – она вон всё в лицах показывает. Жалко ведь до дрожи...

– А я вот всё думаю... – опять нарушила тишину младшенькая. Сёстры уже давно развернулись друг к другу спинами и почти заснули.

– Любка, ты угомонишься сегодня или нет?!

– Да всё-всё... Вот только скажите: как вот этот брат, Настин муж-то, себя чувствовал? Вот разрыл он могилу, увидел всё это – жену любимую, ребёночка нерождённого. И как вот...

Средняя сестра кинула в нее подушкой.

– Ладно – не хотите как хотите. Я больше с вами не разговариваю! – Любка повернулась к окну.

Через пять минут ровно засопела средняя, потом к ней присоединилась старшая. За ними вскоре заснула и неугомонная младшенькая. Старый черный электросчетчик едва заметно жужжал, отсчитывая крохи энергии для низенького холодильника «Полюс». Пару раз гавкнула бабдусина собака.

А затем из подпола, из темноты кирпичного фундамента, кто-то заукал, заквакал и завозился. Но вскоре и там всё затихло.

5.

– Не у вас ли наша овечка? Обыскали всё – всю Садовку перерыли! Пропала наша ярочка Галочка! – изба Баскаковых вмиг превратилась в одну большую ширму, в весёлый балаган каких-то баб, одетых мужиками, чумазых пастухов с кнутами, людей в военной форме, людей без формы, медведей, цыган и чёрт знает кого еще.

Таня не могла разобраться, кто из них кто – Толика в военной форме она узнала, но кто был медведем – в вывернутом наизнанку полушубке и тряпочной черной маске? Кто эти цыгане? Всё пело, ело, веселилось.

Разошлась даже сдержанная обычно Тамара Яковлевна и так отчаянно сплясала с цыганами прямо в зале, что сверху голландки стали сыпаться куски кирпичей. Снова ели и снова пили. Ефимыч, обнявшись, спел вместе с матерью Толика «Черного ворона». А потом большая часть народу схлынула на свежак – во двор, на огород и на улицу.

С чего это началось, никто так толком и не понял. Раздались крики, зазвенело разбитое стекло. Выбежавшие на крыльцо сёстры увидели немыслимое: Валерка, до сих пор еще наполовину обряженный медведем, катался в грязи с Толиком. Первый бил новоявленного жениха по голове, а второй норовил зарядить мужу Тани в бок. Ефимыч, матерясь и поминая весь Краснознаменный Тихоокеанский флот, пытался их остановить. Подключились остальные – и сумели растащить пьяных дураков.

А затем Ефимыч – такого даже Тамара Яковлевна ни разу не видела – сидел на крыльце, курил и плакал, как ребенок.

– Убили ведь, убили моего Хохлача! Голову ему свернул, сукин сын! Да как рука-то поднялась на Божью тварь!.. А!?

Свадьба совсем расстроилась. Да и уж отгуляли большую часть второго дня – так что народ стал расходиться-разъезжаться. Галя хлопотала возле суженого, обрабатывая Толику боевые раны, а Татьяна искала своего мужа – и долго не могла найти.

Детали выяснились много позже – когда через год Таня приехала в Садовку снова, – уже без мужа. Тот наотрез отказался заглянуть к садовской родне и сразу отправился к матери в Нагорный.

– Поспорили мы, – с неохотой вспоминал Толик о втором дне своей свадьбы. – Пьяные были, что с нас возьмёшь... Валерка обрядился медведем и вот ходит – пугает всех, шалит. Потом залез в голубятню и стал там зверя изображать: «Э-э! Э-э!» – ревёт, как дурак, ей-богу. Я заглянул туда, чтобы посмеяться. Кричу: «Эй, мишка! Уходи отсюда, всё равно ты голубей не ешь. Тебе мёда надо!». А он – дур-рак, блин! – поворачивается и хватается Хохлача – ну того самого, Ефимыч в нём души не чаял. Я моргнуть не успел, а он ему голову – хрясь! И нет голубя. И ревёт ведь еще! Ага. Медведь сраный, блин. Ну тут я и не выдержал...

Ефимыч подошел к Тане вечером того же дня.

– Танюшка, доченька, люблю тебя. Ты знаешь, как люблю! – отец обнял ее. – Но прошу: уезжайте. Видеть его не могу больше! Пожалуйста. Не доводи ты меня до греха – я и без того насквозь прогрешённый. Увези его отсюда, Христом-Богом заклинаю...

И Сазоновы уехали.

Глава 7. Проворонил

1.

Говорят, Ворон, который днем и ночью стерёг золото в дупле трехсотлетнего дуба, в конце концов даже не заметил, как у него увели сокровище из-под самого носа. Люди потом так и говорили: проворонил, старый, золотишко-то.

Таня стала встречаться с наладчиком Вовкой Томиным прямо на Валеркиных глазах. Вся штука была в том, что никто из них троих и не догадывался, что это – любовные свидания.

Вовка был в инструментальном на хорошем счету. Работа в руках спорилась; к станку Тани он подходил не чаще, чем ко всему остальному оборудованию.

– Привет!

– Привет!

– Как дела?

– Как сажа бела.

В общем, обычные разговорчики-беседушки. Когда Таня решила убежать с ним от Валерки, их знакомству исполнилось пять лет.

2.

Она думала, что рождение второго ребенка всё изменит. Вот появится сын, как говорится, «наследник» – и дурость из Валерки уйдет. Хотя бы к детям он станет относиться по-другому.

К Светке отец по-прежнему не горел любовью: не сажал ее себе на колени, называл «тупоголовка» и вообще замечал ее редко – хоть и жили они в однокомнатной.

Когда он ссорился с женой, – а происходило это регулярно, – попадало и дочке. Валера не мог их воспринимать по отдельности.

– И тупоголовку свою заведи! – кричал он, уходя в зал. Таня оставалась на кухне, с ней там весь вечер проводила и Света.

Но на появление сына возлагались большие надежды. Во-первых, им в этом случае точно светила бы двушка, а то, кто его знает, – и трехкомнатная. Второе: муж сам ей сто раз говорил: «Дочка – это беда, а сын – радость! Роди мне богатыря! А? Постарайся?».

И Таня постаралась.

Свете исполнилось четыре года, когда родители из роддома привезли конверт с крохотным существом. У него были смешные красные ручки и ножки; он всё время плакал, и звали его Женей. Такое имя придумала мама, забыв о своем обещании Фуфаеву.

– Ну ладно! Я поехал! – объявил Валера. Они только успели зайти с укутанным в три одеяла ребенком: на дворе стоял январь, снег лепил в глаза, и, казалось, сам Бог велел оставаться дома – с детьми и женой, которая еще не пришла в себя после родов.

– Куда? – только и спросила Татьяна.

– В Нагорный. Отцу надо помочь с машиной. Послезавтра вернусь! – и всё. Был Валера и – сплыл.

Таня проревела полночи, а потом отбила родителям телеграмму. Она решила вызвать мать в Тольятти хотя бы на неделю, чтобы та помогла ей с детьми.

– И не такое бывает, дочка. Ну, уехал и уехал, хрен с ним, – успокаивала ее бабта. – Главное, чтобы ребеночек был здоровенький! Какой он вон длинный, как глиста.

Тамара Яковлевна за прошедшие годы постарела, поседела, но зато стала мягче характером. А может, на нее так повлияла долгая разлука с дочкой и рождение внуков. Одно точно: в ту неделю Таня узнала о собственной матери больше, чем за все 18 лет жизни в родительской семье.

– Вот помню: в Казинке у нас в избе полы были земляные. Холодно зимой-то. Да и осенью не лучше. Однажды мать послала меня на Головище белье за братом Толиком постирать. Ему тогда года два исполнилось. А на Головище вода студёная – жуть. Там какой-то ключ бил, всё село белье полоскало. А был сорок второй год...

И я, дурочка, косынку красную напялила, бегу на ключ-то и слышу: у-у-у-у. Гудит вверх. Стала выглядывать, а рядом со мной: тук-тук-тук. Земля мелкими холмиками вспучивается. Я и допетрить не могу, что немец по мне шмалает. А тут опять: тук-тук-тук. Я с дороги слетела, а он назад возвращается – самолёт-то. И опять – очередью. Я ни жива ни мертва. И нет бы дуре косынку-то с головы смахнуть – так и лежу, не шелохнусь. Он полетал-полетал – и всё, только его и видели. Может, подумал, что убил. Я встала – и бегом домой. С тех пор мамка на Головище не пускала: «Полоскай, говорит, здесь, во дворе».

Таня смотрела на мать как-то по-иному, другими, взрослыми глазами. Ее всё подмывало спросить про бабу Полю, и в конце концов она не выдержала.

Валерка старался приходить в ту неделю позже обычного; вёл себя тише воды ниже травы – одним словом, не любил он гостей из Садовки.

– Мам, спросить тебя можно? – она решилась заговорить с бабтой в последний вечер перед ее возвращением в Садовку.

– Про что?

– Почему у вас с бабой Полей всегда не ладилось?

Тамара долго молчала.

– Сама не знаю, Тань. Она и детей нам на ноги поставила – сидела с ними в самое такое время. Тяжелое. Когда вы маленькие были. Но мешало нам что-то... А может, и из-за сестры.

– Из-за какой сестры? – брови Тани взметнулись вверх.

– Ну из-за Шурки. Помнишь эту историю? Племянник-то Сашка удавился ведь.

Старшая сестра Баскаковых почувствовала, что надо прямо сейчас остановиться, не нужно ни о чем расспрашивать мать. Но не смогла сдержаться. Это с ней часто бывало: приходит какое-то желание и – всё. Борись с ним, не борись – всё равно оно победит.

– Ну? А баба Поля тут причем?

– Как? – удивилась в свою очередь бабта. – Так ты не знаешь, что ли? Шурка-то, сестра моя, ворожила на племяша отцовского.

Присушила она его насмерть. Вот он и повесился. И дом хотел сжечь...

– Да знаю я. А бабанька-то...

– Так бабанька ей и пособила. Уговорила ее Шурка-то. Да. Не знаю, чего она ей там посулила...

– Врёшь! – Танины щеки запылали огнём. – Не могла баба Поля так сделать! Кто угодно – только не она! К другой знахарке Шурка ездила. Я даже название села знаю – Кивать. Это не в Куйбышевской области, а...

– Да кто про это тебе наплёл-то? – усмехнулась Тамара Яковлевна. – Когда бы она успела? Шурка как узнала про Вальку эту, ну что Сашка стал с ней встречаться – так она чемоданы собрала и фьюить! Только ее и видели. А перед этим бабку Полю подбила на дело нехорошее.

– Ну не правда ведь это, мама! Мне бабанька говорила...

– Да наплела тебе старуха, наплела...

– Мама!.. – тут на их счастье заплакал Женька, и Таня занялась ребенком. Больше они к этой теме не возвращались. А больше, в принципе, и не надо.

3.

Бабта возвращалась в Садовку на автобусе. Провожать ее поехал Валерка – молча нес ее сумку, молча помог ей купить билеты, махнул рукой и – до свиданья, любимая тещенька.

Тамара смотрела на однообразные зимние картинки за окном, на полузаброшенные сёла, скрюченные и оголенные деревья и думала о себе и дочерях.

«Вот ведь не любит меня Танька. Если и любит, то не так, как бабку Полю. А что я ей сделала? Не я ли поясицу ломала, легкие себе все загубила на заводе этом проклятом – баллоны столько лет красила! Ради себя, что ли? И какая благодарность?».

Она понимала, что своим рассказом про бабаньку сильно расстроила старшую дочку. Но не жалела об этом.

«Пусть знает правду. А чего она – создала себе икону! Святую из свекровки сделала! А то я не знаю, сколько у Пелагеи детей было – уж точно не трое братьев-акробатов. Митька, Иван да Федор – это последыши. Она сама говорила, что девятерых родила, но померли все. И аборт, наверно, делала. А то нет?».

Уж сколько лет прошло после бабпопиной смерти, а Тамара всё ее ревновала к Тане. Она самой себе не хотела признаться, что историю про приворот помнит смутно. Да, Шурка приехала тогда и во всё призналась: якобы приворожила она Сашку. Это так. «Вон бабка Поля ворожит – и я приворожила. Тебе, Тамарка, какое дело? Не вмешивайся!» – так, кажется, кричала сестрица из Казинки. Или нет? Или по-другому дело было?

«А про Кивать же откуда слух пошёл? Это, наверное, от Пелагеи – она девчонок настропалила: «Вот куда, мол, Шурка моталась, чтобы приворожить!». А откуда ей, согбенной старухе, знать-то? Да и что она вообще знала? Голову полечить и я могу – это массаж называется. А старуха это «чэмером» каким-то звала. «Бабаньк, бабаньк! Головка болит!» – подбежит к ней какая-нибудь Любка – пострелёнок она, шепутная – страх! А свекровь ей: «Это чэмер! Щас полечим!» – подёргает ей за волосы, пошепчет что-то – и всё, девчонка дальше бегать-прыгать пойдет. А что это на самом деле? Массаж. Самоубеждение...».

Автобусное сердце урчало, скучные картинки всё мелькали за окном, и глаза Тамары сами собой закрылись.

4.

Она сидела на лавке возле старой, покосившейся избы. Рядом стояла молоденькая женщина с маленьким ребенком на руках.

– Долгónько чё-то они там! – сказала Тамара.

– Так очередь. К бабке Зине всегда очередь – к ней даже вон из Куйбышева приезжают, – отвечала молодая.

Бабта кивнула.

– А вы с чем приехали-то? – спросила ее женщина с ребенком.

– Да сама не знаю! – призналась Тамара. – Спросить вроде как надо.

– Так идёмте со мной – вместе зайдём. Раз вам недолго.

Потом они как-то очутились в небольшом тёмном коридорчике. Пахло свечками, старым деревом и чем-то медовым. Запах ей понравился.

Ее спутница приоткрыла тяжелую, обитую мягким войлоком дверь, и они увидели чёрную спину старушки. Та стояла на коленях перед большим иконостасом и клала кресты.

– Ты с ребёнком заходи, а Тамара которая – иди вон, откуда пришла! Я таких не принимаю.

– Да она, баб Зин, со мной! Только спросить бы ей... – залепетала было женщина, но тут ребёнок на ее руках встрепенулся и закричал – надсадно, звонко, будто его изнутри кололи чем-то.

Старуха в черном поднялась, повернулась к ним и стала выше ростом. Ее глаза светились, как угольки, оставшиеся после костра. Тамаре стало страшно. Ребёнок кричал всё сильнее и сильнее.

– Не любишь, когда дети плачут? Терпеть этого не можешь... Да? Ты любишь другое, уж я-то знаю. Вот если одолевает тебя какое-то желание, хотелка какая-то мучает – так тут всё. Вынь да положь! И детям ты это передала, всему своему роду. Я-то знаю.

Тамара молчала. Ее трясло. Лицо старушки вдруг удлинилось и заняло всю комнату; огненные глаза прожигали насквозь.

– Зачем пришла ко мне? Спросить? Про Шурку твою? Приезжала она, приезжала. У нее желание тогда одно было – мужика к себе прилепить. Горела этим баба. Кровь свою месячную привезла – на нее я и сделала. Я ее спрашивала: «Не пожалеешь?» – «Нет, говорит, баб Зин. Твори свое дело!». Я и сотворила, ведь ее воля – не моя. А уж что из этого вышло – сама знаешь...

Тут крыша избы задрожала и стала крошиться. Тамара закричала и – проснулась.

– Стоим десять минут. Туалет, если что, – с той стороны станции! – объявил водитель.

Бабта достала платок и вытерла лицо. Приснится же такое! Лучше бы она вообще не ездила к Сазоновым.

5.

Дети спали. Таня сидела на полу в зале и перебирала содержимое своей старой шкатулки. Мужа не будет еще часа полтора – он поехал на автовокзал провожать мать.

Слезы уже высохли, но на душе ее мёртво и пусто. Всю жизнь у нее был только один ориентир; всю жизнь она молилась словами ее молитвы. Господи, ну неужели это правда?! Неужели Шурка угорела бабаньку на такую подлость?

– Да где же он? – шептала Таня в отчаянии. – Я же сама его сюда сунула. На гайтанчике висел. Ну что это такое?

Подожок, который ей в детстве подарила бабанька, она хранила как зеницу ока. Доставала она его лишь иногда, потому что для себя решила, что нельзя к его помощи прибегать часто. Только при

крайней необходимости. Как тогда – в туберкулёзном санатории или в тот вечер, когда она устроила чердачное представление для Фуфаева. Она тогда здорово перепугалась и проспала всю ночь с этой сухой веточкой в руке.

О подожке мало кто знал – только сёстры да и то мельком. Знали, что это подарок от бабаньки. Знали, что для Тани он – дороже золота. И всё.

– Ну где? Где ты?! – подожка не было, хотя она перерыла всю шкатулку.

Устав искать, она откинулась назад и положила голову на ковер. Закрыла глаза.

«Бабанька! Скажи: как мне быть? Ну неужели всё это правда? Почему нет мне счастья в этой жизни? Что же это такое?!» – слёзы снова потекли, потом она всхлипнула еще пару раз и – успокоилась.

По голове ее гладила чья-то тёплая рука. Таня сидела на стуле, а бабанька расчесывала ей сзади волосы.

– Ой! Бабань, да не дери ты так – там спутались, наверно.

– Ничего, потерпишь-потерпишь! – приговаривала баба Поля. – Терпеть ведь тоже надо уметь, дочка. Я вот терпела – и ничего, жизнь прожила.

– Бабань, я не хочу, как ты. Ты вон и в родительской семье света белого не видела, а потом у старших Баскаковых сколько ты жила – тоже не сахар.

– Да. И у Митеньки со сношенькой вишь, как выходило. А я встану с утра, помолюсь – и к вам иду, моим детушкам. И радуюсь безмерно. За это Бог мне счастье и даровал – внучат нянчить, век долгий.

– Да ладно, бабань... Ой! – Таня вскрикнула. – Да не дери так больно, ей-богу. Расчёску, что ли, другую взять?..

– Сиди, сиди, дитятко... Счастье-то оно разное бывает. Но терпеть надо, смирять себя надо, Танечка. Ведь я вот гляжу на вас: вы уж так ее раскормили без меня-то, о-оспади! Страх Божий...

– Кого раскормили, бабань?

– А то не знаешь? В подполе-то кто у вас ночует? Давно ли ты о ней забывать стала?..

Тут ее голову дёрнуло со страшной силой, и Таня заверещала от боли. Но обернуться не смогла.

– Сиди-сиди, дитятко! – сказало то, что находилось сзади. – Мы еще не договорили с тобой...

Татьяна задрожала, узнав голос.

– Ты тут до кех пор будешь терпеть-то его? Ась? – спросила Перемадела. – Он ведь и бьет тебя, и мучает придирами каждый день. Это тебя-то – за кого половина садовских парней в огонь и в воду пошли бы? Да нахер он тебе нужен? Бросай его! И выблядков ему оставь. Пусть воспитывает...

Чудовище опять дернуло ее изо всех сил за волосы. У бабполивной внучки брызнули слёзы.

– Бабанька, убери её!.. – застонала Таня.

– Баба-анька-а, убери-и её, – передразнила желтизна. – Да куда она меня уберёт, если она сама – моя? Целиком и полностью! Подожок она ищет! Дурында, дурында! Аха-ха-а!

Перемадела захихикала, загоготала, завизжала и – сгнула.

Татьяна проснулась оттого, что громко заплакал сын. Она опёрлась на кулаки, чтобы подняться с пола, и зашипела от боли: в ладонь ее что-то кольнуло. Мельком глянув на раскрытую руку, она замерла. Там лежала серая гнутая палочка на гайтанчике.

Татьяна быстрым движением накинула подожок себе на шею и взяла Женю на руки. Он хотел есть и изо всех сил требовал, чтобы его желание исполнилось. Здесь и сейчас. Как можно скорее.

6.

Сначала им везло. Так везёт преступникам или святым. Валерка приболел – сидел дома почти три недели. Женю уже водили в садик, а Света пошла в этом году в первый класс.

Первый раз Таня с Томиным поцеловались между этажами – возле склада. Потом стали обедать вместе и говорить обо всём: у Володьки тоже оказалось двое детей, и с женой он жил плохо.

– Спим на разных кроватях уж год почти. По-любому разведёмся, – говорил Томин.

Таня ему нравилась – так, как могут нравиться мужчинам добрые, красивые и длинноволосые женщины. Она искренне смеялась над его редкими шутками, и он считал это успехом. Сазонова на самом деле чувствовала себя с ним раскованно и радостно – просто потому, что была уверена: Томин не разозлится из-за пустяка, не будет ревновать, не замахнет на нее и не закричит. Она уже отвыкла от того, что мужчина может смотреть на нее влюбленно, галантно подать ей при случае верхнюю одежду или рассказать анекдот.

«Вовка – то, что нужно. Как хорошо, если бы он был моим мужем! С ним – как за каменной стеной. Мы сможем с ним и детей вырастить, и жить без постоянных скандалов», – думала Татьяна, глядя на затылок спящего мужа.

К Валере она давно ничего не испытывала, кроме страха и равнодушия. Но, конечно, она и не думала, что когда-нибудь воплотит свои мечты в жизнь. Муж сам сделал всё, чтобы она «сорвалась».

Валера в последние месяцы часто работал во вторую смену: на ВАЗе случилось очередное стихийное бедствие – резко увеличились объемы заказов. Таня успевала приготовить ужин, забрать детей и уложить их спать, – пока ждала своего ненаглядного. В тот день он пришел пораньше. Был угрюмее и молчаливее обычного, но она старалась не обращать на это внимания: ее задача – вытерпеть с ним время ужина, а дальше – ночь. Там легче.

– Спят дети? – спросил он хрипло. Это были его первые слова за сегодняшний ужин.

– Да, Женя уснул, и Светка вроде собиралась.

– Тань...

– Да?

– Что у вас с Томиным?

У нее замерло сердце, и горло окаменело. Язык словно распух и отказывался двигаться. Он сузил глаза и внимательно наблюдал за ней.

– Ага. Вижу-вижу. Значит – правду народ-то говорит... – она его за эти годы отлично изучила. Его нарочито спокойный голос начал, что сейчас начнётся.

– Валер, – она едва справилась с собой. – Кто и чего говорит? Знаешь, сколько сплетников...

Договорить она не успела. Он резко приподнялся и ударил её в челюсть. Последний раз такое случилось тогда, на Новый год, – у родителей. После этого бывало, что он орал на нее, иногда тряс, как грушу. Иногда ей приходилось надевать что-нибудь с длинными рукавами, чтобы скрыть синяки от его стальных пальцев. Это было, да. Но по лицу он ее больше не бил – сдерживался. Помнил про топор Ефимыча и пляску под хромку.

Охнув, она отпрянула и прикрыла лицо руками.

– Ты что же, сука, совсем совесть потеряла? Мне на больничный нельзя уйти, а ты уже готова под первого кобеля лечь? Я те покажу! Сука!

Он ухнул ей кулаком в закрытое лицо, а потом с размаху – в плечо. Есть там такая болезненная точка, он-то знал, – чтобы рука онемела полностью. Таня закричала.

– Ори не ори – всё равно никто не придёт! – в нем проснулось острое чувство удовольствия от происходящего. Как он давно хотел ввалить ей по первое число! А то ведь спорит она тут с ним, и детей он, видишь ли, не так воспитывает, а сама-то – блюдет с кем попало!

Но тут он совершил ошибку: Танька, как белка, прыгнула в сторону выхода из кухни и прошмыгнула в зал.

– Куда?! – взревел он медведем. – Я те...

Светка спала на диване, отвернувшись лицом к стене. А вот двухлетний Женя стоял в кроватке со спинкой, сделанной из вертикальных деревянных пролетов. Кроватка была уже ему маловата, но Сазоновы не спешили с покупкой новой: ждали ключей от заветной трехкомнатной.

Мальчик внимательно смотрел на родителей, которые стояли друг против друга.

– За детей решила спрятаться? А? Да мне похер на твоих детей – они, наверно, и не мои вовсе! – на секунду поверив в сказанное, Валера раззадорил себя еще больше.

– Не подходи! – предупредила Таня. – Я заявление на тебя напишу.

– Да пиши-пиши, с-с-сука, – он кинулся к ней и стал трясти ее за плечи, словно тряпичную куклу. Фразу про заявление она произнесла вовремя: Сазонов, несмотря на клокочущую ярость, полностью осознал себя и понимал: лишние синяки на лице жены ни к чему. Она не пыталась отбиться от него, а лишь закрыла глаза и вспомнила молитву бабаньки: «Богородица милая, светом радуйся! Господь с тобой. Благословенна ты в женах, благословен плод чрева твоего...».

Когда он перестал ее трясти, Таня мельком взглянула на кроватку, где стоял сын, и волосы у нее зашевелились на голове.

Женя был спокоен и сосредоточен. Он не плакал и не кричал, а просто смотрел – так, как дети смотрят на экран, где идет не слишком интересный фильм для взрослых.

«Боже, ведь на его глазах избивают мать! Я плачу и кричу, а ему – уже три года. Разве в нормальной семье дети так реагируют?!

Да он еще немного подрастёт и на пару с отцом будет меня по полулицом возить!».

И на этом ее семейная жизнь с Валерой закончилась.

Глава 8. После похорон

1.

– А вот всё-таки, девчонки, есть там что-нибудь? А? – спросила Любка и подперла рукой подбородок.

Они лежали в своей «девичьей» – на прежних местах. Как в старые добрые времена. Словно не было за плечами замужней жизни, уже выросших детей и... недавней отцовской смерти.

– Ты про тот свет, что ли? – уточнила Галка. – Есть, всё есть. Я вот верю. И папка верил.

Ефимыча уже давно все звали просто «дедом». Именно Галя была рядом с ним, держала его за руку, когда он уходил. Перед смертью дед высох, похудел и как-то высветлился весь изнутри.

– Вот, девчонки, как Николай Угодник, ей-богу – как на иконах пишут, такой же сделался. И спина у него выпрямилась, и голова ясная стала.

– Перед смертью всегда так, – вставила Любка.

– Нет, не всегда! – возразила Галя. – Я уж тут на похоронах в Садовке много у кого перебивала. По-разному у всех.

Ефимыча похоронили четыре дня назад; народу было много – и родственники, и соседи, и бывшие коллеги с завода. Люба и Таня увидели отца уже в гробу с венчиком на голове и иконой на груди. Поэтому они ловили каждое слово средней сестры. Она не отходила от отца последние несколько недель.

– Вот взял он мою руку в свою – это часа, наверно, за три до того, как... Спрашивает меня: «Галя, я всё-таки хорошую жизнь прожил? Как ты считаешь? А?» – «Хорошую, – говорю, – пап! Видишь, сколько у тебя и детей и внуков! Скоро и правнуки пойдут».

Он помолчал, подумал и опять меня спрашивает: «Так ты думаешь, этим жизнь человеческая и мерится? Числом детей?» – «И этим тоже, пап. Ведь все хорошие получились, в люди вышли...».

Он закивал. И долго молчал. А потом гляжу – опять меня манит. Я спрашиваю: «Пап, водички? Может, бульончику похлеба-

ешь?». Он качает головой. Я к нему наклонилась, а он мне шепчет: «Галка, не этим, дурочка, жизнь определяется. А вот что тут у тебя! – и тычит себе в грудь. – Запомни, говорит, есть и Бог, и всё есть. Учись с собой бороться и себя отдавать. И мамка моя также меня учила». И всё.

– Больше ничего не сказал? – Таня плакала.

– Нет, – Галка нахмурила лоб. – А, вру: еще про мамку нашу сказал: «Не оставляйте, мол, Тamarку. Позаботьтесь о матери своей...».

– Ага.

Сёстры помолчали.

– Он умирать не боялся. Вот нисколечки! – опять заговорила Галя. – Спрашивал только меня, вот как ты, Любка: «Есть там что-нибудь?». А я всегда отвечала: «Есть, пап! Вот ведь и призраков люди видят, и другое всякое».

– Призраки есть, – сказала Таня тихо. – Это точно. А про тот свет бабанька говорила – помните?

– Тань, ну вот сколько лет прошло – а ты всё: бабанька-бабанька!.. – торопясь, как всегда, заговорила Люба. – А она ведь была безграмотная старуха. Думаешь, у нее какие-то знания особые были?

– Грамотность тут ни при чем! – ответила за старшую средняя. – У бабы Поли был дар – вот это точно.

– А говорят, – тут же перескочила на другую тему младшенькая. – Что такой дар, талант лечить-то, он через поколение передается. Может, он у кого-то из наших детей проявится?

– Было бы что-то – уж давно проявилось бы! – отмахнулась Галка. – А интуиции всякой и предчувствий у нас у самих полно. Вон Танька говорит, что почувствовала папкину смерть. Еще до моего звонка. Было ведь?

Таня неохотно кивнула. Она не хотела говорить сёстрам, что о смерти Ефимыча ей сказали во сне. Чей-то квакающий голос предупредил: «Дед-то ваш погибается. Митенька-то ваш!...».

Зачем об этом знать сёстрам? Она только надеялась, что ее детям способность видеть желтизну не передалась. По крайней мере, от 16-летней Светы и брата, который был помладше ее на четыре года, она ни о чем подобном не слышала.

2.

Перемадела и к ней, слава Богу, приходила нечасто. Было время, когда она почти три года работала медсестрой в доме престарелых, – вот тогда желтизна вообще ни разу ее не побеспокоила. Но стоило сменить работу, перейти в профилакторий, поруководить кем-то, разозлиться или покритиковать – и она в ту же ночь слышала визгливый, надоедливый хохот старой жабы.

С Томиным она прожила почти 12 лет – с того самого момента, как они убежали из Тольятти. Таня взяла из квартиры Сазонова только документы, двух детей и свои деньги. Через полгода она подала на развод, а потом на алименты.

Валера, узнав обо всём, хотел повеситься. Но потом привык и обзавелся новой семьей.

Через четыре года Таня впервые после побега увидела мужа на рынке в Чапаевске. Тот только хмыкнул, буркнул: «Сука...» – и перешел в другой рыночный ряд. Больше они ни разу не встречались.

3.

Когда сёстры почти заснули, а в доме у Анашкиных погасли окна, Таня, глядя на серый потолок, сказала:

– А всё-таки, девчонки, хороший у нас был отец, царствие ему небесное. Куда бы он там ни попал – баба Поля будет с ним рядом, я уверена.

– И нас пусть не оставляет! – шепнула ей в ответ младшенькая. – А то мне надоело уже одной бороться с этой желтой гадостью из подпола.

Попрыгун

рассказ

*«По-прежнему Ольга Ивановна искала великих людей,
находила и не удовлетворялась и опять искала»*

А.П. Чехов

1.

Я тогда учился на третьем курсе филфака. У нас городок небольшой – всего-то несколько сотен тысяч жителей. Газет – дай Бог с десяток штук, все журналисты знают друг друга как облупленных.

– Ты пиши в любом случае. Примут не примут – вопрос второй. Главное, чтобы к концу пятого курса у тебя было хотя бы с пяток-другой публикаций. На работу тогда точно устроишься, – советовал мне мой дядька, который хоть и приходился мне седьмой водой на киселе, однако помогал нам с мамой частенько. Он уже пенсионерствовал (это его любимое словечко), но в свое время лет двадцать отпахал на ниве местной журналистики.

Я к его советам привык прислушиваться и, как сейчас помню, в середине мая 20... года пришел в редакцию газеты «Городской пульс». Название для СМИ дурацкое, но люди в «Пульсе» оказались хорошие. Редакторша приняла меня сразу, покивала головой и говорит:

– Пишите, Леша, пишите! Любая городская тема нам интересна. А вообще, легче всего начать с какой-нибудь хорошей истории. Найдите человека поинтереснее – и побеседуйте с ним. У нас есть рубрика «Город и горожане», вот там ваш опус и опубликуем, если, конечно, напишите достойно.

Вот с этой редакторской «установки на добро» всё и началось. Я три дня раздумывал над тем, где бы найти этого самого интересного человека. Хотел сначала даже о дядьке своем написать: вот, мол, аксакал журналистики, вот с кем он встречался и у кого брал интервью. Но тут случилась среда, я вспомнил, что нужно гото-

виться к практикumu по литературоведению и поскакал в университет, чтобы занять тетрадку с лекциями у Машки из второй группы. Скакать пришлось на трамвае, который поворачивает возле известной на весь город кирхи.

И вот тогда-то из вагонного окна я впервые увидел Джанджгаву – большого бородача, похожего на Будула из фильма про цыгана. В руках он держал обычную метлу и медленно рисовал ею по асфальту. Я не шучу: он точно рисовал, а не подметал. И тут пазлы сложились: известная кирха, колоритный бородач, которому наверняка есть что рассказать. Почему бы нет?

Я слез на следующей остановке, напрочь забыв о Машке и ее тетрадке, и поспешил назад к лютеранской церкви. Я встречался с ним всего один раз – до того, как он снова прыгнул.

Дворником Виктор стал всего-то шесть месяцев назад. Из трамвайного окна мне показалось, что ему за пятьдесят, на самом деле ему совсем недавно исполнилось сорок один. Когда мы зашли в его полуподвальчик за кирхой, я замер, разглядывая стены. Они были увешаны рисунками и картинами, выполненными маслом и карандашом – самых различных размеров, в рамках и без.

– Ваши? – я показал на рисунки. Он обвел глазами странных животных, больших стрекоз с миллионами глаз, вытянутые вверх здания, каких-то веселых, немного карикатурных девчонок, прыгающих через резиночки, и Бог весть что еще – всего за один раз разглядеть было невозможно. Затем медленно кивнул, и мы пошли дальше. Я не сразу догадался, что Джанджгава не просто хранил здесь метлу с лопатой, он тут жил.

Мы уселись для беседы на жесткой кровати, к которой был придвинут темный деревянный столик. Больше никакой мебели в комнатухе я не увидел. Дневной свет проникал сюда из узкого прямоугольного окна, иногда заслоняемого тенями идущих людей: оно находилось на уровне колен прохожих.

На улице я с ним перебросился буквально парой слов: мол, вот я начинающий журналист, хотел бы побеседовать – о нем, о городе, о кирхе. Бородач пожал плечами и попросил меня подождать пять минут – пока он дометет тротуар. Я обрадовался, так как не ожидал, что мой новый знакомец так быстро согласится.

Теперь же мы сидели в его комнатухе, диктофон в сотовом записывал, и я испуганно перебирал в голове возможные вопросы, с которых журналист-профи начал бы интервью. Но дворник заговорил сам. И во время этой беседы как-то забылось, что именно я беру интервью.

– Вот скажи мне, Леша, есть у тебя родители? Есть... Живы? Вот и хорошо, дай Бог им здоровья. И дом у тебя есть. И школа, куда ты ходил лет десять, – конечно, по одному и тому же маршруту: через какие-нибудь два двора, по тротуару, через парк – затем по зебре или на светофоре через перекресток. Потом парадное крыльцо с четырьмя бетонными ступеньками; одни и те же лица школьных друзей-врагов. И после – университет, да? Катаешься туда-сюда пять раз в неделю? Так? – бородач смотрел на меня и улыбался.

Я кивал, чувствуя себя немного не в своей тарелке: все-таки задавать вопросы должен был я. Да и вопросы были какие-то странные. К чему это он ведёт-подводит?

– Я это к тому, – словно читая мои мысли, продолжает Джанджава, – что мы не выбираем. Вот родился ты в определенной семье или городе – и тут уж хошь-не хошь, но никуда не денешься. Это ладно. Но ведь многие люди и в остальном такой же подход исповедуют: поступили в школу, так в ней с первого до последнего класса и держатся. С работой так же, квартирой, магазинами, друзьями... Так ведь?

– А вы... – я осторожно подбираю слова. – У вас... по-другому?

– Да, – уверенно кивнул бородач. – Я стараюсь это переломить...

2.

– Я родился в Потии. Это в Грузии, там тепло. Берег Черного моря. Моя семья переехала в Россию, когда мне было шесть. У меня осталось от того времени несколько ярких воспоминаний. В порту жила трехногая собака Волна, – обычная дворняга, каких сотни, особенно в небольших городах.

Я ее обожал. Не знаю, почему, но я часто оставался один – мы ведь жили недалеко от портовой зоны. Я любил сидеть на пирсе, который острым концом выдавался далеко в море. Волна лежала рядом, и мы смотрели, как солнце медленно уходит за горизонт. Сзади колыхались небольшие баржи и лодки. Моя рука гладила теплую шерсть дворняги, и счастливее нас не было никого.

А потом ее убили. Не знаю, как это произошло: я нашел черное тельце внизу на старом причале. Я пытался поднять черную проломленную голову, мне всё казалось, что ее хвост сейчас вздрогнет и привычно забьется о землю – от радости, что я пришел. Я бы тогда заплакал, поцеловал ее черный нос, поднял ладонями смешные длинные уши. И мы оба пошли бы на наш остроконечный пирс и снова ждали бы, пока солнце скроется в море.

Но Волна лежала, чуть обнажив зубы, и от нее уже начинало пахнуть. Тогда я оставил собаку у старого причала и пошел смотреть закат один. О том, что ее можно и нужно похоронить, я не думал. Я сел на теплые доски, свесив ноги к темной, вечерней воде, увидел привычную кроваво-красную дорожку, проложенную в волнах заходящим солнцем. И – прыгнул. Впервые. Я тогда еще не знал, не понимал, что произошло.

Очнулся я дома в кровати, рядом – отец и мама. Всё выглядело так, словно ничего не случилось. Или родители сделали вид, что всё нормально. Но в действительности так и было: всё нормально. Я прыгнул, и мы уехали из Поты – буквально через неделю. Хотя до этого никто и не думал оттуда уезжать.

Детсад. Это время я помню лучше. Мы переехали из Поты в Подмосковье. Здание было одноэтажным, грязно-желтого цвета. Не знаю, помните ли вы тот запах, который и сейчас, наверное, встречает тех, кто заходит в детские сады. Невыносимый запах какао в граненых стаканах с запекшейся коричневатой пенкой на стенках. Иногда – запах запеканки и чуть подгоревшей каши. О, боги, боги мои! Я даже вспоминать об этом не могу без содрогания. А еще – небольшие шкафчики со злыми мордочками мультяшных зверей.

У нашей воспитательницы (милосердная память стёрла ее имя) была привычка не пускать детей в туалет во время тихого часа. На самом деле спать мы должны были часа по два, и где-то к половине этого срока мочевого пузырь начинал переполняться. Что-то внизу давило всё сильнее и сильнее, но я, как и еще 14 таких же мучеников, лежал и не смел пошевелиться.

Многие не выдерживали – особенно девчонки – и продолжали «отдыхать» на мокрых простынях. А затем воспитательница выстраивала детей в ряд и каждому в группе демонстрировала позорную простынь провинившегося.

Однако прыгнул я далеко не сразу – лишь через несколько месяцев, в конце весны. Все дорожки, горки и лазалки подсохли, и нас чаще стали выводить на прогулку. У меня было любимое место – угол деревянной беседки, где грели свои красные и черные тельца муравьи и солдатики. Я садился на корточки и наблюдал за их таинственной работой.

В тот день ко мне присоединились еще двое мальчишек – Мишка и Вовка. Они посидели со мной минуты две, а затем Мишка встал и принялся ногой в дырчатой сандалиии давить обитателей угла. Несколько секунд, замерев, я смотрел, как разбегаются те, кто еще остался в живых, а затем встал и ударил обидчика в лицо.

Влепил я ему порядочно, крику и слёз – до небес. Воспитатель схватила меня за руку и отвела в группу, где под надзором практикантки я должен был стоять в углу долго-долго, пока не осознаю всю меру и тяжесть своей вины.

Сверху над моим углом висели полупрозрачные шторы светло-синего цвета. Из открытой форточки дул легкий ветер, играющий с занавеской. Ее уголок то и дело касался моей головы, словно успокаивая. Слева на потертых обоях было рваное пятно, похожее на черепаху: четыре неуклюжих, толстых ножки и вытянутая на тонкой шее голова. Я вообразил, что черепаха ожила, тут же сел на ее панцирь, и мы с ней пустились в долгое плавание – с приключениями, островами, затонувшими кораблями и кладами.

И тут что-то срослось и сложилось: ощущение горькой обиды и потери, ласковое прикосновение занавески, манящий силуэт черепахи и острое желание уйти. И я снова прыгнул. На этот раз более осознанно, с постепенным пониманием того, что последует дальше.

Когда я вернулся, почти ничего не изменилось – лишь голова моего гида-черепахи смотрела теперь в другую сторону. И занавески стали чуть светлее, чем были до прыжка.

Через четыре дня родители перевели меня в другой садик.

– Ты думаешь, Леша, я сам себе не задавал этот вопрос? Что значит «прыгнуть»? А хрен знает. Вот честно. Да, русский язык богат, да, заблуждается тот, кто уверяет, что якобы есть такое, чего нельзя выразить словами. Но – есть. Правда. Я могу описать прыжок только так, как рассказал о нем выше...

Хорошо-хорошо, приведу еще пример. В школе я научился рисовать. Наша классуха Вера Федоровна – крошечная женщина со сморщенным, похожим на детский кулачок лицом – заметила мои изрисованные поля в тетрадках. Вместо того, чтобы изругать меня и выставить мои каракули перед всем классом, как белые простыни с еще не просохшими желтыми пятнами мочи, – она встретилась с моей мамой и посоветовала записать меня в детскую школу искусств. Классуха сделала это зря, потому что об учебе я тогда почти забыл: меня захватил белый альбомный лист и карандаши с красками. Я и теперь не могу прожить ни дня, чтобы не нарисовать хоть что-нибудь.

Ведь это потрясающе: вот еще буквально секунду назад ничего нет. Совсем ничего. И вдруг ты видишь там, за дрожащей пеленой бумажной границы, нечто иное – какую-то другую жизнь, других существ, удивительное, прекрасное место, куда тебе хочется всем сердцем. Ты чувствуешь, что именно там – родное, твое; те нездешние законы и правила – это твои правила.

И чтобы хоть немного развеять тоску, разорвать бумажную пелену, скрывающую родной мир, – ты просто переносишь всё увиденное на бумагу.

Думаешь, Алексей, что я несу романтический бред? Символическую и мистическую труху? Ведь ты – филолог, тебе так и предлагается думать. Но я говорю, что видел и чувствовал, говорю, как было и есть...

Вообще-то, школа мне нравилась – поэтому прыгнул я только в восьмом классе. Я тогда влюбился сразу в двух девчонок и начал по очереди ухаживать за ними. Одну звали Ирина, она сидела на уроках прямо передо мной, и ее толстая каштановая коса то и дело прыгала по красивым плечам, когда та вертела головой. А вертела она ей часто: любопытная была девчура.

Другую все звали Катеринкой. Она училась в параллельном классе, уже красила губы, ресницы и считала себя взрослее остальных. Я ее полчетверти провожал до дома и даже два раза поцеловал в щеку.

А потом мне вздумалось нарисовать Катькин портрет. До этого я переносил на альбомные листы разное – в основном, то, что виделось мне сквозь бумажную границу. Я, кстати, до самого универа думал, что все художники так и рисуют: переключиваются на бумагу лишь то, что видят *там*.

Когда начал рисовать Катеринку, почувствовал, будто куда-то провалился. Так и уснул вечером с карандашом в руке. Утром встал, посмотрел – портрет как потрет. Приношу в школу, на перемене дарю своей зазнобе, она смотрит на него, а потом всучает мне обратно:

«Нарисовал свою Ирисову – вот ей и отнеси!» – и прочь от меня. А Ирисова – это фамилия Ирки из моего класса. Я ничего не понимаю. Переворачиваю портрет, начинаю рассматривать. И удивительное дело: на первый взгляд, на бумаге точно изображено Катькино лицо – с родинкой на подбородке, с челкой на левую сторону, с тонким носом. Но если всматриваешься дольше, то вдруг видишь совсем другое лицо. Иркино. Один в один.

Я подумал-подумал, отнес рисунок домой и спрятал в ящик стола – от греха подальше. И с того момента у меня пропал интерес и к той, и к другой девчонке. Почему? Трудно объяснить. Понимаете... Я вдруг понял, что мне нужен кто-то третий – тот, кто изображен на картине, в которой просвечивала одновременно и Иринка, и Катя.

Прыгнул я через две недели – во время драки с одним десятиклассником. Не помню из-за чего мы подрались: повод, конечно, был. Мы встретились с ним на большой перемене на четвертом этаже – в том месте, куда тайком ходили курить и учителя, и «старшаки». Помню, его кулак по касательной попадает мне сначала в ухо, а затем новый удар – в подбородок. Перед глазами, словно на 3D-экране, возникает карандашный портрет Ирки-Катеринки. А потом – мгновенное перемещение на другую сторону.

В этот раз я очнулся уже в скорой. Как потом мне рассказали, за помощью в кабинет завуча прибежал тот самый парень, с кем мы выясняли отношения на четвертом этаже.

3.

Устроился я на свою первую работу так: у мамы была знакомая на автозаводе, и там потребовался сисадмин. Я в этом немного шарил и решил подзаработать – хотя и учился тогда очно на третьем курсе истфака. Поступил-то я на естественно-географический, но переделался в историки еще на втором курсе.

Именно на автозаводе я постепенно начал понимать, как вообще устроена общественная система рабства – я столкнулся с прижиманиями. Тебе это, Леша, еще предстоит пройти: ты ведь пока учишься, толком нигде не работал, так? Ага. Так вот: прижимать обычно начинают не сразу.

Устроился я, повозился немного с железом, настроил обменник для двух этажей административного здания – всего на 36 компьютеров. Сделал это за четыре рабочих дня. «Ну, думаю, пора и честь знать... Нужно и об учебе подумать». Буквально через десять минут подходит замначальница – такая мадама на шпильках с Эверест и в розовой блузе.

– Витя, у нас тут в литейке у начальника Винда не запускается. Сходите – посмотрите? – и уже не глядит на меня: тут главное меседж донести, остальное – пофиг.

Я, конечно, киваю. Бреду в литейку – а это, на всякий случай, километр туда, километр обратно. Налаживаю комп у начальника цеха. Пока возвращаюсь – звонок. От той же на шпильках-эверестах.

– Виктор, тут в 406 кабинете на 4-м этаже у принтера картридж надо поменять. Сделаете?

– Ок, – отвечаю. – Сотворю.

Пока меняю картридж, узнаю, что в инструментальном цехе проблема: на одном из компов надо установить специально купленную программу. Сами они, видишь ли, не в силах. Ну, куда деваться – иду туда. И такая круговерть – неделю, вторую, третью, четвертую. Какая там учеба – это у сисадмина-то без определенных занятий?..

Но это еще не прижимания. Это так, цветочки. Прижимания начинаются обычно так:

– Виктор, я сегодня с утра зашла к вам – в 8-04. Вас не было на рабочем месте. По данным электронной проходной, вы прошли через турникет 8-07. Еще раз такое повторится – лишим вас 10 процентов премии.

– Ну да, ну да, – киваю. А что еще остается делать? Ну не объяснять же, что застрял по дороге в пробке.

Дальше – больше. Начинаются «домашние задания»: мол, «Витя, тут надо побыстрее, здесь только до утра терпит». Я понимаю, что смогу это сделать на домашнем компе. И постепенно работа перетекает домой. Тут не до рисунков, книг и учебы. Не до творчества и всего остального. Тут везде – один автозавод.

Кстати, именно на первой своей работе я и изобрел этот термин – «прыгать». До того момента я даже не знал, как называть свои мгновенные перемещения туда. Прыгнул я через полгода – срок, между прочим, приличный для того уровня прижиманий,

который был на заводе. Официальная формулировка – «уволен по собственному желанию».

Года через два я устроился в одно юридическое агентство – уже после окончания универа. Закончил я без троек, но и без особого багажа знаний: к концу пятого курса я уже не видел смысла в продолжении учебы – слава Богу, что сей момент совпал с получением диплома.

Прижимать в юрагентстве принялись не сразу, надо отдать им должное. Но через четыре месяца меня уже там и след простыл.

Затем я открыл для себя работу SMM-менеджера. Вот тут-то я себя почувствовал будто в раю: ежедневно что-то новое. Чего стоит ежечасное подвисание в ленте новостей! Скользишь по ней и не знаешь, какое открытие тебя ждет через секунду. У меня даже развилась зависимость: я подвисал в ВК, твиттере и фейсбуке не только по работе, но и просто для удовольствия. Проводил за бесцельным просмотром различных постов много часов, забывая обо всем на свете. А затем стал замечать, что без этого уже просто не могу жить – как наркоман без наркотиков.

Тут уж хочешь не хочешь, но прыгать придется...

4.

За узким прямоугольным окном уже вечерело. Пора было прощаться. Джанджгава не помнил, какая по счету была работа дворником при кирхе – да это, наверное, и не важно. По нескольким его обмолвкам я понял, что у Виктора однажды даже наметилась семья.

– Но я, как всегда, вовремя прыгнул, – говорил, улыбаясь мой собеседник. Мы пожали с ним руки на пороге, и я вышел на улицу.

Больше мне встретиться с ним не удалось. Возле кирхи я тоже его ни разу не замечал, хотя проезжал там каждый день – кроме выходных.

Как-то, года через два после публикации моей газетной заметки о странном бородаче, я заглянул во двор лютеранской церкви и разговорился с пожилой женщиной, которая работала помощницей пастора по хозяйству.

– А-а, Витя-то? Да он уволился давно... Он вам тоже про «прыганья» свои рассказывал? Да-да, попрыгун еще тот. Он ведь эпилептик, вы не знали? – отвечала она на мои расспросы; говорила женщина насмешливо и немного с сочувствием – тем самым тоном,

который появляется при разговоре о дураках и пьяницах. – У него как припадок случится – так он всё, считает, что тогò: в ином мире побывал. И сматывается сразу оттуда, где работал. Я так думаю, что стыдится он своих припадков. А чё тут стыдного: болеет человек. Вот и не держится долго нигде.

Где Джанджгава сейчас живет и работает, моя собеседница не знала.

– А мне и не интересно-то особо: куда-нибудь в дворники подался, а может, и в бомжи. Много у нас таких прыгунов-то по России шастают...

Тогда я спросил ее о рисунках бывшего дворника. Оказалось, что он большую часть раздал, кое-что взял с собой.

– Может, что-то осталось еще в его подвальчике – где инструменты хранятся... – женщина указала в сторону подсобки.

Я упрямил ее открыть мне подвал и после недолгих поисков наткнулся там на два рисунка-наброска – один на альбомном листе, другой – на оторванной обложке блокнота. Они и сейчас у меня. Я достаю их тогда, когда вспоминаю о том, что мне уже тридцать семь, что я работаю в одной и той же газете десятый год подряд и что я нигде, кроме своего родного городка, больше не жил.

На одной картине изображен маленький мальчик, над головой которого – большое окно с поднятой ветром занавеской светло-синего цвета. На другой нарисована самая обыкновенная дверь, правда, почему-то без ручки и замочной скважины.

Не понятно, закрыта ли дверь наглухо или там есть небольшая щель. Я надеюсь, что щель всё-таки есть – иначе было бы совсем-совсем невыносимо.

Борька

рассказ

Петя Тóлин работал на мясокомбинате мастером холодильных установок. К виду окровавленной плоти – свиной, коровьей, иногда привозили и баранинку – он давно привык. Его дело маленькое: грамотно распределить продукт и проконтролировать вес. За качество он не отвечал, там другие спецы работали.

– Петька, глянь, какое чудо сёдня приволок! – сказал ему как-то водила Федор – грозный верзила снаружи, но внутри – нежный как баба, ей-богу. – Представляешь, на скотобойне отдали! Начали свинью резать, а она с поросятами внутри оказалась. Понятно, недоношенные, – дохлые все. А вот один – шевелится. Живой значит. Ну мне и всучили. Девать-то его куда-то надо!

Холодильных дел мастер хмыкнул и посмотрел на руки Федора, где возился живой розовый кусочек мяса, завернутый в тряпку.

– И куда ты его? Чего с ним делать-то?

– Так ты возьми! Тебе и привёз! – убеждал его водила. – Ведь в своем доме живешь, птицу держишь, корова есть, а тут порося будет!

– Ладно, – махнул рукой Петька. – Если не сдохнет до конца смены – возьму.

И взял. Так у Толиных появился Борька. Недоношенный кусочек мяса точно не выжил бы, но в семье случилась оказия: семь месяцев назад Валя, жена Пети, родила дочку и страдала «молочным избытием».

– Вот ведь другие жалуются, что молока у них нет, а я девать не знаю куда, – говорила Валя мужу. – И Машенька сосёт, и сцеживаю много, а всё равно груди прям горят – будто молочная фабрика у меня там образовалась.

Жена как увидела свинёнка – так и запричитала, захлопотала. Будто скотину сроду не видела – благо всю жизнь в селе: родилась тут и пригодилась здесь же.

– Ой, какой-то маленький! Ребятёшечек прям! Хомячок прям! Ему молоко надо сосать, помрёт ведь...

В общем, начала она ему сцеживать из груди и из бутылочки кормить. Назвала Борькой. И жене легче, и свинёнку хорошо.

Через три недели стало ясно, что поросёнок прижился: покруглел, по дому шастает, хрючит. Петька было решил, что самое время поместить скотину туда, где ей и полагается жить – в сарай. А Валька – чуть не в крик.

– Да ты что! Еще холодно, а он маленький совсем. Пусть побудет в избе – до тепла.

– Валя! – отвечал ей рассудительный муж. – Это ж свинья, а не котёнок. Ему в доме не место. Понимаешь?

А у той – слёзы. Крупные, как град. Видать, после родов совсем кукушка поехала. Ну куда тут денешься? Остался свинёнок в избе до тепла. Жена сама за ним убирала котяхи и мыла, и баловала, и кормила, а Петька только головой качал: знал бы, чем обернется, не стал бы и связываться.

– Я вот думаю: в сарай его переведём – там полегше станет. У бабы свое дитя есть, она о свинье тут же и забудет, – рассуждал он вместе с друзьями по работе, которые покатывались со смеху, слушая его рассказы о причудах супруги.

Пришла, слава те, Господи, весна, Борьку переселили туда, где ему и должно жить, но Валя своего свинёнка не забыла. Она успевала и за дочкой, и за «сыночком». Когда Петька впервые услышал от жены, что та поросенка сыночком называет, у него заходили желваки и до ужаса захотелось пойти в сарай с ножом и решить проблему одним махом. Но жену он, грешен, любил, и сделать так не смог: знал, что та будет убиваться.

Прошло лето и большая часть осени. Из Борьки получился отличный боров – большой, бока лоснятся, пятак – с мужской кулак. Не свинья, а сказка. Любой бы хозяин радовался и думал: вот морозцы ударят, а там можно и зарезать. И с салом, и с мясом будем всю зиму. Еще и на продажу хватит.

Но не тут было. Петька и представить себе не мог, как подступиться с этим к жене.

– Она к нему каждое утро бегаёт, разговаривает, вкусные куочки тащит. Дочку к нему приучает – чтоб та его гладила. Не свинья, а член семьи, мать-перемать! Вот чё мне делать, а?! – спрашивал холодильных дел мастер своих коллег. Те раздавали ему бесплатные советы: усыпить Борьку – и дело с концом. А жене сказать, что заболел. Или увезти его тайком на скотобойню. Или...

Однако Петька только головой качал. Никогда он не видел, чтобы люди так к скотине привязывались.

И вот подступили холода. Толин в тот день хряпнул на работе для храбрости 200 грамм водки и уговорил поехать с собой Вадика – спеца со скотобойни. Чтобы, так сказать, не своими руками.

Валя заподозрила неладное сразу.

– Чегой-то он приехал? Зачем это? – глаза ее блестели – как у львицы, готовой защищать своего детеныша.

– Так ведь зима на дворе, Валенька! Пора уж борова резать – не будем же мы его всю зиму кормить! Мясом надо запастись.

– Какого борова? Это Борьку, что ли? – жена попятилась из кухни, где муж с гостем угощались чаем. – Не дам, слышишь! Петька! Не дам! Меня вот режьте, а его – нет...

– Дык, Валентина Михайловна. Это ж свинья, – попробовал вмешаться Вадик. – Они на то и существуют, чтобы их...

– Это ты на то и существуешь! – огрызнулась Валя. – А Борька – родной нам. Я его сама выходила, молоком своим поила. Не дам! Хоть убейте. Не пущу в сарай – и всё.

И супруга, накинув фуфайку, выбежала из избы.

– И вот что прикажешь делать, а?! – спросил гостя Петька. – Совсем баба чокнулась. Это у нее после родов такая фигня приключилась.

– А ты ее отвлеки – пусть вон куда-нибудь уедет денька на три-четыре. К родителям своим... – предлагает мясник.

– У нее родители все тут живут, вон на соседней улице, – морщится Толин. – Я уж думал про то – не вариант.

– Так в город ее свози! Дочку вон к родителям, а сам в выходной ее в кино позови, а я уж тут сам... – Вадик – он находчивый. Молодец-мужик, сокол.

– Точняк! – расцветает Петька. – Это идея. Так и сделаем.

И они на радостях уговорили еще бутылочку.

Кино было про какой-то мрачный город – с подземельями, перестрелками и нехорошим концом. Валя развеселилась только в небольшом кафе, куда Петька повел ее после фильма. Они в кафе – с официантами да еще и с музыкой – не сидели уж лет пять, с самой свадьбы. Жена улыбалась и ела мороженое.

Когда вернулись в поселок, зашли к родителям за Машкой и двинули на свою улицу.

– Ой, – вдруг сказала Валя. – Что-то, Петь, у меня с сердцем нехорошо. Как-то колет и болит. Уж не случилось ли чего?

– Да чего там может... – забормотал муж, косясь на супругу. Она поймала его вороватый взгляд, расширила глаза и... завывала.

Он остался стоять с Машей на руках, а она побежала к избе – опрометью, как сумасшедшая.

Вадик свое дело давно сделал и уехал на красной «Ниве». Осталось только тушу разделать, но это уж хозяйская забота: Петька чё – не мужик, что ли?

Муж шел, не торопясь, чтобы отсрочить скандал, чтобы не видеть ее слез. Занес дочку в избу, та уж клевала носом. Дал ей бутылочку с кефиром, подождал, пока она заснет покрепче – и только потом пошел искать супругу.

В сарае он обнаружил лишь труп Борьки – с уже отрубленной головой. Вадик – мастер, что и говорить. Валю он искал минут десять – и на огороде, и в терраске. Всерьез забеспокоился, но тут увидел ее белую шапку через забор. Вышел на улицу и сел рядом с ней на лавку. Она уж не плакала, а просто сидела и смотрела в одну точку – на светящееся оконце соседской избы.

– Эх ты, Валюха-горюха, Валюха-горюха, – сказал муж и, обняв, придвинул ее к себе. Жена молча положила голову ему на плечо. Так они и сидели, пока у соседей не потух свет.

На следующий год у Толиных родился сын, которого мать назвала Борькой. Мать души в нем не чаяла, а отец за глаза называл «свинёнком». Кстати, Петька ведь напрозорчил: сын в 17 лет уехал из дома и потом почти не звонил и не писал родителям.

– Потому что он поросёнок! – говорил Толин-старший соседу-субутьльнику, тоже пенсионеру. – И имя у него свинячье. Неблагодарное поколение пошло, ой неблагодарное... Вот мы – совсем другими были. Совсем другими...

Проститутка и Карасик

рассказ

– Так и зови меня – Проституткой, – сказала она и даже не улыбнулась.

Карасик чуть выдвинул челюсть и оттопырил нижнюю толстую губу. Это у него означало: «Да как знаешь! Хозяин – барин, как говорится!».

– Ну а тебя как? – она зевнула и посмотрела сквозь лобовуху на мокрый асфальт, льющийся под колёса фуры.

– А я – Карасик, – сказал Карасик. – Меня тут все так зовут.

– Тут – это где? – она снова зевнула.

– Ну... – он замялся, подбирая нужное слово. – Ну тут. На дороге, значит.

Девчонку это заинтересовало:

– Слушай, а правда, что у вас как братство?

– В смысле?

– Ну... – она повертела кистью руки. – Ну как товарищество, что ли. Выручаете вы друг друга?

– А-а, если чего случится, да?... – водитель разулыбался. – А то!.. Вон осенью у меня движок накрылся – так я чуть дуба не дал. Знаешь, как холодно по ночам без печки? Вызвонил одного братана – он до Питера ходит. Недалеко от меня катился. Остановился, обогрел, накормил – все дела.

– А меня обогреть не хочешь? – пассажирка расстегнула верхнюю пуговицу блузки.

– Дык! – Карасик почесал нос, скрывая смущение. – Вот только местечко найдем... Я уж обогрею тебя, родненькая!

– Мне далеко нельзя, – предупредила его родненькая. – Я от города дальше ста камэ не езжу: возвращаться замучаешься. Тариф знаешь?

– В курсах! – закивал Карасик и еще раз почесал нос.

Он был не в курсах. Ему только рассказывали про такое, а про цену он спросить забывал. Не до этого как-то.

Они помолчали; из подсвеченной зеленой магнитолы лилось что-то настойчивое, свое, дальнобойное. Карасик специально флешку набивал музоном – чтобы не хуже, чем у остальных.

– А ты куда катаешься обычно? – спросила Проститутка, чтобы поддержать разговор.

– Я хожу, а не катаюсь, – отвечал с важностью водитель. – Катаются таксисты, а дальнобои ходят.

– О! Как ты строг в терминах, хоть словарь составляй! А что! «Словарь дальнобойщиков»? Как тебе идея?

– Ага! – протянул Карасик. Он шутку бывшей студентки педуниверса не оценил, но сама девчонка ему нравилась – и как она говорила, и как зевала, и как поигрывала голыми плечиками. Всё это заставляло его сильнее давить на газ.

– Я хожу на северá. И в Мурманске был, и до Архангельска добирался.

– О! – сказала пассажирка и задумалась. – Значит, Белое море видел... Всю жизнь хотела север посмотреть. Океан Ледовитый, и всё такое.

– Так поехали! – загоготал дальнобой. – Хоть щас!..

– Нет, – сказала девушка и зевнула. – Щас мы с тобой трахаться будем. А потом мне еще домой вернуться надо...

– А как же ты обратно-то? – забеспокоился Карасик. – Я всё-всё, щас уже место найду скоро!..

– Да не беспокойся. Твои же братья по разуму и подвезут.

– По разуму? – нахмурился водитель. – А-а! Это мужики-то? Они мигом. Я могу щас одному позвонить, если надо. Он как раз навстречу нам идет.

– Хороший, кстати, вариант! Чтобы не торчать на обочине. Скажи, что я ему бонусы сделаю.

– Ага! – улыбнулся Карасик, хотя не сразу сообразил, про что это она.

Справа показалась пустая неосвещенная площадка, и фура заморгала поворотником. Грузовик вздохнул еще раз и замолчал. Магнитола тоже выключилась, и стало тихо до звона в ушах.

– Ты хоть музычку погромче сделай, что ли? Презики-то есть или мне свои доставать?..

Карасик приходил в себя на задней лежанке (знакомые мужики называли это местечко в кабине «курытником»), а Проститутка курила в приоткрытое окно.

– Ты давно... – заговорил Карасик и, как обычно, потерял нужное слово. – Так вот...

– Проститутствую? – уточнила девушка. – Полтора года. Как универ бросила. А что?

– Денег не хватает? – посочувствовал парень.

– Не-е... – ее губы чуть дернулись. – Бабло у меня есть. Это я так – для чистого удовольствия.

– Ух ты! Клёво!...

– Да это не совсем то, что ты подумал! Другого удовольствия, Карасик, – девчонка выкинула в окно потухшую сигарету и раскурила новую. – Я, может, по науке загоняюсь.

– Это как?

– Как, как... Я, может, дальнобоев исследую. Ваши привычки, язык, субкультуру. Понял, милый? Вот, например, скажи: ты когда кресты или памятники на обочинах видишь, ты что делаешь? Сигналишь?

– Кресты? А-а, это там, где авария была? Понял-понял. Видал такие не раз. Да ничё не делаю. Дальше двигаю.

– Вот и славно. А проституток давно снимаешь?

– В смысле?

– Ну в первый раз ведь сегодня?

– Чёй-то вдруг... – Карасик замялся. – Может, и не в первый...

– Ага... Значит, первый. За-ме-ча-тель-но. А вот перед дорогой – ну когда на дальняк едешь, ты что делаешь, чтобы удача была? Чтобы менты не тормознули или плохие ребята не ограбили?

– Да ну как... Да ничё такого не делаю... Гайцы всё равно останавливают – им лишь бы придраться!

– Кара-асик! Колись давай. Ну?

– Ну молитву с собой вожу. На пояс. Показать?...

Минут через двадцать они повторили. А потом вместе долго пялились на ночную трассу.

– Знаешь, Карасик... Вот у меня в городе – ну на выезде, где я обычно стою, – есть один такой фонарь. Когда дождливо, можно на него долго-долго смотреть, и кажется, что капли, дождевики, летят

не с неба, а наоборот – поднимаются вве-ерх, вве-ерх, откуда-то из-под земли. И вот так стоишь, долго-долго смотришь. И – как в сказке... На душе, внутри где-то, такое чувство волшебное... Словами не передать. У тебя бывало такое?

Карасик подумал и кивнул.

– Ага. Вот ночью, если остановишься подрыхнуть, а потом глаза продираешь и смотришь на лобовуху – а там вот капли сползают по стеклу. Одна за одной. И вот если посмотреть на одну какую-нибудь долго-долго – то тоже... Как в сказке. Мир целый.

– Да ты поэт, Карасик! – засмеялась девушка.

– Я не поэт, это ты – поэтка! – водитель выпятил нижнюю губу. – Я просто наблюдательный.

– Ага. Ну раз ты наблюдательный, то скажи: почему одной легче, чем когда с людьми? А? Со звёздами легче, чем с людьми... В городе их ни фи́га не видно, а вот на трассе ночью – сияют так, что плакать хочется. К ним туда, вверх, – ужас как хочется... Наблюдал такое?

– А то! – ответил дальнбой. – Вот остановишься где-нибудь на безлюдье, ну поссать там, к примеру, вылезешь – а там, наверху-то, звё-о-озд! Матерь пресвятая! Стоишь, стоишь, задумаешься о чём-то. А потом едешь километров пятьдесят в тишине. Ничё не хочется слушать – ни радио, ни музыку. Думать хочется...

– А ты вот, Карасик, почему в дальнбойщики пошёл?

– А чёй-то я на твои вопросы всё время отвечать должен? – хмурится парень и тут же снова улыбается. – Давай лучше ты про себя расскажи!

– Так я тебе всё уже рассказала: сначала педунивер, потом вот трасса. Я, Карасик, неинтересная. Совсем. Со мной и поговорить-то не о чем. Вот дальнбой – другое дело.

– И много у тебя их было?

– Ваших-то? Да уж полгорода, наверно. Всех приголубила и изучила. И вот что любопытно: вы все разные и... одновременно – похожие какие-то. Как будто вас всех Карасиками зовут. Вот ей-богу! – она рассмеялась.

– Знаешь что, – он потянул ее за руку и обнял. – А выходи-ка ты за меня замуж! А? Ну чё смотришь? Ведь у тебя никого нет? Знаю, что нет. И у меня – никого. А?!

– Дурак ты, Карасик... Давай звони своему братану, а я на трассу пошла. Скажешь, что жду его. Понял? – и она, схватив свою сумочку, вывалилась из кабины.

Он не пошел за ней, а только смотрел, как она на своих каблучках идет в сторону темного полотна дороги. Один раз она спотыкнулась о какую-то едва заметную трещину и чуть не упала. Он было дёрнулся к двери, но потом махнул рукой и остался в машине.

Через десять минут Карасик ехал по прежнему маршруту; магнитола светилась зеленым, но оттуда не было слышно музыки. А Проститутка шла по трассе, и над головой ее не было звёзд: всё затянуло ночные облака.

Потом она его вспоминала, но не часто. Когда одинокий фонарь высвечивал падающий вверх дождь – тогда у нее вдруг всплывало в голове безусое лицо Карасика. Однако это было так, на одно мгновение. Надо было ведь исследовать субкультуру дальнобоев дальше, а жизнь – штука не бесконечная. Нельзя ее растрачивать на пустяки.

Догхантер. Радужный мост

повесть

«А когда умирает душа от греха –
плач от нее доходит до неба».

Преподобный Ефрем Сирин

«Я приду к тебе гомоном птичьим в окне...»

Мэри Фрайер, «Эпитафия»

Интермедия 1

Тельце желторотого воробья было холодным и влажным, как у рыбы, выброшенной на берег. Перья напоминали грязные волосы, сквозь которые просвечивала розовая сморщенная кожа.

– Давай здесь! – предлагает Вовка, и они останавливаются возле бордюра недалеко от серого здания сельской школы. Маратик согласно кивает. Он держит воробышка в сложенных лодочкой ладонях.

Совсем недавно прошел ливень. Дождь хлестал землю и траву белыми, вспененными еще в небе струями воды. Ветер снова и снова заставлял деревья кланяться, а затем всё затихло и неожиданно показалось солнце. Маратик и его двоюродный брат выскочили во двор, успели заметить, что земля в бабушкином саду вся усыпана опавшими яблоками, и рванули на улицу к школе. Там, на полузаброшенном стадионе, полчаса назад кипели футбольные страсти, но ливень всех разогнал по домам.

На стадион они прибежали первые и ждали минут пятнадцать. Остальные не торопились: то ли боялись мокрой травы, то ли их просто не пускали родители. И вот тогда-то братья нашли под деревом мертвого желторотика. Наверное, его выбил из гнезда порыв ветра, а потоки дождевой воды довершили дело.

– Похороним его? – спросил Вовка с той интонацией, которая означала у него очередную «клёвую штуку». Маратику было тогда шесть лет, а брат учился в третьем классе. Вовка верховодил во всем – тем более он же был местный, опытный, всё здесь знал,

а Марат приезжал сюда на лето из города. У двоюродного братца голова будто бы целиком состояла из одних клёвых штук, от которых шестилетний гость из города просто обязан был приходить в полный восторг.

– Яму копать есть чем? – спросил Вовка, оглядываясь по сторонам. Маратик тоже начал оборачиваться со сложенными лодочкой руками.

– Постой, я сейчас вон тот кирпичик принесу. Им копать будем!

Старший приволок кусок кирпича и принялся, сидя на корточках, ковырять мокрую землю. От мокрого тельца в руки перетекал холод. Он не испытывал страха или отвращения, лишь любопытство. Тайком от брата Маратик приоткрыл ладони и посмотрел в образовавшуюся щелку на жалкую желтоватую головку птенца. Глаза у него были закрыты розовой тонкой пленкой с едва заметными синими прожилками.

В первый раз он ощутил это именно тогда – нестерпимое до дрожи в руках желание узнать и увидеть.

– Открой глазки! – прошептал он мертвому воробью. – На одну только секундочку. Ну, пожалуйста...

– Чё ты там бормочешь? – брат, всё так же сидя на корточках, повернулся к нему. – Молишься, что ли?

Маратик почему-то испугался его вопроса, побледнел и закрыл ладони.

– Ладно, давай, бросай его, – Вовка вскочил и кинул кирпичик в сторону. – Готова могилка! И крестик надо из веточек.

Гость из города не двигался и смотрел на чернеющую ямку, вырытую рядом с растрескавшимся бордюром.

– Ну чего застыл-то? Кидай его сюда! – снова потребовал старший.

– Глазки! У него глазки там. Его нельзя в ямку, – Марат скривил губы и начал шмыгать носом.

– Во дурак! – засмеялся двоюродный брат. Он выбил из ладоней младшего тело желторотика, потом брезгливо подобрал его двумя пальцами и, кинув в могилку, одним движением ноги в рваных кедах сравнял яму. – Вот так. Все дела. А теперь смотри: веточки вот перевязываешь и втыкаешь. Мы так сто раз делали уже!

Вовка связал ветки травинкой и воткнул крестик в черное пятно на мокром газоне. Потом он побежал в сторону подошедших

футболистов с соседней улицы. Марат за ним не пошел. Он вообще в тот день в футбол больше не играл.

Через два дня он впервые увидел сон про желторотика с закрытыми розовой пленкой глазами. И снова ему нестерпимо захотелось, чтобы птенец их открыл.

Глава 1. Матрёшка

Кладовщица была шалавой – об этом все знали. А на заводе ведь как в селе: ничего не скроешь, любые сплетни разбегаются со скоростью пожара. Вот и про Таньку чего только не говорили: один со сборочного хвастал, что прямо возле дальнего стеллажа у них дело было. В инструментальном и вовсе каждый третий подмигивал Марату насчет этого.

Танька ему не особо нравилась, он больше к бухгалтерии присматривался. Но в заводоуправлении у жены водились подруги: могло выйти боком. А Матрешка – та на фиг никому не нужна, главное подкатить умеючи.

На складе он бывал нечасто, и поэтому вздрогнул, когда услышал над самым ухом басовитое карканье, эхом отразившееся от ближайших стеллажей, погруженных в темноту.

– Напугал, дур-рак! – пробормотал он, пригладил двумя пальцами свои усы и пошел к светлой комнатке кладовщицы. Танька была ярой сторонницей энергосбережения и включала свет только в тех местах склада, откуда брали детали.

– Татьяна, ты здесь, что ли? – сказал он и снова услышал карканье в ответ.

– Я тут, – улыбающаяся Матрешка выплыла с другого входа. – Чего как поздно? Во вторую, что ли, сегодня? За оснасткой пришли?

Кладовщица улыбалась всем, и он знал, что ее улыбка ничего не значит. По крайней мере ему она точно ничего не обещает и ни о чем не говорит.

– Нет, – сказал Марат и помолчал, пристально рассматривая Таньку. – Я так, просто. Вот конфеты тебе притаранил, держи.

Он достал из пакета коробку «Птичьего молока» и протянул кладовщице. Та засмеялась – мягко и по-доброму, широко раскрывая рот. Он заметил, что два нижних зуба у нее с блестящими металлическими коронками.

– Конфеты – это хорошо. На стол положите. Но лучше бы Карлику принесли чего-нибудь. Вы его, кстати, видели?

– Да видел-видел! – гость нетерпеливо махнул в сторону стеллажей и в упор посмотрел на круглые матрешечные груди, прикрытые спецовкой, – да так, что та слегка порозовела. – Может, чайку попьем?

– Пряма щас? – брови Таньки чуть поднялись вверх. – Щас некогда. Со сборочного приедут скоро.

– Ну не щас. Потом, – Марат почувствовал, что всё выходит слишком грубовато, но, по его мнению, с ней так и надо было. Все говорили, что с ней так и надо. – Я зайду потом – завтра, наверно.

Он развернулся и пошел к выходу, чувствуя, как Матрешка плянется ему прямо в затылок. Возле самой двери кто-то вдруг прошелестел у него над ухом и закаркал. Марат шараясь в сторону и услышал тоненький смех Таньки, заметившей его испуг. Он чертыхнулся и вышел на воздух.

Матрешкой ее прозвали не из-за внешности, а потому, что как-то на одном из расширенных заводских совещаний, на котором присутствовал сам генеральный директор Семен Иванович, она вдруг подняла руку и сказала:

– Вот мы повторяем: «Инвестиции, инвестиции!». А мы все должны вкладываться не в производство, а друг в друга, понимаете? Как матрешки: одна за другую держится, одна в другой содержится. Ведь всё от людей зависит, а не от оборудования. Тогда у нас и развитие будет!

Все долго смеялись и аплодировали ее словам – тогда еще предприятие работало и управлялось по какой-то советской инерции, можно было и кладовщице иной раз слово молвить. Особенно долго смеялся Семен Иванович и одобрительно на нее посматривал. С той поры прозвище «Матрешка» к ней пристало намертво.

Поговаривали, что старый гендиректор даже предложил назвать одну из новых моделей автомобилей «Вороном Ка» – якобы в честь известного всему заводу Танькиного Карлика. Тогда многие решили, что кладовщица – давняя любовница Семена Ивановича. Но, быть может, и это тоже были сплетни.

Ворон появился на Матрешечном складе года четыре назад. Кладовщица спешила рано утром к проходной и увидела прыгаю-

щую на одной ноге иссиня-черную небольшую птицу. А за ней по пятам кралась полосатая кошка, у которой кончик хвоста нервно ходил из стороны в сторону. Матрешка долго не раздумывала: замахнулась на кошку черной тяжелой сумкой, а затем протянула руку к вороненку. Тот, важно переваливаясь и помогая себе крыльями, спокойно забрался на ее запястье.

– Да он ручной, я точно говорю! Сбежал, наверно, от хозяев, – рассказывала Матрешка каждому встречному-поперечному на проходной. И уже через два дня ползавода знало, что на складе у кладовщицы появился новый помощник. Некоторые приходили и приезжали только для того, чтобы посмотреть на найденыша.

Сначала вороненок подпускал к себе всех, охотно садился на плечи и на головы гостей – к общему восторгу посетителей. Но затем выбрал себе в хозяйки Матрешку и остальных стал сторониться, каркая на них с высоты стеллажей. Правда, от еды не отказывался – и благосклонно брал подачки почти от всех проходящих. А несли ему всё подряд – и ягоды, и мясо, и вареные яйца: Карлик был прожорлив и всеяден. За несколько лет он вымахал в полуторакилограммового красавца, и его многие любили, охотно прощая бело-коричневые следы помета на деталях и инструменте.

Одно время появилась даже мода ходить к Таньке на склад и фотографироваться с Карликом – тот всегда подлетал позировать, если Матрешка его звала.

Кладовщица любила своего птенца страстно, лечила его от всех вороньих болезней, перечитала кучу книг про птиц и переснакомилась со всеми городскими орнитологами.

– Семьи-то нет – вот и сходит баба с ума по своему Карлу, – говорили недоброжелатели, которых было также немало среди заводских. Они-то, видимо, и распускали слухи про то, что, дескать, Танька «слаба на передок». Сплетням охотно верили, некоторые шутники хвастались своими победами на Матрешкином фронте. А правду про нее знали только она сама да Карлик.

Марат через два дня снова попал во вторую смену и заявился к ней на склад уже ближе к вечеру. Карканья на этот раз он не услышал – да и не до этого было: он сумел пронести через проходную бутылку коньяка и сейчас срывал с нее газету и скотч, в которые та была заботливо спрятана-упакована.

– Татьяна, ты здесь? – спросил он хриплым голосом. Не получив ответа, он приоткрыл дверцу ее «светлицы» и увидел, что та дремлет, сидя за столом рядом со вторым выходом. Матрешкина голова была прижата лбом к правой руке, согнутой в локте, и пришедший заметил приоткрывшуюся соблазнительную ложбинку между круглыми грудями.

Марат осторожно прикрыл за собой дверь, провел привычным жестом по своим черным усам, поставил коньяк на стол и, подойдя к спящей, присел рядом с ней на корточки. Оттуда, снизу, ему сподручнее было смотреть на ее закрытые глаза. Татьяна почти не красилась и розовая поверхность век чуть вздрагивала: по всей видимости, ей что-то снилось.

Непрошенный гость, как загипнотизированный, смотрел на Матрешкины глаза. Во рту у него пересохло, грудь судорожно вздымалась, и он, совершенно забыв, зачем пришел, начал шептать: «Открой глазки! Ну, пожалуйста!».

Таня вздрогнула и, открыв глаза, увидела сидящего в странной позе мужчину. Она взвизгнула и, вскочив, опрокинула стул. Марат от неожиданности упал на спину.

– Да чего ты орешь? – недовольно сказал он. – Это я.

– Что вы здесь делаете?! – Матрешка была не из трусих, но сейчас перепугалась не на шутку.

– Я к тебе пришел – вот коньяк принес.

– Уходите, пожалуйста! Слышите? Я на помощь позову! – Таня сделала два шага к другому выходу из «светлицы» – противоположному тому, откуда пришел гость.

– Ой да ладно строить из себя недотрогу! – Марат решил пойти ва-банк: ее сопротивление даже нравилось ему. Он двинулся в ее сторону, та еще раз взвизгнула и юркнула за дверь.

Мужчина, не ожидавший такой прыти, помедлил немного и вышел вслед за ней. Склад был едва освещен. Высокие стеллажи серыми рядами возвышались над непрошеным гостем. Он услышал шуршание, включил фонарик в сотовом и сделал несколько шагов вправо.

– Эй, Матрешка! Нефиг прятаться. Я тебе чё: конфеты за просто так, что ль, носил? Выходи давай! – темнота придавала ему какой-то странной смелости. Он почувствовал себя охотником – совсем как тогда, в детстве, когда они с дядей ходили на уток и тетеревов.

Кладовщица, конечно, ориентировалась в своем хозяйстве неплохо, но у него-то слух более натренированный. Главное – не пропустить ее к выходу со склада. Снова шуршание. Он, крадучись, обошел стеллаж и увидел ее фигурку, прижавшуюся к одной из нижних полок. Рывок...

– Попалась, Матрешечка! – она завизжала, начала отбиваться, будто кошка, но его руки сами знали, что делать. Он слегка сдавил ей горло, а другой начал срывать спецовку.

Затем что-то звякнуло сверху, посыпались детали, и вдруг его голову пронзила острейшая боль – будто несколько ножей одновременно чиркнули по затылку. Когда он резко повернулся, кто-то с силой воткнул ему что-то острое прямо в ухо. Марат взвыл, женщина оттолкнула его – прямо на полки с инструментом. На голову гостя снова повалились разнокалиберные детали. Матрешка исчезла, и через несколько секунд послышалось хлопанье входной двери. А затем в тишине несколько раз победоносно прокаркал Карлик – откуда-то с верхних полок стеллажей.

После неудачи на складе он вернулся домой в самом сумрачном настроении. Жена с сыном уже спали, хотя обычно Юля дожидалась его и после второй смены. Он только обрадовался этому. В последнее время они ссорились все чаще. Раза три ему даже пришлось немного успокоить ее – показать, что перед ним выпендриваться не стоит. Нет, он ее не бил, а так – заломил руку, прижал лицом к стене и долго что-то шептал на ухо, пока она тихо давилась слезами. Ни она, ни он не хотели, чтобы Костик что-то услышал.

У жены сбоку на шее было такое отвратительное родимое пятнышко с волоском посередине. Он искренне ненавидел ее за этот волосок. Когда Марат пару раз прижимал ее на кухне, ему так хотелось надавить чем-то острым на это пятнышко – чтобы его не было. Совсем...

Он налил себе чаю, плеснул туда же коньяку – того самого, не оставлять же шалаве. А затем осторожно потрогал свое залепленное пластырем распухшее ухо: сволочная птица здорово прихватила его клювом. Адски горели и царапины на затылке.

«Ну, ничего, Матрешечка, ты еще пожалеешь, что на свет родилась!» – решил он и, залпом допив кружку, пошел спать.

Интермедия 2

В то лето соседская собака – обыкновенная дворняга молочного цвета с кофейным пятнышком на ухе – повадилась таскать бабушкиных кур. Маратику исполнилось уже тринадцать, а брат Вовка к тому времени вырос в высоченного семнадцатилетнего парня с волосатыми руками.

– Соседка-то, пьяница страшная, не кормит псинку, видно, и на цепь не сажает – вот она за курами-то и охотится. Сделали бы вы, ребятишки, хоть что-нибудь? Может, увели бы куда ее... – пожаловалась им однажды бабушка.

И Вовка, конечно, тут же придумал очередную клёвую штуку. Они дождались, когда бабка уйдет в магазин, – тот располагался далеко, у самой железной дороги. Соседка, как обычно, лежала в умат пьяная в своей избе в сенцах.

– Короче, так: я беру вилы, а ты – палку какую-нибудь. Не бойсь, твоя работа не пыльная – просто не дашь ей смыться. Я сам всё сделаю, понял? – сказал Вовка. И Маратик подчинился – по привычке. В особый восторг, понятно, не пришел, но куда деваться: верховодит-то Вовка. Мальчик шел за двоюродным братом, словно в тумане: он предчувствовал, что будет страшно, но даже и представить не мог, во что ввязался.

Вовка за свою сельскую жизнь много чего видел и много чему научился. В их доме всегда было полно скотины и птицы. За осень-зиму ему приходилось резать по три-четыре свиньи и отрубать головы несчетному числу кур и индоуток. Он охотно рассказывал городскому «братику» о том, что иногда, если отрубить голову быстро, а потом поставить курицу на ноги, та еще может пробежать несколько шагов.

– Ты пойми, – авторитетно объяснял старший, пока они пробирались огородами к соседскому участку. – Тут принцип простой: эту сволочь все равно уже не отучишь – псина кровь почуяла, понимаешь? Так и будет теперь к бабке шастать, пока всех кур не передушит. Способ тут один – пришить ее, и все дела. У нас тут село, не до городских нежностей.

Маратик кивал головой, чувствуя, как палка – черенок от лопаты – странно тяготит его руки. Белочка (соседка именно так ее называла, он помнил) обнаружилась не сразу. Пьянчуга, как всегда,

забыла ее привязать, и собачка спала во дворе, нервно подергивая ухом с кофейным пятнышком.

– Смотри: у нее часть цепи болтается на ошейнике, – прошептал ему Вовка и переложил вилы в правую руку. – Нам повезло. Надо ее поймать... Пстой-ка.

Брат чуть пригнул голову и, как лис, стал красться вперед. А затем быстрым движением всадил вилы в цепь. Белка подскочила вверх от неожиданности, но было поздно: вилы намертво прижали цепь к земле.

– Попалась, сучка, – удовлетворенно сказал Вовка с какой-то протяжкой гласных – будто пел. – Не уйдешь теперича.

Собака прижала уши к голове и несколько раз неуверенно мотнула хвостом, видимо, всё еще надеясь на благополучный исход.

– Давай-ка сюда иди! – брат сгреб цепь в руку и, вынув вилы из земли, подтащил собачонку поближе к ноге. – Тут главное ее не испугать раньше срока. Белочка, Белочка, хорошая, хорошая...

Собака завиляла хвостом сильнее и, высунув язык, часто задышала. Было похоже на то, что она заулыбалась.

– Ага, расслабилась наша собака-улыбака. Щас мы ее поближе к будке, та-ак. Привяжем на цепь, вот так, отлично.

Маратик стоял на одном месте, не шевелясь, и опирался на черенок, будто на посох. Он, как и Белка, чуть расслабился: почти поверил, что ничего страшного не произойдет. Не может же вот так – среди белого дня, кустов красной смородины за забором, спокойно плывущих в небе перистых, чудесных облаков – случится что-то ужасное. Так ведь?

И вот именно в тот момент их общего с Белочкой расслабления и веры Вовка быстро и четко всадил в белый шерстяной бок заржавевшие иглы вил.

Раздался не визг и не скулеж – он услышал пронзительный, выворачивающий наизнанку крик. Он не мог и представить себе до этой самой секунды, что в природе есть такой крик – нервы его будто разом намотались на какой-то маховик, а потом рваными струнами вернулись обратно. Палка выпала из рук, и глаза расширились.

Белочка рванулась в сторону, цепь жестко вернула ее обратно. Она бросилась снова, а затем шмыгнула в большую будку и там прижалась к дальней стенке и затихла.

– Не уйдешь, собака! Мы тебя и там достанем, – вилы свободно проходили в отверстие будки, и Вовкины волосатые руки принялись методично просовывать их в самую глубину, натываясь на что-то живое и мягкое. Раз за разом. Снова разверзся звуковой ад; от крика дворняги, казалось, некуда было деться, он был везде, заползал в самый мозжечок и вопил оттуда каждой мозговой клеточкой.

Марата парализовало. Ему хотелось убежать, упасть, закрыть уши руками, забиться в самый темный угол. Умереть. Но он не двигался с места и смотрел во все глаза на то, как вилы, поддерживаемые волосатыми руками, снова и снова исчезали в темном отверстии будки.

Сколько это продолжалось, он не помнил. Минуту? Две? Полчаса? Под самый конец, когда из будки доносился уже не крик, а хрип, Маратик услышал дребезжащий, испитой голос соседки. Вовка, вынудив из будки красноватые вилы, тоже обернулся в сторону говорящей.

– Будьте вы прокляты! – просипела женщина с туманными, еще не проснувшимися глазами. Она покачивалась из стороны в сторону; ей можно было дать и сорок лет, и все семьдесят – свой точный возраст она давно пропила. – Вы не люди совсем, не человеки. Белочку мою... истерзали...

Она икнула, плюнула в сторону братьев и, повернувшись, поплелась опять в избу спать. А вот Маратику не удавалось нормально поспать еще долгое время – до самого возвращения в город.

Человека меняют и определяют не сами события, а воспоминания о них. А лучше всего ему запомнились не окровавленные иглы вил и не волосатые руки брата. И даже не проклятия, произнесенные сильным голосом пропойцы. Ему запало в душу иное: он ощутил, что значит власть над жизнью и смертью, когда только от тебя зависит, жить дальше кому-то или умереть. И вот в этот миг тоненький ручеек щекоотящей энергии перетек от умирающей, хрипящей Белочки в его солнечное сплетение и ниже – в промежность. И происходящее ему *понравилось*.

Глава 2. Карлик

Как он и думал, шалава-кладовщица никому не проболталась про его вечерний визит на склад – ни вечером, ни на следующий день.

«Боится, что снова ославится на весь завод, – улыбался он про себя. – Подожди. Ты еще не так у меня забоишься, сучка!..».

Сначала он решил на повторное посещение склада, но затем сам себя отговорил: все-таки Матрешка могла подготовиться к его приходу или кому-то шепнуть лишнее. В общем, вряд ли он теперь ее застанет врасплох – спящую в соблазнительной позе. Тут надо что-то другое.

«Вот если Карлика не будет. Вот тут она запоет, тут она завоет – в ногах валяться будет у меня...» – думал он. Когда ему впервые пришла в голову идея отравить ворона, он почему-то вспомнил о ненавистном родимом пятне на шее жены.

«Есть между ними что-то похожее – и тот меченый, и эта. Бог шельму метит».

У Танькиного ворона на шее тоже была особинка – небольшое белое пятнышко, которое у Матрешки по неведомой причине вызывало чувство особой гордости: дескать, ни у кого такой птицы нет, Карлик – уникальный, такой нигде не потеряется и т.п. В общем, Бог шельму метит, это точно.

«Весь вопрос: какую отраву лучше использовать?» – размышлял он, идя с работы домой. Марат хорошо знал, что буквально на соседней улице есть магазинчик со звучным названием «Дератизатор». Там можно было легко приобрести отраву для крыс и мышей.

«Но ведь эта тварь зёрна клевать не будет. Ему мяско подавай, такие кусочки – не слишком жирные. А где я ему мяса отравленного раздобуду?».

Он раздумывал над этим несколько дней, нашел даже несколько сайтов, где предлагали «совершенно анонимно» доставить ему любые яды для любых целей. Но вбивать во всезнающий интернет какие-то сведения о себе – пусть только электронный адрес – показалось ему опасным. И он пошел другим путем.

– Почём у вас вот эта, да, помельче которая? – Марат тычет пальцем в стекло большого аквариума, наполненного мелкими опилками. На стекле остается мутный след от его указательного пальца.

– Вот этот? – улыбается миловидная продавщица в прямоугольных очках. Она опускает руку в аквариум и ловит серо-белую крыску с черными глазами. – Мы его Сырком прозвали. Правда, красавец?

Сырок смешно свешивает передние лапки с тонкого указательного пальца женщины и смотрит по сторонам. Затем его темные глазки сосредотачиваются на усатом лице Марата, крыса вздрагивает и пытается «утонуть» в кулаке продавщицы.

– Дурачок, чего ты испугался? – она перекладывает серое теплое тельце в другую руку.

– А под хвостом у него чего торчит? Болеет, что ли? – покупатель морщится.

– Да нет! – смеется хорошенькая собеседница. – Многие так думают. Это у самцов так... яички, в общем. Некрасиво немного, конечно. Может, вам лучше самочку взять?

– Не-е. И такой пойдет. Почему?

Марат на клетку тратиться не стал – выпросил в зоомагазине ненужную коробку, соврав очкастой дуре, что клетка у него уже есть.

– У меня уже была крыска, сын их любит. Ага. Подарю ему...

Он вышел с картонной добычей под мышкой и направился в парк. Пакет с отравленными зернами красного цвета Марат приобрел накануне.

– Голодный, небось? – спрашивает он Сырка, высунувшего серую мордочку навстречу дневному свету. – Щас пожрешь. До отвала.

Мужчина с черными усами устраивается на свободной скамейке и сыплет горсть зерен в коробку. Потом еще. Затем удовлетворенно слушает, как крыса шуршит коготками по дну коробки.

– Вот так, вот так. Молодец, Сырок. Ешь побольше. Мне концентрация нужна.

Марат сидит минут 15, время от времени пробегая глазами инструкцию на пакете с отравой. Потом он приоткрывает коробку; серая морда с усиками немедленно устремляется к свету. Мужчина почти инстинктивно загораживает ладонью путь беглецу и вертит временный домик Сырка, пытаясь увидеть дно. Из коробки на маратовские джинсы падают несколько красных зернышек.

– Черт, ты жрешь их или нет? Так дело не пойдет... Средство-то от мышей, а не от крыс. Внимательнее надо было читать. Черт! – ему жуть как не хотелось тащить крысеныша домой живым. Жена и сын обязательно заметят, начнут спрашивать. Блин. Надо было от крыс покупать, а не от мышей, голова садовая. А «Дератизатор» ведь закрыт уже... Он решает подождать еще полчаса.

– Мама, смотри, смотри! У дяди мышка! У дяди мышка! В коробочке! – детский голос верещит совсем близко. Марат вздраги-

вает всем телом и, не понимая, где он, начинает оглядываться. Сон сморил его незаметно, руки ослабли и потеряли контроль над коробкой. Сырок вылез почти наполовину и балансировал сейчас на картонном краю. Щеки его странно раздулись, одна лапка царапала Марату джинсы.

Рядом со скамейкой стоит улыбающаяся мамаша, держащая за руку мальчишку лет четырех. Глаза ребенка блестят от восторга, будто он встретился с живым волшебником.

– Это ваш крысеныш? – спрашивает женщина. – Какой забавный! Он не упадет?

Сырок, казалось, только и ждал этих слов. Он прыгает на асфальт и серо-белой молнией несется к парковым кустам. Усатый мужчина охает, почти рычит от злости и, отбросив коробку, устремляется за хвостатым беглецом. Мальчишка хохочет, а его мать морщит брови и чувствует, как неприятный холодок бежит по позвоночнику.

– Сынок, пойдем! – говорит она торопливо. – Не надо смотреть... Не будем мешать дяде.

– Дядя ловит мышку? Он играет в догонялки?

– Да, точно. Но мы не будем смотреть, нельзя.

Молодая мамаша не понимает, что с ней – почему ей всё это так неприятно? «Что-то в его фигуре... Как он погнался за крысенышем. Как хищник – паук или птица какая-то. Жуть», – пронесется мысли в ее голове.

Сын надувает губы, ему очень хочется увидеть, как дядя догоняет серую большую мышку. Но мать дергает его за руку и почти тащит к выходу из парка.

Марат быстро открыл входную дверь и тут же сунул коробку на самую нижнюю этажерку с обувью. Он заранее это всё просчитал и обдумал – так, чтобы жена с сыном не успели ничего заметить. Юлька делала что-то в зале и не вышла его встретить. Это хорошо. Он успеет выключить свет в коридоре и, глядишь, всё обойдется.

Мужчина, которого в парке на несколько секунд приняли за волшебника, рывками снимает черные туфли и спешит в ванную. Там он тщательно моет руки и лицо.

– Как на работе? – Юля старается изобразить спокойную заинтересованность, но удается ей плохо: он чувствует, что она на-

пряжена и боится его. Это тоже хорошо – поменьше будет выпендриваться.

– Да так – нормуль. Как Костян? – он доедает макароны и не смотрит ей в глаза.

– Температура еще держится, но получше сегодня. Дня через два в садик уже можно отправить. Да и я что-то засиделась... – она зевает, почти не открывая рта, и он замечает родимое пятно с волосяком на ее шее. Настроение портится окончательно.

– Мама, папа, у нас мышка! Слышите? Мышка! – вдруг раздается веселый простуженный голос Костика из зала, и время для Марата на несколько секунд останавливается...

– Да, конечно, хотел сюрприз сделать!.. Конечно, конечно, для Костяна, да... Ой, точно – у нас же старый аквариум есть, как я мог забыть!.. – усатый мужчина скрежещет зубами и про себя матерится так, как ругаются водители на скользкой дороге.

«Ну почему эта тварь не сдохла? Что за черт? Он что – зёрна за щеки запихал? Это же не хомяк в конце концов? Ах ты, чтоб его!» – Марат снова в ванной, трёт холодной водой глаза и пытается успокоиться. Он чувствует, что искренне ненавидит людей, которые мешают его планам – ту, что с пятном, и этого – мелкого, сующего свой нос куда не следует.

Ночью он несколько раз вставал, осторожно подходил к заляпанному аквариуму и пытался осветить его внутренности белым светом смартфона. Его встречали выпуклые глаза и тонкие чувствительные усики Сырка, блестящие от белого света. Проклятая крыса еще дышала, недобро посматривая на своего отравителя.

– Сдохни же наконец! – шептали его губы. Он успокаивал себя тем, что спешить особо некуда: лучше он завтра купит еще яда – настоящего, крысиного, не чета этим дурацким мышинным зернышкам. Чем сильнее траванётся крыса, тем больше шансов убить Карлика. «Подожди, Матрешечка. Потерпи еще немножечко».

Костик ревел с утра, а его отец божился, что отнесет назад бедного крысика.

– Костян, будь мужиком! Это бракованная крыса, мы тебе потом купим новую – в сто раз лучше! – успокаивал сына Марат, и у

мальчика постепенно высохали слезы. Не успел он еще к нему привязаться, да и отец не позволял брать Сырка в руки.

– Пусть сначала попривыкнет к новой обстановке, а то еще цапнет! – пояснял он жене, глаза которой впервые за долгое время блестели неподдельной радостью. Но так было вечером, утром – вместе со смертью Сырка – всё вернулось на круги своя.

«Надо же – крысе рады, а меня с работы встречают с кислыми рожами!» – думал он, заклеивая скотчем коробку со сдохшим грызуном. Ему еще надо умудриться протащить этот «груз двести» через проходную. Ничего – он пойдет через северные ворота, там часто дежурит Витек, его друг. Точнее не друг, а так – приятель. Друзей у него на заводе не было – он туда ходил работать, а не дружить.

Он не мог дожидаться вечера, делая свою рутинную работу по заточке инструмента. Рутину он обожал. Марат считал, что нет ничего лучше инструментального цеха и сборочного конвейера: тут всё идет своим чередом, нет неожиданных взбрыкиваний и виляний хвостом, и главное – никто не выпендривается. Все четко размечено, знаешь, что будет через час и через два, что случится утром и что – вечером.

А вечером он пойдет на склад и подбросит нарезанного кусочками Сырка. Каждый кусочек крысятины он дополнительно вывалял в яде, купленном в «Дератизаторе». Благо в старой раздевалке, которая находилась на задворках инструментального, можно было делать что угодно: туда редко кто заглядывал. Это тебе не двухкомнатная «хрущевка», где негде скрыться от глаз меченой и ее сыночка. На то, чтобы освежевать Сырка, снять серо-белую шкурку и, хрустя мелкими косточками, нарезать его тельце удобными кусками, ушло всего сорок минут. Ведро воды и ароматное средство для мытья пола стояло тут же – никаких тебе следов крови...

Он шел мимо серо-желтых заводских зданий, стараясь держаться подальше от фонарей. Скоро пересменка, и народ хлынет к проходной. Нужно успеть дойти до склада. Зато потом можно встроиться в поток и ускользнуть незамеченным. Тут светиться нефиг. Он ошибки не совершит.

Советское время заставляло людей строить большие здания и отдавать предприятиям многие гектары земли. Сейчас можно было обойтись и половиной всех этих разномастных построек: здешнее пространство давно надо оптимизировать и ужимать. Так оно и

происходило, жизнь и работа постепенно покидала здания, оставляя за собой мертвые, заброшенные цеха и склады. Медленное умирание, как раковая опухоль, захватывало все больше и больше заводского тела. Утром и днем умирание было не слишком заметно, но вечером чернеющие окна оставленных зданий вызывали тревогу и тоску. Заводское население чувствовало это и старалось слышать побыстрее, убежать в сторону светящихся окон цехов и многоквартирных домов. А вот Марат наоборот: любил встречать вечер именно здесь, стремился к заброшенному телу предприятия...

Ага, вот и он – Матрешкин склад.

Она не должна его увидеть, не должна узнать, что он приходил. Надо просто улучшить моментик – и хоп! Цып-цып-цып, Карлуша, где ты там затаился, мальчик мой?

Усатый мужчина чуть приоткрыл дверь с торцевого входа и прислушался. Как там говорил дядя-охотник? Маратик, стой и слушай. Стой, пока можешь стоять. Терпи до последнего. Когда тебе покажется, что больше стоять неможуту – постой еще минут десять. И тебя вознаградят за терпение. Обязательно вознаградят.

Он услышал звук Танькиного голоса. Либо на складе был кто-то еще, либо она болтала по сотовому. «Та еще болтушка!» – он улыбнулся. Зато он точно теперь знает, где она находится. Это хо-рошо.

Он просочился через приоткрытую дверь, прошел несколько шагов и снова остановился, прислушиваясь. Ворон точно где-то здесь. Дура-кладовщица его не заметила и не заметит, а вот Карлик давно уже знает, что на склад пожаловал непрошенный гость. Марат нащупал в кармане спецовки пакет с мясом и медленно выудил его наружу. Стеллажи, где он стоял, были не освещены, и пришедший мысленно благословил Матрешкину энергоскупость.

Мужчина осторожно, стараясь не касаться кусочков мяса голыми руками, надорвал пакет и положил подарок на верхнюю полку стеллажа.

– Цып-цып, Карлуша. Угощение подано, – прошептал он, вновь улыбнулся и скользнул в тень – к выходу.

Марат нашел лакомство уже после того, как ушла та, которую он любил. Мясо слегка горчило, но все равно было вкусным. Кусоч-

ки ровно того размера, что ему подходил: не нужно рвать их, а сразу можно заглатывать, чуть запрокинув голову.

Плохо ему стало на верхней полке – в том месте, где он обычно спал, чуть нахохлившись и думая о хозяйке. По его большим черным крыльям вдруг прошла судорога, и он, резко раскрыв их, затанцевал на одной лапке к краю стеллажа. Другую лапку он подволакивал – с тех самых пор, как его нашли возле больших серых ворот. Тогда он впервые увидел ту, которую любил.

Балансируя на краю, Марат чувствовал, как что-то обжигает его изнутри – что-то связанное с тем черным человеком, непрошеным гостем. Он клюнул его в ухо и жалел, что не сделал этого дважды. Горечь внутри разрасталась, ему захотелось искупаться. Хозяйка у дальней двери всегда ставила ему таз с водой. Он любил подлетать туда и бултыхаться в свежей холодной воде. Блаженство для перьев и клюва. Потом он вдруг вспомнил то, иное место, где он жил раньше, а затем память его ушла дальше – в кроны зеленых деревьев, где летали такие же черные птицы, как он. Воздуха не хватало, горло его зажило своей отдельной жизнью, зоб заходил туда-сюда, а затем он рухнул вниз. Одно крыло неудачно подогнулось и встретилось с металлическим полом склада. Раздался едва слышный треск мелких костей, но птица уже ничего не почувствовала – потому что ее уже больше не было...

Усатый мужчина резко дернул рукой и скатился с дивана, на котором он спал вместе с женой. Та не проснулась, но, пробормотав что-то, перевернулась на другой бок. Марат присел на корточки и вытер застывшую струйку слюны в уголках губ. Его тошнило, желудок скручивало судорогой, и он, прикрыв ладонью рот, побежал в туалет. Там он проблевался зеленой массой с отвратительными кусточками плохо прожеванного ужина.

Он долго сидел на краю ванны и смотрел мутными глазами на стену с облупившейся краской. Сон уже почти выветрился из его головы, но правая рука всё еще ныла: он неудачно подогнул ее под себя, когда скатился с дивана.

Завтракал он в плохом настроении, вяло жевал кусок ветчины с батоном и молча следил за тем, как Юлька в коридоре собирает сына в садик.

– Ты обещал ему купить нового крысенка или хотя бы хомячка, помнишь? – сказала она ему как бы между прочим, и он, сузив глаза,

ничего не ответил. Волосик на ее родимом пятне доставал его все больше и больше.

А вот на заводе – еще на проходной – настроение его пошло в гору.

«Карлик умер, слышали? Танька сама не своя. Вороненок и впрямь такой хорошенький был...» – говорила охранница своей товарке, пропуская ее через турникет. Марата так и подмывало поправить ее: не умер, а сдох. Умирают люди, а черные твари с тяжелым клювом дохнут и правильно делают.

Работал он весело, иногда насвистывал мелодию из любимых «Scorpions». Царапины на затылке и левое ухо перестали ныть, а о руке он и думать забыл. Матрешка теперь принадлежит только ему: куда ей деться-то с подводной лодки? Вот всё немного уляжется-утихомирится, и он обязательно наведается к ней в гости на склад. Танюшка заждалась, наверное.

Интермедия 3

Они с Лешкой облюбовали эту свалку давно. Вообще, свалки бывают разные, но самое клёвое место – то, куда свозят строительный мусор. Девятиэтажный дом, где жил Маратик с родителями, располагался возле городской черты – рядом с полем и лесопарком. А если идти налево от остановки, то уже метров через триста начинался огромный пустырь с колючками, небольшими холмиками и ямами. Там водились ящерицы, ужи и – главное – туда свозили остатки строительных блоков с небольшими плиточками. Белые плиточки ценились мальчишками на вес золота: в них можно было играть, их копили и собирали.

А еще у них с Лешкой был там свой шалаш. Неведомые основатели великого пустыря зачем-то вкопали в землю большую бетонную трубу, конец которой неприметно выходил наружу возле зарослей акации. Друзья расчистили вход, натащили туда всяких картонок и сумели просунуть в узкий лаз сиденье от полуразвалившегося кресла.

В трубе было темно и тесно, пахло старым цементом и песком, но зато об их шалаше больше никто не знал. Именно там Марат впервые понял, что такое свой дом – собственное пространство, на которое никто не сможет покушаться, место, где хозяин – только ты.

Однажды в их дворе объявилась большая и ласковая дворняга с рыжей свалывшейся шерстью. Сердобольная баба Катя с соседнего подъезда, которая неустанно следила за порядком в их большом дворе и этим самым надоела всем детям без исключения, стала ее подкармливать. Девчонки Танька и Наташка – одноклассницы Маратика – тоже таскали собаке кусочки, гладили ее, нашли где-то ошейник и умудрились насадить на рыжую голову старый белый бант.

Лешка и Марат с Рыжей подружились не сразу. Они считали дворнягу девчачьей собакой и не подходили к ней. Но как-то раз Рыжая увязалась за ними на свалку, таскалась за мальчишками везде, как хвостик, и в конце концов растопила их сердца – тем более что дурацкий бантик давно уже где-то потерялся.

К трубе она сначала отнеслась с подозрением и ни в какую не хотела идти туда. Но затем Лешка сумел заманить ее в шалаш кусочком вареной колбасы.

– Вот теперь у нас самый настоящий дом! – объявил Маратик и осветил фонариком внутреннее убранство шалаша. Противоположный от выхода конец трубы, наглухо заваленный кусками кирпичей, украшала большая потертая картина «Дети, бегущие от грозы». Ее друзья нашли рядом с мусорными контейнерами, стоявшими неподалеку от детского садика. На крюке из арматуры, торчавшем сбоку, висело почти целое велосипедное колесо. Марат, кстати, чуть не выколол глаз этим крюком, когда в первый раз залез в трубу – чтобы разведать, что да как.

Рыжая, высунув язык, тяжело дышала и смотрела умными глазами на своих новых хозяев.

– Да, – важно подтвердил Лешка. – Это настоящий дом – у нас даже собака теперь есть. Рыжая будет охранять шалаш!

– Точно! – восхитился идее друга Маратик. – Мы ее оставим здесь, принесем ей воду и еду, а Рыжая никого сюда не подпустит – охранять будет!

Дворняга мальчишкам полностью доверяла и поначалу спокойно отнеслась к тому, что кольцо ее ошейника охомутили веревкой, которую привязали к крюку из арматурины. Однако когда друзья выползли на свет Божий и принялись, как обычно, замаскировывать вход в шалаш ветками и камнями, рванулась и залаяла.

– Рыжая! Посиди немного! Мы шас вернемся, принесем тебе миску, хлеба и колбасы, – наставительно сказал Лешка в трубу. Но Рыжая не понимала всех тех радужных перспектив, что ждали ее в будущем, отчаянно скулила и с надеждой смотрела в сторону редких полосок света, что остались после тщательной маскировки.

Всё это случилось в воскресенье последнего дня жаркого августа. А в понедельник пятиклассники Леша и Марат пошли в школу. Началась сентябрьская кутерьма – дурацкая линейка и выдача учебников. Им поставили аж три физкультуры в неделю; в среду на первом же уроке русского Маратик умудрился схлопотать двойку за поведение. Мать в четверг из-за этого не разрешила ему пойти гулять. В субботу они тоже теперь учились, а в воскресенье отец Лешки увез всю семью за грибами.

В общем, по-нормальному погулять вместе друзья смогли лишь в следующее воскресенье – через две недели после начала учебы. Сначала они поиграли в ножички, затем щелбанами загнали белые плиточки в ямку.

– Слушай, – сказал Лешка, вдруг вспомнивший про свалку. – А ты тогда вечером еду-то отнес Рыжей?

Марат замотал головой:

– Не-е, тогда же «Утиные истории» начались. А потом уж темно было.

И они решили сбегать к своему шалашу. Уже на подходе к трубе мальчишки почувствовали запах. Воняло чем-то нездешним – тем, от чего хотелось убежать и спрятаться. Они раскидали ветки и кирпичи, и запахло сильнее.

– Я туда не полезу, – сказал Лешка и шмыгнул носом. – Рыжая, наверное, умерла.

Маратик не ответил и, задержав дыхание, сунулся с фонариком в шалаш. Долго он там не смог находиться – пахло слишком страшно. Когда он вылез и, отряхивая колени от цементной пыли, поднял глаза на друга, то увидел, что Лешка плачет.

– Ну, чего ты разнылся? – спросил его Маратик злым голосом. – У меня в поселке двоюродный брат есть – он этим... знаешь, как... Курице вот топором – хрясь! Голову. И потом ставит на ноги – а она еще бежит. Подумаешь – собака... Пошли лучше еще в ножички поиграем, а?

Глава 3. Развод

Сначала к нему подошел этот – хмырь со сборочного конвейера. Такой здоровый бугаина, его все почему-то звали «Стул». Марат даже не знал его настоящего имени – Стул он и в Африке Стул.

– Слышь, Марат, дело есть одно. Ты на обед пойдешь?

Усатый смерил его взглядом и покачал головой. Он не обедал в заводской столовой: приносил с собой домашнее и ел потом в старой раздевалке. Туда ведь редко кто заходил.

– Чё? Брезгуешь, что ль, со всеми жрать-то? – скривился хмырь. – Ну, ладно. Я тебе так скажу, по-простому: ты если еще раз к Таньке подойдешь, я тебе ноги вырву и в жопу вставлю. Понял? Ну вот и океюшки. Бывай.

И ушел. Козёл... Марат потом сидел в раздевалке на потертой скамье, смотрел на неработающий рукомойник и грязно-желтый столик, на котором он несколько дней назад готовил подарок для Карлика. Руки у него тряслись, и губы побелели.

«Что именно они знают? Только про то, как я эту шалаву возле стеллажа прижал? Или про Карлика – тоже?».

Его снова тошнило и хотелось домой. А на следующее утро его поманил пальцем бригадир – редкая гнида, всего два года назад пришедший после политеха и уже сделавший карьеру. Он вывел Марата из цеха на лестницу, ведущую на второй этаж. Здесь было потише и разговаривать можно, не повышая голоса.

– Васандеев, я это... Что хотел спросить... Ты в инструментальном-то давно?

Марат провел указательным и большим пальцами по усам и ответил:

– Девятый год. А что?

– Да так. А до этого где работал?

– До этого я учился. В техникуме.

– А-а, – у бригадира появилась складка на переносице, будто он о чем-то задумался. – Ну, ладно. Иди. Это просто меня тут спросили про тебя, а я даже ответить не смог – я же сам-то недавно на заводе. Давай, пойдем работать.

В обед Марату опять стало нехорошо. Он перетащил желтый столик в другой угол старой раздевалки, так как ему показалось, что на нем заметны коричневые следы крысячьей крови. Есть не хотелось. Он всё вспоминал лицо бригадира, и на душе было тревожно.

«Кто это мной так заинтересовался? Кто спрашивает-то? Проклятая шалава Танька разнесла по всему заводу – сплетничает про меня, наверно, с каждым, кто приходит к ней. Вот только бы добраться до Матрешечной шеи...».

Но на склад он идти трусил. И дело совсем не в Стуле и его идиотских угрозах: он просто до тошноты боялся опять увидеть темные стеллажи, тянущие свои полки до самого потолка. От одной мысли о темном складе у Васандеева перехватывало дыхание, кружилась голова и ныла правая рука.

В субботу Марат с семьей поехали на вещевой рынок. Обратного решили пойти пешком. День выдался замечательный: несмотря на то, что был конец сентября, по-летнему грело солнце, небо нежно белело и синело над головой, дышалось легко.

Юля уж и не помнила того дня, когда они с мужем и сыном гуляли вместе. Костик убежал вперед и возвращался к родителям, Марат взял ее руку в свою, и в памяти вдруг всплыло, что именно в эту пору – когда зеленые листья превращались в красные и золотые – они семь лет назад впервые с мужем поцеловались.

– Ты меня любишь – хоть немножко? – ее глаза заискрились. – В кино, что ль, сходить, а, Маратик? Давно мы что-то не ходили никуда.

Она потянулась к нему, и муж ее поцеловал. Губы у него были холодные и сухие, но Юля этого почти не заметила. А затем Костик закричал.

Васандеевы проходили мимо потертой двухэтажки, окна которой заросли сиренью. Сын опередил родителей шагов на тридцать и, увидев что-то в кустарнике, заинтересованно вытянул голову. Как раз в тот момент, когда Юля потянулась за поцелуем к мужу, Костик нырнул в кусты – поближе к перевернутой набок коробке из-под старого телевизора. Там копошились и поскуливали несколько мохнатых комочков с черными ушками. А затем серой стрелой к нему метнулась взрослая собака – не слишком миролюбивая сучка Найда, которую подкармливали несколько здешних кумушек. Одна из них и принесла два дня назад коробку для кутят.

Почему лохматая мамаша решила, что Костик угрожает ее выводку – об этом так никто и не узнал. Сучка вцепилась мальчику в

левую руку и взрезала ему запястье острыми клыками. Ребенок закричал от боли и выбежал на тротуар, подняв окровавленную ручонку навстречу родителям. Ему вслед залаяла обозлившаяся Найда.

Юля, расширив от ужаса глаза, бросилась к сыну и тут же, плача, стала осматривать рану. Марат несколько секунд не двигался с места, глядя на кусты. На сына и жену он не обратил внимания. Костик кричал от боли и рыдал в голос, и Юле казалось, что ничего страшнее этих звуков она еще не слышала. А затем муж прошел мимо и нырнул в сирень. И буквально через несколько секунд под балконом потертой двухэтажки разверзнул пасть настоящий звуковой ад. Сначала супруга Васандеева услышала глухой тяжелый удар и визг Найды. А потом кто-то там, в сиреневых кустах, добрался до коробки с кутятами.

Всё длилось недолго, но Юля за это время успела забинтовать руку сына своим шейным полупрозрачным платком и на руках унести его почти на сотню метров назад – подальше от звуков, от которых стыла кровь в жилах и холодел позвоночник. Кто-то методично рвал и топтал, превращал в мертвое месиво комочки с черными ушками – и старался не пропустить ни одного. Там на минуту из ниоткуда возник завод – сборочный конвейер смерти, где нельзя пропустить кого-то и оставить в живых. На хорошем предприятии так не принято.

Юля правда не хотела смотреть – она бы дорого дала, чтобы не увидеть именно этого момента. Но не смогла. Глаза ее оторвались от укушенной руки сына и посмотрели вперед. Потом, когда у них случился тот самый скандал, она в запальчивости прокричала ему это – и получила свое. А потому что нечего выпендриваться...

– У тебя на губах была шерсть! – содрогаясь от ужаса, говорила она ему. – Красный пушок от их шерсти! Слышишь? Что ты там с ними сделал в кустах?

Она собирала одежду, документы и деньги в страшной спешке. Слезы давно высохли, остались только страх и боль – в тех местах, куда полторы недели назад попал кулак ее мужа. В лицо он ее не бил, руки уже не заламывал.

Да, раньше ограничивалось именно этим: Марат резко выкручивал ей руку и, прижав лицом к стене, принимался шептать ей в

ухо. Это сильно пугало ее, особенно в первые два-три раза. Но в конце концов из-за сына можно и не такое перетерпеть. Мало ли у кого какие бывают странности? Подруга с работы, сидевшая за соседней кассой, как-то шепнула Юле, что ее муж может заниматься этим только на природе. Из-за этого они не раз попадали в смешные и нелепые ситуации.

Женщина решила про себя, что мужья вообще – существа непростые. И если уж родила от такого, то терпи и не выпендривайся, как любит говорить Маратик. Но полторы недели назад всё изменилось. Скандал начал он сам – заговорив про сложности на своей работе.

– Я увольняться буду, Юль. Там невыносимо работать больше.

– А куда? Уходить-то надо не в пустоту – сначала поискать новое место нужно.

Муж сузил глаза и пригладил усы двумя пальцами.

– Ну, еще ты меня учить будешь! Найду, не беспокойся. Я, может, вообще хочу пока дома отдохнуть. Несколько месяцев посижу-покумекаю.

– Да у нас же кредит! – не выдержала Юля и тут же пожалела об этом.

– Опять выпендриваешься? – жилки на лбу у него вздулись, он смотрел на нее так, будто оценивал.

– Это ты сам выпендриваешься! – не выдержала мать Костика, которая вообще-то была не из робкого десятка – по крайней мере, еще каких-то семь лет назад. – Моей зарплаты не хватит на квартиру, еду и кредит. Я...

И вот тут он ее ударил. Не вставая с места – в грудь. Та охнула, пошатнулась и начала оседать на пол. Он навалился на нее сзади и стал бить коленками и кулаками. Первые полминуты она не кричала: думала, что он перестанет. Но ее сильные, тихие стоны только раззадорили мужа, и он перешел на пинки.

На крик прибежал игравший в зале Костик и, открыв рот, стал смотреть на родителей. Марат его заметил не сразу, поэтому сын наверняка успел увидеть многое.

Ей пришлось обратиться в больницу, хотя, слава Богу, серьезных ушибов не было. Но почки все-таки частично пострадали. Заявление в полицию она тогда так и не написала. А вот вчера дошло и до этого. Она сумела вырваться от взбешенного мужа и запереться

в детской комнате. Дрожащими руками набрала номер и через 20 минут приехала дежурка. Эти 20 минут ожидания были страшнее его ударов и странного шепота в ухо.

Он уговаривал открыть, угрожал разбить дверное стекло, матерился так, что Юлия закрывала сыну уши. Именно тогда она сказала ему через дверь о том, что увидела, когда Марат вышел из кустов сирени – о собачьем пушке и крови на его черных усах. Муж после этого затих на целых десять минут, а потом полицейские застучали в дверь.

Ее приютила подруга. К матери она не поехала, так как знала, что именно там он будет искать ее в первую очередь. А затем началась мучительно долгая процедура развода и дележа совместного имущества.

Глава 4. Группа помощи

– Я нечаянно! Я же только улицу указала – номера дома не было, я его точно не написала! – Светик хныкала и скулила. Слезы щипали ей щеки и щекотали нос, она шмыгала и вытирала их пухлым кулачком.

– Не написа-ала, – передразнила Наталья, не смотревшая в ее сторону. – Я уж сто раз упоминала и в постах, и в комментах об этом! Нефиг вообще лезть, если не умеешь. Помогать – помогай, а в группе не пиши больше ничего. Понятно? Или тебе про беседку в парке напомн...

Говорившая осеклась и быстро взглянула на девушку. Светик шмыгнула носом и, вздохнув, кивнула головой. К группе помощи она прибилась через ту же Наталью («Натаху» – как ее звали друзья и администраторы в ВК). Так-то она года два до этого волонтерствовала в частном собачьем приюте в Поповке, но это – по словам резкой Натахи – не считается.

– Чушь собачья – вот что такое твоя Поповка. Сколько там собак-кошек содержится? Сколько? Тридцать пять? Курам на смех! Мы за месяц пятьдесят пристраиваем. И не просто пристраиваем – а лечим, стерилизуем и следим, чтобы они потом снова на улице не оказались. Понятно?

Света с искренним восхищением смотрела на свою старшую подругу, которая вполне годилась ей в матери. Она на многих смо-

трела с восхищением, и этих многих такой подход к людям напрягал.

– Светик, ты в жизни-то вообще что хорошего видела? – спрашивала ее Татьяна Федоровна, самая пожилая в их группе. – Отца не было, мать испарилась, бабка из тебя личную рабыню сделала. А ты от всех встречных-поперечных просто млеешь! Да разве так можно, дурочка? Тебя уж сто раз обманули и еще сто тыщ раз проведут. Доверять никому нельзя!

Шестнадцатилетняя волонтерка кивала в ответ светлой головой и радостно смотрела на своих поvidaвших жизнь наставниц. Те только разводили руками. Правда, сейчас радость потухла в Светикиных глазах.

– Ну скажи, тетя Наташ, неужели они тоже убили этого таксёныша? Как же так можно? – спрашивала девчонка и снова готовилась плакать.

– А куда же он по-твоему делся? Я миллиард раз говорила: конкретный адрес пишем только в личку проверенным людям. Ты видела, сколько в нашей группе подписано человек? Двадцать три тысячи с хвостиком. И ты думаешь, что все они – хорошие люди? Черта с два!

Когда Наталья говорила о числе подписчиков их группы Вконтакте, тон ее смягчался и настроение всегда улучшалось. Ведь именно она пять лет назад эту группу и основала. Именно она ее раскрутила – и теперь всё работает, как часы. Точнее – работало...

– Ладно. Попробуем сейчас еще пост сотворить – может, таксёныш твой просто в другой микрорайон подался. Или хозяйева настоящие нашлись, – Наташа говорила это без особой надежды. Раньше, буквально месяц назад, ее тон был бы более уверенным. Но в последнее время что-то изменилось. В их городе появился кто-то (*они*, как называла эту неведомую силу дурочка Света) серьезный и быстрый. Кто-то очень умный и жестокий.

Всё началось с той кошки – с Ленинского района. Одна из левых «френдюв» часов в девять вечера выложила в принципе банальнейший пост: мол, там-то там-то, на Робеспьера, 51, в третьем подъезде кошечка окотилась. «Я взять домой не могу, а сосед с третьего этажа грозит их всех на улицу выкинуть. Ночью уже холодно, я боюсь за котятюк. Кто может взять на передержку?» – и всё в таком же духе.

Обычно в комментах быстро проявлялись волонтеры – из тех, кто живет поблизости: кто-то мог подкормить, а кто-то на месяц-другой угол предоставить. Затем по обычной программе: котятки подрастали, их прививали, обрабатывали от паразитов, стерилизовали – и раскидывали по хозяевам. В группе были и люди, которые собаку съели на организации всяких выставок-продаж животных. В общем, не мытьем, так катаньем найденышей пристраивали.

Но с кошкой на Робеспьера что-то пошло не так. Когда до подъезда в одиннадцатом часу ночи добрались местные девчонки, состоявшие в группе второй месяц, там никого не было. Автор поста (левый «френд») разводила руками и божилась, что полчаса назад коробка с котятами стояла возле подъездной батареи на первом этаже.

Волонтеры обыскали соседние подъезды, а после разбрелись по домам: кому в школу завтра, кому в универ. А на следующий день в ВК – душераздирающий пост о том, что котят нашли на помойке.

«Это ужас, девчонки! У каждого на шейке – шнурок. Вы понимаете? Я даже фоткать не стала – не смогла. Тут маньяк действует, больной на всю голову. Весь вечер проплакала» – снова из заметок той же френдихи.

Кстати, ее обращение к читателям «девчонки» – не случайность. В созданной Натахой группе процентов 95 подписчиков – женское население их города.

– Мужикам это всё нахер не надо! – говорила Натаха – как всегда в своем резком стиле. – У них телек, футбол и бабы голые – вот весь круг интересов. А ведь чиновники, которые могли бы бродячими кошками-собаками на бюджетные бабки заняться, – все, как на грех, мужики. Я миллиард раз в мэрию по этому поводу писала: нужен хороший муниципальный питомник, нужна программа по стерилизации, поддержите тех, кто частные передержки содержит – хотя бы жратвой. Не-а. Ноль реакции. Мужики, блин, это такая скотина – их самих стерилизовать надо...

Татьяна Федорова, бывшая училка математики, посмеивалась в ответ на эти феминистские тирады основательницы группы и говорила, что шансы у Натахи когда-нибудь выскочить замуж «давно находятся в седьмой размерности евклидова пространства».

После случая на Робеспьера никто из администраторов-основательниц так и не допетрил ввести новое правило – ни в коем случае

не указывать в общедоступных постах точный адрес найденышей. Итогом такого разгильдяйства стал еще один дикий случай.

12 сентября (эту дату Наталья запомнила точно – у нее как раз днюха случилась) ей в личку прислали письмо: «На 40 лет ВЛКСМ бегают беременная собака – кажется, породистая и даже с ошейником. Людей вообще не боится, ко всем идет. Нужна передержка». И фотку со смартфона переслали.

Нет проблем. Натаха состряпала пост, прикрепила фотку и, естественно, указала адрес – дескать, те, кто там поближе, откликнитесь, пожалуйста! Отклики пошли сразу же. Помусолили тему в комментариях, определились, кто идет. Даже с колесами проблем не возникло – это чтобы потом собаку в ветклинику на проверку отвезти. И вдруг – дежавю, блин. Не могут найти, вот бегала только что и – пропала.

Натаха уже тогда ночью сообразила, что дело нечисто. Утром она сама поехала на 40 лет ВЛКСМ, хотя и дела в компании были, и микрорайончик этот – не ближний свет. Одну только ошибку она тогда сделала, о которой и сейчас жалела, – взяла с собой Светика. Светловолосая «радость», как называла ее Татьяна Федоровна, прыгнула к ней на борт – на переднее сиденье ее «Киа» – и вылезать не захотела. А у Натальи под ложечкой сосет: интуиция у нее при опасности обострялась так, что самой страшно становилось.

Приехали на место, стали объезжать микрорайон. 40 лет ВЛКСМ одним концом в федералку упирается, другим – в парк. Когда подъехали к деревьям, Натаха еще затормозить не успела, а ее горе луковое уже – прыг на тропинку и ускакала. Пока основательница группы пристраивала тачку, пока цокала своими каблучищами по тротуару, не решаясь залезть на размокшую тропку парка, Светик ушла Бог весть куда. И через пятнадцать минут выбежала навстречу растрепанная, без шарфа, в слезах и соплях. Старшая не могла добиться от нее ничего связного целых полчаса. А затем потопала туда, куда указывала Светик. Лучше бы она сразу уехала, блин.

Совсем недалеко от тропки на спуске к небольшому оврагу виднелся остов беседки. Ржаво-гнилое строение, наверное, сохранилось еще с советских времен и пережило многое: на ее лавках не раз разводили костры, не по-детски гадили и внутри, и снаружи. Однако, как ни странно, металлическая крыша с потрескавшимся

шифером сохранилась. Именно уцелевший навес позволял старой беседке не развалиться и не сгнить окончательно.

Шестое чувство Натахи тут же подсказало, что причина истерики Светика – там. Она раздвинула ветки и, вдавливая каблуками опавшие красно-желтые листья, подошла к обугленному боку строения. Судя по смарфоновской фотке, у собаки была черно-коричневая лохматая шерсть и длинные забавные уши. В крови у нее точно намешано что-то от коккер-спаниелей и шнауцеров. Однако теперь утверждать так Наталья не стала бы. Ей вообще теперь было наплевать и на породу, и на цвет шерсти беременной сучки.

Отрезанная длиннорукая голова была насажена на верх немногих досок, что остались от напоминавшего частокोल ограждения беседки. Сердце у подошедшей подпрыгнуло куда-то ближе к горлу и там остановилось, едва подрагивая. Собачья голова смотрела на Натаху, не мигая. Черные, вылезшие из орбит глаза, будто две взорванных изнутри лампочки, стекленели на морде убитой.

– Урод, – как она говорила потом Татьяне Федоровне (Наталья не сомневалась, что изувер – мужского пола), – умудрился вырезать ей веки. Понимаешь? Разве может так сделать человек?

То, что валялось на лавке – мелкие и крупные кусочки собачьей плоти и шерсти, потертый ошейник – пришедшая не стала разглядывать. Ее «железный желудок», который, как она уверяла, мог переварить и гвозди, и собачьи консервы, вдруг изменил ей. Отбежав от беседки, женщина переломилась пополам и освободила себя от легкого завтрака. Выйдя на тропку, она достала из сумочки влажные салфетки и вытерла губы.

К своей «Киа», где на переднем сиденье скрючилась фигурка светловолосой, она подходила уже прежней Натахой. Сев за руль, она сузила глаза и некоторое время смотрела на лобовое стекло, покрытое мелкими каплями осеннего дождя.

– Не бойсь, Светик, – сказала она и повернула ключи зажигания. – Мы этого гада еще прищучим. Попадись он мне только!.. Сатанист гребаный.

Однако ночью, пряча руки под одеяло на своей одинокой большой кровати, она плакала. Плакала не потому, что ей было страшно и очень жалко убитого кокера – хотя было действительно страшно и жалко. Она чувствовала, что и здесь, как в не слишком удавшемся бизнесе и в несостоявшейся семейной жизни, кто-то снова встал на

ее пути. Кто-то опять и опять разрушает ее законное счастье. И эта сволочь, этот козел – точно мужского пола.

Натахина мать была ветврачом с большим стажем, отец – инженер-машинист на автозаводе. И та, и другой умерли лет семь назад.

– Животные, как люди, Таша. Только лучше, намного лучше, – любила повторять ее маман. И дочка не возражала.

Отец у них в семье всегда был на втором и третьем планах.

– Федь, надо бы окна заменить на кухне! – бывало говорит маман; отец кивает. – Федь, лучше пластиковые или деревянные? Пластик-то, вроде как, на легкие влияет, – отец кивает.

– Чего киваешь? – злится мать. – Пластиковые или деревянные? Наверное, лучше пластик – как у всех?

В итоге ставят пластиковые. Когда маман притаскивала с собой полубольную кошку или прооперированную собаку, которых хозяева привели в ветклинику, чтобы усыпить, – никто не возражал. Таша к этому давно привыкла, а отец – даже если очередные лохматые постояльцы гадили ему в тапочки – лишь кивал и соглашался.

Первый ухажер у Таши появился еще в десятом классе. Она давала ему списывать, он водил ее в кино. А потом она встретила его с шалавой из параллельного класса – и всё, тью-тью, гудбай, мой мальчик! Вали, одним словом, к своей расфуфыренной Катьке.

Она потом не позволяла себе влюбляться до последнего курса в институте. Училась на экономиста, получала только повышенную стипендию и посылала всех ухажеров лесом.

Так-то она сама ничего была: стрижка каре, губы подкрашены, груди – побольше, чем у остальных. Есть, в общем, за что зацепиться глазу. Но – идите лесом...

И вот тут-то объявился новый препод – Евгений Николаевич. Скажите пожалуйста! Чуть полноватенький, очки с золотой оправой, усы, как у певца Игоря Николаева, на лекциях – постоянно шутит. И глаза – она влюбилась в него из-за глаз. Когда он глядел светло-карым оком из-под очков, айсберги таяли и камни говорили.

В универе (тогда – еще институте) была столовая на первом этаже – точнее не столовая, а так – «чайхана», как ее прозвали студенты. Как-то после лекции она увидела, что мечта всей ее жизни сидит за дальним столиком один-одинешенек с надкушенным пирожком на тарелочке. Пьет кофий.

– Можно? – подсаживается к нему Таша и сама задыхается от собственной наглости.

– Гм-м. Конечно, Борьк... Бори...

– Борисова, – подсказывает девушка и улыбается. – Наталья Борисова. Пятый курс.

– Точно. Я пока еще не запомнил всех. Что-то вы припозднились – уж пятый час ведь? – Евгений Николаевич поправляет очки. Он лет на десять старше ее, но выглядит младше, чем Ташкин брат, которому всего двадцать шесть.

– А у нас сёдня репетиция – последний звонок готовим. Придете к нам в июне?

– Ну, до июня еще дожить нужно, Наташа, – отвечает препод и краснеет. Чуть-чуть. Она его о-бо-жа-ет!

– Доживем, куда мы денемся! – смеется его собеседница тоненьким голосом, хотя все подруги в общаге (с родителями она не жила принципиально) часто говорили ей: «Ты, если заржёшь, Ташка, консьержка на первом этаже за сердце хватается! Чистый конь, ей-богу».

Затем они еще раз в чайхане пересеклись – уже ближе к зимней сессии. Таша к тому времени правдами-неправдами выведала о своем принце с золотистой оправой практически всё. Так она думала.

– Не женатый он, девчонки. Вот клянусь! Точно знаю! – докладывалась она своим одногруппницам, бытующим с ней в одной общаговской комнате. – Живет с матерью на Кирова. Девятиэтажный дом.

– Ты чё, Ташка, сумасшедшая? Следила за ним, что ли? – Маринка гогочет, театрально упав на разобранную кровать.

– Ну и что, что в этом такого? – Наталья отходит к окну и смотрит на падающий снег. – Я гуляла, он – шел с универа. По пути всё было.

– Ага, рассказывай. «Следствие ведут знатоки», блин. По пути! Общага налево, Кирова – у черта на куличках, – худющая Тайка зевает. – Ничего у тебя с ним не выйдет. Он старше, маменькин сынок и – самое главное – *препод*. И он – толстый!!

– А чё: препода – не люди, что ли? – возражает Маринка и снова гогочет.

Ташка дуется на подругу за слово «толстый», старается не обращать внимания на говорящих и смотрит на снег.

Встречаться начали в феврале. День влюбленных в начале 1990-х годов был в новинку; он преподнес ей шоколадный торт в виде сердца. Потом было роскошное кафе – «Золотой телец» называлось. Там играл саксофонист с белой бородой, и посетители могли заказывать музыку.

– Знаешь, Натали, эту песню Крис де Бург посвятил своей жене Диане, – шепчет ее кавалер, пока они плавно качаются туда-сюда под «Lady in Red». И у нетрезвой Таши всё плывет перед глазами – не от выпитого и не от звуков саксофона, а от его слов «Натали» и «своей жене».

– Дальше, казалось бы, должно пойти как у всех, – разоткровенничалась она разочек с Татьяной Федоровной. – Долой девственность, вперед к семейному счастью. Он, сволочь пузатая, пригласил меня как-то к друзьям – якобы отметить день рождения хорошего человека. Я тогда вообще ничего не видела и не слышала: как говорили общаговские девчонки, если выключить свет, могла по ночам комнату глазами освещать от радости. Разоделась, купила новое платье на родительские деньги, подружки меня провожали – будто на свадьбу...

Наталя заявила в условленный час «на хату», а там – странности за странностями. Сидят два незнакомых мужика и Женя, то бишь Евгений Николаевич. Ее ухажер верхнюю одежду у нее принимает, за стол провожает. На столе – пир горой. Салаты, пицца, вино, водка.

– Вот, Натали, разреши познакомить – Сергей Сергеевич, мой друг, ему сегодня, как Христу, тридцать три исполнилось. И еще один мой товарищ по аспирантуре – Анатолий Иванович.

– Ну что ты, Женька! – улыбается именинник. – В старики-то нас записал. Серега да Толян – все дела. А то по отчеству – бр-р, не люблю.

– Сидим мы, значит, – Натаха снова возвращается к своему откровению для Татьяны Федоровны. – И постепенно выясняется, что никого, кроме нас, четверых, и не будет вовсе. Ну, ноу проблемс. Сообразим, как говорится, на четверых. А чё такого: Женя с подругой и двое его приятелей отмечают днюху? Так ведь? Так да не так, дорогая моя Татьяна Федоровна. От козлов добра не жди никогда. Ни-ког-да.

Таша лишь потом поняла, что ее поили, словно последнюю деревенскую дуру. Наливали и подливали, мешали и перемешивали.

– Думаете, я только их виню, а себя нет, Татьяна Федоровна? Я же понимаю, что и я виновата в этом – пришла сама, пила сама. Но, Господи, я ведь была молодая влюбленная дуреха – вот совсем, как Светик, разве что постарше. А он – пре-по-да-ва-тель. Крис де Бург гребаный, леди ин ред, понимаете?

Сначала она пробовала, кажется, сопротивляться. Затем перестала. Потом вообще отключилась. Но четко помнила одно: они делали это все втроем. Не по одному, а именно втроем – с ней. И делали долго.

Заявлений в полицию (тогда еще – в милицию) никаких не было. И родителям – никаких объяснений.

– Ушла из института в конце пятого курса. Со справкой. И так потом и не восстановилась: незаконченное высшее у меня. Я даже вид этого здания университета теперь на дух не переношу... Ну что, Татьяна Федоровна, вы теперь мне будете доказывать, что мужики бывают разные? Ни хрена подобного. Все – сволочи. До последнего.

Потерянную таксу они тогда, к великой радости Светика, нашли. Странные пропажи и убийства бродячих животных тоже вроде бы не повторялись больше. Но Натаху на мякине не проведешь: она ощущала, что кто-то держит их группу под колпаком. Чувствовала своим внутренним радаром, как чьи-то злые темные глаза следят за каждым ее Интернет-движением, чтобы нанести очередной удар.

– Интуиция, Светик! У меня, как у старой ведьмы, волосы на загривке начинают шевелиться, когда я приближение чужих слышу. Он или они, как ты говоришь, где-то рядом. Так что – никаких адресов! Только в личку. Будем выжидать.

Интермедия 4

Над ней – удивительное. Неопределимое. Она не знает слов «красное, круглое, погремушки, веревочки». Зрение у нее еще очень смутное: очертания лиц становятся видны лишь вблизи. Но маму она узнаёт сразу – стоит той лишь показаться в дверях и улыбнуться. Мамина улыбка освещает весь мир, и девочка тянется к ней, хочет схватить маленькими ручонками, но не может.

А вот то, что над ней – красное, круглое, удивительное – она может схватить. Но не ручками. Просто – схватить. И погремушки гремят, веревочки вертятся, а Светик смеется...

Мама исчезла, когда ей исполнилось четыре. «Исчезла» – это почти в буквальном смысле. Однажды она ушла на работу, а Света осталась с бабушкой. И больше маму они не видели. Искали, обращались в милицию, много плакали.

За два-три года бабушка Марья Петровна превратилась в бабку Машу – сварливую, строгую старуху, которая свою внучку любила, но повторять прежних ошибок не собиралась.

– Я твою мать расслабила слишком, – говорила она Свете. – И вот что из этого вышло: кинула она нас, как последних дворняжек. За отцом-дураком твоим, наверно, пошла. Оставила жить старуху и девчонку на одну пенсию. Так бывает, когда молодым слишком много позволяешь. С тобой я этого не допущу!

Впрочем, строгости ее, в основном, сводились к четкому расписанию: Светик должна – вот хоть ты умри – быть дома не позднее 18-00.

– Мне на твои звонки наплевать. И на возраст наплевать. Шесть часов вечера – будь любезна пожаловать домой. Иначе – ты меня знаешь!

Света знала. Бабка в детстве драла ее часто, но не больно. Да и бросила она такое воспитание, когда той исполнилось десять.

– Я какой-никакой, а педагог, – ворчала бабка Маша. – В детсаде отработала без малого четверть века. Детей после десяти лет воспитывать уже поздно. Ты у меня уже воспитанная.

Еще одна старухина особенность – она на дух не переносила животных и птиц. Любых.

– Ты вот мне перышко от канарейки или волос из задницы кота покажи издали – я уже чихать начну. Так что даже не заикайся, поняла? Да и негде у нас! – так реагировала она на редкие просьбы внучки завести какого-нибудь завалившегося хомячка в их однокомнатной «хрущёвке». Зато Светик впадала в редкую разновидность кататонии при одном виде лохматых и четвероногих.

– Ей-богу, Тонь, ведь дура душой! Замерла посреди площади, и я с ней раскорячилась, как баба-Яга. Охаю-ахаю, да ты что, Светонька, что с тобой? Ведь стоит недвижима, как статуя! И zenки остекленевшие, ага. А потом-то оказывается – она лошадь увидела!

Елки-палки! Петуха гамбургского узрела! Эка невидаль! – рассказывала она соседке по лестничной площадке о своем походе с внучкой на День города.

Старуха праздников не любила, людской толчеи тоже. Но в тот раз восьмилетняя Света была в ударе и сумела уломать бабуку. Вот там-то на площади в толпе она впервые увидела украшенную в ленты лошадь, которую впрягли в имитацию сказочной кареты. Сутки Светик грезила наяву и ни о ком другом не могла говорить и думать. Бабкино сердце дало трещину, и она таки записала ее в местный клуб «иппотерапии».

– Свалишься, шею сломаешь – и слава Богу! Я рада только буду, так и знай! – свирепствовала она всякий раз, когда видела, как внучка после школы торопливо собирается на стадион, где дети и их тренеры занимались с лошадьми. Сама бабушка Маша ходить туда отказывалась, уверяя, что после будет болеть неделю из-за запаха конского пота и навоза.

– Бабуля, он живой, понимаешь? – рассказывает Светик вечером, сметая с тарелки гречку с подливой.

– Кто живой? – старуха поднимает глаза и смотрит на нее поверх толстых стекол в прозрачной оправе. В руках у бабушки – сканворд.

– Ну, Сокол... – внучка прячет взгляд и краснеет.

– Конь твой, что ль? А какой же он еще? Известно – живой!

– Да он, как мы, живой – такой же...

– Охи-ох... – вздыхает мать ее матери и возвращается к сканворду. – Свихнешься ты, Светка, со своими конями. Точно говорю!

А Светик правда теряет голову, когда садится в седло и, покачиваясь, едет по овальной дорожке стадиона. Ей так хочется прижаться к Соколу, зарыться в гриву и говорить с ним, говорить...

Школьных подруг она тоже здорово достала – те в конце концов стали над ней просто издеваться.

– Ну, Светка, расскажи, как ты с Соколом разговариваешь? – с невинным видом спрашивает ее Катька Сорочина. Это был ее любимый прикол, когда они учились в пятом классе.

– Он показывает. И я тоже.

– Что показывает?

– Картинки.

– Как по телевизору?

– Нет. Как на песке – рисунки.

– Светик ду-ура, Светик ду-ура! – напевает в ответ Сорочина.
– Конская гри-ива, врешь краси-иво!

«Конской гривой» ее дразнили долго – до двенадцати лет. До самой желтой машины. Потом – перестали.

Были у Светика и другие странности, из-за которых с ней отказывались сидеть одноклассники.

– Столярова опять руки тянет! – канючит ее очередной сосед по парте. Классный руководитель Светлана Сергеевна чуть вздыхает, посматривая на свою светловолосую тезку. С «конской гривой» пересидел за пару лет чуть ли не весь класс, пока у Светика не прошла ее причуда.

– Боже, это кошмар какой-то! – делилась наблюдениями в учительской классный руководитель пятого «В». – Я и бабушке ее говорила, а та только брови нахмурит – и вся реакция. Посреди урока, представляете, вдруг вытянет свои худые ручки к окну и тянет их, тя-янет. Ее соседка по парте однажды аж расплакалась: «Не буду, говорит, я с этой сумасшедшей сидеть!».

– Ну вы-то у самой у этой, как ее? Столяровой, да, светленькая такая, я помню... Спрашивали у нее – зачем она так... тянет? Как она сама объясняет это? У нас ведь вообще-то школьный психолог есть. Может, ей и не место, извините, с нормальными-то? – интересовалась завуч по воспитательной работе.

– Да спрашивала, спрашивала, – Светлана Сергеевна пугается перспективы потерять одну из лучших учениц своего класса и торопится ее защитить. – И с психологом она общалась много раз. Так-то она на «отлично» ведь учится.

– На «отлично»? Хм-м. И что она говорит? – завуч берет чашку чая и шумно пьет.

– Энергия. «От солнышка идет – вот я ее «пью», – говорит...

Брови завуча округляются, она молча допивает чай, а затем снова интересуется:

– А психолог, Роза-то Николаевна, что? Какой диагноз-то ставит?

– Да так, – пожимает плечами ее собеседница. – Пройдет, говорит, может, само собой. С возрастом.

И точно – прошло это у Светика. В школе она так перестала делать. А дома-то кто за ней уследит? Куда она там руки свои тянет... Но желтая машина изменила всё.

Была весна. Девочка выбежала на улицу и остановилась. Густой, как помутневшее стекло, туман расплзался по двору, крышам автомобилей, висел на ветках деревьев. Она, расширив глаза, смотрела вокруг, и всё ей казалось сказкой.

– Если я не буду наступать на трещинки в асфальте, то Сорочина дразниться сегодня не будет. И туман не уйдет – со мной полетит, – решила она и, повеселев, побежала в школу. Таких «примет» она выдумывала по десятку на дню и потом старательно соблюдала условия договора. Возле школы – на «односторонке» – трещин, как назло, было пруд пруди. И Светик стала старательно их обходить:

– Одна, вторая. Ой, нельзя! Назад, еще назад... Ой!

Потом медэкспертиза показала, что водитель такси был полностью трезв.

– Торопился клиент – на поезд опаздывал, понимаете! И туман этот чертов. Еду, как обычно, – да вроде все соблюдал: скорость сорок, потом лежачий полицейский. И вот из ниоткуда она прыгнула – как из дыры какой-то, честно слово. И под колеса прям! – таксист эту историю сотни раз на разные лады потом пересказывал – в полиции, друзьям, жене, на посиделках с приятелями. Запомнилось ему это надолго: дали полтора условно и еще на два года запретили за баранкой сидеть.

А у Светика – перелом в двух местах правой ноги и серьезное сотрясение мозга. Бабка сутки из реанимации не вылезала, пока она в себя приходила.

Поправившись, девочка изменилась и внешне, и внутренне.

– Что-то толстеть она у тебя стала... Корми ее поменьше, – рекомендовала бабке Маше соседка по площадке.

Марья Петровна в ответ лишь рукой махала. Толстеть – это полбеды. Раньше Светик была веселее солнышка, а теперь ходит, словно кто-то камень ей на шею повесил.

– Я, бабуль, не хочу больше в клуб ходить... – сказала она однажды за завтраком.

– Да чего ты шепчешь-то? Говори шибче – совсем рта не открываешь, – хмурится бабка.

– Не пойду больше я к лошадям!

– Почему это? – удивляется старуха. – А Сокол как же?

– Не пойду! Не слышу я его больше! Понимаешь! Не слышу! – и в слезы.

– Ну не ходи, – Петровна огорчается ее слезам. – Баба с возу – кобыле легче. Ты только не реви. Болит головка-то?

Светик вскакивает из-за стола и убегает в комнату. Бабка Маша снимает очки, протирает их и смотрит в окно. В глазах ее тоже дрожат слезы, но не из-за очередной внучкиной причуды. Просто вспомнилось что-то. Что-то связанное с дочкой – такой же причудницей.

– Где ж ты, моя горемычная? Неужто написать-позвонить сложно? Жива ли? Э-эхх...

Глава 5. Сны

– Как у тебя бабка-то? Поправляется? – Натаха в темно-красном пиджаке и такой же юбке сидела, положив ноги в черных колготках на журнальный столик – привычка старая, подсмотренная, видимо, в сериалах. Поза словно говорила возможным посетителям: мой офис, что хочу – то и делаю. Полупрозрачный дым от ее длинных сигарет поднимался к натяжному потолку и там растворялся.

– Ага! – Светик взяла пухлой ручкой еще одну печенюку. – Второй раз ее прихватывает. Сегодня она уже дома – выписали.

– Инсульт – дело такое, серьезное. Но ты не бойсь, Светулек, если бабку шибанет окончательно – я тебя под опеку возьму, – основательница группы гогочет. Ее давние общаговские подруги наверняка бы вспомнили в этот момент про консьержку, хватающуюся за сердце.

Светик хмурится, что с ней случается редко.

– Ну, не дуйся, – женщина в красном лохматит светловолосую голову своей собеседницы; посторонний мог бы действительно подумать, что они мать с дочерью. – Ты лучше скажи, куда пойдешь, когда ЕГЭ свои дурацкие сдашь? В этом году выпускаешься?

– Ага! – лицо девчонки снова светлеет. – Нас с пятого класса на ОГЭ-ЕГЭ натаскивают – уже слышать про них не могу.

– Ну так куда пойдешь? Может, ко мне? Возьму тебя в свою управляющую компанию – будешь как сыр в масле? А? Да шучу-шучу...

– Я хочу... только вы не смейтесь, тетя Наташ!

– Ну?

– На кинолога учиться пойду.

– Кого? – Натаха спускает ноги на пол. – На кого? Кинолога? Да это разве профессия? Собачья работа, Светка. Тебе надо в сель-

хозакадемию – на ветеринара какого-нибудь. А уж с таким фундаментом тебя куда хошь возьмут – и в кинологи, и в мультологи...

Борисова опять гогочет над своей шуткой.

– Так я это... Теть Наташ... Крови боюсь, – Светик бледнеет. – Не переносу совсем. Даже вида.

– Ладно. Решим еще. Давай про группу – чё там, как? Я сегодня даже не заглядывала – времени вообще нет. Тут такая кутерьма: шас же тарифы на содержание и ремонт принимают. Мама дорогая! У меня старшие по домам все как один взбесились – никто не хочет ни копейки уступить. Ужась, одним словом! – Натаха пересела поближе к ноутбуку, стоявшему на краю высокого черного стола. Светловолосая пристроилась рядом с ней на кожаный диван.

– Четыре новых поста – нашли двух кошек, собаку на Ленинградском шоссе и пару кутят на автостоянке, – отчитывалась Светик.

– Про Ленинградское – из лички, надеюсь, узнала? – женщина в красном уже открыла страницу группы Вконтакте.

Девчонка быстро закивала в ответ.

– Хорошо. Ага, вижу. Так, сюда молодежь пошлем – у нас там две школьницы новых объявились. А туда... Катю с Тухачевского. Она не откажет. У нее и место одно освободилось – на передержку. Знаешь, да? Микки наконец-то взяли. Слава Господу, услышал Бог мои молитвы. Катька намучилась с ним. Ну а шоссе мы могли бы сами прошерстить. Надо только списаться со всеми. Угу?

Светик опять кивает:

– Нам тут еще деньги на передержку нужны, и на голодный телефон что-то капнуло. Операцию-то сделали – и всё никак не вылатим.

– Это у Найка операция была? Лохматый такой, весь в зеленке был, я помню. Сколько на голодный за сегодня капнуло?

Девочка ответила, и они на пять минут замолчали, уткнувшись одна в ноут, другая – в смартфон.

– А, совсем забыла! – Света откинулась на спинку дивана. – Сегодня такой звонок прикольный был. Женщина какая-то. Татьяной представилась. Я думала, сначала забрать кого хочет из котят-кутят, а она: «Я давно на вашу группу подписана, вот хотела узнать: вы птиц не пристраиваете?». Я такая: «В смысле?». Она: «Я бы вороночка с удовольствием взяла!». У нее, говорит, жил долгое время

ручной ворон – и погиб. Теперь ищет нового. «Очень тоскую, переживаю!», – говорит.

– Охи, охи, ёжики все сдóхи! – запричитала Наталья, не отрывая взгляда от монитора. – Каких только чудачков не слушаешься. Нам бы с собаками-кошками справиться, а она нам – про ворона. К орнитологам вон пусть в юннатку звонит!

– Вот и я ей то же самое сказала! – улыбнулась Светик.

– Ты все-таки поосторожнее со звонками на сотовый-то, – Борисова зажгла еще одну длинную сигарету. – Мало ли придурков. Если мужик какой будет звонить – сразу на меня переадресовывай. Лучше вообще только в ВК общаться. Молода ты еще слишком... Ну чё: поедем на Ленинградское? Пока меня кто-нибудь из старших по домам здесь не застукал или чего доброго – из прокуратуры снова начнут мозги канифолить. Собирайся!

Она лежала под деревом, поджав лапки под себя. Боль почти не чувствовалась – только холод. Сил держать глаза открытыми уже не было, поэтому когда кто-то спустился на землю рядом с ней, она это услышала, а не увидела.

– Открывай давай... Ну! – прошелестел чей-то хриплый голос. Она послушно разлепила веки и увидела большую черную птицу. Ее злые глазки-бусинки смотрели прямо внутрь Светика.

– Это хорошо, – прокаркала гостя. – А теперь мне придется взять тебя с собой.

– Я не хочу... – забеспокоилась девочка и поджала лапки сильнее. – Я жду маму, она прилетит за мной!

– Держи карман шире! Прилетит! Как же, как же... Я прилетел за тобой. А матери ты на фиг не нужна. Вставай!

– Нет!

– Вставай или – пеняй на себя! Я не люблю, когда выпендриваются, – черная птица наклонила свою голову и вдруг больно ударила девочку клювом чуть повыше виска.

– Встава-ай! Встава-ай! – карканье раздавалось всё громче, пока Света не вздрогнула и не проснулась.

– Ну, вставай, опять проспичь и позавтракать не успеешь! – бабушка стягивала с нее одеяло, открывая нагретое за ночь тело утреннему холоду.

Внучка откинула голову на подушку, убрала рукой чёлку и посмотрела на старушку. Та встала засветло, успела согреть чай, сварганить гренок и подмести. На лбу ее блестели мелкие бисеринки пота.

– Ну, чего смотришь? – заворчала бабка Маша. – Опоздаешь ведь!

– Бабуль, ты ведь не умрешь? – спросонья голос Светика походил на клекот небольшой птички. – Ты же будешь всегда? Да?

Старуха взглянула ей в глаза, помолчала и отвернулась в сторону окна: – Чегой ты, Свет, ей-богу... Как маленькая. Конечно, умру. Все умирают.

– Нет, не все! Не все! Ты будешь еще долго-долго жить. Обещай мне! Обещай! – возразила внучка и вытянула руки в сторону старухи. Точнее, так сначала подумала бабка, глядевшая на нее сбоку. Когда Марья Петровна посмотрела на нее внимательнее, она поняла, что Светик тянется к окну.

– Батюшки! – не выдержала наконец старшая. – Неужто опять? Причуды твои? Ты ж бросила это дело – потяготины свои...

– Это я не себе, – обиженно ответила девчонка. – Это я тебя солнышком кормлю. И у меня, кажется... Получается!

– Я те-е дам, бесстыдница! – заворчала Петровна, но в голосе ее дрожали нежные нотки. – Давай-ка шementом в ванную. Вон титьки уже выросли, а бабка тебя всё будит по утрам – как в ясли собираю ведь, ей-богу!

Света засмеялась, прыгнула с кровати и побежала в одной тапочке в ванную (там же, по хрущевским традициям, находился и туалет). Бабушка подняла было вторую тапку, но снова плюхнулась на кровать и посмотрела в окно. Осень стряхнула почти всю листву со старого тополя, и теперь его оживляли лишь два суетливых воробья и одна крупная черная птица, прислонившая голову к стволу. Без очков Марья Петровна не смогла толком рассмотреть, куда направлены глаза ворона, но ее вдруг пробрал озноб. Она медленно приподнялась и задернула желтую занавеску.

В школу Света ходила через парк – по протоптанной тропке, петляющей от дырки в решетчатом заборе до самого асфальта. По дороге она попыталась вспомнить сон, который напугал ее. Един-

ственное, что осталось в девичьей памяти – удар клювом. Место над ухом чуть повыше правого виска до сих пор побаливало.

– Какая же птица там была? Черная и большая. Ворон, что ли? – спрашивала она себя. – Наверное, вчерашний звонок этой Татьяны так повлиял. И...

Девушка затормозила так резко, что чуть не упала. Она покачнулася и перед глазами вместо деревьев и асфальтовых тропок парка замелькали высокие темные стеллажи.

«Где ты, Матрешечка? Цып-цып-цып! – услышала она хриплый мужской голос. – Выходи, поросеночек!».

Потом всё встало на свои места. Она помедлила еще минуту и, вынув сотовый, посмотрела, сколько времени. Ойкнув, Светик нахлобучила капюшон зеленой куртки и побежала вперед.

В школе на биологии она удивила многих: ее руки сами по привычке потянулись к окну в сторону солнечных лучей. Учитель замолчала, глядя на светловолосую. С ней учились всего человек шесть из прежних одноклассников, которые помнили ее «причуды». В последний раз она так делала в классе шестом, и об этой ее странности успели подзабыть.

На большой перемене к ней подкатила Бочкова Настька – бывшая староста их девятого «В». Они дружили давно, но общались, в основном, только по школьным делам.

– Светка, у нас тут такое, такое! – затараторила она: Настька всегда куда-то спешила и не могла долго стоять на одном месте. – Ты же в этой группе помощи бездомным собакам состоишь еще?

– Да! – Светик насторожилась.

– Представляешь, у Кольки – ну черный такой, Фомин фамилия, знаешь? Ну, не важно, он в третьей школе раньше учился. У него собака такая пушистая, большая – прелесть просто. Белкой зовут. А они переезжают – и девать ее некуда. А ей уж лет девять, наверное, старая, да. И они ее усыплять собираются, ты подумай! Ее... Да чего ты побледнела-то? О-о, глаза на мокром месте. Ты даже не видела ее ни разу – уже переживаешь! – бывшая староста покачала головой и переступила с ноги на ногу: ей уже хотелось бежать дальше по следующему неотложному делу.

– Сколько они еще могут подождать? Мы ее заберем, слышишь? Скажи им!

– О, я так и думала, что к тебе надо идти! Не бойся, еще целый месяц впереди. Я им скажу, что нашла, куда пристроить Белку. Все

нормально будет – они же не изверги какие-нибудь. Просто не знали, куда деть.

Светик закивала, заулыбалась и сказала, чтобы Бочкова обязательно дала Кольке номер ее сотового. Затем прозвенел звонок.

После уроков она, как обычно, пошла не домой, а на Автозаводскую – в Натахин офис, над входом в который висела большая вывеска: ООО «Домсервис+» – красными буквами на белом фоне. Здешний директор просто обожала красный цвет.

– Наталья Федоровна сегодня не в духе, – успела шепнуть девочке секретарша перед тем, как та шагнула в кабинет.

– А-а, ты, Светик... – рассеянно протянула основательница группы помощи и потушила сигарету о край пепельницы. – У меня просто завал сегодня. Садись. Хочешь чаю?

Пока чаевничали, школьница рассказала про Белку, Натахин стационарный телефон звонил трижды и всякий раз беседу с нетерпеливым абонентом брала на себя секретарша.

– За месяц найдем ей передержку не беспокойся, Светик, – также рассеянно говорила директор «Домсервиса». Потом она неожиданно сменила тему:

– Слушай, а ты снам доверяешь?

Светловолосая поставила кружку на стол и чуть привстала от любопытства.

– Вот знаешь, никогда мне такого раньше не снилось, – продолжила Борисова. – Необычно ярко всё – как вживую. Вот иду я будто по кладбищу, но оно какое-то странное – словно под водой. Трава такая зеленая, пушистая и колеблется от течения – красиво, жуть просто! А кресты, памятники эти и ограды... Не знаю даже, как описать. Вот они какие-то маленькие, что-то в них не так. Я подхожу к одной могилке, а там в холмик врыта доска – обыкновенная плоская доска. К ней прикручена фотка – с датой и именем, всё как полагается. Только вот на фотографии-то этой – птица, ворон, не человек, понимаешь? На меня такой страх напал, я аж проснулась.

Они помолчали немного, а потом девочка спросила свою старшую подругу:

– Теть Наташ, ты сказала, что имя – ну под фоткой – имя там было?

– Ну да. Я не помн... Постои, да-да. Точно. Карл, что ли. Как-то так. А что?

– Да нет, – Света снова взяла кружку. – Ничего. Я просто думаю, а про что думаю – сама не знаю. Глупость, наверно. А Белку мы кому на передержку отдадим?

И они уселись на кожаный диван рядом с черным высоким столом. Натаха поставила на колени ноут, а Светик разблокировала свой смартфон. Настала пора проверить, как там дела в группе.

Глава 6. Прогулка по парку и ярмарка

– Не подходи! – взвизгнула Юля, и эхо ее крика прокатилось по всему двору. Темная фигура отпрянула от нее на несколько шагов.

– Юль, ну чё орешь-то? – Марат показал ей ладони обеих рук, свидетельствуя, что он пришел с миром. – Я не сделаю тебе ничего.

– Где стоишь – там и стой! – отчеканила его жена. Он уловил твердые нотки в ее голосе, которых раньше не замечал.

– Юль, я поговорить. Пять минут – вот здесь на лавке. И всё, уйду.

В свете тусклого вечернего фонаря его лицо казалось желто-черным, глаза блестели как-то незнакомо.

– Ты садись, а я рядом постою, – сказала женщина. – Попробуешь подойти – я в полицию заявлю. И даже не думай, что я от развода откажусь.

– Всё, сел-сел, – Марат приземлился на холодные брусья старой лавки. – Развод так развод. Я согласен. Но у меня есть одно условие. Имею право.

– Условие? – лицо Юли скривилось: ничего хорошего она от него не ждала. – Какое?

– Я всё подпишу, разделю имущество. Квартиру обменяю – всё сделаю. Но только если ты согласишься сына со мной отпускать. На прогулку. Редко. Хотя бы разик в неделю – по выходным. Всё с ним будет в порядке, ты ведь меня знаешь – я за него глотку порву.

– Я тебя *не* знаю! – отрезала жена и всхлинула. – Я думала, что знаю, но нет. Ошиблась. Очень по-крупному.

Она вытерла указательным пальцем уголок правого глаза: вероятно, потекла тушь. Марат уставился себе под ноги и сжал руками брусок лавки.

– Ну? Согласна, что ли?

– Ты мне условие не ставь тут! – вдруг заявила Юля и быстро сделала четыре шага к подъездной двери. В кармане плаща она нащупала связку ключей. Сидевший на лавке медленно приподнялся.

– Не выпендрив...

– Заткнись! Замолчи! – закричала женщина и, повернувшись, сделала шаг в его сторону. – Слышать тебя не могу, видеть не хочу! Я в полицию обязательно заявление напишу и соседей предупрежу.

– Юлька... – зарычал тот. – Добром прошу – раз в неделю. Костян не только твой сын!

Они постояли, смотря друг другу в лицо и почти не различая глаз: на улице становилось всё темнее, и фонарь, казалось, только усиливал тени.

– Не только мой, – согласилась она тихо. – Я посоветуюсь кое с кем. И отвечу тебе. Позвоню. Завтра.

Она прислонила к домофону ключ и поспешно закрыла за собой железную дверь. Марат постоял немного, поднял голову, а затем с шумом выдохнул в черное небо.

После «Орбиты» и тира, где Марат прошел мелкой пулькой восемь воздушных шаров из девяти, отец с сыном сели на скамейку. Младший держал в руке отцовский трофей – выигранную в тире мягкую игрушку, небольшую розовую свинку. Гуляли они в том самом парке, где полгода назад Сырок, сидя в коробке, ел красные зерна.

– Смотри, сын, – мужчина с усами взял веточку и начертил в пыли букву «К». – Какая это буква? Знаешь?

– Ка. Костя, – заулыбался мальчик.

– Да. Но если тебя кто-нибудь спросит – ну на улице там или в школе: «Кто ты?». Как ты ответишь?

– Ма-а...льчик, – предположил сын.

– Ну это понятно. Если спросят: «Как тебя зовут?». Что ты скажешь?

– Костик.

– Не Костик, – отец быстро раздражался, но ему не хотелось пугать мальчишку. – Ва-сан-де-ев. Вот что первое ты должен сказать. А потом уже – Костик или Константин. Мы – Васандеевы. Понял?

Малыш закивал и попросил палочку. Отец увидел его протянутую руку.

– Как? Заживает? – он провел по розовым рубцам на маленьком запястье.

– Да, – Костик спрыгнул с лавки. – Я в песочек хочу.

– Подожди, – Марат присел рядом с ним на корточки. – Посмотри на меня. Ты помнишь, кто это сделал?

Мальчик опустил глаза на рубцы и закивал.

– Кто?

– Собачка.

– Не собачка. Сука. Знаешь, в чем разница? У собак у настоящих – всегда ошейник и с ними рядом кто? Хозяин, правильно. Всегда. Вот это собаки. А те, кто без ошейника, – это злые суки. Бродячие твари. Понятно?

– Да. Пап, пойдем на песочек.

– Успеешь. Щас. Я еще мороженое тебе куплю. Прямо минутку. Ты помнишь, как тебе больно было? Кровь текла. И мама плакала – помнишь?

Костя выпятил нижнюю губу, личико его сморщилось: он готовился заплакать.

– Не кукуйся. Смотри, я тебя научу одной штуке – запомни. Навсегда запомни! Потом будешь отца вспоминать добрым словом. Вот, – Марат взял у сына мягкую игрушку – выигранную розовую свинку – и поднес ее к самому лицу малыша. – Представь: ты увидел ту собаку, лохматую сучку, которая тебя цапнула. Вот эта свинья – это она и есть. Что ты сделаешь?

Мальчик вопросительно посмотрел на отца. Его пугали блестящие черные глаза Марата.

– Ну? Что надо сделать? Вот эта сучка! – он еще раз сунул ему игрушку под нос.

Костик зашмыгал и отступил на шаг.

– Ударить надо, ё-пэ-рэ-сэ-тэ... Ты чё тупой, что ль? Давай врежь. Ударь! Ударь, я сказал.

Мальчик насутился и отступил еще на шаг.

– Ну?

– Папа, я боюсь собачки!

– Кто ты? Кто ты?! – усатый человек чувствовал, что он сейчас выпустит эмоции из-под контроля, и сын совсем перепугается и расплачется. – Ты – Васандеев. Понял? А Васандеевы ни хрена не боятся. Понял?!

Тут он перехватил взгляд сына, смотревшего чуть в сторону, и резко повернул голову. По асфальтированной тропинке шла девчонка. Почти квадратная зеленая курточка смешно сидела на ее пухлом теле; из-под шапки с помпоном по обе стороны головы свисали две светлых косички. Они подпрыгивали и бились о плечи куртки при каждом шаге.

Марат потерял контроль над собой. Ему так хотелось поскорее научить сына очень важным жизненным принципам. А эта пухлая девка вдруг замедлила шаг и уставилась на них.

– Чего смотришь? – прошипел усатый. – Жопой шевели. Активнее! Вали отсюда.

Девчонка широко распахнула синие глаза и не двигалась с места.

– Пошла вон, шалава! – заревел Марат и вскочил с корточек. Светловолосая вздрогнула и медленно отступила назад. Затем развернулась, накинула капюшон и, цокая короткими каблучками сапожек, побежала в обратную сторону. Правый уголок губ мужчины слегка раздвинулся, обнажив желтый клык, и он повернулся к сыну.

– Пойдем на песочницу! Ты же хотел... – Марат изобразил самую спокойную интонацию и протянул сыну руку.

– Папа, – спросил Костик через час, когда они шли к выходу из парка. – А кто такая шалава? Это вот та девочка в зеленой куртке, да?

Отец пошевелил усами с досады и пробормотал:

– Это просто так. Слово такое. Обычное. Его только взрослые говорят. Забудь. Понял?

Костя закивал и запомнил слово намертво.

В субботу случилась ярмарка – со звучным названием «Фестиваль рыбы». Аксакал группы помощи Татьяна Федоровна связалась с кем-то из своих бывших учеников, достигших высот чиновничьей карьеры, и под их собак-кошек выделили отдельный закуток – возле веников и садового инструмента, подальше от тех, кто торговал съестными припасами.

Натаха на своей «Киа» и Катька с Тухачевского (с помощью недовольного утренним подъемом мужа) привезли шестерых взрослых кошек, четырех котят и трех собак. Обозвали всё это «благотворительной выставкой».

Катька придумала еще такую штуку: протянуть толстую леску между ближайшими фонарными столбами и на них насадить распечатанные фотки животных, разбросанных по домашним передержкам в разных районах города.

– Человек подходит, любуется найденышами, берет понравившуюся фотку, а на обратной стороне – все сведения: сколько лет, телефон куратора. Ну? – спрашивала довольная Катька. Ей было сорок, на шее – двое детей, она работала всю жизнь продавцом на рынке и была «отличнейшей бабой» – по словам Натахи.

– Кра-со-та! – оценила идею Борисова и тут же взялась за дело: распечатала в своей конторе на цветном принтере штук сорок фоток, которые теперь украшали их выставку.

– Пойду прошвырнусь по прилавкам: может, меда куплю да сыра какого-нибудь! – Натаха говорила громко, пытаясь перекричать народные коллективы, голосащие в микрофон в самом центре ярмарки. Одетые в цветастые псевдонародные костюмы они создавали несмолкаемый звуковой фон, который поддерживали переходящие от грузовика к грузовику покупатели. Бабушки с заклеенными синей изолентой тележками, толстопузые хозяева жизни в черных пальто с атласными воротниками, таджики-узбеки с мешками лука на плечах, полицейские с ворчащими рациями в руках – всё это многоголосье волновалось, шумело, ходило туда-сюда. Натаха чувствовала себя здесь как рыба в воде, Светик же старалась спрятаться за клетки с кошками.

– Справитесь тут без меня? Я на полчаса! – спросила она у светловолосой и Татьяны Федоровны. Те кивнули, и основательница группы нырнула в толпу. Девочка вместе с бывшей учительницей математики заведовали выставкой, Катька отвечала за консультации по фотографиям. Других волонтеров они в этот день выцепить не смогли.

– Почем эта серая кошечка у вас? – голос у женщины пронзительный, словно визг тормозов. На голове – старомодная коричневая шляпка со смятым верхом, на остром носе – очки с толстыми стеклами. Возраст – самый неопределенный.

– Она не продается, – отвечает Света и смотрит на пергаментные, с синими прожилками руки подошедшей. – Мы их так отдаем. В добрые руки.

– Бесплатно, что ли? – глаза у покупательницы становятся сердитыми. – А чё так?

– Мы – группа помощи. Вот наша визитка. Это бездомная кошечка, мы ее стерилизовали, привили, от паразитов обработали, – Светик чувствует тревогу.

– Ой, как интере-есно! – пергаментные руки вертят визитку и суют ее в сумочку. – И сколько у вас их?

– Много. У волонтеров на передержках. Вон еще фотографии можете посмотреть, – светловолосая кивает в сторону Катьки. Та как раз общается с каким-то мужчиной. Света видит его спину.

Старомодная шляпка внезапно наклоняется вперед – над клеткой с серой кошкой:

– А разрешение у вас есть на это? Кто вам разрешил? Я сейчас в администрацию пойду! Какое вы право имеете?! – женщина переходит на крик, цепляется руками за клетку, и Светик, испугавшись, делает шаг назад.

– Эй, эй, уважаемая! – слышит девочка голос бывшей учительницы математики. – От клетки отошли. И вперед – по своим делам! Другим не мешайте, слышите?

Пергаментные руки сползают с металлических прутьев, голова в мятой шляпке прячется в шею.

– Притащили тут бродячих животных. Я жаловаться буду... – бормочет подошедшая и растворяется в людском потоке.

– Светик, ты чего испугалась, что ли? Ну как ты только в этом мире выживаешь, а? Боевой надо быть – а то пропадешь! – улыбается Татьяна Федоровна и спешит к своим собакам – там уже посетители.

Девочка с благодарностью смотрит на пожилую напарницу, ее губы расходятся в улыбку, и тут мужчина, беседующий с Катькой, поворачивается боком. Светик вздрагивает. Этого усатого она где-то видела. Будто темный полупрозрачный платок падает ей на глаза, и она никак не может стряхнуть эту пелену...

– Котёночка, мама, котёночка! – мальчик лет пяти тянет молодую женщину за руку, та нехотя подходит к клеткам. – Смотри, смотри, у него на мордочке пятнышко!

– Вы продаете?

– Нет, нет, – Светик включает привычную пластинку про группу помощи.

– И как – прям можно забрать, что ли? – молодая мамаша удивленно складывает губы бантиком.

– Мы только с вами контактами обменяемся, чтобы проследить судьбу котёночка. Вы нам фотки перешлете – ну месяца через

три-четыре. Ну, что он растет у вас, всё нормально с ним. Нам главное, чтобы он на улице снова не оказался, – светловолосая волонтерка смотрит на счастливое лицо мальчишки. – А то знаете, как бывает: поиграли-поиграли, надоело – и выбросили.

– Да-да... – кивает посерьезневшая мамаша. – Слышишь, Дима, что тетя говорит: котик – это не просто так. За ним следить надо. Давай сначала у папы спросим? Да?

Светик дает посетителям визитку группы, и женщина тянет мальчика в волнообразный людской поток. Дима вертит головой, засовывает пальчик в нос и через минуту забывает про котика в клетке.

– А вот мужчина – усатый такой – он про что тебя спрашивал, тетя Катя? – интересуется светловолосая у подскочившей волонтерки с Тухачевского. Та прикладывается к термосу со сладким чаем и пожимает плечами.

– Какой, Светик? Да там тыща мужиков – и все с усами! Ну, поняла-поняла, про кого ты. Да пару фоток повертел, одну взял с собой и ушел. Даже не сказал ничего... Всё, давай, я к себе! – и Катя упархивает к своим фонарным столбам и леске с фотографиями. Полупрозрачная темная пелена всё еще висит в воздухе, постепенно распадаясь на рваные куски.

– Эй, народ, налетай, торопись, покупай живопись! – материализовавшаяся из воздуха Натаха достает из пакета дымящиеся чебуреки и пирожки. – Как успехи? Гляжу: все хвосты на месте? Никого не взяли?

Светка, жуя и обжигаясь, отрицательно качает головой.

– Этим-то не суй пирожки, а то я тебя знаю! – Борисова указывает подбородком на кутят и кошек. – У них жратвы припасено до армагеддона. Пойду бабонек угощу.

Им удалось в этот день пристроить двух кошек и годовалую Сойку – дворнягу, полгода жившую у Катки. Также были разобраны почти все фотографии с лески между фонарными столбами.

Еще один впечатляющий результат – коротенькое интервью, которое взяли у Натахи ребята с местного телеканала.

– Ну а как вот люди начинают этим заниматься – волонтерством-то? Всё равно ведь просто так не станешь тратить свое время да и деньги, наверно? – молодой парень с залысиной вместо челки держит микрофон рядом с подбородком Борисовой.

– Да у всех по-разному. В нашей группе ВКонтакте больше 20 тысяч подписчиков, но, так скажем, реальных людей, с которыми я лично общалась – человек двести, не больше. Это волонтеры, которые могут действительно куда-то пойти, что-то сделать – не знаю, собаку, сбитую машиной, подобрать и отвезти в ветклинику. Остальные либо просто читают и лайкают посты, либо – что лучше, конечно – кидают иногда сотню-другую рублей на наши «голодные телефоны».

– Ага, – не унимается корреспондент. – Сколько в год вам удается пристроить животных?

– Примерно семьсот, – отвечает Наталья. – Но мы не просто пристраиваем – мы их лечим, стерилизуем, следим за их дальнейшей судьбой.

– И всё это – за бесплатно? Власть-то вам помогает?

– Почти нет. Если только с организацией выставок...

Краткое интервью почти закончено: в сюжете будут еще «лайфы» с бродячими собаками из видеоархива телеканала. И тут Наташа вспоминает про сторевшую беседку в парке и остекленевшие глаза на отрезанной собачьей голове. И она выбалтывает про всё это в видеокамеру, о чем, кстати, потом жалеет.

Глава 7. Похороны

После субботы они не виделись-не списывались дня четыре. Борисова полностью утонула в делах управляющей компании, а Светик – в школьных проблемах. В четверг светловолосая зарулила в офис с бело-красной надписью «Домсервис+».

– Наталья Батьковна на собрании жильцов. Да это недалеко, в соседнем дворе, – сообщила всезнающая секретарша. Школьница не стала звонить своей старшей подруге и решила одним глазком посмотреть на собрание: вдруг там быстро закончится?

Двор гигантского дома – на четыреста с лишним квартир – был неуютным и сумрачным. Осень размазала грязь по всем тротуарам и детской площадке, голые ветки деревьев насаживали на себя подкрадывающуюся темноту раннего вечера. Светик заметила толпу не сразу, так как жильцы спрятались за трансформаторной будкой из темно-желтого кирпича. Их было человек тридцать, но народ всё подтягивался и подтягивался. В центре она увидела крупную фигуру Борисовой.

– Тарифы мы поднимаем ровно настолько, чтобы провести необходимый текущий ремонт. Вентили старые, клапаны в мусоропроводах менять надо. На восьмом этаже стекло выбито третий месяц. Тут еще редуктор у лифта в пятом подъезде полетел, – надрывалась Натаха. Ее почти никто не слушал.

– Да вы каждый год повышаете! – перебивала ее востроносая маленькая женщина в капюшоне и с собакой в левой руке. Собака по параметрам едва ли обгоняла хомяка.

– Правильно! – громыхал из-под дерева старик с костылем. – Повышают всё время, а ничего не делают. Не уступай им Семеновна! У меня вон крыша текёт третий год.

– Кровлю отремонтируют по капремонту, – отзывалась директор «Домсервиса». – Только деньги надо на спецсчет перевести – а то будете ждать до морковкиного заговенья.

– Да пошли вы со своим спецсчетом! – горячась выступила вперед какая-то смуглая и очкастая дама; Света вспомнила, что совсем недавно видела ее на ярмарке – только тогда на ней была смятая старомодная шляпа. – Мы вообще управляющую компанию собираемся менять!

– Товарищи, давайте в рамках разумного! Поспокойнее... – попытался вставить Петрович, инженер «Домсервиса», правая рука Борисовой.

– А нечего нас учить! Мы сами знаем, как нам жить. А вы, – в голосе бывшей старомодной шляпы зазвенела злость, – только и знаете, что со своими шавками возиться! Я сама видела, как ваши работницы кошками и собаками торговали на ярмарке. А потом еще по новостям смотрела...

– Да мы не продаем их... – Натаха растерялась от такого поворота сюжета: обычно ее работа с волонтерством почти не пересекалась.

– Как же, как же! – дама с пергаментными руками перешла на знакомый Свете визг, напоминающий звук тормозных колодок. – Вот, мол: «Убивают собак, а мы их спасаем!». Да, может, вы сами их и режете, а себя героями выставляете! Лучше бы многоквартирные дома содержали по-человечески, и дело делали!..

Затем старомодную шляпу оттеснили, и посыпались другие вопросы. Но светловолосая их уже не запомнила. Она смотрела на бледное лицо Натахи, которую нелегко было выбить из колеи:

к кричащим на нее людям она давно привыкла и общалась с ними спокойно и даже с удовольствием. Но тут ее ударили под дых. У Светика тоже хорошее настроение сдуло, словно ветром.

– Зачем она так сказала – эта женщина? – спрашивала школьница свою старшую подругу, пока они шли к машине. Борисова решила подбросить девушку домой, так как уже совсем стемнело.

– Не обращай внимания! – хмурилась в ответ Натаха. – Люди разные, каждый считает себя центром вселенной. Иногда и с мозгами у некоторых не всё хорошо.

– Но мы ведь занимаемся хорошим делом, тетя Наташ?

– Честно говоря, я иногда сомневаюсь в этом, – Борисова плотнее застегнула замок на ворота темно-красной куртки. – Шучу. Конечно, хорошим! Но, понимаешь, Светик, есть такие особи – среди людей, – которые считают, что город принадлежит только им. Все остальные живые существа – деревья, птицы, собаки, кошки и так далее – это попутная грязь. Их можно, в принципе, терпеть, но лучше от них избавиться. Почище будет...

Они сели в Натахину «Киа», и старшая завела двигатель.

– Еще эта работа моя... Наверное, не с тем делом я связалась, Светик. Больно агрессии много. Хотя где ее щас нет-то... Эх, ну, ладно, хватить ныть, поехали бабку твою проведем!

И вот после этих слов у светловолосой вырвали из-под ног землю. Автомобильное кресло завертелось под ней, светлая голова склонилась на бок, тело безвольно повисло на ремне безопасности.

– Черт, черт! Ну и напугала же ты меня, кумушка! Нюхай еще! – резкий запах аммиака ударил Светику в нос. – Я эту нашатырку в аптечке уж вечность таскаю.

«Киа» стояла на обочине и посылала в темноту мигающие сигналы аварийки.

– Ну, очухалась? Что с тобой, красавица? Дни, что ль, критические?

Светик едва разжала сухие губы и попросила попить. Борисова нащупала на заднем сиденье минералку и сунула девчонке.

– Поехали, тетя Наташ! Бабуле, кажется, плохо...

– Да ты откуда знаешь? – испугалась Натаха и, не отдавая себе отчета в этом, включила первую передачу.

– Знаю... Я скорую щас вызову. Едем, едем, тетя Наташ! – Светик заплакала. Директор управляющей компании выхватила у нее

сотовый и сама переговорила с диспетчером скорой. До дома Столяровых было рукой подать, и через пять минут они припарковались недалеко от подъезда. Потом вместе влетели на третий этаж.

Марья Петровна лежала в зале на полу ничком. Голова ее повернулась набок так сильно, что Борисова сначала решила, что та лежит на спине.

– Бабуля, бабулечка! – завывала Светик. – Ты не можешь, ты обещала! Ты же обещала...

Натаха отстранила ее и осторожно стала поворачивать лежавшую. Всхлипывающая девочка помогала с бабкиными ногами. Затем Борисова попыталась нащупать пульс на морщинистом, мягком запястье.

– Где они, тетя Наташ, чего скорая-то не едет? – губы девочки побелели, глаза потемнели.

– Ты смотри – сама не грохнись тут, а то что я с вами двумя тут буду делать? Приедут. Они минут по тридцать катят – ты не знала, что ль? На диван класть не будем. Слушай меня! Дыхание искусственное делала когда-нибудь?

В институте давным-давно у Натахи были какие-то курсы медсестер, и сейчас она судорожно вспоминала, что и как.

– Ты дуть будешь, а я на грудную клетку нажимать. Да поосторожнее. Раз двадцать нажимаем – потом два вдоха. Давай!

Вошедшая бригада в белых халатах застала их на коленях возле распластавшейся Марьи Петровны. Она умерла минут за десять до приезда скорой.

Бабушка лежала в гробу, установленном на трех табуретках посередине зала. Откуда-то набегали три-четыре старушки – все сплошь подружки Марьи Петровны, которых Света никогда раньше не видела. Организацию похорон и все расходы взяла на себя Борисова – даже не спрашивая об этом внучку умершей.

Сначала Светик испугалась всех этих молитовок, горящих свечек в стаканах с пшеном, икон, шептаний и тихой суеты. Но потом приняла, как-то забылась и просто сидела рядом с гробом и смотрела на бабушку. Часа через три ее попробовали увести – поесть, прогуляться, но та покачала светлой головой и в конце концов от нее отстали. Девочка замечала иногда мелькавшую фигуру Натахи,

сменившую привычное красное на черное, но тут же отвлекалась, уходила в себя.

Первые слезы она уже выплакала, сейчас глаза были сухие и красные.

– Почему у бабушки лицо другое? – спросила Света ближе к вечеру одну из двух оставшихся с ней старушек. Натаха попрощалась с ней, обняла и пообещала приехать завтра рано утром – чтобы всё подготовить к выносу и поездке на кладбище.

– Так она умерла, детонька, – ласково зашептала та, что была похудее и постарше. – Ты вот на нее много бы не смотрела, а то ведь приснится. Лучше вот так за ноги, за ноги ее потрогай – и тогда ее бояться не будешь.

– Почему же я ее буду бояться? – удивилась Света. – Это же бабуля. Я наоборот хочу, чтобы она мне приснилась. Чтобы всё время снилась.

– Нельзя, нельзя, – покачала головой в черном платке старушка. – Эдак она ходить к тебе начнет, если тосковать будешь. И угробит тебя, дурочку.

– Как – угробит? – Света смотрела на читалку, словно та была сумасшедшей. – Моя бабушка никогда...

– Ничё, ничё, детонька. Потом поймешь. Мы почитаем, почитаем, а ты посиди. А потом баиньки пойдешь. Нельзя ж так – целый день-то сидеть...

Она еще что-то сказала, но девочка не слушала ее больше. Она решила, что старуха плохо разбирается в этом, раз думает, что бабуля может ее «угробить». Затем та, что помоложе, принялась молиться. Голос у нее был низкий, монотонный. Потрескивала свечка, одно за другим скатывались с губ в уши слова молитвы, было душно, и у Светика сами собой закрылись глаза.

Она очнулась оттого, что кто-то погладил ее по голове. Отодвинув чёлку, светловолосая увидела Марию Петровну, сидящую в гробу. Ее нос заострился, щеки пожелтели, но глаза светились по-бабулиному – нежно и с любовью.

– Ну, пойдем-пойдем на воздух. Залежалась что-то я, – заворчала умершая, и Светик помогла ей спуститься с табуреток на пол. Они оделись, бабушка накинула свой осенний серый плащик и повязала старый пуховый платок на голову. Внучка помогла ей обуться.

– Ты Наташку свою слушай-слушай – да не больно, – говорила Марья Петровна, пока они шли по двору. – Своя голова на плечах-то должна быть.

Как они очутились возле входа в парк, Света не запомнила.

– Давай, давай, нам еще дело сделать надо, – по обыкновению ворчала бабка. – Некогда тут цацкаться особо-то! Ага. Заходи сюда.

Девушка увидела обгоревший бок старой беседки, и ей стало страшно.

– Вот, вот. Заходи... Тебя тут ждут, и меня уж заждались, – мягкая и дряблая рука бабули вдруг напряглась, пальцы цепко схватили девушку за локоть.

На остатках черного частокола по-прежнему чернела голова длинноухой собаки, но что-то в ней изменилось. Теперь у нее появились веки – розовые, с тонкими синими венками, совсем человеческие. Под ними нечто пульсировало и двигалось.

– Бабуля, отпусти! Я боюсь! Пойдем отсюда! – девочка застонала от боли: с такой силой ее схватила рука покойницы.

– Чего ты раскричалась? – произнес чужой голос, и Светик, повернувшись, увидела, что ее держит вовсе не бабушка, а тот – уса-тый. Мужчина, испугавший ее в парке. С ним тогда был мальчик...

– Бабушка уже там! – державший ее за локоть указал на собачью голову, чуть раскрывшую зубастую пасть. – Она тебя ждет. Очень ждет. Ты ведь хочешь к ней? Так? Так ведь?!

Света закричала, но ничего не услышала: вместо крика – лишь тишина.

– Тебе обязательно понравится! Это правда клёвое чувство, когда кто-то уходит, а ты рядом. Такая мягкая-мягкая щекотка, сначала вот здесь, – он показал на переносицу, – затем спускается ниже, ниже, ниже... Ты следишь за мной?

Ужас парализовал ее. Руки и ноги превратились в холодную вату. Она не могла оторвать взгляда от его скользящих вниз коротких пальцев. Он схватил ее за подбородок свободной рукой и резко повернул в сторону собачьей головы.

– Открой глазки! – хриплый мужской голос сменился мальчишескими интонациями. – Ну, пожалуйста. Давай-давай! Умоляю тебя! Мы ждем, мы все очень ждем!..

С разных сторон беседки – со всех боков, снизу и сверху – слышались удары. Сначала слабые, а потом всё сильнее и сильнее.

От деревянных частей полетели щепки, ржавый металл крыши выгнулся. Потом возник гул – похожий на отдаленный и неприятный вой реактивного самолета. Гул и стук нарастали, словно к ним на всех парах мчался старый поезд, управляемый сумасшедшим машинистом.

– Открой, открой глазки! – продолжал умолять плачущий мальчишеский голос. – Я не виноват. Это не я! Открой! Открой!..

Эхо подхватывало его слова и повторяло. Девушка почувствовала, как рука, державшая ее подбородок, дрогнула и немного ослабла. Она чуть повернула голову и боковым зрением заметила, что усатый куда-то делся, а вместо него стоит дама в старомодной помятой шляпе. Женщина раздвинула губы в легкой улыбке и кивнула Свете, словно старой знакомой. А потом указала глазами вперед. Светловолосая вновь посмотрела на собачью голову, насаженную на обгоревшую доску.

Жизнь, пульсирующая под розовыми веками собачьей головы, внезапно прорвалась наружу желтым, густым, гнойным светом, девочка снова закричала, и на этот раз ее крик услышали.

– Ну что ты? Что ты? – ее толкала в плечо слабая рука старушки в черном платке. – Сон плохой приснился? Все равно уж вставать. Поспала – это хорошо. Давай чайку...

Девушка лежала на своей кровати, но совсем не помнила, как и кто ее укладывал. Она легла одетой, подмышки неприятно холодил пот. Ее знобило. Она с трудом встала и пошла умываться. Проходя мимо гроба, Света старалась не смотреть на бабулино лицо. Ей хотелось, чтобы в памяти не осталось желтых щек и заострившегося носа.

Натаха появилась утром, прижала бледную голову девушки к груди и затем, легонько взяв Свету за подбородок, сказала:

– Всё будет хоккей, слышишь? Не переживай!

Светловолосая кивнула, но внутренне сжалась в комок. Ей так и хотелось крикнуть: «Уберите, уберите вы руки от моего подбородка!».

Гроб выносили четверо молодых парней в черных костюмах – сотрудники агентства, куда вчера звонила Борисова. Пока гроб несли по ступеням с третьего на первый, было тихо. У подъездной

двери старухи в черном снова затеяли то ли молитву, то ли протяжную песню.

Светик подняла глаза и среди стоявших у подъезда разглядела даму с острым носом и смятой шляпой. Несмотря на состояние полусна, какую-то леность и дремоту, которые не оставляли ее всё утро, она вздрогнула и остановилась. Гроб поставили в «ГАЗель» с темными занавесками. Девушка, сама не зная, что делает, направилась напрямиком к даме.

– Зачем вы пришли? – спросила она спокойно – таким тоном, будто они продолжили прерванный вчера разговор.

– Я? – женщина выгнула брови дугой. – Я вообще-то хорошо знала Марию Петровну. Мы с ней работали вместе в детском садике – правда, давно. А ты внучка ее? Бедная ты, бедная...

Светик кивнула и пошла к нанятому Натахой микроавтобусу. Смятая шляпа теперь показалась ей обычной и милой женщиной. Как только они выехали со двора, начал накрапывать холодный мелкий дождь; на кладбище его сменил частый снег. Разрытая могила их уже ждала, постепенно меняя черный цвет на грязно-белый.

Девушка ничего не чувствовала. Когда все попрощались с бабушкой, она поцеловала ее холодную щеку – и сама осталась холодной. Когда услышала, как забивают крышку гроба – в ее сердце это никак не отозвалось. Только в левом ухе что-то звякнуло – будто ожил маленький колокольчик с незапамятных времен лежавший в старом серванте. Бабуля говорила, что этот колокольчик – подарок ее прабабушки. А она, Мария Петровна, потом подарила его своей дочке Катеньке, маме Светы.

Затем гроб стали опускать на веревках, и Светик чуть нахмурилась – оцепенение стало сползать с ее глаз, рук, ног. С самого утра она ни разу не всплакнула, как-то подзабыла про бабушку и старалась не смотреть в лицо покойнице – даже когда целовала ее морщинистую щеку. Отец Владимир, приехавший по настоянию Натахи, прочел короткую молитву и, наклонившись, первый бросил землю на красную крышку гроба. И тут чья-то рука с пергаментной кожей чуть подтолкнула внучку в сторону открытой могилы.

– Ты должна тоже бросить землицы, так положено, – шепнула дама в шляпе. Светик медленно пошла вперед, ощущая, что с каждым шагом от нее что-то удаляется. Кто-то уходит от нее – тот, кто никогда не вернется. Так уже один раз сделала ее мать. И вот теперь всё повторяется.

– Бабуля! – сказала она, и земля побежала-потекла из-под ее ног. – Бабуля, ты же обещала!

Кто-то разворачивался, заподозрив неладное. Совсем рядом мелькнуло встревоженное лицо Натахи, но остановить Свету все-таки не успели.

– Бабу-уля-аа! Бабулечка!.. – закричала внучка и в два прыжка очутилась у края могилы, тут же исчезнув с глаз приехавших на кладбище. Их было человек пятнадцать, не больше. Священник охнул, некоторые отпрянули назад. Первой среагировала Натаха: забыв про дорогой черный костюм, она бухнулась на колени у края прямоугольной ямы.

– Вы чего стоите?! – закричала она парням из агентства. – Помогайте давайте! Господи, Света, Светик!

Девочка лежала поверх красной крышки без движения. Не выдержав, Натаха тоже сиганула вниз. Бледный священник принялся креститься сам и крестить могилу.

То, что происходило потом, Света знала только по рассказам Натахи – как ее достали из могилы – грязную, мокрую, почти без сознания; как пытались привести в чувство; как везли на машине в больницу. Борисова через несколько недель в подробностях живописала эту картину и Свете, и Татьяне Федоровне. Не говорила она лишь об одном – по крайней мере, от своей новоиспеченной приемной дочки Натаха постаралась это скрыть, но бывшей учительнице математики проболталась-таки (та не смогла прийти на похороны: грипп).

– Мы, когда ее вынули, – Светик уж не дышит. Я с отчаяния двинула ее ладонью по лицу, а у ней – судороги пошли по всему телу. Мы с ребятами понесли девчонку в мою «Киа», и тут я слышу – какой-то крик сзади. Оборачиваюсь – а гости врассыпную! Кто-то стоит, разинув рот, а кто-то – пошел-побежал назад, к автобусу. Вот веришь, Татьяна Федоровна? Я бы сама не поверила, если бы собственными глазками это не увидела: крышка от гроба, которую при мне прибывали, лежит наверху – на соседней могиле. Вот будто ее кто-то выбил изнутри, понимаешь? Священник тоже не выдержал и уехал минут через пять. И деньги так и не взял потом. А те, из агентства которые, потом снова заколачивали. Как уж они там – доставали ли гроб или в могилу лазили, я не знаю. Я же Светика отвозила в больницу. Но факт – налицо! Кого хочешь можешь спросить. Такие вот пироги со блинами...

– Так... – растерянно шептала в ответ Татьяна Федоровна. – Бабку-то проверяли? Как же это?

– Проверяли, – махала рукой с дымящейся сигаретой Натаха. – Мертвее мертвого – там уж запах.

– Так а как же это? Воздух, что ли, сжатый?

– Воздух сжатый?! – Борисова гоготнула. – Вы о таком когда-нибудь слышали? Да какой воздух!.. Она это сделала, точно говорю...

– Кто? – бывшая учительница почему-то посмотрела в сторону.

– Кто-кто... Светик наш! А то непонятно. Кудесница светловолосая. Ладно, вы только ей не говорите! Татьяна Федоровна, умоляю, смотрите не ляпнете! А то ведь еще, не приведи Бог, придумает чего-нибудь. На кладбище побежит дурочка – я её знаю, поверьте мне...

Глава 8. Радужный мост

Борисова принялась собирать документы на опеку чуть ли не на следующий после похорон Марьи Петровны. Натаха и ее шестнадцатилетняя опекаемая пока жили раздельно: никто никуда не торопился. Об этом попросила сама Света.

– Ты деваха самостоятельная, – не возражала старшая подруга. – Давай пока по-прежнему: звони, пиши, забегай. Я всегда на связи, ты же знаешь. Если станет мутрно одной – переедешь за один день. Ну проблемс. Не боишься одна-то ночевать?

Светик отрицательно мотала головой.

– Ты хоть ешь что-нибудь? – Натаха поворачивала ее за плечи в разные стороны. – Ты посмотри, как похудела! Давай в кафе съездим, а? Ну или хошь – шмотки тебе куплю новые?

Светловолосая не поднимала глаз и просила, чтобы ее оставили в квартире бабушки – хотя бы до лета.

– Мне к ЕГЭ так легче готовиться: никто не мешает, – придумывала девчонка на ходу. Она и правда похудела – буквально за несколько недель и стала похожа на ту шестиклассницу, которую когда-то сбил торопившийся на железнодорожный вокзал таксист.

Директор «Домсервиса» здорово переживала, винила себя в том, что Светик не хочет к ней переезжать.

«Боится она, наверно, меня... Нрав у меня крутоватый – ей ли этого не знать...» – вздыхала Натаха, оставаясь вечерами одна-оди-

нешенька в своей большой двухкомнатной квартире с темно-красным диваном и розовым кафелем в ванной.

Сердце у Натахи немного успокоилось лишь после того, как у светловолосой в «хрущевке» появилась Белка.

– Я же тебе говорила про нее, тетя Наташ, помнишь? Колька Фомин из параллельного класса переезжает – и вот ее хотели усыпить. А я как ее увидела, так сразу поняла – моя это собака, моя родненькая, – глаза у внучки Марьи Петровны впервые за последние несколько недель засветились радостью, и Натаха мысленно благовословила всех Колек Фоминых на свете и заодно его престарелых родителей.

В предках у Белки были и ретриверы, и немецкие овчарки, и Бог знает кто еще. Получилась большая дворняга самых благородных кровей – с длинной серо-белой шерстью, которая лезла с нее, словно у верблюда во время линьки.

– И до чего ж красивая собака! – нахваливала Белочку Татьяна Федоровна в комментариях к фотке, которую Светка выложила в ВК на личной страничке. – Хотя в фильме каком-нибудь снимай.

Внучка Марьи Петровны с ней была полностью согласна. Она каждый вечер вычесывала у старой дворняги шерсть, баловала ее новыми игрушками и с удовольствием гуляла с ней по вечерам. У Белки, как и у ее хозяйки, мигом образовались свои странные привычки. Например, каждое утро у них превращалось в целый ритуал: девочка потягивалась и спускала правую руку с постели. Там ее уже поджидала лежавшая на спине собака, с поднятыми кверху передними лапами. Светик слегка ударяла ладошкой черные подушечки с когтями, Белка в ответ делала то же. Так они играли минут пять и лишь потом молодая хозяйка шла умываться.

– Я, тетя Наташ, если так не сделаю – она прям обижается, представляете? Считает, что я чуть ли не преступление сотворила!

– Избалуеть ты ее! – гоготала Натаха, слушая приемную дочку по громкой связи. Руки ее в этот момент рисовали подписи под банальными отписками для надзорных органов. – Хотя чего там баловать: собаке уж девять лет, ее воспитывать поздно.

Другая странность Белочки – беспричинный лай, если она замечала, как Светик совершает то, что бабуля называла «потяготины». Собака терпеть не могла, когда девочка «пила солнышко», и ругала ее на своем собачьем языке. Девчонка в ответ пожимала плечами:

– Я же не ругаю тебя, когда ты таскаешь бумагу из туалетного ведра или лижешь у себя там, где ни одна приличная дама лизать не будет! – выговаривала она в ответ Белке и пряталась от нее на кухне. Но собака продолжала басовито ругаться и в этом случае – до тех пор, пока Светик не переставала тянуть к окну свои поху-девшие руки.

Через месяц, когда зима, казалось, окончательно отвоевала землю у осени, старый термометр с утра показал плюс три. Света поиграла в «Дай пять» с Белкой и подошла к окну, чтобы посмотреть, сколько градусов. Раньше так всегда делала бабуля, и от этого воспоминания на глазах у девушки задрожали слезы. Но солнце призывно светило, Белка с такой надеждой смотрела хозяйке в глаза (ведь воскресенье сегодня!), что светловолосая не выдержала и снова заулыбалась. Она решила прогуляться со своей серо-белой подругой на Черное озеро.

До четырехполосной трассы шли на поводке, а у самого входа в полузаброшенный лесопарк Светик отпустила дворнягу на волю. Ветра не было; солнце искрилось по краям подтаявших снежных тропок. Девочка сначала выбрала привычный маршрут – по заасфальтированной дорожке, но затем Белка соблазнила ее на более короткий путь – через небольшую насыпь.

В последний раз Света гуляла в этом парке в июле. И просто не могла знать о том, что в конце августа хозяева местного гаражного кооператива устроили здесь мини-карьер по добыче песка. Светловолосая отвернулась секунд на десять в сторону старых железнодорожных путей. Ей показалось, что вдалеке стучат колеса поезда. А когда снова повернула голову, то Белки не увидела.

«Наверное, успела спуститься с холмика!» – решила девушка и поспешила вперед. Сверху открывалась заросшая высохшими камышами поверхность Черного озера. Правда, теперь его уместнее было называть «Белым»: снег неровными слоями покрывал водоем, камыши торчали из него, как маленькие маячки. Собаки она нигде не заметила.

– Белка! – громко позвала девушка, почувствовав неладное. – Белочка! Где ты?

Дворняге негде было спрятаться: до ближайших деревьев пришлось бы бежать минут десять. И вот тут-то Света ощутила то самое. То, что заставило ее потерять сознание в «Киа», когда они ехали к умирающей Марье Петровне. Точнее – почти то.

Светловолосая упала на колени в мокрый снег и начала задыхаться. Глаза ее закатились, горло судорожно хватало воздух, лоб и руки посинели. Мир потускнел, и сквозь пелену она узрела нечто иное, прекрасное. По зеленой, пушистой, как паутинка, траве бежали собаки, кошки, какие-то грызуны. Их были десятки, сотни. В небесной синеве летели стайки птиц. Среди них Светик разглядела большого ворона с белой отметиной на шее. Она взглянула на горизонт и... задохнулась от счастья. Там светился всеми цветами радуги гигантский полукруглый мост. По нему шли и летели тысячи четвероногих, лохматых, хвостатых и пернатых...

– Ты где-то здесь, – очнувшись, забормотала она и поползла на четвереньках по вершущке насыпи. – Я знаю. Я иду... Я иду!

Рваный прямоугольник темной грязи она нашла через полминуты. Там, на дне этого двухметрового колодца, стояла Белка. Стояла, не шевелясь – под водой. Морда ее была запрокинута вверх, уши колыхались, словно большой лист кувшинки на поверхности озера. Перевалившись через грязный край, Светик бултыхнулась в ледяную воду. Вот эта вода и привела ее чувства в порядок. Пелена с глаз спала, она нырнула и, схватив собаку за шерсть, вытащила лохматую морду на поверхность. Затем Белка зашевелилась сама и стала поспешно перебирать лапами, опершись на песочный край карьера. За ней выбралась и Светик.

– В принципе, тетя Наташ, это было не трудно... – рассказывала она своей приемной мамаше. – Там же песок. Замерзли мы правда с Белкой, пока до дома бежали. Но все равно – тепло было: солнце светило.

– Солнце светило... – передразнила ее бледная Натаха. – Я, понимаешь, тут только отвечать за тебя взялась, а ты утонуть решила. Господи ты Боже мой!..

Немного успокоившись, Борисова спросила:

– Ты мне только одно скажи, Светик: чего же эта Белка твоя на дне-то стояла и оттуда тарасилась? Чё не всплывала, не лаяла, не скулила?

– Не знай! – пожимала плечами светловолосая. – Стояла и всё. Может, лапа за что-то зацепилась?

– Вечно с тобой чудеса какие-то происходят! – Натаха обняла девочку. – Переезжай ко мне, Светик, а? Нам так хорошо будет вдвоем, обещаю!

– Еще немного, тетя Наташ, потерпите. Надо мне одной... По-
быть там, в бабулиной квартире. Понимаете?

– Ладно-ладно, – леди в красном зажгла длинную сигарету. –
Надо так надо. Ты, главное, не заболей у меня. Ноги парила, как
прибежала домой-то?

– Ага. Сразу ванну налила. И – под одеяло, – улыбалась дев-
чонка.

– Горе ты луковое. Давай глянем, как дела в группе? Давно не
заходили...

О том, что ей привиделось на верху песчаной насыпи, Светик
почему-то умолчала. Да и помнила она это всё смутно: какой-то
мост, бегущие собаки с кошками... Стресс есть стресс.

Глава 9. Хвосты

– Так. Потихоньку, полегоньку... Да езжай потише! Так... Ава-
рийку включил? Ага. Щас, еще чуть-чуть. С-стоп! – Марат резко
открывает дверь серого «УАЗика»-буханки и выпрыгивает на газон.
Хлоп! Хлоп! Пневматическая винтовка делает два выстрела и оба
раза – удачно. Один оранжевый дротик торчит в загривке черной
собаки – той, что похожа на овцу. Другой – в боку той, что помень-
ше. Шавки взвизгивают и дают стрекача по диагонали – убегают в
соседний двор. Усатый мужчина спокойно забирается назад в «бу-
ханку».

– Всё клёво. В яблочко прям, – басит толстый водитель Серега.
Марат кивает, улыбается и просит закурить.

– Минут через десять-пятнадцать подействует. Там доза лоша-
дина. «Адилин-супер», брат, это мощь! – говорит усатый и глубоко
затягивается. Затем чуть приоткрывает окошко и кольцами выпускает
дым в зимнее небо. Начинает вечереть.

– Ты давно работаешь в «Автодорсервисе»? – спрашивает Се-
рега и зеваает.

– Не-а, – усатый посматривает в сторону двора, куда убежали
собаки. – Третий месяц. Но я быстро учусь.

Несмотря на свое автомобильное название, год назад именно
эта контора выиграла муниципальный контракт на отлов бродячих
животных.

– Ага, – кивает водила. – Мне с тобой нравится ездить. А то
эти – из другой смены – всё чего-то телятся, ждут – пока стемнеет.

И потом мы полночи с ними возимся, ищем, грузим, на свалку отвозим. Говорят: типа, дети, женщины нервные увидят, всё такое...

– Похер дети, – быстро отвечает его собеседник. – Когда я мальчишкой был – с соплями зелеными под носом, я и не такое видал. И жив-здоров, как видишь. Ничего со мной не случилось... Ну чё – пошли?

– Ага. Щас только мешки возьму! – Серега достает большие светло-зеленые мешки для строительного мусора, и они идут искать шавок. Одна закончена прямо на детской песочнице, другая – за гаражами. Двое мужчин, одетые в камуфляж, быстро упаковывают трупы и закидывают мешки на плечо.

– Вы что же тут делаете, а? – откуда-то сбоку к ним вылетает молодая женщина без шапки: видно, торопилась.

– А чё такое? – с протяжкой спрашивает ее Серега.

– Это вы их... отравили? Вы знаете, сколько минут вот эта черненькая здесь в судорогах билась? Знаете, как она выла?! Все дети видели это, все плакали... – голос у женщины дрожал.

– Слышь, ты, – Марат перекидывает мешок на другое плечо. – Замерзнешь, сучка. Иди в подъезд, а то щас сами погреем тебя – вон в машине.

Подкрашенные глаза расширяются от изумления и ужаса. Мужчины делают шагов пятнадцать, прежде чем остолбеневшая начинает кричать им вслед.

– Я вас найду, я жаловаться буду! Я сейчас мужа позову! Гады! Сволочи!

Усатый продолжает идти не оборачиваясь. На губах играет легкая улыбка.

– Здорово ты ее отшил! – Серега включает первую передачу, и серый «УАЗик» трогается. На дне их автомобиля параллельно пассажирским скамейкам штабелями уложены больше десяти светло-зеленых мешков. Каждый потом отметят и – долой с глаз, на свалку. А им за эти отметочки премия полагается.

– У меня опыт с такими бабищами общаться, – Марат снова закуривает. – Они только такой язык и понимают...

Он искоса посматривает на грузного водилу и раздумывает о том, что, пожалуй, Серега подходит для дела. Он еще пару раз его испытает, проверит и потом посвятит его в свои планы. Одному все равно с этим не справиться: здесь нужен надежный и испытанный напарник.

Водитель врубает радио и оттуда льется приятный медляк: Крис де Бург поет о своей леди Диане. Серый «уазик» перестраивается на среднюю полосу и едет, соблюдая скоростной режим. А куда торопиться-то? Норма выполнена, смене – конец.

Сорокалетняя Катька с Тухачевского плакала навзрыд – совсем как маленький ребенок, захлебываясь слезами, шмыгая, спрятав лицо в ладонях. Натаха, сама зареванная, гладила ее по голове и предлагала воды. Светик сидела на кожаном диване с пустыми глазами и смотрела куда-то далеко – за стены офиса «Домсервиса».

– Они... они, – всхлипывала Катя, вновь и вновь пересказывая одну и ту же историю; ее никто не останавливал, хотя эти повторы жутко расстраивали всех. – Позвонили сначала... Голос такой хороший, добрый... Понимаете? А потом пришли... Двое. Толстый один...

Говорящая снова прятала лицо с потекшей тушью в ладони. Борисова курила уже седьмую сигарету за последний час. Из рваного, совершенно нелепого, сбивчивого описания Катьки выходило следующее. Три дня назад вечером ей на сотовый позвонил мужчина, который представился «Ромой».

– Вы собачек пристраиваете? О, отлично! У них как с охранными качествами? Замечательно! Вы знаете, у нас тут просто беда – очень как нужны. Две собаки в село, чтобы в будке жили, да. Будки утепленные, всё хорошо. И вот одну бы – на квартирное содержание, в семью с маленькими детьми, ага.

Дело в том, что на передержке в квартире на Тухачевского как раз содержались три собаки. Как говорила Катька, «так сложились звезды». Вообще-то, она больше двух никогда не брала: да, квартира у нее трехкомнатная, но в ней проживала еще вся Катькина семья – сын с дочкой и муж. Вот последний к волонтерским увлечениям жены относился весьма прохладно.

– Терпеть-то он терпит, но, блин, ворчит в последнее время всё громче, – говорила сорокалетняя волонтерка. – А тут к Розы и Мальчику еще этот большой добавился – ну, Грин, да. А куда его девать-то? У девчонок тоже ни одного места не осталось! Ну, думаю: я его дня на три возьму, а там пристроим. Ага, как же: две недели, потом еще одна, вот муж и взвыл. «Я, говорит, домой скоро приходиться перестану!».

И вдруг – манна небесная. Звонивший решил взять сразу троих! У нее как раз Мальчик и Грин в будке себя отлично бы чувствовали, а вот Розы – так это исключительно квартирный вариант.

– Натаха, и на моей улице «КАМАЗ» с шампанским перевернулся: берут всех трех моих хвостов, представляешь! – Борисова хорошо помнила этот Катькин звонок и тоже тогда за нее порадовалась. Сердце у основательницы группы даже не ёкнуло, и интуиция ей ничего не подсказала. Волонтерка с Тухачевского считалась ветераном их движения, и знала все нюансы того, как правильно пристраивать хвостов. Но и на старуху случается проруха.

На следующий вечер к Катькиной девятиэтажке подкатил серый «УАЗик»-буханка.

– Я их, дура, встретила, как дорогих гостей. Один – увалень, распирает его во все стороны, будто накачали воздухом через одно место. А другой – усатый, среднего роста, глаза – чернющие, – описывала Катька уже позднее, когда немного пришла в себя и успокоилась. – Вошли, собак так профессионально осмотрели, будто на выставку собирались везти...

– Ага, на выставку! Сволочи... – неизменно вставляла Натаха в этом месте истории.

– А собаки-то, особенно вот Розы, – прижались ко мне, рычат, скулят, чуют бедные, кому я их отдаю! А я – вот как слепая курица. Дура, дура последняя!.. Так мне хотелось их пристроить в хорошие руки, да и муж весь изворчался... – Катька снова принималась всхлипывать.

Когда женщина попросила у пришедших документы, усатый, не раздумывая, сунул ей визитку:

– Вот тут наша фирма, да, тут все контакты. Да, конечно, всегда можете приехать – посмотреть, проверить, как собачки. Пожалуйста, пожалуйста. Без проблем.

В группе такие правила были приняты испокон веку: те, кто забирал хвостатых подопечных, потом через некоторое время обязательно «отчитывались» – то есть присылали фотографии или разрешали приехать волонтерам-кураторам. Этот подход настраивал будущих хозяев на серьезный лад: мол, животные – не игрушка, если уж взяли – отвечайте.

– И я вот на эту его долбанную визитку купилась. Ну что я – полицейский, чтобы паспорта у них спрашивать?

– Надо, надо спрашивать! – злилась Борисова. – Не переломись бы паспорт показать.

– Ах ты, Господи, ну не допетрила я! Как-то всё так быстро произошло, так этот усатый всё ладно да складно обставил. Уваленё-то молчал больше, а тот, с черными глазищами, соловьем разливался! Я им сама помогла до «УАЗика» собак довести, поводки и ветпаспорта из рук в руки передала. Договорились, что завтра с ними созвонюсь: спрошу, что да как. И всё. Всё!

Под этим Катькиным «всё» подразумевалось нечто странное и одновременно страшное, какое-то вычурно-сюрреалистическое. Если бы Натаха сама, собственными глазами не увидела этот светло-зеленый мешок...

– Сотовый телефон, с которого они мне звонили, не доступен. Визитки – полная лажа. Фирмы такой нет, а телефоны вообще левые. И это ведь надо было всё так придумать?! Зачем? Ради чего, скажите мне? Что я им такого сделала?! А?

– Кать, да не реви ты! И без того тошно. Ты тут ни при чем! Эти подонки – большие на всю голову люди. Уроды, ироды! Мы в полицию обязательно обратимся – за жестокое обращение с животными и за мошенничество по головке не погладят! – вещала Борисова. А потом добавляла:

– Я вот только одного не понимаю: ну как можно умудриться номер их машины не запомнить? А?

– Да не обратила я внимания! – оправдывалась потерпевшая. – Визитка в руках – значит, всё в порядке. Вот как я думала.

Катька окончательно убедилась, что ее обманули, к вечеру четверга – через сутки после того, как она сама помогла затащить своих скулящих подопечных в серую машину. Прошла еще ночь, и утром случилось это. Муж волонтерки уходил из дома раньше всех – спешил в свое КБ на завод. У порога он наткнулся на мешочек зеленого цвета и на автомате заглянул внутрь. Если бы не шок, он бы, возможно, сообразил, что возвращаться в квартиру назад не надо, что звать жену и молча совать ей в руки находку совсем не стоит. Катька собирала детей в школу, уже опаздывала и прибежала на зов впопыхах. Затем, нахмурившись, взяла мешок из рук мужа, раскрыла его и... завывла. Закричала страшно – так, как никогда не делала при муже.

В тот день дети опоздали в школу (в итоге их просто выпроводили – от матери подальше), а взрослые на работу не пошли вовсе.

Муж позвонил в свое бюро и попросил отгул, а затем несколько часов ходил по квартире за женой, словно охранник – за президентом. По всей квартире воняло валерьянкой, пустырником; супруг, как заведенный, просил Катю «лечь и полежать – отдохнуть, успокоиться». Но та ходила по кругу, садилась в кресло и вставала вновь, садилась и вставала – и никак не могла остановиться.

– Я виновата! Я виновата. Куда смотрели мои глаза? Почему никто мне не подсказал? Почему?! Розы, они даже Розы не пожалели, сво-ло-чи!.. Изверги! Нелюди! Даже Розы... Слышишь?

В мешке аккуратно – будто на продажу – лежали три отрубленных собачьих хвоста, два больших и один поменьше.

Основательница группы действительно написала заявление в полицию. Вместе с Катькой они даже ездили к участковому.

– Знаешь, чё-то я не особо впечатлилась, – признавалась Натаха. Ее левая рука лежала на руле родной «Киа», в правой торчала неизменная длинная сигаретка. – Мне показалось, им просто пофиг на то, что с нами случилось. Не до собачек им, одним словом...

Катя кивала и была мрачнее тучи.

– Ты чё какая? – спрашивала ее Борисова уже в офисе «Домсервиса». – Давай-ка понемногу развеиваться будем. Вина красного хочешь?

Волонтерка с Тухачевского кивнула. Они налили полусладкого в матовые фужеры.

– Давай за то, чтобы нам этих гадов поймать! – предложила Натаха. – Вот мне бы только добраться до них – всю маньячью душу бы вытрясла, честно слово! Не-е, всё! Нас больше на мякине не провести – такой ошибки мы не совершим! Я всю группу по сто раз предупрежу... Кать, ну, брось, что ли! Ведь на тебе лица нет.

– Я... – мать двоих детей отвернулась в сторону. – Наташ, я... Ты, извини, конечно. Но у меня семья... Муж... Короче, я это...

– Нет-нет-нет! – директор «Домсервиса» испуганно привстала с офисного кресла. – Ты не можешь так поступить! Одна небольшая трудность – и лапки вверх? Так, что ли?

– Наташ, не могу, пойми... Мне муж условие поставил: или он уходит, или я завязываю с волонтерством. Мы полночи ругались, говорили, обнимались с ним, – Катька смахнула слезу с уголка глаза.

– В общем, договорились так: я помогаю, как смогу, но передержке в квартире – всё, каюк...

Борисова облегченно выдохнула и уронила тело назад в кресло.

– Да Бог с ней – с передержкой твоей. Ты меня прям до смерти напугала!.. Найдем место, не боись. Я думала, ты совсем завязать решила. Ну как мы без тебя, Катенька, сама подумай? – они обнялись и выпили еще по полфужерчика.

Глава 10. Охота на Белку

Снег держался до последнего; в апреле запозднившаяся весна заторопилась, полезла отовсюду зеленой травой, зазвучала прилетевшими птицами и первыми насекомыми.

Светик уже не раз оставалась ночевать в большой квартире своей новоиспеченной опекуниши, но нередко уходила и к себе – «готовиться к ЕГЭ». Натаха не возражала, тем более что сплошняком пошли весенние осмотры многоквартирных домов – тут не до «цацканий».

Вечером часов в девять Светик обычно выходила на прогулку с собакой. Они топали до газона, тянущегося вдоль четырехполосной дороги, потом девушка отпускала Белку с поводка, засовывала в уши наушники и – каждый погружался в свои удовольствия. Дворняга справляла потребности, изучала траву, пеньки, деревья и торчащие из земли канализационные люки – в общем, все привычные собачьи интересности. Светловолосая слушала музыку и аудиокниги, мечтала о Даниле из параллельного класса, часто вспоминала бабулю. Иногда они устраивали беготню и игры с палкой. Белка, завладев деревяшкой, никак не желала с ней расставаться, и хозяйке приходилось идти на разные хитрости, чтобы ее отвлечь.

О Катькиных хвостах девочка старалась не думать, потому что стоило ей хоть немножко сосредоточиться на этом – и голову туманили страшные и неприятные картины. Образы двух мужчин в камуфляже, один из которых держал в руках винтовку. Она чувствовала, как боялись его окружающие – не только люди и животные, даже листья деревьев и цветы старались свернуться и спрятаться от него. И еще она ощущала другое – его страх, ужас перед тем, куда уходили бродячие псы, в чьей шерсти оказывался оранжевый дротик...

Марат выслеживал ее долго – с середины зимы. Он изучил сотни личных страничек всех тех, кто считался активистами группы помощи. О Натахе, основном администраторе, он почитал-посмотрел и кое-какие дополнительные материалы, в том числе – нашел новостной видеосюжет, где она рассказывала о нем и его ритуале в беседке. Тогда что-то пошло не так – в том парке. Он ожидал острого наслаждения, а щекотящая энергия текла, как обычно. Больше возни, чем пользы.

И вот однажды, кликая с сообщения на сообщение, с поста на пост, он вышел на страничку Светика Столяровой. Там так и было написано: «Светик». Ему это понравилось. Из фотографий, записей на стене и ее постов в группе он понял, что эта девчонка с Борисовой связана сильнее, чем с остальными. А потом он наткнулся на фото девочки с Белкой.

«Где-то я ее видел...» – бормотал он, ощущая, как щекотка спускается от темечка к солнечному сплетению и – ниже, ниже. Ему стоило лишь сконцентрироваться на фотографии светловолосой и ее дворняги, и он почувствовал, что мгновенно возникает то самое – то, чего он не смог добиться там, в беседке.

Надо найти их – девчонку и собаку. Вот тогда-то он обязательно достигнет цели. Тогда он, наконец, разрубит этот тягостный узел, освободится от разъедающей всё нутро обиды, отвергнет их, избавится от них – ото всех. Он лишился нормальной работы, которая ему нравилась. Он потерял семью. Сына он видит всё реже: Юлька нашла себе кого-то, какого-то хахалю, он точно это знает. И всё это – из-за таких сволочей, как они. Гребаные спасители бродячих собак и кошек! Если бы не эти люди, которым просто нечего делать, которые страдают от тупого безделья – его сын не выбежал бы тогда с окровавленной ручкой. И там, на заводе, всё было бы в порядке. Он уверен. И Юлька с хахалем. У-у-у!..

Марат заскрипел зубами и ударил кулаком в стену – грязную стену гостинки, которую он купил на свою долю от проданной квартиры – совместно нажитого с бывшей женой имущества. Затем еще раз ударил. И еще.

В его жизни теперь ничего не осталось – ничего, кроме жирной морды водилы Сереги. Его он видит через день, каждую смену. Так и хочется иногда направить на его трехслойный затылок пневматическую винтовку. И надавить на курок. Потом еще раз. И еще раз...

Помогло чудесное совпадение. И его настойчивость. В том же инете он без труда нашел, кем и где работает Наталья Борисова. Марат с неделю околачивался возле «Домсервиса» – в свободное от работы время. А свободного времени у него, по любимому выражению Сереги, было – «хоть в унитаз сливай». И его терпение охотника вознаградили: на шестой день слезки усатый увидел девчонку в зеленой куртке, висевшей на ней, как помятый пиджак на старой вешалке. Он мгновенно вспомнил, где ее видел – да это та самая шалава в парке, которая шархнула от него. Марат тогда учил сына жизни, а девчонка попробовала ему помешать.

Еще капельку везенья – и он узнал, где Светик Столярова живет. Когда и где гуляет с Белкой. Ведь выслеживать добычу – его конек. Да и терпения ему не занимать.

– Так, давай, потихоньку. Ага. Еще чуть подъежь. И вставай – включай аварийку. Я быстро, понял?

– Слушай, Маратик, чё-то это... Она с хозяйкой вроде. Может, не надо?

Марат сузил глаза и внимательно посмотрел на темное, раздутое лицо напарника.

– Ты чё, не понял, Серега? Я же тебе объяснял: это бродячая собака, бл... Понял? Она ее подобрала – и теперь шавка распространяет заразу по всему городу. Ты норму хочешь выполнить? Или нет? Тогда сиди и жди – вот вся твоя работа. Я сам всё сделаю! Понял?

Водила закивал своей овальной, как огромное яйцо, головой, угнездившейся на объемной шее. Усатого он боялся. И уважал.

Затем Марат еще раз выглянул в окно, огляделся по сторонам и тихо приоткрыл дверь серого «УАЗика». Да именно это место на газоне он и присмотрел: фонаря тут не было, от ближайших домов далеко, дорога – рядом. Подъехал, сделал дело и уехал. Ноу проблемс...

У Светика в этот вечер разболелась голова. У самой зеленой зоны она, как обычно, спустила собаку с поводка, воткнула наушники и медленно побрела вдоль бордюра. Белка убежала далеко вперед к любимому кустарнику – по своим собачьим надобностям. На машину с включенной аварийкой она обратила внимание лишь тогда, когда от нее отделилась темная фигура и метнулась по газону

вперед. Где-то в районе солнечного сплетения ее что-то обожгло, а потом желудок сжался в комок. Девушка вынула наушники и ускорила шаги. Затем побежала. Со стороны соседней пятиэтажки в тот же момент отделилась еще одна серая фигурка и медленно побрела в сторону кустарника.

Вот оно! Наконец-то! Внутри Марата билось чистое, прохладное, освобождающее чувство. Сейчас они все получают свое, перестанут выпендриваться! Ну же... Он навел винтовку на бело-серое пятно рядом с кустами. О девчонке усатый почти забыл – она где-то там, позади. Где ей соревноваться с настоящим охотником! Средний палец мягко лег на курок. В «летающем шприце» – сразу две обычных дозы «Адилина». Всё надежно, как в сберегательном банке.

– Эй, мужичок! – чей-то визгливый голос справа. – А ты право-то на это имеешь? А ну-ка винтовочку опусти! Опусти, сказала!

Марат покосился в сторону говорящей – там стояла какая-то баба в помятой серой шляпе. Она слегка пританцовывала, переминалась с ноги на ногу и не переставала скрипеть, будто плохие тормозные колодки. Усатый продолжал держать на мушке Белку. Старая дворняга спокойно уселась на траву и смотрела ему прямо в глаза.

– Вы этого не сделаете! Собака не бродячая, на ней ошейник – вы что: не видите? – это уже голос девчонки. С той же стороны, где стоит придурочная баба со шляпой.

– Девочка, ты законы знаешь? Шавка без поводка – это раз. Документов у тебя тоже на нее нет – это два. Сплошные нарушения! А я работаю в организации, у которой контракт с муниципалитетом. Просекла? – заговорил усатый. С каждым словом его голос становился всё громче и увереннее.

– У тебя нет прав на это! Нету прав, нету прав! – снова заскрипела-завизжала смятая шляпа.

– Заткнись! – оборвал ее Марат и решил, что нефиг больше болтать. Со стороны женщины и девочки секунд пять не доносились ни звука, и он прицелился получше.

– Когда ливень закончился, вы побежали на футбольное поле – то, что рядом со старой школой. Так? – голос девушки переместился совсем близко к нему. Он приобрел какую-то глубину, стал протяжным и убаюкивающим. – Солнце светило ярко, зеленая трава и листья будто обновились, посвежели. Ты помнишь, Маратик? А

потом под деревом вы с братом увидели желторотика. Крошечного, голенького, с мокрыми перьями-волосиками. Глаза его подернулись розовой пленкой с синими прожилками...

Усатый замер. Зрачки его расширились настолько, что белки исчезли – лишь чернильные пятна под веками. Руки задрожали, но винтовку не опустили.

– Твой братец Вовка копал яму куском кирпича – могилу для желторотика. А ты смотрел на птенчика, спрятанного в ладонях, и хотел узнать...

– За-мол-чи... – захрипел усатый. – Замолчи, сучка!..

– «Открой глазки! Ну, пожалуйста! Открой глазки!» – девочка с такой точностью изображала те самые интонации, что Марат в один миг перенесся к старой школе – он стоял там рядом с Вовкой, копающим на корточках могилу. Но почему она такая большая и глубокая? Она не должна быть такой! Что такое?

Маратик отступил на шаг от темной бездны, которую успели выкопать волосатые руки его двоюродного брата. У него закружилась голова, мир перевернулся, и мальчик вдруг оказался в темноте. Пахло мокрым старым цементом, песком и пылью. Впереди – просветы, щели в ускользящий день. Он прыгает еще раз в ту сторону, откуда светит, и снова падает на дно бетонной трубы: его останавливает веревка, привязанная к крюку. В желудке давно перестало бурлить. Бурлило раньше – дня четыре назад. Сейчас кто-то уже начал есть его изнутри, кто-то пил его изнутри.

– «У нас теперь свой настоящий дом! С картиной и собакой. Рыжая будет охранять наш шалаш!» – снова проникает в его сознание размеренный, загробный голос девчонки. Откуда она говорит? С какой стороны? Почему от нее нельзя спрятаться?

– Замолчи, прошу тебя! – стонет он, винтовка ходит ходуном в его руках, но серо-белое пятно еще впереди. Старая шавка не уйдет от него. Обождите, ребята... Сейчас...

– «Ты пойми, тут принцип простой: эту сволочь все равно уже не отучишь – псина кровь почуяла, понимаешь?». Сколько раз, Маратик? Ты помнишь, ты считал? Сколько раз волосатые руки вогнали в будку вилы и вынули их оттуда. А?

Усатый упал на колени. Крупная дрожь била его тело, лоб покрылся холодным потом. Сквозь отяжелевшие веки он видел, как к нему из темноты протянулись длинные руки с пергаментной кожей, ухватились за его винтовку и утянули ее куда-то в бездну.

– Вот и хорошо! – заскрипела справа помятая шляпа. – Сам отдал! Сам отдал! Молодец, Маратик. Пять тебе, пять! Заслужил.

Усатый вздрогнул и вскочил на ноги. В нескольких метрах от него светловолосая застегивала поводок на ошейнике серо-белой собаки.

– Где винтовка? – язык его не слушался. – Где, мать твою, винтовка?

Девочка взглянула на него и в полутемноте ему показалось, что глаза ее светятся. Она спокойно кивнула вперед – там шла женщина в помятой шляпе; она волочила по асфальту за собой на ремешке его пневматику.

– Сто-ой! – захрипел он. – Стой, шалава! Убью!

Но старая шляпа даже не обернулась и через несколько секунд скрылась во дворе. Когда Марат повернулся к Светику, та уже шла прочь, ведя за собой Белку. Мужчина больше не раздумывал. Силы вернулись к нему, и он готов был действовать. Догнав в пять больших прыжков сладкую парочку, он мгновенно вырвал поводок из рук девчонки и толкнул ее изо всех сил вперед. Охнув, та полетела в грязь и мокрую траву лицом вниз. Старая дворняга залаяла, но Марат и не такое видал. Он намотал поводок на руку и резкими рывками поволок собаку к «УАЗику».

– Открывай дверь, чего сидишь! – усатый из темноты скалил желтые зубы на водилу, будто оборотень из плохого фильма ужасов. Пока они вдвоем втаскивали упирающуюся, визжащую, лающую Белку в «буханку», Светик успела подняться. Она прошла несколько шагов к машине, и одним движением смахнула чёлку с глаз. С ее насквозь промокнутой куртки и джинсов текла грязь и вода. Левую руку она поддерживала правой: основной вес ее тела во время падения пришелся как раз на левую ладонь. Светловолосая не кричала и не плакала.

«УАЗик» тронулся, и усатый успел поймать взгляд девочки до того, как они рванули на среднюю полосу. Ему показалось, что он увидел... спокойствие. Любопытство и спокойствие.

– Это мне трофей – вместо потерянной винтовки. Сучка старая стащила, прикинь?! Давай намордник, псина вон укусила меня уже пару раз.

– А если она бешеная? – забеспокоился Серега. – Ты чего там так возился долго? Я уж вылезти собрался.

– А так... Ерунда. Непредвиденные обстоятельства... – Марат насадил намордник на старую дворнягу и дрожащими руками достал сигарету. – Слышь, Серег? Я на сѣдня всё – хватит. Домой вези меня!

– Ага. У нас уже полна коробочка... Семерых замочили. И плюс эта – серая.

– Сам на базе отметишься и отвезешь шавок на свалку, лады? Я чѣ-то приболел, наверно.

– А эту куда? – водила указал жирным пальцем на Белку.

– Эту я домой возьму.

– В смысле? Живую, что ли?

– Живую, живую! – усатый раздраженно выдул дым в полуоткрытое окошко и резко дернул поводок. Белка заскулила. – Надо так. Давай газку добавь.

Водила включил радио, а Марат всё пытался вытеснить из памяти светящиеся глаза девчонки. Почему она так смотрела? Почему не бежала за машиной и не плакала? Да насрать! У него теперь есть способ отыграться за винтовку и унижение. Они еще попляшут под его дудку...

Утром Марат проснулся совершенно разбитый. Болела голова, колени, руки и, главное, – горло. В ванной он показал своему отражению язык и увидел, что тот покрылся неровным слоем какой-то желто-белой дряни.

– Вот чѣр-рт! – пробормотал он. – Еще этого не хватало для полного счастья. Заболеть, блин.

Он сварил себе кофе и лишь потом подошел к входной двери. Включил свет. Пленница лежала на пороге; поводок был привязан к дверной ручке. Собака почти никак не отреагировала на его появление – только шевельнула левым ухом. Морда ее продолжала покоиться между лап.

– Лежишь? – спросил усатый и зевнул. – Лежи-лежи. Только смотри: не гадь у меня здесь. Насрешь – убью! Поняла? С тобой эта, как ее? Шалава твоя, Светик которая, – три раза в день, по-моему, гуляла? Так? А?

При слове «Светик» дворняга подняла голову и заскулила.

– Я те-е! – замахнулся на нее усатый. – Поскули у меня тут еще!

Но сил у него не было: тело всё ломило, хотелось теплого молока и забраться под одеяло. Он так и сделал, но перед тем, как лечь, нашел на кухне какую-то старую глубокую железную тарелку и, налив в нее воды, принес к порогу.

– На вот, пей, – он пододвинул тарелку ногой – поближе к собачьей морде. Затем отрезал толстый кусок вареной колбасы и швырнул туда – к порогу. Белка даже не взглянула в сторону подачи. Марат хмыкнул и пошел спать.

К вечеру он понял, что дело серьезнее, чем ему представлялось на первый взгляд. Его лихорадило, при каждом глотке в горле будто кто-то проводил крупной наждачкой. Он отыскал в старой аптечке, оставшейся после прежних хозяев «гостинки», несколько поблекших от времени желто-красных капсул амоксициллина и три таблетки парацетамола. Закинул все найденное в рот и запил остатками молока. От порога не доносилось ни звука, и это его вполне устраивало.

Следующим утром он позвонил Сереге и сказал, чтобы тот ехал на смену с Толяном.

– Скажи, что я приболел серьезно. Отгул беру. Ага. Бывай.

Чувствовал он себя все еще плохо, но знобило меньше.

– Чего разлегалась, сучка? Гулять пойдем? Давай, поднимайся, а то точно устроишь мне тут дерьмовник – разгребай потом!

Он оделся потеплее – в свою любимую черную болоньевую куртку с капюшоном, нахлобучил вязаную шапку и повел Белку по подъездной лестнице. Та не сопротивлялась и покорно шла за ним, стараясь не натягивать лишний раз поводок. Для прогулки Марат выбрал пустырь возле бывшей котельной – подальше от людских глаз. Собака быстро сделала свои дела и уселась рядом с его ногами. Усатый закурил.

– Чего зыришь? – Марат осторожно провел рукой между серо-белыми ушами. – Старая ты уже. Лет уж десять, наверно, да? Или побольше? Ладно, давай домой, че-то меня знобить опять начинается.

К вечеру он сварил себе гречневой каши. Полкастрюли гречки вывалил в обугленную небольшую кастрюльку (тоже наследство предыдущих хозяев квартиры) и предложил своей пленнице. Собака к каше не притронулась, но после прогулки пару раз полакала воду.

– Чё не жрешь-то? Другого не будет, не жди. Тебя Светик раз-носоломи кормила, что ли? – он снова привязал ее поводок к двер-

ной ручке и отправился к себе на кровать – с ноутбуком на коленях. На страничках группы помощи Марат прочитал пару новых постов про найденьшей, но, естественно, без конкретных адресов – только номера телефонов. На личных страницах Борисовой и девчонки – никаких изменений. Лады. Будем ждать.

На следующий день утром он выгулял Белку на том же пустыре. После обеда отправился на базу, чтобы поработать в чужую смену – не с Серегой, а с другим водилой. С жирным Серегой ему захотелось работать в паре – что-то душа не лежала, надоел он ему. В этот вечер они трудились в Ленинском районе. Улов – девять полнехоньких светло-зеленых мешков. Утерянную винтовку ему, кстати, внесли в счет будущей премии. Баба с помятой шляпой обошлась ему в несколько тысяч рублей.

Вернулся он уже за полночь – злой, голодный и уставший. Однако пришлось идти гулять с этой серо-белой шавкой, иначе точно нагадила бы. В кастрюле с гречкой ничего не убавилось, и он вывалил кашу в мусорное ведро.

– Не жрешь – и не надо! Мне же легче, – зевнул усатый и отправился на боковую.

Утром он прошелся по привычному маршруту в сторону пустыря, а на обратном пути столкнулся с какой-то старухой, сидевшей на лавочке возле входа в подъезд. Он почти никого не знал из новых соседей, но вспомнил, что уже видел ее пару раз: жила она, кажется, этажом выше.

– Собачку завели? – раскудахталась старая ведьма. – Какой красивый кобелек!

– Это не кобелек, – буркнул в ответ Марат. – Ее Белкой зовут.

Шавка по-прежнему отказывалась есть, и усатый забеспокоился: все-таки у него другие планы, собака нужна ему живой.

– Что же ты не жрешь-то? Чем тебя она кормила? – он пригладил свои усы большим и указательным пальцем. Затем отправился в ближайший супермаркет, где купил собачьих консервов, сухого корма «Для взрослых собак всех пород» и копченой колбасы. Вывалил всё это в обугленную кастрюльку, сел на корточки и пододвинул еду к белой собачьей морде с длинными ушами.

– Ешь давай. Ну!

Белка приподнялась, понюхала издалека кастрюлю, затем сделала круг – насколько позволяла длина поводка – и снова улеглась со вздохом.

– Вздыхаешь, значит, зараза? – у Марата потемнели глаза. – Я тут триста пятьдесят рублей отдал – как с куста, а она вздыхает!

Он резко встал и саданул в белый собачий бок ногой в тапочке. Белка взвизгнула – как дельфин в сочинском дельфинарии – и прижалась к тумбочке с грязными ботинками. Усатый плюнул в ее сторону и пошел в зал на кровать. Телевизора у него не было, поэтому он снова включил ноутбук. Почти на автомате его руки привели интернет-обозреватель к страничке Светика ВКонтакте. Он в сотый раз пролистал ее фотографии с бабушкой, а потом – с Белкой. Фоток было немного – не больше тридцати. Затем посмотрел, не появились ли на ее стене новые записи. И тут его глаза блеснули. Он придумал одну клёвую штуку. В ВК он входил под вымышленным аккаунтом «Повелитель Мух». Информацию о себе вообще не указал. Френдов у него не было. Поэтому он смело кликнул на страничке Столяровой кнопку «Написать сообщение» и в открывшемся окошке набрал:

«Приветик, Светик! Белочка ни хрена не жрет! Что же нам делать-то?:))» и нажал «Отправить». Он даже гоготнул и хотел уж закрыть страницу, но буквально через несколько секунд пришел неожиданный ответ: видимо, девчонка сидела ВКонтакте со смартфона.

«Приветик, Маратик! Она привыкла у меня к обычной еде: можно и макароны, можно и гречку. Добавляй собачьи сухарики – и про витаминки не забывай. Ок?».

В глазах у него потемнело от ярости. Он вскочил и заорал на всю квартиру:

– Да за кого ты меня держишь, шалава гребаная!! Да я прям сейчас ее кокну и фотку пришлю тебе! Прямо щас!

Он кинул ноутбук на кровать, метнулся к пластиковому черному сундучку, где у него хранились инструменты и лежала пара заряженных «Адилином» дротиков.

– Я тебе покажу, ты мне еще попишешь тут! – не замечая, он до крови вгрызаясь зубами в узкие, бледные полоски своих губ. Дрожащие короткие пальцы выбросили из сундучка пассатижи, свёрла и схватили один из оранжевых «летающих шприцов». Он в одних носках, без тапочек ринулся к двери из зала, распахнул ее и стал злобными черными глазами сверлить лежавшую Белку. Ее бело-серая голова с длинными ушами покоилась между лап. Старая дворняга спала, глаза под закрытыми веками двигались: видимо, ей что-то снилось.

Усатый мужчина присел на корточки с дротиком в правой руке.

– Открой глазки! – зашептал он и тут же, опомнившись, чертыхнулся и снова вскочил. Белка вздрогнула и приподнялась.

– Благодарю Бога, что у меня шас винтовки под руками нет! – просипел он и захлопнул межкомнатную дверь.

«От гречки она что-то отказывается – третий день уже. И от собачьих консервов...», – надолбил он на клавиатуре ноутбука с такой силой, что едва не выбил кнопки. Затем нажал «Отправить».

«Скучает, наверно. Подожди немного – пусть обвыкнется. Гулять нужно три раза в день. И да, забыла: привязывать ее не надо. Она этого не выносит», – ответ пришел почти сразу же: светлелосая гадина набирала текст со скоростью света. Он прочитал, закрипел зубами и откинул голову на подушку. Несколько раз глубоко вздохнул.

– Ладно, – сказал он пустой комнате. – Мы это перетерпим. Она еще не в курсе, с кем связалась. Я просто пока подумаю, как прислать ей Белочку – по частям или сразу? Без хвоста или без головы? Мы это перетерпим, перетерпим...

Через час он отвязал поводок от дверной ручки и снял с собаки ошейник. Дворняга теперь могла гулять по квартире где ей вздумается.

Глава 11. Игра в «Дай пять»

Про свою собаку Светик сказала кратко: «Она сорвалась с поводка и убежала». Борисова долго молчала, смотрела на девочку, потом попыталась взять за подбородок, чтобы увидеть ее глаза. Но та отодвинулась.

– Теть Наташ, у меня к вам большая просьба: давайте договоримся, что вы меня за подбородок не будете хватать. Хорошо?

Наташа вскинула брови, подняла ладони кверху и произнесла:

– Всё-всё, поняла вас, ваше высочество! Кризис подросткового возраста. Явление изученное и понятное. Ты мне лучше скажи: ты хоть Белку-то пробовала искать?

– С ней всё в порядке. Давайте эту тему... оставим. Ну, пожалуйста! – Светик умоляюще сложила руки.

– Ладно-ладно. Замётано. Но и у меня есть два условия: ты в выходные переезжаешь ко мне. Это первое. И второе – мы сегодня же покупаем тебе нормальную весеннюю куртку. Ваш ответ, принцесса?

Светик закивала. Натаха прижала ее к своей большой груди и даже всплакнула:

– Ты уж не обижай свою приемную мамочку, Светик. У меня ведь тоже, кроме тебя, никогошеньки нету!

Через час они покатили на весеннюю ярмарку одежды – в соседний гипермаркет. Натаха быстро накинула на девчонку куртку веселого желтого оттенка, Света сунула левую руку в рукав и не смогла сдержать стона.

– Это еще что за новости? – нахмурилась Борисова. – Ну-ка, покажь! Как всё в порядке? Давай-давай... Ё-мое! Это чё у тебя с рукой? Упала? Это когда? Пальцами пошевели. Мизинцем не можешь? Та-ак. Поня-атно. Давай-ка куртку бери и – в травмпункт.

Снимок показал перелом двух пальцев, так что из травмпункта Светик вышла в новой куртке и со свежим гипсом.

– Вот как, скажите на милость, можно было двое суток проходить со сломанными пальцами и не сказать никому? А? Горе ты мое луковое! Садись в машину. Сегодня же переедешь ко мне. Без никаких!

Они сели в «Киа» на передние сиденья. Потом обе одновременно повернулись друг к другу. Светловолосая в желтой курточке и с гипсом на руке выглядела очень забавно. Глаза ее светились радостью. Они вместе засмеялись, и Натаха поцеловала Светку в лоб.

– Я говорила, что люблю тебя? Нет? И не дождешься! От меня ласкового слова – как снега зимой – не допросишься. Цыпленок, ты теперь вылитый цыпленок, честно слово!.. ЕГЭ-то твои когда? О Господи, скорей бы. Замучили детей своими дурацкими экзаменами! – и она повернула ключи зажигания.

(24 апреля)

«Так прививку в начале мая лучше делать, что ли? А?».

«Да, там комплексную надо. Я адреса ветклиник сейчас пришло. Это недорого».

«Не надо мне твои адреса. Сам найду!»

(4 мая)

«Витамины какие лучше брать? И какую-то подкормку с кальцием надо. Врач этот, Айболит гребаный, посоветовал. Типа собака старая. Надо, значит».

«Ага. Подкормку – это очень хорошо. А витамины – любые. Я брала ей те, которые «утро-вечер». В зоомагазине спроси – тебе подскажут».

(8 мая)

«Я двух клещей сегодня с нее снял. Шерсть у нее длинная, блин. Надо чё делать?».

«Лучше от клещей капелек купить и такой ошейник есть специальный. А клещей правильно снял – головки не оставил?».

«Не оставил. Учить меня еще будешь. Капелек ей, блин! Я разорюсь с твоей шавкой... Ты с поводка ее спускала когда – она не убегала?».

«Не-а».

(20 мая)

«Чего она по утрам делает? Не пойму я. У тебя было так?».

«В смысле? Не поняла».

«Я просыпаюсь – руку с кровати опускаю, а Белка ее, ну, типа толкает, что ли. Лапой своей».

«(:)».

«Не понял. Что значат эти твои скобки? Тебя это улыбнуло?».

«Это она так в «Дай пять» играет. Она и со мной так делала. Знаешь, что это значит, Маратик? Ты ей нравишься:))!».

«Я тебе вообще-то в отцы гожусь, шалава малолетняя. А ты мне «тыкаешь» тут!».

«Если в «Дай пять» играет – то вы точно с ней подружились! Маратик, пришли мне фоточку с Белкой, а? Я по ней соскучилась!».

«Пошла ты... У меня фотоаппарата нет. А на смартфон – фигня получается».

«Ну, пожалуйста! Одну хотя бы».

«Вечером пришлю».

Она сама ему никогда не писала – только отвечала. Его это устраивало. А про лапу, ну про игру в «Дай пять» – это да. Тут, конечно, ему «немного нутро поскребло», как любил выражаться всё тот же незабвенный дядя-охотник.

Марат как-то проснулся утром и вспомнил, что сегодня ему идти на смену. И тут кто-то приложил к его свесившейся с кровати руке что-то шершавое. Он вздрогнул и отдернул руку. Повернулся

на другой бок и посмотрел на пол. Там на спине лежала Белка; ее передние лапки смешно перегибались пополам, прижимаясь к груди.

– Ты чего это? А, Белка? – хрипло спросил он. Собака замерла и лежала, не смея вздохнуть. Он снова откинул голову на подушку и спустил правую руку – будто нечаянно. Через секунду по ладони прошлись шершавые подушечки лап. Его губы задрожали в улыбке, и он, не глядя на пол, чуть шевельнул ладонью и задел кончиками пальцев Белкины когти. В ответ – снова легкий удар. Так они играли целую минуту. А потом Марат резко повернулся на другой бок, прижался лицом к стене и задрожал всем телом. Белка тихонько приподнялась и ушла к квартирному порогу – от греха подальше. А потом услышала через открытую в зал дверь судорожные всхлипы и свист воздуха, вырывающегося сквозь плотно сжатые зубы.

В этот же день Марат подал заявление об увольнении – больше на базе «Автодорсервиса» он не появлялся.

В конце июня Натаха позвала к себе домой Катьку и Татьяну Федоровну. Светик сдала последний экзамен, так что был повод собраться и отметить.

– Так, дайте Светику попробовать вина! Чуть-чуть! Пусть попробует, теперь можно! – говорила развеселившаяся жительница улицы Тухачевского.

– Но, но! – одергивала ее бывшая учительница математики. – Спаиваете тут мне девчонку. Она, может, только жить начинает.

Светик, улыбаясь, отошла к окну со смартфоном, а потом вскрикнула и прикрыла рот рукой.

– Что такое? – насторожилась Натаха.

– Мне бежать надо... Срочно! – девушка побледнела и пошла к выходу.

– Та-ак. Стоп, машина! Давайте спустим пар, – Борисова встала на ее пути. – Светик, мне эти тайны твои – уже поперек горла. Ты думаешь, я слепая, что ли? А ну говори сейчас же! Ну неужели я не пойму? Неужели я тебе не доказала, что достойна доверия? Ну?

– Там, по пути, – светловолосая едва шевелила губами. – По пути расскажу.

К ним присоединились и две другие гости – ведь они тоже свои. Куда от них денешься?

– Куда ехать-то? – спросила Натаха, когда все четверо устроились в ее автомобиле. Светик назвала адрес.

– Ну, колись, Светик, что случилось? – из Катькиного голоса исчезли все винные нотки.

– Белка умирает...

– Как умир... Где она? Ты же говорила, что она убежала? Ради Бога, Светик, ну не томи!

И светловолосая им рассказала. Уложились в десять минут.

– Ты думаешь, что это он убил Катькиных хвостов?

Света кивнула.

– И в беседке, – тоже его рук дело?

Снова кивок.

– И ты этому извергу рода человеческого отдала Белочку?! Я тебя не понимаю, Света! Просто отказываюсь понимать... – у Катьки покраснели глаза и побелели скулы.

– Вы сами меня уговорили рассказать, а дослушать не хотите...

– Щас направо, – подсказала Татьяна Федоровна, следившая по навигатору.

– Этот человек болен, да. У него душа вывихнулась. Именно поэтому Белка ему нужнее, чем мне.

– Ты же говоришь, что Белка умирает? – спросила Татьяна Федоровна, потому что остальные молчали. – Получается, он ее и замучил?

– Да ну нет, тетя Таня! – от отчаяния Светик расплакалась. – Ну всё не так. Совсем не так!

– А как? Объясни нам – глупым, неразумным бабам! – Натаха развела руками и опять схватилась за руль.

– Он ухаживал за ней, мы с ним переписывались несколько месяцев. Она умирает сама по себе – от болезни.

– Переписывались? Несколько месяцев? Час от часу не легче! – Натаха вытерла пот со лба. – А сейчас-то мы куда едем? Скажите на милость, ваше высочество?!

– К нему. С Белкой попрощаться, – Светик отвернулась к окну.

– Ага... – Борисова остановилась на светофоре. – Понятно, что ничего не понятно. Ты мне только одно скажи, милая. И я успокоюсь, клятвенно обещаю! Ты у него на квартире хоть раз была?

– Никогда.

– Вот и слава Богу! – выдохнула Натаха. – А со мной тебе ничего не страшно. Я ему такую белку покажу – пулей вылетит из дверей!

– Тё-отя Наташа...

– Чего тетя Наташа? Тебе про беседку с собачьей головой напомнить?

Они замолчали. Через пять минут въехали во двор трехэтажного дома.

– Я не пойду с вами! – отрезала Катька, как только они остановились. – Я если эту усатую морду увижу, то глаза ему выцарапаю. Точно говорю. Сами идите. Договоримся так: я вам через 10 минут отзваниваюсь. Если не отвечаете – полицию вызываю. Поняли?

Борисова сочла это предложение разумным.

– Номер квартиры-то он написал? – спросила Татьяна Федоровна. Девушка кивнула, и они поднялись на третий этаж второго подъезда. Дверь им открыл худой человек с черной острой бородкой. Света не сразу его узнала, так как Марат, отрастив бороду, сбрил усы.

– А-а, всех привела? – он открыл обшарпанную дверь пошире. – Ну, что ж, заходите. Белка там. Разуваться не надо.

Гости вошли в небольшой коридорчик. Света первая побежала к собаке. Она лежала на единственной кровати в зале, глаза ее были закрыты, дыхание едва ощущалось.

– К ветеринару возили? – быстро и строго спросила Борисова хозяина квартиры.

– Возил, – Марат сел на стул и посмотрел на нее уставшими красными глазами. – Не один раз. В разные клиники. У нее рак – там уж от кишечника ничего не осталось. Бесполезно...

Татьяна Федоровна присела на край кровати, Наташа отошла к окну. Все взрослые смотрели на девочку, положившую голову собаки себе на колени. Слышны были всхлипывания Светика, редкие вздохи Белки и капание воды из крана на кухне. Запах в комнате стоял тяжелый и нехороший – так пахнут холостяцкие квартиры, хозяева которых убираются нечасто и целыми днями не выходят на улицу. Директор «Домсервиса» молча открыла форточку нараспашку.

– Можно вас на пару слов – на кухню? – спросила Марата дама в темно-красной куртке. Он кивнул. Они вышли, и хозяин затворил за собой межкомнатную дверь.

– Я тут долго с вами якшаться не собираюсь! – с места в карьер прыгнула Наташа. – Вы ответьте мне: зачем девочку сюда позвали? Чтобы на жалость надавить, что ли?

- Марат молчал и смотрел в окно.
- Отвечать-то будем или как?
- Наталья... Или, как вы любите, чтобы вас называли? Натаха?
- Для вас – Наталья Федоровна.
- Хорошо, Наталья Федоровна. Я Свету позвал, чтобы она попрощалась с Белкой. Потому что эта собака для нее много значит.
- И давно вас беспокоить стало, что для нее это много значит?
- Марат помолчал.
- Я, Наталья Федоровна, ругаться и спорить сейчас не буду. Мне некогда. Если у вас всё – пойдите к Белочке. Ей несколько минут осталось.
- А потом что, Марат? Что вы собираетесь делать дальше?
- Мужчина пожал плечами:
- Это хороший вопрос. Раньше я знал на него ответ. Теперь – нет. Я знаю, что я изменился – из-за Белки. Вот это для меня важно. А на всё остальное мне наплевать.
- Я в курсе, что вам наплевать... – начала Борисова, но Марат уже пошел в зал. Натаха нахмурилась и поплелась за ним. В единственной комнате «гостинки» было тихо. Белка уже не дышала. Бывшая учительница смотрела на мертвую собаку, Светик стояла у окна с потухшими, заплаканными глазами.
- Мы тут, наверное, уже не нужны? – через некоторое время произнесла директор «Домсервиса» будничным тоном. – Поехали, Светик.
- Девушка отрицательно замотала головой.
- Марат, – обратилась она к хозяину квартиры. – Ты что собираешься с Белкой делать?
- Тот сел на стул, опустил голову вниз и ничего не ответил.
- Тогда поехали! – решительно сказала светловолосая.
- Куда это? – забеспокоилась ее опекунша.
- В Горелый лес. Белку надо похоронить – всем вместе. Так будет лучше всего. Я это точно знаю, я это чувствую!
- Бородатый мужчина повернул к ней голову и спросил:
- А что там – в Горелом лесу?
- Так вы не знаете, что ли? – ответила за девушку Татьяна Федоровна. – Там уж лет десять хоронят. Неофициально, конечно. Городское кладбище домашних животных. Любопытное место, кстати.
- Натаха и здесь всё взяла в свои руки – вероятно, по привычке. В полузаброшенной квартире Марата на балконе нашлась коробка

из-под телевизора. Потом обнаружили старое байковое одеяло. Серо-белый труп обернули в него, а потом упаковали в коробку.

– Лопата у вас есть? Нет? Ладно, значит, поедем через мою контору – там захватим. Все готовы?

Глава 12. Кладбище домашних животных

Катька отказалась ехать с Маратом. По правде сказать, в Натахином «Киа» и без нее места было маловато.

– А тут еще коробка с Белкой. Не, не поеду, хороните без меня... И не верьте этому недочеловеку. Он вас еще обманет, вот попомните мои слова! – шепнула она Борисовой, и после такого дружеского напутствия они вернулись в «Домсервис», где раздобыли лопату с коротким черенком.

Светик и ее опекунша ехали на передних сиденьях, Татьяна Федоровна и Марат с коробкой на коленях – сзади. Почти всю дорогу пассажиры молчали, и Натаху эта тишина тяготила. Она включила музыку – легкую инструменталку – но уютнее от нее не стало.

– А там что – прямо с надгробиями, ну, я имею в виду, как у людей могилы? Или просто закапывают – и всё? – вдруг спросил Марат Татьяну Федоровну.

– Да по-разному! – пожала плечами бывшая учительница. – Я, честно говоря, там сама была-то раза три всего. Мы с мужем похоронили там нашего котика – Снежка. Он жил у нас 12 лет, очень к нему привязались – особенно Саша, мой муж. Вот он ездил – часто, почти каждый месяц. На родительские могилки заглянет, а потом – к Снежку заруливал. Там и обычное, человеческое, кладбище недалеко – километра четыре всего. Соорудил нашему Снежку и оградку, и памятник с фотографией. Ну я вам покажу – если дойдем до нее. А как Саша умер, так я больше там и не появлялась. Больно уж мне грустно становится, когда я вижу все эти могилы.

На этом беседа прервалась, и далее все снова молчали – до самого Горелого леса. Натаха поставила «Киа» рядом с самодельным указателем – дощечкой, врытой в землю. На прикрученной картонке черным маркером было написано «Кладбище животных» и нарисована стрелка вправо. Буквы выцвели и едва просматривались. Марат

вытащил коробку, Светик взяла в руки лопату с коротким черенком. Татьяна Федоровна пошла вперед, показывая дорогу.

– Через час стемнеет, так что давайте поторопимся: неохота возиться здесь с фонариками, – сказала Натаха и, пикнув сигнализацией, пошла за остальными.

Светик знала об этом кладбище лишь по фоткам в соцсетях; в реальности всё оказалось иначе. Когда между деревьев и зарослей кустарника начали попадаться то тут, то там яркие пятна надгробий, они с Маратом остановились. Бывшая учительница, не заметив этого, пошла вперед. Борисова отстала от группы шагов на пятьдесят, так что Светик и бородатый оказались на несколько секунд вдвоем.

– Ты это слышишь? – спросил он девочку шепотом. – Или мне только кажется?

– Да, – тут же отозвалась она. – Слышу.

И тут на них сзади налетела запыхавшаяся Натаха.

– Ну, чего: присмотрели местечко? Где будем копать?

В Горелом лесу располагалось около трехсот могил. Или, как потом подсчитал новый Хозяин кладбища, 287 надгробий и еще 94 никак не обозначенных «холмиков». Надгробные памятники попадались самые разные – крестики из наспех сколоченных досок, валуны с прикрученными фотографиями, классические трапеции из металла. Роль оградок выполняли пластиковые декоративные заборчики, остатки кафельной плитки, воткнутые уголком в землю, просто деревяшки, уложенные прямоугольником.

– Ну, это, по-моему, чересчур, – покачала головой Натаха, увидев православный крестик с косою перекладиной внизу. На нем была прикреплена фотография бульдога с датами рождения и смерти. Татьяна Федоровна в ответ лишь пожала плечами.

– Ну как: выбрали место? – повторила вопрос леди в красном.

– Там! – тут же отозвался Марат и пошел с коробкой в руках куда-то вправо. Борисова старалась идти так, чтобы почаще оказываться между бородатым и светловолосой. Она, как и Катька, не испытывала никакого доверия к этому убийце животных. Правда, она успела заметить, что в лесу Марат как-то переменялся. Его лицо утратило угрюмость, черты разгладились. Он напоминал человека, который наконец-то нашел то, что искал. По большому счету, Натахе было наплевать, что чувствует бородатый, но ей сильно не нравилось, что похожая радость и даже торжественность отражается и на лице ее приемной дочери.

– Вот тут! – провозгласил тот, кто нес умершую Белку. Он выбрал место между двух сосен – немного в стороне от остальных надгробий. Создатели надгробных памятников как будто опасались, что умершим питомцам будет скучно в одиночестве, и постарались расположить могилки рядами – вероятно, по образу и подобию человеческого кладбища.

Марат взял из рук Светика инструмент и принялся за дело. Женщины отошли за сосны, чтобы не мешать работе.

– Ты действительно веришь в то, что он изменился? – вдруг тихо спросила Наталья, склонившись над ухом светловолосой.

– Нет, – Светик в задумчивости почесала подбородок. – Он не изменился, но он меняется. Точнее даже не так...

Девушка рассеянно посмотрела по сторонам на проступающие сквозь траву и листья цветные пятна пластиковых оградок и деревянных крестиков.

– Я же говорила, что Белка просто помогла ему выправить какой-то вывих в душе. Детскую травму. Я видела его детство...

– Видела детство? – Натаха нахмурилась. – Ладно, в общем-то, мне все равно. Мне главное, чтобы ты от него держалась подальше. Вот похороним Белочку – и баста! Пусть идет своей дорогой. Лишь бы наших собак-кошек больше не трогал. И переписываться с ним нечего. Окей?

Светик неопределенно пожала плечами и сделала шаг в сторону, чтобы посмотреть, как у Марата продвигается дело.

– Нет-нет, – Натаха взяла ее за плечо и снова притянула к себе. – Пообещай мне! Он – страшный человек. И процентов на 100 – законченный псих. Так что...

– Хорошо, – кивнула девочка. – Обещаю.

Борисова подозрительно ощупала глазами лицо собеседницы и облегченно выдохнула. Она не ожидала такого быстрого согласия и решила отложить выяснение всех подробностей на потом.

Минут через тридцать в мягкой летней земле Горелого леса появилась квадратная яма больше метра глубиной. Она легко поглотила старую коробку из-под телевизора. А потом между соснами остался лишь холмик.

Вечерело. Темнота выползла сначала откуда-то из-под корней и травы, а затем начала быстро опутывать деревья.

– Ну всё – поехали! – объявила Натаха.

– Да, вы езжайте, – кивнул бородатый мужчина.

– А вы как же? Остаетесь? – спросила Борисова и не смогла скрыть нотки облегчения в голосе.

– Да, я здесь побуду. Сам доберусь – не беспокойтесь.

Татьяна Федоровна пошла первой, Борисова потянула девушку за собой.

– Света, можно тебя буквально на пару слов? – спросил Марат, отдавая руководительнице «Домсервиса» лопату, которую он заботливо вытер об траву.

– На три минуты, не больше! Мы торопимся, – ответила за Светика ее опекунша. – Я буду в двадцати метрах – совсем рядом.

Когда они остались вдвоем, Марат посмотрел на свежий холмик и прислонился спиной к сосне.

– Света, я плохой человек. Я это знаю. Будь я хорошим – я бы у тебя сейчас извинения попросил и за Белку, и за то, что толкнул тогда. И... Но я – другой. Ты знаешь, ты же видела... Лучше скажи: они всегда будут тут... общаться со мной? Ты же слышишь? Так?

– Я не знаю... Марат, я сама тут в первый раз, – Светик закрыла глаза и прислушалась. – Но мне кажется, что ты им понравился.

– Как Белке?

– Да, как Белке.

Они помолчали. Марат тоже прикрыл глаза и прижал обе ладони к бугристой коре сосны.

– Еще вопрос – и можешь уходить. Как ты думаешь: они простят меня? Когда-нибудь? Как ты думаешь?

Светловолосая посмотрела на черный холмик Белки и убрала чёлку с глаз.

– Маратик, ты у них сам и спроси. Если уж ты здесь – почему им этот вопрос не задать?

– Да, да, – он закивал и улыбнулся. – Я теперь часто сюда приходить буду. И спрашивать. Ты права.

Светик махнула ему рукой и пошла по тропинке. Он не смотрел ей вслед, а снова закрыл глаза. В ушах его звучали множество тихих голосов, и ему предстояло в них разобраться. Выслушать каждого и – рассказать свою историю в ответ.

Эпилог

«...ский курьер» от 14 сентября 2016 года:

«Городские власти наконец-то обратили внимание на проблему, о которой мы не раз уже писали. Напомним, в Горелом лесу – парковой зоне и месте отдыха многих горожан – за последние годы появилось целое кладбище домашних животных. Лет десять назад кто-то похоронил там свою кошку или собаку и воткнул доску с фотографией. А как известно, дурной пример заразителен. Люди стали приезжать и хоронить там своих питомцев – естественно, абсолютно неофициально и незаконно. В результате значительная часть леса превратилась в скопище разномастных надгробий – крестов и оградок.

– В этом году из муниципального бюджета были выделены деньги для приведения территории лесопарка в порядок. Мы не просто благоустроим эту территорию, но будем ее развивать. В частности, на месте незаконных захоронений животных планируется организовать зону для проведения детской спортивно-патриотической игры «Зарница», – сообщил нашему корреспонденту глава Заречного района Виталий Долганов.

По его словам, строительство игровой зоны позволит избежать появления на этом месте новых захоронений...».

Лунная ночь – хорошее время для беседы и неспешной работы. Он намечил новое место давно – еще недели три назад. За оврагом не было тропок, так как попасть туда было сложно: пришлось бы перейти вброд широкий ручей. Именно там, подальше от людей, он решил обустроить новый дом для своих собеседников. За пять ночей удалось перенести почти половину надгробий. Такая скорость его вполне устраивала. И другие тоже были довольны.

Чаще всего он их просто слышал, но совсем недавно он стал и кое-что видеть. Как-то Марат сидел под соснами всю ночь. Голоса успокаивали его, просветляли, переносили на его любимое место – туда, где трава-паутинка колышется от ветра, а на горизонте сияет полукруглый радужный мост. Он открыл глаза и боковым зрением уловил что-то темное на своем плече. Тяжести он не чувствовал, но уколы от коготков ощущал. В следующий раз темное пятно, похожее на кляксу, приняло более четкие очертания. И он услышал

знакомый каркающий голос. С тех пор Карлик не оставлял его и постоянно сопровождал в прогулках по лесу.

Помогал он и сейчас – когда Марат выкапывал и переносил через ручей надгробия и останки похороненных – каждого в особом светло-зеленом мешочке.

Иногда чернобородый мужчина спрашивал ворона прямо: сможет ли он когда-нибудь простить своего отравителя? Карлик на этот вопрос не отвечал или делал вид, что не слышит. И лишь однажды – уже ближе к зиме – черная птица наклонилась к его уху и сказала:

– Ты просил нас открыть глазки. И мы их распахнули для тебя. Разве этого мало, Марат? Разве мало?

И мужчина согласно кивал и улыбался. Да, именно этого он и просил. И ждал всю жизнь. И сила, которая раньше текла через его темечко в солнечное сплетение и ниже, ниже, – теперь устремлялась вверх. Туда – к верхушкам сосен, к черному небу, звездам и полукруглому мосту. Он видел, как тысячи четвероногих, лохматых и пернатых бежали и летели к этому сверкающему всеми цветами радуги переходу. И Марат знал, что когда-нибудь и он посмотрит с его золотистых перил на реку, через которую тот перекинут.

По крайней мере, Карлик обещал ему, что именно так всё и будет.

Обыкновенный спрайт

рассказ

Глава 1

Честно говоря, чувствовал я себя полным идиотом. Мало того что лишился законного выходного, так еще и этот – как его там... Аська «Павлоидом» его называет.

– Ты, – говорит, – для начала расслабься, Серж, иначе ничего не получится!

Тоже мне психолог местного разлива. «Расслабься, Серж». Ага, как же... Если бы всё так просто было, я бы здесь не оказался – на низкой табуретке в дурацкой квартире.

– Спина прямая, локти на коленях лежать не должны. Руки ходят свободно, смотри, вот как у меня, – Павлоид показал мне свои пухлые ладони. – Отлично. Глаза лучше закрыть. Угу. Так. Теперь потри руки друг о друга, чтобы тепло пошло. Глаза закрыты. Та-ак. Разведи немного ладони и почувствуй между ними связь – пока едва заметную... Теплую такую связь – кругляш энергии.

Я театрально зевнул, но подчинился. Деваться-то некуда: сам сюда заявился. Пусть и по Аськиной наводке, но своими же ногами притопал, никто меня за шиворот не тащил.

– Та-ак. Теперь полностью сосредоточься на своем теле. Именно телом, понимаешь, всем телом, а не головой говори про себя: «Да. Да. Да. Да...». Чувствуешь? Твои ладони начинают либо сдвигаться, либо раздвигаться. Так?

Я поёрзал на табуретке и подавил еще один зевок. Голос Павлоида оставался спокойным.

– Теперь так же про себя – не внутренним голосом, который так достает тебя в твоей же голове, а телом, всем телом медленно говори: «Нет. Нет. Нет...». Ладони пошли в другую сторону. Если раньше они сдвигались, сейчас раздвигаются. «Нет. Нет. Нет. Нет». Ну? Ощущаешь?..

Сердце мое трепыхнулось, поднявшись куда-то к горлу, и я...

– Ася? – позвал я и привстал с табуретки. – Мо-, мо-, может, лучше кофию? Не, правда, ребята, – ну его к лешему. Давайте лучше кофе попьем, и почалю-ка я домой. Дел по-, по-, полно.

Ася тут же прибежала, показала два своих передних кроличьих зуба-лопатки, и через минуту электрический чайник зашумел, будто прохудившийся надувной матрас.

– Он не хочет, – Павлоид пил чай, накручивал на указательный палец кончик своих черных гусарских усов и не смотрел в мою сторону. Его глаза – невидимые щупальца с присосками – скользили по голым плечам хозяйки квартиры. Ася в очередной раз сменила цвет волос (в нашу последнюю встречу я ее застал еще жгучей брюнеткой) и была одета в какое-то свертоткрытое вечернее платье. Я слегка ненавидел их обоих – крашеную блондинку за ее зубастую улыбку, за то, что она посоветовала припереться сюда, а Павлоида – за его учительское спокойствие, усы и за всё остальное.

Я, кстати, был влюблен в Асю на третьем курсе универа, но теперь уже, слава Богу, всё прошло, завяли помидоры. Маленькая родинка на ее шее мне уже была абсолютно параллельна. А тут еще эта рука и заиканье, будь оно не ладно...

– Он совсем не хочет – поэтому я помочь не в силах, – повторил доморощенный психолог и оставил наконец-то свой ус в покое.

– Серж просто стесняется. Я его знаю как облупленного. Стесняешься ведь, Зайчик? – снова из-за тонких губ проявляются ее кроличьи зубы. Я морщусь в ответ.

– Не-, не-, не... стесняюсь, – выдавливаю я и краснею. «Зайчик!»). Чёрт, как же я ее ненавижу. Это прозвище в универе дала мне ее подружка – Дашка Родина. Меня так никто давно уж не называет, а тут – на тебе. При Павлоиде. Блин.

– Серж, если что, я могу вообще укатить часа на три. А вы тут, мальчики, оттянетесь по полной. Голову даю на отсечение: Павлик поможет. Он и не с такими проблемами справлялся. У него, знаешь, какой опыт: не получилось с руками, холотропку можно попробовать.

– Нет, Ась. Я по-, по-, пойду. Дел много.

Я отставил кружку в сторону и поднялся. Новоявленная блондинка пожалала голыми плечами и подпёрла худенькой рукой подбородок.

– Как знаешь, Серж, как знаешь. Чем богаты, как говорится. Если ты сам не захочешь – тут уж извини, никто не поможет.

Я кивнул, пожал на прощание пухлую ладонь усатого и направился к выходу. Ася вышла меня провожать.

– Ты пойми, Зайчик, дальше только хуже будет. Я какой-никакой, а психолог. И знаю тебя тыщу лет. У меня не просто второе высшее – я этому семь лет жизни отдала. Павлоид – гений, понимаешь? Гений. К нему в Москве за полгода вперёд записываются, он у самого Грофа стажировался. А ты... Как маленький, ей-богу. Смешным боишься показаться? Перед кем? А?

Я поджал губы и старался не смотреть ей в глаза. Затем накинул куртку и вышел за порог. Дверь закрылась, потом снова распахнулась.

– Серж! Он еще тут неделю будет тусоваться. Понял? Передумаешь – звони.

– С-, с-, с-, спасибо, – она закрыла дверь, так и не дождавшись, когда я закончу говорить.

Не-на-ви-жу.

Шторы задернуты, свет выключен. Спать, как назло, не хочется, и я всё думаю-думаю-думаю. Господи, ну за что мне всё это? Неужели других нет? Вдобавок к заиканию еще и правая кисть начала неметь. Ни с того ни с сего. Таскался по больницам, исследовали всего вдоль и поперек. А результат – ноль.

«Наверное, это у вас от компьютера, от мышки: сейчас этим все поголовно страдают. Синдром карпального канала. Упражнения нужны, таблеточки, мазь выпишем», – больше я от врачихи ничего не добился. Полазил в инете, перепробовал различные рекомендации – ни фига не помогает. Хоть работу меняй, честно слово, – чтоб от компа подальше. На форумах это многие советуют.

Да, действительно, отличная рекомендация для веб-дизайнера! И куда мне податься? В таксисты? Я не хочу ничего менять: меня всё устраивает. Я даже не представляю, как это работать где-то в офисе, на заводе, в магазине или где-то там еще. Не, ребята, увольте. Только удалёнка и только в комфортных условиях собственной квартиры.

«Серж, ну как дела?» – «Н-, н-, н-, нормально!» – стоило мне лишь вообразить эту ситуацию, и горло тут же сводила судорога. Нет, правда, вы издеваетесь? Какая, блин, смена работы? Разве что дворником: мороз и солнце, свежий воздух, молчи себе и мети. Красота! Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сбылось.

Рука – это полбеда. В последнее время меня достала бессонница. Верстаешь, доводишь до ума какой-нибудь сайт, полночи не спишь. Всё, чувствуешь: баста! Пора закругляться: глаза уже слезятся, кисть немеет, шея болит. Доползёшь до дивана, вытянешь конечности – и никакого сна. Пялишься в темноту, дрянь всякая в голову лезет. Вспоминаешь, вспоминаешь...

Особенно тот – самый первый – случай из головы не идет. Я теперь уже даже и не знаю: сам ли всё помню или напридумывал себе это – на основе маминых рассказов. Наверно, и то, и другое одновременно.

Короче, мне было тогда месяцев восемь. Жили мы на девятом этаже в новостройке в Ярцево – это такой городок в Смоленской области. Мама туда убежала от своего первого мужа – моего отца. Взяла меня под мышку, оставила ему записку: «Не ищи, мол, не верь, не бойся, не проси!». Я ее понимаю: отец частенько употреблял и бил ее. Так что удрать в Ярцево – это хороший вариант. Лучший из возможных.

Так вот. Пока она меня собирала на улицу, я уснул. Лифт в новостройке не работал. Мать меня спускала в коляске одна: помочь было некому. Когда она уже добралась до четвертого этажа, вспомнила, что забыла кошелек. Может, хлеба с молоком хотела купить, кто ее знает.

«Я второпях решила: ты пока полежишь здесь, а я сбегаю обратно домой. Уснул ты глубоко, ничего с тобой за пять минут не произойдет», – вспоминала она, в сотый раз пересказывая мне эту историю.

Пока мама поднималась наверх, пока открывала дверь, пока искала сумку с кошельком – прошло минут десять.

«И тут у меня сердце ёкнуло. Вот так беспокойно на душе стало, что просто жуть. Я бросила сумку и выбежала на лестничную клетку, даже не закрыв дверь. И слышу: какой-то... какое-то шуршание. Что-то внизу происходит. Я бросилась по ступенькам и сразу стала кричать – прямо на бегу».

Вот этот крик, вероятно, и спас мне жизнь. Услышав ее голос, кто-то внизу затопал ногами по лестнице и убежал – еще до того, как мать успела спуститься на четвертый этаж. Подъездная дверь хлопнула – и всё. Никого. Тишина.

Я по-прежнему лежал в коляске. Вот только подушечка – с цветной наволочкой, на которой были нарисованы фиолетовые рыбки, –

закрывала мое лицо. И щеки у меня тоже были с фиолетовым оттенком. Мать, цепенея от ужаса, схватила меня на руки, и я заплакал.

Всё это я знаю с ее слов. Но в моей памяти осталось и еще кое-что – то, чего она не могла рассказать. Где-то там, в подсознании, я всё еще вижу смутную серебристо-серую горбатую фигуру, от которой медленно тянется в мою сторону нечто невообразимое – какая-то странная рука, похожая на сучковатую палку. А потом – море. Бесконечное море с фиолетовыми рыбками, которые убаюкивают меня медленными движениями плавников. Они плавают туда-сюда, туда-сюда.

В год и два месяца я начал произносить первые слова. Запинаясь, много раз повторяя одни и те же звуки и слоги. Мать и отчим думали, что это пройдет, что я подрасту и буду говорить, как все. Но нет. «Туда-сюда» никуда не ушло. Оно осталось со мной на всю жизнь...

У бессонницы есть одна надоедливая особенность: она заставляет возвращаться к тому, о чём совсем-совсем не хочется думать. Вновь и вновь. И ты утужишь эту мысль, эту идею или воспоминание до тех пор, пока совсем не станет тошно. И тогда рука тянется к смартфону, а там Инет, поисковик, соцсети – и сон улетучивается окончательно.

Вот и сегодня я лежал и думал о ладонях, между которыми – теплый кругляш энергии. «Да. Да. Да... Нет. Нет. Нет». Как ни крути, но что-то я и впрямь почувствовал: руки действительно расходились и сходились.

«Ну и что? Что с того? Гений, блин. Таких Павлоидов – пол-России. Их цель – либо бабла содрать, либо самомнение свое раздуть», – эта мысль вдохновляла, но не слишком. Аська уверяла меня, что у московского знаменитого гостя на личном счету – несколько исцелившихся от заиканья. Она так мне и сказала – исцелившихся. Я в ответ лишь улыбнулся. Если бы она знала, к скольким гениям и медицинским светилам мы ездили с матерью! Она меня даже к деревенским бабкам-шарлатанкам таскала, пока еще могла нормально ходить и в состоянии ездить. Всё без толку.

«Сереженька, заикались многие знаменитые люди – и Моисей, и Вергилий, и даже оратор Демосфен. Это не мешало им жить: смо-

три, как многого они добились!» – этой присказкой она меня утешала с детсадовского возраста.

Когда она мне так говорила, я всегда думал про себя: «Да, им, может, не мешало. Но мне, мне, ёкарный бабай, еще как мешает! Почему я? Почему я заикаюсь – ни Мишка с соседнего двора, ни Марат с моего класса, а я, я?!».

Друзья у меня были, общения хватало. Но даже у лучших из них порой искажалось лицо от нетерпения: «Ну когда же ты наконец-то произнесёшь это долбанное слово?!». А я не мог. Хоть ты тресни. Особенно меня доставали сонорные и шипящие. Получалась полная х-, х-, ху... Ну, в общем, вы поняли.

У Аськи, кстати, была глупая привычка звонить рано утром. Ждешь-ждешь сна, будто манны небесной, за окном уж светать начинается, и вот – слава те, Господи, забылся вроде. И тут – сотовый над головой вибрировать начинает.

– М-м...

– Зайчик, разбудила, да? Ну, извини. Тут срочно. Слушай: я Павлоиду еще пару клиентов нарыла. Сегодня в восемнадцать нуль-нуль сессию по холотропке делать будем. Да, в моих пенатах. Придешь? Павлик говорит, что, когда несколько человек, – лучше получается. Да и ты расслабиться сможешь: не на тебе одном общее внимание сосредоточится. Ну как? Окей?

– Я подумаю, Ась.

Она обозвала меня трусом и серым зайцем. И сказала, что, если я не приду, удалит меня из друзей во всех соцсетях. Я промолчал, а потом долго слушал тишину, когда она положила трубку. И почему я позволяю ей так помыкать собой?

Глава 2.

Вокруг серая мгла. Жидкий туман окружает меня со всех сторон, заползает в глаза, рот, уши, забирается в каждую пору. Прямо перед лицом проплывают несколько забавных фиолетовых рыбок; я слежу за ними, пока их блестящие хвосты не растворяются во тьме. А затем боковым зрением замечаю какое-то движение. Сердце замирает и мгновенно превращается в кусок льда.

Серая горбатая фигура маячит сначала где-то справа, потом – за спиной. Я верчу головой, но всё равно не успеваю заметить, в ка-

кой момент рядом с моим лицом оказывается длинная, скрюченная рука. Я пытаюсь закричать, но тонкие пальцы накрывают мой рот, губы прилипают друг к другу, воздуха не хватает. Мое тело изгибается дугой, голова бьется обо что-то твердое, и – мгла уходит, туман рвется на мелкие куски, которые медленно поднимаются вверх.

– Ну и напугал же ты нас, Серж! – новый цвет волос Аси усиливал бледность ее щек. – Хорошо хоть ты не первый «дышать» начал, а то накрылась бы наша сессия медным тазом. Даже Павлик с таким не сталкивался еще. Правда ведь?

Столичный гуру хмурился и смотрел в окно. На него оттуда пялился желтый глаз уличного фонаря. Я лежал на Асиной кровати, чувствуя себя как человек, на которого упал грузовик. Голова раскалывалась; правая кисть совсем онемела, будто я неделю сидел на собственной руке.

– Что? С-, с-, совсем фигово было? – спросил я, с трудом разлепив губы.

– Не то с-, с-, слово! – смеясь, передразнила меня бывшая однокурница; я что-то не помнил случая, когда она издевалась над моим заиканием. – Ты минуты три подышал, а потом давай головой о коврик биться. Руки выгнул назад. Слюни, сопли! Ужас, одним словом...

Усатый поморщился и чуть махнул в ее сторону пухлой ладошкой. Аська тут же заткнулась. Я поднял брови от удивления и перевернулся на бок: судя по боли в пояснице, валялся я на кровати уже порядочно. «Как она его слушается! Точно собачонка...»

– Серж... М-м. Ты совсем очухался? К беседе готов? – гуру достал сигарету и подвинул поближе пепельницу. («Она еще и курить ему в собственной спальне позволяет! Боги, боги мои!»). Я нехотя кивнул. – Поведай нам, что видел. Любопытно же!

– Это обязательно?

– Без вариантов! – встряла Аська и снова смирилась под строгим взглядом своего столичного кумира.

Я с пятое на десятое пересказал свое холотропное видение. И добавил, что под страхом смертной казни больше не стану гипервентилировать свои бедные лёгкие и мозг.

– Да это самый обыкновенный *спрайт*. Бояться его не надо. Но и доверять особо не стоит, – Павлоид выпустил дым тонкой струйкой в сторону дешевой картины, висевшей над кроватью. Аська стена ВКонтакте была забита обработанными в фотошопе картинками с заснеженными горами и одинокими монастырями. Вот и в спальне висело нечто подобное.

– Ну, если обыкновенный с-, с-, спрайт, то – конечно, – я скривился от боли в пояснице и уселся поудобнее, прислонившись спиной к стене. – Сразу стало всё понятней. Ничего особенного, блин.

– Спрайт? Это термин так называемых дримхакеров, помешанных на Кастанеде, осознанных сновидениях и иже с ними. Не слышал про них, что ли? Но да ладно, это и не важно. Суть в том, что тебе обязательно надо снова пережить встречу с этим серебристо-горбатым типом, но уже без страха перед ним. Может, тебе даже поговорить с ним удастся.

– Н-, н-, ну уж нет. Дудки, – я замотал головой. – В ваши дурацкие фокусы с холотропным дыханием я больше не играю. Это вам тут х-, х-, хорошо рассуждать, а я там должен в одиночку рыбок фиолетовых разглядывать. Увольте.

– Ну почему же в одиночку, – он снова принялся накручивать на палец свой гусарский ус. – Я, пожалуй, сплаваю туда вместе с тобой.

Я уставился на него, как на привидение. Потом посмотрел на его напарницу, у которой вновь проявились зубы-лопатки.

– Ась, он про что вообще?

– Да про сновидения совместные! Серж, не стыди меня, тундра провинциальная: не говори только, что ты этим не баловался в студенческие годы... – тут она демонстративно хлопнула себя по лбу. – Так ведь ты же не психолог! У тебя всего одно высшее образование. Говорила мне мама: никогда не спорь с непсихологами.

Павлоид снова нахмурился и пригрозил ей пухлым пальчиком.

– Настя, ну причем тут психология... В общем, Серж, приходи сюда завтра вечером. Посмотрим еще раз на твоего спрайта. А? Согласен? – он затушил окурочок о край прозрачной пепельницы.

(«Настя?!! Это он так Аську, что ль, обозвал?»). Я закрыл глаза и кивнул. Пусть делают, что хотят. Мне уже всё равно: кажется, кисть другой руки тоже стала деревенеть.

Вообще, с бессонницей можно жить. Она похожа на зуб, от которого вдруг отломился кусочек. Сначала непривычно и неприятно: к острому краю язык так и тянется. Думаешь: «Ну всё: послезавтра – к стоматологу!». А потом как-то свыкаешься, забываешь и живёшь себе дальше. Не смертельно – и ладно.

Есть правда одно отличие: сломанный зуб не толкает к мыслям о самоубийстве. А вот бессонница – поди ж ты...

Впрочем, это я отвлекся.

Мысли вертелись вокруг завтрашной сессии. Павлоид, понятное, фрик и фантазёр: напридумал каких-то спрайтов... Я, между прочим, ни слова ему не сказал про тот случай в Ярцево – про подушку с фиолетовыми рыбками. Ася, конечно, кое-что слышала об этом от моей матушки, но так – с пятое на десятое. Она уж успела забыть про всё это, наверное.

Тем более не могла Ася знать о моей второй встрече с горбатым типом – по той простой причине, что я никому, даже родной матери, об этом не рассказывал...

Помню, был конец марта. Во дворе – ужасная грязь, лавки мокрые, из друзей-подруг вышла только Светка толстая. Мне шел седьмой год, в сентябре мать обещала отдать меня в первый класс. Со Светкой я водился мало, поэтому когда ее отец – любитель покурить на балконе – позвал девчонку обедать, я даже не огорчился.

И вот в этот момент полного безлюдья, серости и скуки к подъезду подъехал автомобиль. Машин тогда было не так много, поэтому появление во дворе черной «Волги» произвело на меня почти магическое воздействие. Водительская дверь распахнулась прямо перед моим носом, и я увидел старика в старомодном зеленоватом пиджаке с рыжими заплатками на локтях. Эти его рыжие локти почему-то показались мне ужасно смешными; я улыбнулся, глядя в его бесцветные, рыбы глаза.

– Ну что, сынок, прокатишься со мной? – голос у него мягкий, почти женский.

Я помолчал для приличия, а затем кивнул.

– Иди с той стороны – садись на переднее сиденье, рядом со мной, как взрослый!

Я влез в авто, захлопнул за собой дверь. Он подождал, пока я пристегнусь. Затем мы медленно тронулись вперед. Двор поплыл

за стеклом, а потом исчез за поворотом. Тут только я заметил, как странно мой водитель держит руль: его руки бугрились, локти перемещались вперед-назад, снаружи-вовнутрь, точно изгибы ползущих змей.

Мне стало страшно, но кричать и вообще двигаться не хотелось.

– Мы с тобой покатаемся, сынок, немного покатаемся. А потом я привезу тебя обратно к подъезду, – он не говорил, а как-то приговаривал, будто рассказывал добрую сказку или пел колыбельную. – Никто не узнает, правда? Никто ничего и не заметит.

Грязные городские улицы текли за окном; светофоры сливались с голыми деревьями, окна домов переходили в разноцветные стены гаражей. Веки начали тяжелеть, и я уснул. А когда проснулся, мы уже снова катили по знакомому двору.

– Ну вот ты и дома, – произнес старик с рыжими локтями. – Видишь: ничего дурного не случилось. Вылезай и беги домой. Мама ведь ничего не узнает о нашем маленьком путешествии? Так?

Тут он быстро протянул свою бугристую руку к моему лицу и прикоснулся к губам худыми холодными пальцами. А потом рука открыла пассажирскую дверь и чуть подтолкнула меня к выходу.

Я сел на лавку возле подъезда и стал рассматривать свои резиновые сапожки фиолетового цвета. И не заметил, как уехала черная «Волга».

Уже на следующий день мне всё это показалось сном. Я с трудом вспоминал, как выглядел водитель, и даже под пытками не мог бы сказать, куда именно мы с ним ездили. О случае с подушкой мать мне впервые рассказала в старших классах. Лишь тогда я смог соотнести эти две встречи. Кажется, тот, кто пытался задушить меня в коляске, и старик-водитель – один и тот же человек. Или, как там назвал его Павлоид? Спрайт. Обыкновенный спрайт.

Глава 3.

На этот раз море волновалось. Мое тело вздрагивало, отзываясь на шторм, который, вероятно, разыгрался наверху. Серый цвет окружающей мглы сменился на грязно-синий, почти черный. Блестящие хвосты фиолетовых рыб я видел издали: они не приближались ко мне.

Я вертел головой, стараясь увидеть побольше. Дна не было, я колыхался на одном месте, точно космонавт в невесомости. Но там

внизу что-то светилось – что-то огромное, светлое и теплое. Мне хотелось туда, но я не знал, как заставить себя спуститься.

Скользящего ко мне человека я заметил случайно. Его длинные волосы не успевали за остальным телом, поэтому сначала мне показалось, что на его голове – какая-то причудливая шляпа или корона. Мужчина был одет в черный обтягивающий костюм, похожий на те, что носят актеры пантомимы. Он заговорил со мной, не открывая рта. Я с трудом узнал в волосатом госте Павлоида.

– Ну, горбатый типчик еще не появлялся?

Я непонимающе посмотрел на него.

– Так ты еще не осознал, что ли, Серж? Да, сложновато с тобой... Это холотропка, наше с тобой совместное видение.

Я расширил глаза, и тут же горло перехватила судорога; спина выгнулась, как у испуганной кошки.

– Эй, эй, спокойнее, спокойнее! Если ты с этим не справишься, тебя выбросит назад в реальность. И тогда снова – лыко-мочало, начинай сначала... Посмотри на свои руки. Нет, лучше на мои! – он согнул локти и раздвинул ладони, поставив их параллельно друг другу. – Кругляш энергии, помнишь?

Я заметил, что руки у него худые, с длинными пальцами, и это окончательно убедило меня в том, что мы спим, точнее – переживаем холотропное видение.

– Ну вот, отлично. Теперь уже лучше. Пойми, это видение – твое. Ты в нем – полный хозяин. Это означает, что тебе нечего бояться, всё пойдет так, как ты захочешь. Главное – не потерять осознанность. В этом и заключается главная цель любого спрайта – заставить тебя поверить, что переживаемое реально. Тогда ты потеряешь контроль, и он сделает с тобой то, что ему нужно. Понял?

Я кивнул. Мы висели друг напротив друга. Рыбы фиолетовые тельца приблизились. Пульсирующий свет снизу усилился.

– Что теперь? Просто ждать этого старика?

– Нет! – человек в костюме мима улыбнулся. – Нужно его заставить появиться. Иначе мы вообще его не дождемся.

– Хорошо. Надо так надо. Как же его... вызвать? – я снова стал вертеть головой по сторонам.

– Это тебе лучше знать. Твое видение – твои правила, – Павлоид скрестил руки на груди и едва заметным движением ног отдалился от меня на несколько метров.

Я тут же почувствовал раздражение: почему нельзя прямо сказать, что мне нужно сделать?

«Та-ак... В прошлый раз я увидел его боковым зрением. Значит, надо смотреть не прямо, а как бы исподтишка».

Чуть помогая руками, я заставил медленно вращаться свое тело. Фиолетовые рыбы подплыли еще ближе, окружив Павлоида, который парил с полузакрытыми глазами и молчал. Именно плотное кольцо рыб и не позволило нам вовремя заметить горбатую серебристую фигуру.

Когда я понял, что среди фиолетовых плавников появилось еще что-то, было слишком поздно. Бугристые бесконечные руки прошили насквозь рыбью стену и быстро обхватили черное тело моего спутника. Затем – какое-то резкое, едва уловимое движение, и вот уже на месте мима – две половинки. Тело Павлоида, словно разбитая пополам костяшка от домино, разъехалось в разные стороны. Красная, неправдоподобно яркая кровь, будто чудовищная клякса, расплзлась в окружающей мгле. Мой крик заполнил всё пространство вокруг. Фиолетовые рыбы брызнули от нас, как стая испуганных воробьев. А затем я непроизвольно выгнулся, и голова ударилась обо что-то твердое.

– Да... такое бывает... Такое бывает!.. – Павлоид сидел на своем тренировочном мате как раз напротив меня. Ася стояла рядом с ним на коленях; я еще никогда не видел ее такой встревоженной.

– Что с-, с-, случилось? – я тоже приподнялся со своего коврика, на котором обычно валялся во время холотропной сессии.

– Что-то пошло не так! – отозвалась хозяйка квартиры. – Ты кричал так, будто тебя резали. А Павлик... Павлик, что с тобой? Тебя скрутило не по-детски.

Усатый вдруг дёрнулся вбок, и его вырвало чем-то желтым на пол. Аська с удивлением несколько секунд смотрела на него, а затем побежала за ведром и тряпкой.

Через полчаса мы сидели на кухне и пили чай. Точнее, чай пил я. Ася и Павлик курили и изредка бросали фразами друг в друга.

– Да, это что-то необычное. Я с таким еще не сталкивался... – психолог затушил окурки у края пепельницы и тут же раскурил еще одну тонкую сигарету. – Обычные спайты так себя не ведут.

– Как так? – спросила Ася.

– Ну с такой властью. Он напал на меня... М-м... Напал по-хозяйски, как власть имеющий. Тут что-то не так. Серж, ты пояснишь, в чем дело? Не может быть, чтобы ты ничего не знал об этом... существе.

Я помялся, а затем, заикаясь больше обычного, подробно описал им свои встречи с «обыкновенным спрайтом». Павлоид слушал меня с напряженным вниманием; бывшая однокурсница встала со стула и, открыв форточку, ловила воздух ртом, будто рыба на берегу.

Когда я закончил, она обернулась к нам и спросила:

– И кто это такой? Что это за... старик? Эти руки бугристые. Брр... Зайчик, может, ты всё выдумал? Ну, в смысле: привиделось тебе, показалось?

– Да какая разница, Насть?.. – Павлоид едва сдерживал раздражение. – Уж ты-то должна понимать, что реальность – понятие относительное. Важно не то, в реальности Серж катался на «Волге» или нет. Значение имеет лишь то, как он к этому относится.

– Ну и как ты к этому относишься, Зайчик? – тон у Аськи был самый издевательский. Когда она хотела, у нее отлично получалось играть стерву.

– Я... Я... Я не знаю! С-, с-, сказать по правде – мне страшно, – выдавил я.

– Ну хотя бы честно ответил – уже хорошо, – она взглянула на столичного кумира. – А ты, Павлик, что скажешь?

– Что? – психолог посмотрел на Асю сквозь полуприкрытые веки, и мне на секунду почудилось, что у него из-за плеча высунулась кисть с худыми серыми пальцами.

– Каков твой вердикт, диагноз? Что это за старик?

– Настя, нужно подумать. Ну что ты от меня хочешь? Чтобы я произнес какой-нибудь термин – архетип, спрайт? Или назвал номер перинатальной матрицы – по Станиславу Грофу? Надо подождать и подумать. В этот свой приезд я с Сержем больше работать не буду. Отложим это.

– Хорошо-хорошо, отложим так отложим! – Аська вдруг засуетилась, захлопнула форточку и сделала мне знак бровями: мол, пора мне.

Я пожал руку ее напарнику и пошел одеваться. «Не сердись, Павлик! Ну что ты, правда? Ну?..» – Ася сказала ему что-то еще, я не расслышал. Я не стал ее ждать и вышел в подвезд.

С усатым гуру по психологии я больше никогда не встречался.

О том, что Павлоид пытался покончить с собой, я узнал, когда был у Аси. Всё случилось как-то само собой. Клянусь, никто этого не планировал и не хотел. Я не про случившееся с Павликом, а о нас с Асей.

Я пришел к ней вечером недели через три после того, как психолог уехал. Просто позвонил ей, спросил, можно ли к ней забежать на пять минут.

– Да валяй, Серж, приезжай. Я сегодня одна.

Я купил вина, конфет. Мы с ней сидели сначала на кухне, потом в спальне. Много смеялись, болтали. Зачем-то зажгли ароматические свечи. Потом она включила на ноутбуке какой-то медляк и сказала, что хочет танцевать. Я встал и с церемониями пригласил ее.

Затем мы долго целовались – без всяких ожиданий. Просто потому, что было такое настроение. Кто же знал, что дело дойдет до этого...

Заснуть я не мог; она тоже не спала. Я знал, что она худая; но без одежды она походила на заморенную от голода синичку.

– У тебя же рёбра можно пересчитать – по одному. А еще – ты холодная, как ледышка.

– Тогда прижми меня посильней и согрей!

Я так и сделал.

– Знаешь, зачем я повесила эту картину на стену? – спросила она меня через некоторое время. Я думал, что она давно заснула.

– Заснеженные горы?

– Да.

– Зачем?

– Вот у тебя бывает в глазах такие... я не знаю даже как сказать. Точки? Точнее – полупрозрачные змейки или червячки? Их начинаешь видеть, когда глаза устанут. Или когда немного скосишь их к переносице.

Я подумал и ответил, что да, бывает. Но я как-то не обращал на них внимания.

– Многие не обращают. Но на самом деле это интересная штука, – она оживилась и, сев на кровати, закуталась в простынь. – Я наблюдаю за ними давно: знаешь, они иногда собираются вместе, движутся по каким-то своим траекториям. Мне даже кажется, что среди этих червячков есть главные и второстепенные, какая-то иерархия. Может, я просто фантазирую?

– А картина тут при чем?

– Я таким образом их провоцирую. У меня ведь часто бессонница бывает. Тогда я включаю ночник – и долго-долго смотрю на эту гору, снег. Потом закрываю глаза, отвожу взгляд, медленно открываю веки – и их, этих полупрозрачных змеек, выползает целая куча. Круто, правда?

Я рассмеялся в ответ, а она кинула в меня подушкой. Я хотел сказать, что очень ее люблю, что с третьего курса мечтал только о ней, что...

Но тут завибрировал сотовый. Ася быстро схватила трубку и с минуту слушала чей-то голос. Лицо ее побелело, уголки губ опустились. Я уселся на край кровати и смотрел на нее. Когда разговор закончился, она швырнула сотовый на пол и закрыла глаза руками.

– Это мне наказание! Как я могла?! Зачем ты припёрся?! Ну зачем?! – она плакала.

– Что? Что с-, с-, случилось? Ася? А? – мое такое близкое счастье вдруг лопнуло, как пузырь, ушло вверх рваными клочками серого тумана.

– Павлик... Он напился каких-то таблеток. Сейчас в больнице. Ты понимаешь, что я его люблю? Что я жить без него не могу? Понимаешь?! Уходи, прошу тебя! Я сегодня же полечу в Москву.

Она выводила меня из спальни. Я одевался уже в зале. Слышал, как она звонит в аэропорт. Ближайший рейс был только утром. Затем я позвал ее, и мы попрощались. Она не глядела на меня и хотела одного – чтобы я побыстрее ушел. Я это чувствовал всем телом.

Через три дня я сумел дозвониться до нее. Узнал, что Павлика уже выписали – острое отравление, промывание желудка, ничего особенного. Она сказала мне, что остается жить в Москве и что через месяц они распишутся. Еще сказала, чтобы я больше не звонил ей – потому, что ей тяжело думать обо мне.

Примерно через полгода мне на сотовый позвонил кто-то с незнакомого номера. Было около двенадцати ночи; я лежал в полной темноте на своем диване и медленно растирал онемевшие кисти.

В последнее время я полюбил темноту, потому что при выключенном свете легче было следить за полупрозрачными змейками.

Мне казалось, что, наблюдая за ними, я общаюсь с той, которая рассказала мне об их существовании.

– Серж? Это Павел... – сказал мужской голос, когда я взял трубку. – Я говорить долго не буду. Просто хочу спросить: как у тебя дела? Ну с этим... Я про старика, про руки эти длинные.

Я ответил, что стараюсь о нём не думать.

– Ты знаешь, Серж, я тогда тебе не говорил, потому что слишком устал или раздражен был. Не люблю проигрывать – поэтому, наверно. Короче, там, в совместном видении, ну когда меня твой спайт порвал как тузик грелку, – мы с тобой беседовали, помнишь? Так вот: ты тогда не заикался, Серж. Подумай об этом! Я должен был тебе сказать. Это действительно важно, понял?

Я сказал, что понял. Хотел спросить его об Асе, но он нажал отмену вызова.

«Не люблю проигрывать... Блин. Поэтому-то он и позвонил. Не помочь мне хотел, а выиграть в очередной раз...».

Я снова откинулся на подушку и закрыл глаза. Подумал об Асе, и мне до дрожи в коленях захотелось что-нибудь разбить. Расколотить вдребезги, в крошево, в кровь.

Я сел, опустил ноги на пол и потёр ладони. Затем чуть развёл их и произнёс: «Да. Да. Да...». А потом: «Нет. Нет. Нет». Руки сдвигались и раздвигались. Сдвигались и раздвигались. Теплый кругляш энергии становился всё ощутимее и ощутимее. Я играл с ним, перекатывал его из ладони в ладонь, подбрасывал вверх и улыбался.

Потом встал, подошел к зеркалу, в котором отражался желтый глаз уличного фонаря.

– Старый хрен!.. Ты слышишь меня? – сказал я вслух своему отражению. – Знаю, что слышишь. Ты ни черта больше со мной не сделаешь! Я сам найду тебя и возьму за шиворот. И буду трясти долго-долго, пока ты не скажешь мне всю правду. Я тебя больше не боюсь. Совсем. Понял?!

Что-то в самом дальнем углу темной комнаты ухнуло, обои на мгновение вспучились, и всё затихло. Я не отрывал глаз от зеркала – мне там было видно всё.

Павлоид оказался абсолютно прав: когда я там, я не заикаюсь. И там нет места онемевшим ладоням. Осталось научиться жить по тем правилам здесь, по эту сторону зеркала...

Ася, я обожаю заснеженные горы, я тебе говорил об этом?..

Из записной книжки

Хотелось бы тихо писать нечто такое, к чему душа лежала бы каждый день. И писать из-за любви.

Нужна настоящая записная книжка, куда я бы не боялся заносить мысли, которые не боялся бы думать.

Научиться уважать себя и свой мир, научиться уважать других и другие миры. Собственное изменение (реальное и искреннее) ведёт к изменению всего остального мира.

Человек совпадает сам с собой каждое утро, в основном, потому, что такое совпадение – один из самых легких путей. Вообще, человек формируется, судя по всему, по пути наименьшего сопротивления.

Благодаря медитации понял, что внутри меня – море, вода, в которой обитают существа странные, похожие на рыб; эта вода представляет собой хаос бесконечный; странная неопределенность форм. Возвращение в реальность (не только из медитации, но и из сновидения) тем хорошо, что она – реальность – не столь бесформенна, не столь хаотична.

Только для чужого и не причастного к делу оно совершается якобы вдруг. Тот, кто причастен, знает, что это не так. Каждое дело, событие есть процесс, имеющий свою, – пусть крохотную, – историю: начало, кульминацию и конец.

Это означает, что нельзя совершить ничего великого без ежедневного подвига веры в себя, в свое предназначение к совершаемому. Истинная причастность к чему-либо есть любовь-любование им; видение Создателя в созданном. Если этого нет, значит нет и настоящей причастности.

Творчество делает человека внимательнее к реальности, которая ежемоментно окружает его.

Любое произведение создает не только свою трактовку или особую картину мира, но и свой уникальный и неповторимый мир, –

не просто возможный в воображении, но уже во время своего создания оплотненный до самостоятельной и полноценной реальности.

То же – в отношении каждого отдельного человека. Нет никакой объективной действительности, но есть множество уникальных вселенных для каждого из нас. Эйнштейны и Дарвины не предлагают новую, более объективную теорию, объясняющую реальность. Теории, меняющие наше представление и понимание мира, предлагают считать один возможный мир (совокупность взглядов на реальность) доминирующим по отношению к его альтернативам. С этим соглашается некоторая группа людей, объявляющая данный возможный мир «объективным». Теории часто меняются, и с ними – и это важно – меняется и объясняемая нами Вселенная.

Не мы подстраиваем наши возможные миры (взгляды на мир) под какую-то единую «объективную» Вселенную, и не она адаптируется под наши теории. Само бытие уникального существа, воспринимающего окружающую действительность, несомненно предполагает и существование уникального возможного мира именно для него. Меняется осознающий – вместе с ним трансформируется и возможный мир, который осознается, воспринимается и оценивается, – и только в этом осознании, восприятии и оценке он и возможен (существует). Одно предполагает другое, границы между субъектом и объектом – иллюзия: мы всматриваемся в самих себя, мы уходим от Бога, приходя к нему; теряя – находим; забывая – вспоминаем и т.д.

Самая большая опасность для творчества – ощущение того, что всё уже сказано, обо всём уже проговорено и пропето. Уверенность в этом – верный шаг в сторону удушения таланта.

Если бы люди – хотя бы иногда, пусть даже через несколько поколений – полностью повторяли бы друг друга, были бы абсолютно идентичны друг другу, то как поменялось бы отношение людей к жизни, смерти, другому человеку?

Если через некоторое время возникнет еще один абсолютно такой же, как я, то *где* я? Кто я? Зачем я?

Если приход, появление нового человека будет зависеть от ухода предыдущего «я», то насколько обесценится жизнь и как страшно принизится смерть, ее понимание – а с нею вместе потеряет свою соль и жизнь, и философия, и наука, и искусство, и религия.

Если мы признаём уникальность каждого человека, то мы должны признать и уникальность каждого живого существа. Последнее ведет к признанию неповторимости любого неживого предмета – в том числе и искусственно созданного путем промышленного производства. Это означает, что каждый автомобиль, компьютер, ложка, флешка, сапог – это уникальное создание, образованное из только ему предоставленного сгустка атомов и Божественной энергии. И, исчезнув, данный предмет или существо никогда уже не повторяется вновь. У каждого – своя уникальная судьба, свои неповторимые взаимоотношения с миром (ср. сказки Андерсена об иголке и т.п.).

В действительности всё возвращается на круги своя, но каждый раз то, что вернулось – немного иное, и круг – также иной.

Вся эта картина остается единой только по одной причине: всё существующее живой любящей связью непосредственно связано со своим Создателем – из него приходит и в него уходит. И в этом – удивительное сопряжение повторимого и неповторимого, смерти и возрождения, живого и неживого.

Каждый медитирует по-своему.

Человеку, как воздух, необходимо преодолевать и подниматься над собой ежедневно – иначе духовный паралич, иначе оскудение внутреннего мира и души.

Повторы одному и тому же человеку одних и тех же историй – совершенно естественны для повседневного общения. Часто именно из этого складывается жизнь семейная и дружеское времяпрепровождение. Новое всегда соседствует в таком общении со старым, с повторами, с воспроизведением одних и тех же (с различными видоизменениями) текстов. Это означает, что повседневное общение складывается не просто из темы и ремы, старого и нового, но из неповторимых повторов, из стабильной неустойчивости, из индивидуальных вариантов старого и сообщения нового; последнее также часто инкрустировано старым, варьирующимся раз от раза.

Любопытно, что каждая беседа – уникальна; при этом она вся – сплошь индивидуальный вариант уже бывшего прежде (Екклесиаст).

Вариант – это не повтор; вариант – это уникальное сочетание бывшего с небывшим, нового и старого, стабильного и нестабильного. На какие бы обобщенные уровни мы ни восходили и на ка-

кие бы атомарные уровни ни опускались – мы все равно никогда не увидим абсолютно тождественных событий или рассказов об этих событиях.

Мысленный экран каждого человека вариативен, рождает индивидуальные образы при осмыслении одного и того же вербального сигнала.

Именно мелкие, едва заметные движения души, – те самые неувидимые и в то же время привычные, банальные детали и мотивы поведения – при настрое Божиим – создают в итоге великое, неувядаемое, истинное.

По-настоящему гениальное творение рождается из едва заметной песчинки, крохи, на которую вдруг обратилось внимание, – и всё, всё, что готовилось до этого момента, вся та огромная работа души, как у княжны Марьи, – всё это проявляется, мгновенно складывается в прекрасную картину, – и то, что было несобираемо, собирается, то, что не просветляло, – просветляет.

Это означает, что «детальками» души пренебрегать нельзя, их всегда нужно *отдавать*.

Чудеса не просто возможны – они необходимы. Реальность чудесна насквозь, полностью, когда понимаешь, в каком необыкновенном счастье мы живем, дышим, мы – светящиеся, необыкновенные, чудесные существа – причем каждый из нас. Мы – бесконечны и невероятны. Если любим, любая точка Вселенной доступна нам и принимает нас, если мы любим – мы и есть свет; смерти как таковой нет, она отсутствует.

Детство важно для любого человека возможностью обратиться к воспоминаниям о нем как к резервуару чистой, лучистой энергии, ни к чему не обязывающей, свободной от каких-то особых социальных масок и оценок.

Само написание в состоянии транса – это удивительно. И дело в не в том, что при прочитке в трезвом уме, многое покажется ерундой, не поймется, нельзя будет определить, что послужило причиной просветления, а в том, что именно в трансовом состоянии можно свободно отелеснивать (воплощать) мысль, не ограничен-

ную законами языка – ибо язык как граница, письменность – как замедляющий мысль способ фиксации – вдруг исчезает, границы пропадают и остается только истинное, искреннее, чистое, святое.

С другой стороны, можно в итоге зацепиться за это состояние, за энергию, не поняв, что она есть следствие, средство, но никак не то, что действительно меняет и изменяет вселенную и самого человека.

Творческую личность можно сравнить с неравновесной физико-химической системой: для существенного изменения таких систем достаточно небольшого по силе, незначимого фактора. Именно этим объясняется обостренная чувствительность гениев (ну, взять того же Н. Теслу, воспринимавшего тикание часов как удары молотом): они готовы измениться от небольших потрясений. Нетворческие люди приучили себя к чувственному отупению, достигли излишне равновесного состояния, из которого их можно вывести только катастрофами.

Творчество как умение вызвать серию мини-катастроф – и не подчиниться им, а использовать в качестве трамплина.

В жизни обязательно нужна музыкальная тема, некая музыкальность каждого дня. Пробуждаясь, ежедневно настраиваешь себя. И этот момент – настрой на жизнь сегодня – весьма важен. Человек согласовывает струны своей души с гармонией Вселенной. Эта гармония носит очень конкретное название – любовь к Богу.

Человек не просто ежеутренне настраивает себя, – он каждый день творит себя. И энергия этого сотворения – любовь. Иного не дано.

Заведенный круг жизни – может, есть самая большая моя иллюзия. Всё меняется в мгновение ока. Стабильность – иллюзия. Стабильность только тогда стабильна, когда не является самоцелью.

Не она цель. О, искренние, восхитительные детали, оживотворяющие, одухотворяющие плоть воображения!

Именно они, помноженные на искреннюю любовь, заинтересованность, создают истинное вдохновение.

Мы совершенно не ценим те восхитительные, милые мелочи той насыщенной детальности, которая окружает нас. Ведь многие,

многие варианты уже прожиты, а те, которые не прожиты, – продуманы и прописаны. Варианты судеб, отношений, столкновений, позиций, точек зрения, ситуаций, совокупности событий.

Однако вся прелесть – в конкретике, в бесконечно малых величинах, в милых сердцу подробностях. Первая любовь, к примеру, – неудавшаяся? Казалось бы, – что? Что необычного?

Всё типично. Ан нет: всё индивидуально. Бесконечно любимые подробности лица любимой; конкретные руки, дома, магазины, люди, отношения, дороги, город, село – всё это и составляет конкретное содержание общего сюжета. И это надо обязательно понимать и любить в созданном.

Без этого нет и не может быть искренней боли за созданное. Без любви к тем, кого описываешь, о ком рассказываешь, – получается пустое ведро, а не жизнь. Нет и не может быть хорошего учебного без того, чтобы он не был бы при этом и хорошим человеком. Иначе – это не ученый, а пустая консервная банка, ведро, медь звенящая.

У ребенка память выхватывает и оставляет совсем не то, что можно было бы выхватить и оставить, следуя взрослой логике.

Например, статуэтка деревянного орла – в избе бабушки.

Именно такие опорные площадки (столбики), на которых растянута ткань человеческой души – не прагматичные, не имеющие большого функционального значения вещи – и остаются в памяти ребенка, и из них-то впоследствии и черпается энергия оптимизма для преодоления любых трудных жизненных ситуаций.

Музыкальная тема – тема железной дороги. Этих перемещающихся, перебегающих от окна к окну домов, заборов, кирпичей, перебирающих ветками (без ветра!) деревьев, перегибающихся и заглядывающих прямо в окно, прямо в душу, в нутро. В Москве (Самом Большом Городе) другое – там переплетение проводов-змей, струящихся по стенам.

Нельзя подносить к самому лицу читателя свою философию и тыкать ею, – она должна быть там – маячить где-то за деревьями, едва выглядывать из травы, поднимать голову, как лоскут белой

тряпки на робком деревке – знак того, что отдаешь себя на милость победителя.

Талант писателя заставляет пережить в воображении несуществующее так ярко, что происходит открытие в реальность воображаемого.

Пожить в фуфайке Фуфаева. Обрести Садовку. Должна быть скрытая сила, противостоящая Перемаделе.

После переезда прежний многоквартирный дом напоминает брошенную собаку или забытое людьми село.

Супермаркет и магазины, несмотря на их одинаковость, в действительности отличаются: свой, в который регулярно ходишь, ближе к телу, роднее.

Красный глаз светофора на фоне весеннего голубого неба становится не таким страшным.

Забудь о постороннем взгляде, помни о мирах, которые никогда не появятся без тебя.

Потустороннему нельзя задавать вопросы, оно не любит вопросительных знаков... Оно вообще не любит пунктуации

Для тех, кто любит слушать

Большинство текстов этого сборника озвучены: рассказы и повести читают **Олег Булдаков**, **Павел Половов** и **Григорий Андрианов**.

Аудиоверсии произведений можно найти на различных веб-сайтах – к примеру, здесь:

– <https://akniga.org/author/Сафронов%20Евгений>

– <https://knigavuhe.org/author/evgenijj-safronov>

– <https://ulgorod-folk.wixsite.com/nuvitarn73/audioknigi>

СОДЕРЖАНИЕ

«Потустороннему нельзя задавать вопросы...» (вместо предисловия)_____	3
Город У._____	5
Помаево – село, которого нет_____	89
Коммунальный юродивый_____	124
Елочка с особинками_____	137
Знахари. Детские законы_____	140
Прежнее место_____	211
Перемадела_____	217
Попрыгун_____	276
Борька_____	286
Проститутка и Карасик_____	290
Догхантер. Радужный мост_____	295
Обыкновенный спрайт_____	387
Из записной книжки_____	403

Литературно-художественное издание

Евгений Валериевич Сафронов

Город У.
Повести и рассказы

ISBN 978-5-9690-0701-1

Издательство «Фэн» (Казань), 2020

Верстка и корректура - Е.В. Нувитов

При оформлении обложки использовались фотографии реки Симбирки, опубликованные на сайте <https://ru.wikipedia.org>, а также фото с веб-ресурса <https://f.vividscreen.info>

ISBN 978-5-9690-0701-7

Подписано в печать 28.07.2020. Формат 60 x 84 ¹/₁₆.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 23,9.
Тираж 150 экз. Заказ 28.07/20-1.

Издательство «Фэн» Академии наук РТ.
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

